Б47 2/133
т. I.

Б472/133

АКАДЕМИЯ РККА ИМ. М.В.ФРУНЗЕ

А. СВЕЧИН

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА им. М. В. ФРУНЗЕ

8474/183

А. СВЕЧИН

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО № 18080.
Тираж 4200. Главлит № 63999.
Типо-Лит. Военной Академии
РККА им. М. В. Фрунзе.
Москва, Зубовская ул. д. 14.
Тел. 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

ОТ АВТОРА 7

ВВЕДЕНИЕ

История военного искусства и военная история. Возникновение и развитие истории военного искусства. Программа 1-го тома. Литература 11

Глава I. Греческая фаланга. Александр Македонский.

Феодализм исключает возможность сомкнутых строев. Фаланга. Победа рядового бойца в строю над квалифицированным нерегулярным бойцом. Фланги и их прикрытие конницей и легковооруженными. Переход от милиции к наемным войскам. Военное искусство профессионалов: обучение, маневрирование, тактика Эпаминонда, осадное искусство. Ксенофонт и Сократ. Греческая дисциплина. Македония. Македонская фаланга. Конница. Эллинистический империализм. Обеспечение общей базы. Численность армий. Персы и парфяне. Стратегия Александра Македонского. Его тактика. Управление в бою. Диадохи и перипатетики. Литература 23

Глава II. Римская милиция. Борьба Рима с Ганнибалом.

Рим. Легион. Деление по возрастам. Манипулы. Вооружение. Командный состав. Римская дисциплина. Значение Второй Пунической войны. Карфагенская армия. План Ганнибала. Стратегия Фабия Кунктатора. Канны. Линейная тактика Сципиона Африканского. Сражение при Заме. Литература 49

Глава III. Юлий Цезарь. Расцвет и разложение армии императорского Рима.

Капиталистический Рим. Численность армии. Комплектование. Внутренний порядок. Техника и снабжение армии. Причины незаконченности завоевания Германии. Вегеций. Начальный момент гражданской войны. Сражение под Фарсалом. Государственные перевороты. Переход на натуральное хозяйство. Германизация войск 70

Стран.

Глава IV. Средневековье.

Родовой быт германцев. Вооружение и тактика. Исчезновение линейной пехоты. Военная организация франков. Вассалитет и ленная система. Исчезновение призыва масс. Снаряжение в поход. Социальные и тактические предпосылки рыцарства. Копье. Средневековая дисциплина. Рыцарские ордена. Тактика. Стратегия. Города. Препятствия росту силы городских милиций. Военная мощь феодализма. Сражение при Бувине 86

Глава V. Возрождение пехоты.

Рост денежного обращения. Наемничество в Англии. Завоевание Уэльса. Лучники. Сражение при Кресси. Спешивание рыцарей. Восстание фламандских городов. Сражения при Куртрэ и при Розебеке. Гуссистские войны. Тактика Яна Жижки. Швейцарцы. Моргартен. Швейцарские города. Характер армии. Тактика. Бургундская война. Литература. 114

Глава VI. Военное искусство Востока.

Восток и Запад. Ислам. Магометанское рыцарство. Тактика. Монголы. Техника, организация, стратегия, тактика монголов. Поход Тамерлана на Золотую Орду. Турки. Янычары 140

Глава VII. Наемные армии.

Бессилие феодальных ополчений. Кондотьеры. Демобилизация. Ротная война. Ордонансовые роты. Сломанные копья. Вольные стрелки. Ландскнехты. Испанская пехота. Караколе. Сражение при Равенне. Стратегия ограниченных целей. Литература. 154

Глава VIII. Военное искусство реформации.

Эпоха географических открытий. Испанская школа. Реформация и армии нового строя. Рейтары. Мориц Оранский; дисциплина, комсостав, тактика. Густав Адольф; тактическая реформа, стратегия, сражение при Брейтенфельде. Гражданская война в Англии. Оливер Кромвель, новая армия; сражение при Нассби 176

Глава IX. Развитие постоянных армий.

Меркантилизм и постоянные армии. Борьба с частной антрепризой. Лувуа. Интенданты. Милиция. Строевое обучение. Тыл. Магазинная пятипереходная система. Казармы. Артиллерия. Фортификация. Ручное огнестрельное оружие. Обмундирование. Ремонтирование. Офицерский корпус. Тюренн. Оборона Эльзаса в 1674 г. Евгений Савойский. Сражение при Гохштедте. Кампания 1706 г. в Италии. Литература. 201

Стран.

Глава X. Фридрих Великий.

Пруссия. Рост постоянной армии. Комплектование. Кантон-регламент. Дезертирство. Палочная дисциплина. Генеральный штаб. Тактика пехоты. Кавалерия. Гусары. Артиллерия. Стратегия. Росбах. Лейтен. Кунерсдорф. Беренхорст. Литература 243

Глава XI. Судьбы военного искусства в России.

Киевская Русь. Татарские уроки. Поместная система. Столкновение с наемными войсками Запада. Комсостав. Необходимость реформы. Постоянная армия Петра Великого. Заимствования с Запада. Стратегическая конница. Полтавская кампания. Командный состав русской армии XVIII века. Потемкин. Сражение на реке Треббии. Литература. 270

Глава XII. Французская революция.

Военное строительство революции. Экономическое развитие Франции. Французская армия старого режима. Классовая борьба в офицерском корпусе. Дисциплина. Милиция. Линейный порядок и колонна. Переход армии на сторону революции. Вальми. Воинская повинность. Комитет Общественного Спасения и высший комсостав. Амальгама. Военная промышленность. Новый офицер и солдат. Рассыпной строй и колонна. Артиллерия. Напряженность боя. Дивизии. Снабжение. Бюлов. Литература. 300

Глава XIII. Наполеон.

Комплектование. Дезертирство. Дисциплина. Условия управления. Характер стратегии Наполеона. Тактика. Политика и стратегия. Жомини. Кампания 1796 г. в Италии. Кампания 1800 г. Ульмская операция. Сражение под Аустерлицем. Иенская операция. Пятидневная операция под Регенсбургом. Сражение под Ваграмом. Поход 1812 года. Борьба за массы. Березинская операция. Литература 329

Синтетическая таблица устройства армий в древние, средние и новые века.

О Т А В Т О Р А.

Настоящий труд представляет существенную переработку нашей „Истории Военного Искусства“. Требования изучения стратегии заставили дать очерк нескольких новых кампаний, подчеркивающих различные стратегические идеи. Особенно крупные изменения в этом отношении будут иметь место во втором томе нашего труда, посвященном новейшей эволюции военного искусства. Мы намечаем не ограничивать нашего исследования рубежом войны 1870 года, а довести его до наших дней, включив в него хотя бы первоначальный абрис изучения мировой и гражданской войн с точки зрения истории военного искусства.

Предшествовавшая наша работа не затрагивала вопросов об истории военного искусства в России, так как исходила из предположения, что параллельно будет вестись особая работа. В настоящем труде мы попытались пополнить этот недостаток и уделили, правда, небольшое количество страниц для оценки, с точки зрения всемирной истории, эволюции русского военного искусства. Эта тема заставила нас несколько остановиться и на монгольском военном искусстве Чингиз-хана и Тамерлана.

Клаузевиц, вследствие слабого развития в его эпоху исторической науки, предостерегал от экскурсий в далекое прошлое и привлекал внимание исключительно к войнам нового времени: „чем далее мы будем уходить в прошлое, тем военная история будет становиться более бедной и более тощей; затруднения в использовании ее поучений будут расти. Наиболее тощей и неприменимой должна быть история античных народов“ [1]).

Это совершенно устарелый взгляд для нашего времени, когда историческое знание стало более достоверным и дает гораздо более ценное освещение событиям прошлого. Оружие истории усовершенствовалось и требует более

---

[1]) Vom Kriege, т. I, стр. 164.

внимательного к себе отношения. История античных народов дает нам ныне очень ценные указания. Далекая перспектива, в которой мы изучаем развитие военного искусства классических Греции и Рима, позволяет нам особенно четко выделить основные линии эволюции. Мы можем указать на выдающегося военного мыслителя конца XIX века, Верди-дю-Вернуа, талантливого и верного ученика Клаузевица, творца прикладного метода, который в своих трудах по стратегии часто и охотно обращался к войнам самого отдаленного прошлого для анализа важнейших положений стратегии. Мы полагаем, что если все генеральные штабы оказались плохо подготовленными к размаху событий мировой войны, то это в значительной степени объясняется тем, что они замкнули свое мышление на исследовании войн Мольтке—узких национальных поединков на пятачке центральной Европы. А современные войны представляют мировой пожар, захватывающий многие континенты и выдвигающий военные интересы на далеких, часто заморских театрах.

Мы полагаем, что современные условия требуют расширения нашего знакомства с войнами различных эпох, с походами Александра Македонского, Ганнибала, с тем искусством, которое выказал Цезарь в преодолении трудностей гражданской войны, с азиатскими и американскими войнами; Европа, после мировой войны, решительно перестает быть центром мироздания. Субъективно, мы были готовы в нашем новом труде еще более расширить и углубить исследование военного искусства в древние века, развить главу о византийском военном искусстве, от которого русские кое-что заимствовали, дать очерк крестовых походов—так как громкие лозунги последних и присущий им характер интервенции будут характерны и для будущих войн. Но, объективно, нам пришлось от этого отказаться, так как знакомство с классическим и средневековым миром не составляет сильной стороны той аудитории, к которой мы обращаемся. Мышление современного поколения начинается с великого промышленного переворота XVIII века в Англии, великой французской революции. Дальнейшая историческая перспектива рисуется очень туманно. На серьезный контакт с читательской массой автор может рассчитывать лишь при изложении эволюции двух последних столетий.

Поэтому, перед нами явилась задача—сколь возможно сократить изложение той части нашего труда, которая освещает военное искусство классиков и средневековья. Приходится смотреть на нее, как на введение, имеющее весьма скромное самостоятельное значение и только подготовляющее мышление к изучению эволюции военного искусства в новую и, преимущественно, новейшую эпохи истории. Мы были вынуждены сократить в возможной степени очерк истории военного искусства в древние и средние века.

Основное—полководческое искусство Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, состояние военного искусства при натуральном хозяйстве средневековья,—мы сохранили; дальнейшие пожертвования были бы уже связаны с отказом от той всемирно-исторической точки зрения, которая делает столь ценным изучение эволюции военного искусства.

Одновременно мы стремились упорядочить и упростить изложение нашего труда и ввести в него ряд поправок, явившихся следствием нашего дальнейшего изучения истории военного искусства.

Наш труд будет представлять два тома. Второй из них будет охватывать период 1815—1920 годов. Внесенные нами коренные изменения представляются нам достаточно уважительными, чтобы не рассматривать настоящую работу, как второе издание предшествовавшей, а оправдать издание ее под новым заглавием „Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней“ [1]).

---

[1]) Весьма благожелательный критик, Б. Горев, указал нам на желательность дать небольшие исторические предисловия перед каждой главой по античной истории, дать социальный анализ цезаризма, шире очертить социальную базу крестовых походов и развития ислама, вообще развить настолько изложение общих исторических понятий, чтобы облегчить понимание читателю, не имеющему достаточнй исторической базы. Мы, однако, не думаем, чтобы с этой обширной задачей можно было справиться на нескольких добавочных страницах. Необходимая литература имеется в военно-исторических кабинетах; при работе в кружках или семинариях надлежащие пособия будут найдены; в крайнем случае хорошим пособием может явиться и любая крупная энциклопедия. Мы придаем особое значение самостоятельной работе читателя по установлению смычки между общей историей и историей военного искусства; мы охотно помиримся с трудностями чтения настоящего труда, если он будет провоцировать читателя на освежение и углубление его исторических представлений.

ВВЕДЕНИЕ.

История военного искусства и военная история. Возникновение и развитие истории военного искусства. Программа I-го тома. Литература.

История военного искусства и военная история. История военного искусства представляет одну из тех специальных дисциплин, на которые разлагается общая история культуры. Военные учреждения занимают в строении государства столь важное место; войны, открывающие широкий простор жизнеспособным государствам и убирающие с арены истории дряхлеющие организмы, составляют столь существенную часть истории, что история военного искусства имеет не меньшее право на особое изучение ее в целом на протяжении веков, чем история религий, конституций, экономической жизни, права. Разделение и специализация труда при изучении отделов истории культуры приносит богатые результаты. Исследуя на протяжении тысячелетий зависимость между эволюцией военного искусства и экономическим и политическим развитием государств, мы сразу становимся на почву, очень богатую выводами и обобщениями.

Таково положение истории военного искусства в отношении общей науки. В ряду военных наук история военного искусства представляет тот фундамент, на котором созидаются прочие военные дисциплины. Не уделяя достаточно внимания военно-историческому изучению, можно подготовить только ремесленников военного дела, не способных ни к сознательному творчеству, ни к приспособлению и опознанию переживаемой ныне быстрой эволюции военного дела. Чтобы достигнуть положительных результатов, военно-историческое изучение отнюдь не должно принимать характер военно-исторических иллюстраций, наглядно поясняющих выводы отвлеченной теории, а само должно явиться той почвой, на которой рождаются опорные точки нашего военного мышления.

Военно - историческое изучение разделено в России с 1865 года на две дисциплины: на собственно военную историю—изучение кампаний—и на изучение истории военного искусства. По мысли установившего это деление

военного министра Милютина[1]), история военного искусства должна состоять в изложении последовательных изменений в образе ведения войны, начиная с древнейших времен и до новейших, при чем главной целью должно быть указание того влияния, которое современные условия имели на состояние военного искусства в каждую эпоху. История военного искусства, таким образом, исследует военные явления не в их статике, а в их динамике; центр тяжести ее заключается в исследовании эволюции военного искусства и обусловливающих ее экономических и политических предпосылок.

Собственно военная история, как у нас было установлено, изучала военное искусство в его статике. Изучение кампании долженствовало уяснить причинную связь между действием и вытекающим из него следствием в стратегии и тактике; изучению кампании предшествовало подробное изучение состояния военного искусства в армиях обеих сторон—стратегии, тактики, администрации.

Мы сомневаемся в основательности этого принципиального деления. Во-первых, нам даже не приходится ссылаться на авторитет крупного марксистского мыслителя, Франца Меринга, чтобы установить следующее положение: чтобы понять образ ведения войны какого-либо народа, необходимо изучить его политическое, экономическое и социальное состояние. Против этой истины никто теперь спорить не будет. Таким образом, историк войны так же мало в праве изолировать себя от политических и экономических вопросов и замуровываться в чисто оперативных проблемах, как и историк военного искусства. Во-вторых, изучение каждой войны становится научным и представляет определенный научный интерес только в том случае, если это изучение связывается с общим ходом эволюции военного искусства. И в-третьих, темп эволюции в нашу эпоху настолько ускорился, что в течение одной и той же войны мы наблюдаем уже динамику эволюции. И мировая и гражданская войны последних лет представляют весьма сложные явления; военное искусство в различные моменты их стоит на разных уровнях, и мы не имеем права рассматривать его статически, как нечто определенное и неподвижное. Поэтому, каждый крупный военно-исторический труд явится, в то же время, и трудом по истории военного искусства. Военная история, как отдельная дисциплина, едва ли имеет право на существование на ряду с историей военного искусства.

Однако, изучение последней должно, разумеется, заключаться не только в том прохождении крупными шагами

---

[1]) А. Байов. История военного искусства, как наука, стр. 8.

по арене истории, которое составляет задачу настоящего труда и которое необходимо, чтобы уловить общий характер эволюции. Настоящий обзор эволюции военного искусства сам стал возможным лишь на основе отдельных трудов, внимательно изучавших отдельные операции, посвящавших целые десятки томов вопросам, затрагиваемым здесь в нескольких строках. История военного искусства, кроме общего очерка эволюции, должна заключаться и в детальном исследовании отдельных операций, а также подробном изучении развития важных специальных отделов.

Изучение отдельных операций необходимо не только историку военного искусства, как данные для изучения эволюции, но и широким кругам командного состава, чтобы дать конкретное содержание своим теоретическим представлениям по оперативному искусству и тактике. Критика принятых другими командирами оперативных и тактических решений, в совершенно точно оговоренной действительностью обстановке, представляет наиболее научное и совершенное средство углубления нашей мысли в оперативное и тактическое искусства; однако, чтобы дать не диллетантскую, легкомысленную критику решения, принятого ответственным начальником, надо в точности изучить обстановку, в которой находился данный начальник, надо поставить себя в рамки исключительно тех сведений о неприятеле и своих войсках, которыми он располагал. Так поставленное изучение операций, руководствующееся здравым смыслом, свободным от всякого догматизма, научает быстро охватывать и широко и глубоко оценивать обстановку, позволяет предугадывать, какие последствия вызовет то или другое мероприятие, и легче находить правильное решение. Достаточно углубившийся в изучение операций командир сумеет правильно и отчетливо формулировать те жизненные вопросы, которые ставит ему обстановка, разовьет свой глазомер, научится остерегаться рискованных обобщений, познает конкретную сторону исторических фактов.

Особенно полезно изучение истории операций, происходивших в условиях не слишком отличных от современных, т.-е. позднейших войн, и по возможности на вероятных театрах войны, что даст возможность оценить, какое влияние имели их статистические и географические особенности на ход операций. Громадное значение имеют самостоятельные военно-исторические изыскания, так как только самостоятельный анализ явлений, а не заучивание чужой, хотя бы самой блестящей критики, даст самые плодотворные результаты. Тщательное изучение, хотя бы небольшого уголка операции, гораздо ценнее поверхностного знакомства со многими кампаниями.

Достижения изучения общей эволюции военного искусства имеют значительно менее утилитарный характер, чем работа над несколькими операциями. Знакомство с эволюцией военного искусства не претендует на оказание помощи при решении конкретной оперативной или тактической задачи. И все же история военного искусства является базой высшего военного образования. Она вскрывает нам, до корней, существо всех современных требований стратегии, оперативного искусства, тактики, администрации и, вместо рабства перед догмой, дает нам господство над ней. Она показывает, установив причинную связь между развитием государства в целом и эволюцией военного искусства, как многообразно в различных условиях решались основные военные вопросы. Она позволяет опознать, какими причинами вызывается современная их постановка, и подготовляет нас учитывать требования, предъявляемые экономической и политической жизнью к военному делу. И чем энергичнее темп, которым идет развитие хозяйственной и политической структуры обществ, чем энергичнее идет эволюция тактики и техники, тем большее значение приобретает история эволюции военного искусства. Никакое сознательное творчество в военном деле немыслимо без выработки определенного военного миропонимания, без установления угла зрения, под которым будут оцениваться самые разнообразные явления. Это широкое военное миропонимание дается только сравнением и сопоставлением различных стилей в военном строительстве, в тактике и стратегии, сравнением и сопоставлением различных эпох.

Каждая специальность военного дела имеет свою историю. Существуют истории военных знаний, пехоты, кавалерии, артиллерии, долговременной фортификации, осад, снабжения, военного права, дисциплины, военной техники, военной организации и т. д. Многие из этих специальных дисциплин имеют свою весьма почтенную, обширную и поставленную на твердую научную почву, литературу. На ряду с таким разделением труда по специальностям, стремятся сложиться особые истории военного искусства по отдельным народам. Особенно много трудов посвящено французами изучению развития военного искусства во Франции; а в России с 80-х годов изучение русского военного искусства завоевало себе особую академическую кафедру и имело такого выдающегося исследователя, как Масловский.

По отношению к этим историям специальных отраслей и национальных военных искусств необходимо занять твердую позицию. Общая история военного искусства, прежде всего, не должна быть мозаикой отдельных национальностей и специальностей и не должна обращаться в энциклопедию военно-исторических знаний. Попытка охватить

в одном труде все специальности и все народы повела бы не только к огромному разбуханию его объема, но была бы гибельна для его основной идеи, которая утонула бы в нагромождении пестрых деталей. История военного искусства видит в общей мировой эволюции единый процесс, стремится охватить исключительно его и для характеристики каждой эпохи выхватывает у отдельных специальностей, или отдельных народов, отдельные факты, которые с национальной или специальной точки зрения могут быть даже не самыми важными, но удачнее всего очерчивают мировую эволюцию. Национальные истории, истории специальностей—это только краски на палитре общего историка военного искусства. Он вправе обходить молчанием очень важные специальности, забывать на протяжении веков о состоянии военного искусства у народов, занимавших территорию в сотни тысяч квадратных километров,—и обязан иногда пригвоздить свое внимание к деталям эволюции военного искусства каких-нибудь ничтожных, затерянных в горах швейцарских кантонов или к армии крохотной Афинской республики. Только тот, кто говорит новое слово, которое станет для всех законом завтрашнего дня, имеет исключительное право на внимание историка военного искусства.

Возникновение и развитие ист. военн. искусства. История военного искусства, как и стратегия, народилась лишь к концу XVIII века, когда человеческое мышление оказалось достаточно подготовленным, чтобы перейти от анекдотической истории к обобщающим исследованиям. Первый значительный труд Хойера, изданный в 1797 г., сохраняет и поныне научное значение. Центр тяжести его, в связи с материальным характером философии XVIII века, лежит в изучении эволюции военной техники. Талантливые работы эмигрировавшего прусского офицера Рюстова привлекли к истории военного искусства внимание широких ученых кругов в пятидесятых—семидесятых годах прошлого века. Но по существу лишь завоевания исторической науки за последние сорок лет подводят под историю военного искусства твердый фундамент. К началу XX века история военного искусства является уже наукой, признанной гражданскими учеными, и в лице Дельбрюка завоевывает одну из руководящих кафедр исторического факультета Берлинского университета.

История военного искусства теперь в состоянии оперировать с неизмеримо более точным материалом, чем тот, который заключался в трудах предшествовавших поколений, что соответственно повышает ее реальное значение. Требования к точности изложения и критической оценке теперь являются сильно повышенными. Современные методы истори-

ческой критики являются могучим оружием для уличения небылиц; придворные историографы, которыми стремился обзавестись каждый государь XV века и которые пользовались тем большим почтением, чем цветистее были их выдумки, встречаются, правда, и теперь, но уже как шутовское привидение.

Введение истории военного искусства в программы всех академий в первой половине XIX века состоялось под давлением авторитетного требования Наполеона I: „ведите наступательную войну, как Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих; читайте и вновь перечитывайте историю их 83 походов—и формируйте на них свое мышление; это единственное средство стать великим полководцем и разгадать тайны искусства; ваше сознание, просвещенное таким путем, отбросит правила, противные началам, которых держались великие люди“ [1]).

К началу XX века история военного искусства безусловно переросла Наполеоновскую программу. История военного искусства не стремится ныне открыть общий неписанный кодекс — тайну великих полководцев,—а выдвигает перед нами диалектику истории, в свете которой все правила и принципы военного искусства получают условный и временный характер.

Программа I-го тома. Изучение античного мира дает цельную, законченную картину зарождения милиционных армий, их перерождения в армии профессиональные, расцвет военного искусства Александра Македонского, Ганнибала и Цезаря, причем в особенности последний опирался на высшие экономические достижения классических народов. Понять римский легион и Сципиона Африканского очень желательно, чтобы получить возможность здравого суждения о милиционной системе и великих проблемах современности. Экономический распад древнего мира привел к натуральному хозяйству и связанным с ним феодальным формам военного искусства. На первый план выдвинулись рыцари; их искусство—это болезнь индивидуализма, возникающая каждый раз на почве, лишенной необходимых военному делу экономических и политических предпосылок. На темном фоне средневековья резко выделяются проявления азиатского военного искусства у арабов и монголов, базирующиеся на высших достижениях в технике, экономике и политике, на тесной спайке широких масс с задачами войны.

Переход к новому времени в военном искусстве знаменуется высоким подъемом духа масс, который позволил

---

[1]) Commentaires de Napoléon, т. VI, 41-е критическое замечание к труду Ронья.

фламандской и гусситской пехоте сплотиться в единицы, достаточно прочные для оборонительного боя, а швейцарцам—создать пехоту, вооруженную исключительно холодным оружием и образовавшую тактические единицы, развивавшие неотразимый удар. Новое время—XVI, XVII и XVIII столетия—в высокой степени развило эту технику сплочения в тактическую единицу. Все внимание было устремлено на крепость связывающего цемента; к самому материалу, из которого создавалась армия, предъявлялись все меньшие требования. В век Фридриха Великого мы увидим армии, составленные из отбросов общества, но настолько крепко цементированные, что на полях сражений они выдерживали иногда до 50% потерь. И новейшие страницы в истории начнутся с великой французской революции, которая ввела в армию подлинный народ и значительно повысила качество подлежащего сплочению в тактических единицах материала.

Дорогу к этому развитию открыло возрождение пехоты в Швейцарии. Пехота возродилась в новой истории в форме милиции в крошечных государствах, подобно тому, как в античном мире мы впервые знакомимся с пехотой в виде милиции Рима и Афин, государств с территорией в 40 верст в поперечнике и с населением, равным Берну. Эта начальная форма развития пехоты—милиция—оказалась боеспособной, при условии отсутствия слишком острых противоречий между интересами городского и сельского населения.

Опасность атаки рыцарей заставила возродившуюся пехоту строиться в глубокие баталии—по 50—100 шеренг в глубину. По мере преодоления кавалерийской опасности пехота новой истории начала постепенно переходить к более тонким построениям и, получив сама конницу для прикрытия своих флангов, вытянулась в стенку линейного боевого порядка.

К концу средних веков, когда появляется проблеск какого-либо луча—в виде начинающих поступать налогов, образования запасов, воскрешения денежного обращения или крупного социального движения,—каждый раз мы наблюдаем зарождение в военном искусстве здоровых и энергичных ростков. Возрождение капитализма в XVI веке направляет развитие военного искусства в русло постоянных армий. Уроки Морица Оранского в XVII столетии усваиваются всей Европой; Лувуа реформирует в соответствии с ними французскую армию, а Петр Великий, спустя сорок лет—русскую армию. Идеи Морица, Лувуа и Петра Великого—это идеи реформации, перенесенные в область военного искусства.

Линия военного развития XVI—XVIII веков уперлась в тупик военных достижений Фридриха Великого. Прус-

ская армия являлась сложной машиной на глиняном фундаменте, грозившем ежеминутным развалом. Россия конца XVIII века, имевшая армию, укомплектованную крестьянством по воинской повинности, выдвинувшая в снаряжении и воспитании армии идеи рационализма и демократизма, временно обогнала Запад, с его вербованными армиями, в развитии военного искусства. Фридриховские увлечения мы пережили, под влиянием аракчеевщины, позднее; Иена пробудила от них Пруссию, а Севастополь, через 50 лет,—Россию.

Семилетняя война (1756—1763 г.г.), совпадавшая с началом промышленного переворота, явилась уже не только европейской, но и первой мировой войной. Потеря французами Канады (падение Монреаля в 1760 г.) и ослабление французского влияния в Индии (падение Пондишери в 1761 г.) явились существенным моментом в захвате Англией мировой гегемонии. С войной за независимость Соединенных Штатов (1777—1783 г.г.) мировая история окончательно перестает быть только европейской историей. Враждебная развитию европейского материка роль английской буржуазии в XX веке уже будет дублироваться Соединенными Штатами. Перед самой Европой откроется ужасная перспектива обращения в колонию...

В конце XVIII века путь дальнейшего развития загражданся массой феодальных пережитков, которые больнее всего воспринимались в наиболее культурной и экономически развитой стране континента Европы—во Франции; отсюда ряд неудач французской армии в XVIII столетии. Но Франция являлась и наиболее подготовленной к тому, чтобы сказать новое слово. Великая революция смела феодальные пережитки, открыла перед военным искусством новые широкие возможности. Европейская цивилизация сделала сразу огромный скачок, и в XIX веке ни в военном искусстве, ни в других областях культуры не приходится уже изучать античный мир, как недосягаемый предмет подражания.

Громадный сдвиг, произведенный французской революцией во всех проявлениях государственной жизни, в военном искусстве не привел ни к продолжению той линии, которой держалась до сих пор его эволюция, ни к возвращению назад. Вопросы развития военного искусства были поставлены в новую плоскость—новые задачи явились на очередь. Исходным пунктом этого развития стало военное искусство французской революции, отнюдь не являющееся производным усовершенствованием военного искусства эпохи Семилетней войны, а представляющее синтез всей предыдущей трехвековой эволюции. Солдат наполеоновской армии имел, несомненно, национальную идеологию, чем резко отличался от наемников XVI века, но по своей внутренней свободе, по своему соучастию в войне, носив-

шему не исключительно принудительный характер, по отношению к местному населению, по своему корпоративному духу полка—многое в нем напоминало отживших наемников. Внимая успехам революционных войск и их вождя, Бонапарта, Шиллер написал Европе предостережение—свой знаменитый „Лагерь Валленштейна“, и литературное сопоставление солдат Валленштейна и Наполеона частично отвечает действительности.

Путь, открытый французской революцией для включения массовых призывов в состав армии, для обращения армии в вооруженный народ, создал новую арену для развития военного искусства в XIX и XX веках. Шествуя по этому пути, неспокойные и воинственные расы Европы дошли до призыва в армию в эпоху мировой войны свыше 10% всего населения; во многих государствах, таким образом, проявилось напряжение, превосходившее напряжение Рима во вторую Пуническую войну.

Изучая судьбы военного искусства на протяжении древних, средних и новых веков, мы одновременно познакомимся с решением полководческих задач рядом талантливых военных вождей и рассмотрим те основы, во многом отличные от современных, на которых зиждились победы Наполеона, великого мастера военного искусства. Это изучение создаст нам надежный фундамент для продолжения нашего исследования на новейшую эпоху, до текущих вопросов включительно. Если для приступающего к изучению военного искусства наиболее трудным рисуется ознакомление с событиями, имевшими место много веков тому назад, то для исследователя наибольшие трудности анализа рисуются при подходе к явлениям последней войны, которые так трудно рассмотреть в исторической перспективе; отсюда заботы автора о том, чтобы создать твердые исходные пункты в историческом прошлом для суждения о современности. И читатель не разойдется с автором, только проделав тот же длинный путь рассмотрения эволюции военного искусства. И греки, и рыцари, и ландскнехты, и суворовские солдаты, в конечном счете, нам нужны, чтобы критиковать операции мировой и гражданской войн, чтобы давать оценку различным мероприятиям по усилению нашей вооруженной мощи, чтобы верно понимать и расценивать армии наших соседей и происходящие в них сдвиги.

Литература.

А. Байов. История военного искусства, как наука. 1912 г., 136 стр.

Чрезвычайно ценная история развития взглядов в России на ист. в. иск.; анализ определений этой дисциплины, данных всеми профессорами, читав-

шими курс в академии; энергичная защита права на существование отдельной кафедры русского военного искусства.

Iohann Gottfried Hoyer. Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers zum Kriegsgebrauch bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Göttingen. 1797—1800 г.г. 2 тома, каждый в двух книгах, всего свыше ста печатных листов.

Ближайшее знакомство с этим трудом заставляет признать высокие научные заслуги Хойера. Этот труд серьезнее и глубже, чем труды многих позднейших писателей. Некоторые интересные положения истории военного искусства представляют не новейшие открытия, а лишь позабытое нами на протяжении целого столетия. У Хойера огромный уклон в сторону техники; недаром редакция энциклопедии истории искусств и наук, часть которой представляет труд Хойера, отнесла его к разряду истории математики. Удивительна систематичность этого огромного труда. Весь разбираемый им период развития человечества разделен на 7 частей. Каждая из них образуется введением и отделами, посвященными артиллерии, организации и снаряжению пехоты, тоже—кавалерии, строям и эволюциям войск, дисциплине, полевой фортификации, долговременной фортификации, атаке и обороне крепостей, морской войне; последний, десятый отдел представляет перечень военной литературы данного периода времени. Эти перечни чрезвычайно полны, хотя и не сопровождаются критическим разбором. Перечень военной литературы периода с 1740 по 1792 год занимает, например, 142 страницы; все это классифицировано по различным вопросам военного дела. Этот труд и ныне дает ценные справки всякому работнику по истории военного искусства.

I. v. H. und Th. Freiherrn v. Troschke. Anleitung zum Studium der Kriegsgeschichte. 1868—1875 г.г. (II издание). Три тома, по 3 раздела в каждом, каждый раздел иногда по нескольку книг.

Этот труд представляет как бы продолжение труда Хойера, авторы его стремились к высокой научности; очень поучительна схема, по которой они анатомировали огромное количество войн, веденных человечеством. Работа несколько устарела. Автор—Юлиус Хардег, вюртембергский генерал; преемником его был генерал Трошке, также один из наиболее выдающихся по своим библиографическим знаниям и историческим работам немецких офицеров. Последний том, посвященный франко-прусской и русско-турецкой войнам, написан в 1894 г. Эндрессом.

Hans Delbrück. Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Berlin. 1887 г. (VI—314 стр.).

Чрезвычайно поучительный труд в методологическом отношении. Образцовый показ критики источников, применения статистического метода, реконструкции, установления цифровых данных, пользования аналогией в допустимых пределах. Труд важен поэтому не только для исследователя классической древности или Бургундской войны, но и для каждого военного историка, стремящегося овладеть современными научными приемами истории. По Бургундской войне необходимо иметь в виду дополнительные замечания Дельбрюка в III томе его Ист. Воен. Искусства.

Hans Delbrück. Geschichte der Kriegskunst im Ramen der politischen Geschichte. I T. Das Alterthum. Berlin. 1900. (стр. XV—533). II T. Die Germanen. II изд. (1909 г., стр. 496). III T. Das Mittelalter. 1907. (стр. 700). IV T. Die Neuzeit. 1920 (стр. 552).

Классический, исчерпывающий все современные научные достижения труд по истории военного искусства, как отдела общей истории культуры. Труд написан не специально для военного читателя, а для историков и друзей истории. При содействии своих многочисленных учеников, Дельбрюк пересмотрел первоисточники и базируется почти исключительно на них. Выводы основываются исключительно на фактах, установленных с возможной научной тщательностью, и имеют смелый, широкий характер. Глубокое и острое понимание военных явлений поразительно: автор, гражданский историк, подмечает любое абсурдное утверждение, которыми так полны источники и которые часто повторяются менее изощренными в критике военными исто-

риками, не замечающими заключающегося в них абсурда. Полемика с прусским генеральным штабом по основным стратегическим вопросам оставила на труде свой отпечаток. Новая история исследуется менее подробно, а начиная с французской революции до Клаузевица, которым труд заканчивается, работа получает характер краткого очерка.

Это—драгоценный плод 45-летнего упорного труда совершенно выдающегося ученого, поддержанного тремя поколениями блестящих учеников.

Дельбрюк в течение многих десятилетий являлся главой группы историков и публицистов, боровшихся с представителями доктрины марксизма, и в течение этой упорной борьбы на научной почве Дельбрюк перенял, усвоил и мастерски овладел тем оружием, которое дает в руки историка экономический материализм. Поэтому его исторические труды, при их глубоком консервативно-государственном направлении, стоят во многом на высоте требований строго научного экономического материализма. Это мнение поддерживается таким авторитетом в вопросах марксизма, как Франц Меринг.

Emil Daniels. Geschichte des Kriegswesens. Sammlung Göschen. Leipzig. 1909—1913 г.г.

7 небольших книжек дешевой библиотеки Гешен, вышедших в первом десятилетии XX века под названием „История военного дела“, представляют популяризацию идей Дельбрюка усерднейшим его учеником, Даниэльсом. Первый выпуск посвящен истории классического мира, второй и третий—средневековью, четвертый и пятый—новому времени, а два последних выпуска—XIX веку. Изложение согласуется с взглядами Дельбрюка, высказанными в его многочисленных статьях, лекциях, и с монографиями, вышедшими из его школы. Даниэльс, несмотря на популярный тон дешевого издания, сумел удержаться на научной почве, и труд его заслуживает внимания. Докторская диссертация автора (1886 г.) посвящена сражению при Торгау из Семилетней войны, другие его монографии посвящены концу XVIII века (Фердинанд Брауншвейгский) и XIX веку (Австрия и Крымская война, Австрия и Пруссия с 1859 по 1866 г., Итальянцы в 1866 г., генерал фон Гебен) и печатались преимущественно в журнале Дельбрюка Preussische Jahrbücher (№№ 77—82, 91, 92, 129). Самостоятельные работы Даниэльса резко уступают работам Дельбрюка.

Max Jähns. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zum Renaissance. Technischer Teil: Bewaffnung, Kampfweise, Befestigung, Belagerung, Seewesen. Leipzig. 1880 г., стр. 1288 + атлас 100 таблиц.

Чрезвычайно кропотливая и систематичная компиляция дала в результате не оригинальный ученый труд, а скорее весьма удобный справочник; очень богаты библиографические данные. По отношению к средневековью труд не потерял ценности и до сих пор.

Max Jähns. Geschichte der Kriegswissenchaften vornehmlich in Deutschland. München und Leipzig. 1889—1891 г.г., стр. 133—2915.

21-й том истории наук в Германии, изданный исторической комиссией баварской академии наук, представляет три книги, объемом свыше 3.000 страниц—плод одиннадцатилетнего труда Иенса. Если автору не удалось оправдать вполне заглавие „история военных наук“, то ему удалось все же составить историю военной литературы с древнейших времен до начала XIX столетия. Труд включает рефераты о латинских, греческих, немецких, французских и итальянских работах. Автор использовал 76 важнейших книгохранилищ на континенте Европы и реферирует не только книги, но и многие рукописи, проекты и доклады, не появлявшиеся в печати. Немецкая литература представлена более подробно. Этот труд представляет неоценимое пособие для историка военного искусства.

Макс Иенс. Военное дело и народная жизнь. Перевод Шульмана под редакцией Пузыревского. II изд. 1900 г. Варшава. (434 стр.)

Немецкий оригинал относится к 1885 г. Это—попытка профессора берлинской военной академии популяризировать среди широкой публики результаты своей ученой работы. Автор особенно напрягает внимание, чтобы уловить связь между экономикой страны, строением классов и теми осно-

вами, на которых создается армия. Автор воспитан в идеологии старой исторической школы; недостаточно критически относится к источникам; недостаточно объективен, в нем нет конкретного понимания жизни и много либеральных предрассудков.

Франц Меринг. Очерки по истории войны. Москва: 1924 г., 338 стр., перевод Н. Попова. Это—сборник статей выдающегося марксистского публициста, который также, как и пишуший эти строки, считает Дельбрюка величайшим историком за последние сто лет. Основу этого сборника составляет интересная рецензия капитального труда Дельбрюка (**Mering.** Eine Geschichte der Kriegskunst. 1908 г., стр. 52), существенно повлиявшего на подход Меринга к оценке военных вопросов. Имена собственные в русском переводе подверглись искажению.

Полковник де Пик. Исследование боя в древнейшие и новейшие времена. Извлечение из труда Ардан де Пика под редакцией Пузыревского. II изд. 1911 г. (156 стр.). Чрезвычайно талантливая работа, но интересная преимущественно в военно-психологическом отношении. Многие французы считали Ардан де Пика своим Клаузевицем. Оригинал относится к шестидесятым годам прошлого века.

В. Рюстов. История пехоты. Перевод Пузыревского.

Гениально-легкомысленная работа, впервые увидевшая свет в оригинале в 1867 г. Содержит много фактических ошибок; автор своими широкими обобщениями привлек внимание к истории военного искусства Дельбрюка и посейчас не потерял интереса. Заслуги автора, поднявшего историю военного исскусства до уровня науки, чрезвычайно велики.

J. Colin. Les transformations de la guerre. Paris. 1911 г. (стр. 305). Краткий очерк изменения методов боя, тактики и стратегии.

L' armée à travers les ages. Paris: t. I 1899, t. II 1900 (стр. 328). Это—две серии докладов, которые читались в Сен-Сирском училище, в 1898 и 1899 г.г., известными учеными и университетскими профессорами—Рамбо, Шюке, Альбер Вандаль, Альбер Сорель, Гиро, Ковиль, Кебар, Лехюгёр, Бутру—и, таким образом, дают точку зрения гражданских ученых, притом далеко не специализировавшихся на военных вопросах. Первая серия посвящена организационным вопросам—римская армия, воинская повинность при феодализме, наемничество, кондотьерство, армия Людовика XIV, армия республики, армия первой империи. Вторая—известным вождям—Александру, Ганнибалу, Арно де Серволь, Гастону де Фуа, Конде, Бюжо, Хошу, Суворову, Даву. Доклады написаны очень живо, научная ценность их различна.

Русские труды **Н. С. Голицына** (Великие полководцы истории. 2 тома. 1875 г. и Всеобщая военная история. 1876—78 г.г.), **Н. П. Михневича** (История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия. II изд. 1896 г.) и **П. А. Гейсмана** (Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века). I изд. 1893—96 г.г., II изд. 1907 г. (очень устарели).

Н. С. Сухотин. История военного искусства. Энциклопедия военных и морских наук под редакцией Г. А. Леера, т. III, выпуск 3. Спб. 1888 г.

Н. А. Орлов. История военного искусства. Энциклопедия изд. Сытина, т. XI, стр. 89—109. Спб. 1913 г.

Указание дальнейшей литературы будет приведено по соответственным главам:

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Греческая фаланга. Александр Македонский.

Феодализм исключает возможность сомкнутых строев. Фаланга. Победа рядового бойца в строю над квалифицированным нерегулярным бойцом. Фланги и их прикрытие конницей и легковооруженными. Переход от милиции к наемным войскам. Военное искусство профессионалов: обучение, маневрирование, тактика Эпаминонда, осады. Ксенофонт и Сократ. Греческая дисциплина. Македония. Македонская фаланга. Конница. Эллинистический империализм. Обеспечение общей базы. Численность армий. Персы и парфяне. Стратегия Александра Македонского. Его тактика. Управление в бою. Диадохи и перипатетики.

Феодализм исключает возможность сомкнутых строев. На первых шагах военной истории, кои мы можем проследить, мы встречаем греков, действующих своими главными силами в составе ф а л а н г и. По филологическому происхождению слово фаланга обозначает массив, монолит, валек. В военном отношении фаланга—прежде всего тактическое целое, тактический монолит, в котором нет воли отдельных людей, а есть одна коллективная воля; фаланга представляется как бы тактическим организмом, спаянным, слитым из людей жерновом, назначение которого—перемалывать противостоящую ему людскую пыль.

Отличие метода боя в фаланге от варварских приемов подчеркнуто еще Фукидидом [1]): страшно только появление варваров, их число, их воинственный крик, наклонение их оружия. Но в рукопашной схватке они немного стоят, так как они не сохраняют своих мест в шеренгах и рядах и не видят ничего постыдного в том, чтобы уклониться со своего места. Но раз каждому предоставляется на усмотрение—драться или отступать, то в мотивах уклониться от схватки не будет недостатка. Поэтому варвары предпочитают грозить издали и не любят рукопашного боя. Фаланга же была сильна именно тем, что лишала бойца этой инициативы и заставляла итти на врага стенкой.

Для того, чтобы иметь возможность сформировать фалангу, которая бы поглотила в себе отдельные лично-

---

[1]) Фукидид, IV, 126, речь спартанского полководца Бразида.

сти, отдельные воли, необходимы определенные предпосылки в отношении политического, экономического и социального развития народа. Варварские племена, не вышедшие еще из родового быта, и в бою будут признавать единственный авторитет родового старейшины, и варварская энергия их в атаке выльется в форму удара отдельными толпами, каждая из которых будет представлять мужчин отдельного рода или деревни. Когда цивилизация разложит родовой быт, но государство остается еще в нецентрализованных формах феодального строя, когда, при господстве натуральной системы хозяйства и слабости контроля, обмена и денежного хозяйства, подати натурой могут быть изысканы и поглощены только на местах, а со средствами по местам раздробляется и власть, то такому состоянию государства отвечает крайнее развитие индивидуализма в военном деле, столь характерная рыцарская тактика[2]). Гордого феодала, привыкшего безраздельно царить в своем округе, всегда помнящего о своих привилегиях, заставить отказаться от своей ярко выраженной личности и раствориться в фаланге—слабое феодальное государство не в силах. В 1509 году, при осаде Падуи, ландскнехты соглашались итти на штурм при непременном участии в приступе, наравне с ними, дворян. Тогда авторитетнейший представитель французского дворянства, „рыцарь без страха и упрека“, Баярд возмутился: „должны ли мы итти в бой рядом с портными и сапожниками“? К нему присоединились и немецкие рыцари, и высшему командованию пришлось снять осаду.

В доисторический период Греция переживала феодальный строй. На грани XV и XIV веков началось нападение ахейцев на государства Критской культуры, окончившееся успехом; в XIII веке—на Египет 20-й династии, с трудом отраженное; на XI век приходится организованный из Микеи поход ахейцев на Трою. Затем появляются в некоторых восточных государствах наемные дружины греков, игравшие роль варягов своей эпохи. Хотя в некоторых источниках, по отношению к греческим дружинам того времени, и употребляется слово фаланга, но это, повидимому, основано на применении понятия, возникшего в позднейшее время, по отношению к военной организации, имевшей совершенно отличный характер. Илиада Гомера дает нам правдивое изображение образа ведения боя феодальной Греции. Крайне слабое центральное управление, которому приходится более уговаривать, чем приказывать, которое допускает, чтобы его критиковали и осмеивали иногда даже не самые храбрые бойцы; крикливое и само-

---

[2]) Подробнее см. далее, средневековье.

вольное воинство; бой, в котором массы принимают лишь слабое участие и который решается поединком рыцарей, героев обеих сторон,—вот характеристика доисторического греческого военного искусства. Гомеровская „фаланга“—это фон, на котором только отчетливее выступают действия героев; гомеровская фаланга—десятки и сотни людей бегут под натиском Ахиллеса или Гектора.

Это превосходство одиночного бойца над массой представляется нам, при ближайшем исследовании, не слишком сказочным. Герой—человек большой силы, духа и тела, развитой с молодости соответственным воспитанием, обладатель прочной репутации, которая заставляет простых смертных, каждого в отдельности, чувствовать себя совсем маленьким и бессильным в сравнении с ним, обладатель дорогого, блестящего, крайне редкого предохранительного вооружения, делающего его неуязвимым для гнущихся и ломающихся копий и мечей простых смертных, которые сделаны из такого плохого металла, что нуждаются чуть ли не после каждого удара в ремонте, герой, появляющийся на украшенной колеснице и держащий в руках дротик, метнув который, он, наверное, способен умертвить любого рядового бойца со слабым неметаллическим панцырем—такой герой, разумеется, был ужасен, наводил панику на рядовую массу, не сплоченную в одно целое, не имевшую чувства взаимной выручки. Если рядовой боец не уверен в поддержке своих соседей, то у него, при столкновении с героем, только одна мысль, что тот, кто будет бежать последним, героем будет настигнут и убит,—и, чтобы не быть этим последним, каждый заранее пятится, и масса бежит. Секрет успеха героя заключается в отсутствии сплоченности массы, что дает руководящее значение инстинкту самосохранения отдельных личностей. Ахиллес, разгоняющий один 50 греческих дружинников—герой, но Ахиллес, который один бросился бы против взвода кирасир, был бы дурак.

Нам не известен ход процесса, который перевоспитал отряды гомеровских героев в исторические фаланги Спарты и Афин. Но нам понятно, что развитие городской жизни, оживленные торговые сношения, денежный обмен, уничтожение феодальной власти на местах, культ государства, смиривший и подчинивший себе отдельные личности и их интересы, вся эта новая культура, создавшаяся на берегах Эгейского моря, способствовала развитию массы и обуславливала быстрое распространение тактической формы, которая позволяла массам играть на полях сражений не бесправное, а главенствующее положение. Этой тактической формой был сомкнутый строй—фаланга.

Если историк устанавливает соответствие между натуральным хозяйством, феодальной системой и иррегуляр-

ными началами в тактике, где каждому отдельному бойцу предоставляется широкое поле для проявления своей личности, а с другой стороны, денежному хозяйству и установлению республиканского строя государства противопоставляет сомкнутый строй, то все же, повидимому, было бы ошибочно представлять себе ход исторического процесса так, что каждому завоеванию демократии — политическому и хозяйственному — соответствовал бы толчок на пути перехода от индивидуального бойца к сомкнутому строю. Наоборот, не представляет сомнений, что первоначально фаланга появилась у дорян (спартанцев), которые были несравненно менее демократичны, менее экономически развиты, чем афиняне. Новые изобретения в истории принадлежат далеко не всегда передовым элементам. Переход от средневековья к новым векам в истории военного искусства отмечается возрождением пехоты — возрождением, главная заслуга которого, принадлежит Швейцарии, не стоявшей во главе европейской культуры и цивилизации. Но ход исторического процесса заключается в том, что новые военные формы, отвечающие экономической и политической эволюции, в течение очень короткого времени усваиваются всей семьей культурных народов и характеризуют уже не изобретателей, а свой век, свою эпоху.

Победа рядового бойца в строю над квалифицированным нерегулярным бойцом. Фаланга представляла несколько, от 6 до 16 и больше, шеренг тесно сомкнутых бойцов, имевших предохранительное вооружение и вооруженных холодным оружием — копьями и мечами. В тактическом отношении вся фаланга представляла одно целое, и подразделения ее имели исключительно административное значение. Каждый боец в фаланге мог быть уверен в поддержке своего соседа уже потому, что форма построения исключала возможность одиночному бойцу уклониться от боя. Передние шеренги прикрывали задние, а задние исключали для передних возможность отступления, физически давили на передних, давали им ценную моральную поддержку. В фаланге каждый боец как бы растворялся, но каждый чувствовал физически и морально поддержку всей массы. Сплоченность и сомкнутость усиливались ритмическим движением в ногу под звуки флейты (Спарта) или струнных инструментов (Крит) и пением всей массы военного гимна (пеана). Эта тактическая форма представляла ту огромную выгоду, что для боя в рядах фаланги не требовалось тщательной предварительной выучки каждого отдельного бойца — достаточно было опытными бойцами окаймить фалангу, а в середине ее могли найти примене-

ние граждане, которые несколькими упражнениями были психологически слиты с массой [1]).

Древние греки, которым приходилось двигать городские милиции против воинственного рыцарства Персии, хорошо понимали, что в сплоченности и спайке фаланги заключается секрет ее успехов. Спартанский царь Домарат, по преданию, утверждал, что „в отдельности спартанец может уступать какому-либо одиночному неприятелю. Но в куче — спартиаты лучшие из смертных. Они свободны, но не совсем. У них есть свой повелитель — закон, который указывает им не уступать численному превосходству, но добиваться в своем ряду и в своей шеренге победы или смерти“ [2]). Ту же идею о превосходстве регулярных войск над распыленными усилиями самых храбрых одиночных бойцов, через две слишком тысячи лет, в 1798 г. высказал Бонапарт, когда ему пришлось вести французского революционного солдата, в основной массе новобранца, против рыцарей Египта—мамелюков: два мамелюка сильнее трех французов, но 100 французов не побегут перед сотней мамелюков, у 300 французов будет превосходство над 300 мамелюков, а 1000 французов наверное побьют 1500 мамелюков. Регулярное начало, путем сомкнутости и сплачивания в одно тактическое целое, позволяет рядовому бойцу побеждать бойца квалифицированного. Необходимость регулярности порядка подчеркнута еще Аристотелем (Политика, VI, 13): „без тактического порядка тяжело вооруженная пехота ни к чему не пригодна, и так как в древние времена этого не знали, и не было искусства, то сила войска покоилась на коннице“.

Фланги и их прикрытие конницей и легковооруженными. Слабой стороной фаланги была крайняя односторонность ее применения. Она могла наносить сильный удар только на

---

[1]) Конечно, общее воспитание народа имело для крепости фаланги решающее значение. Крупное воспитательное значение имела греческая поэзия. Приводим для образца одну из песней Тиртея (VII век до нашей эры): „завидная участь храброго—пасть в первых рядах и умереть, защищая отечество. Будем мужественно драться за нашу землю и умирать за наших потомков. Не скупитесь на вашу кровь, молодые воины; наростите в груди большое и мужественное сердце и не покидайте старших, у которых ноги перестали быть проворными; как постыдно видеть распростертым на земле, впереди молодых людей, старого бойца с седой головой, испускающего в пыль свою великую душу и зажимающего рукой свои окровавленные внутренности и разорванные мускулы. А молодости все идет. Пока воин в цвету, им восхищаются, его любят, и он прекрасен и тогда, когда падает в первых рядах в сражении“. Обычаи, весь быт имели еще более крупное воспитательное значение, но на них, за недостатком места, мы не можем остановиться.

[2]) Jähns, Geschichte des Kriegswesens, стр. 118. Рассказ о царе Домарате представляет историческую традицию, но так как она восходит к Геродоту, писавшему в V веке до Р. Х., то она весьма характерна для обрисовки взглядов древних греков на сомкнутый строй.

не слишком пересеченной местности, не была способна к стрелковому бою, нуждалась в обеспечении флангов конницей и легковооруженными, так как, при угрозе с фланга, фаланга, не теряя тактической сплоченности и сомкнутости, не была в силах и продолжать движение в избранном направлении и отражать нависший удар и одной угрозой удара вынуждалась к остановке и к переходу к обороне. А фаланга, не ломящаяся вперед, представляла слишком благодарную цель для лучников и пращников неприятеля. Поэтому главные силы греков в строю фаланги всегда нуждались в дополнении конницей и легковооруженными, которые обеспечивали бы их фланги, и с развитием военного искусства в Греции эволюция захватывает главным образом эти дополнительные роды войск.

Кавалерист и легковооруженный пехотинец, представляющие естественные роды войск в период феодального состояния государства, требуют сравнительно более сложного обучения, когда их надлежит выработать из горожан. Всадников поэтому в Греции и Риме комплектовали из более богатых классов граждан, имевших средства для содержания лошади и досуг для обучения своей специальности [1]). Пращников обучить вообще не удавалось, и их можно было комплектовать только наймом в пастушеских народах, обитавших на открытых каменистых землях и сохранивших еще с времен доисторических искусство владения пращей (балеарские, критские, еврейские пращники). Стрелок из лука нуждался в долгом профессиональном обучении, должен был обладать большой физической силой, находчивостью, инициативой и энергией. Лук стоил дорого.

Пока греки воевали между собой, они могли довольствоваться формой фаланги, позволявшей без предварительной тренировки использовать для боя всех мужчин государства. Но уже нашествие персов, феодальная армия коих состояла преимущественно из конных и пеших стрелков (480—479 г. до Р. Х.), заставило греков обратить внимание на усиление средств метательного боя — улучшение легковооруженных, в состав коих до того входили только беднейшие элементы населения, а частью и рабы.

Переход от милиции к наемным войскам. Тактическая форма фаланги, предъявляя простейшие требования к одиночному бойцу, благоприятствовала утверждению в Греции

---

[1]) Ни в Греции, ни в Риме кавалерия не достигла высокой степени совершенства (за исключением конницы Александра Македонского). Применение лошади для военных целей стало известным на берегах Средиземного моря в середине второго тысячелетия до Р. Х. и первоначально для колесниц, на которых располагались стрелки и метальщики дротиков, а также колесниц с приделанными к оси серпами — для прорыва неприятельского фронта. Лошадь была приведена, повидимому, племенем хетитов, вышедшим из Средней Азии, монгольского происхождения.

милиционной системы. С греческой милицией мы впервые сколько-нибудь достоверно знакомимся из описания Марафонского сражения (490 г.), а уже в середине Пелопонесской войны (420), через семьдесят лет, воин-милиционер уступает место профессиональному солдату [1]). Гоплиты образовывались мобилизацией 3-х наиболее состоятельных классов афинских граждан, которые были обязаны содержать за свой счет все потребное вооружение. 4-й беднейший, свободный класс, тэты, назначался преимущественно для службы во флоте, но весьма часто использовался частью и для службы гоплитов, причем тэты получали вооружение за счет государства из арсеналов. На каждого гоплита в сухопутной армии приходился 1 нестроевой—нестроевую службу несли исключительно рабы. Каждый гоплит довольствовал себя и своего слугу сам.

Поголовный призыв милиции был сравнительно редок, но небольшие призывы, особенно для заморских экспедиций, происходили ежегодно. Чтобы облегчить участь призванных, отвлекаемых от мирного труда на долгие месяцы за море, установлено было в Афинах жалованье, доходившее для гоплита с его рабом до 2 драхм в день — 6-ти кратный прожиточный минимум. Такой оклад привлекал большое количество добровольцев; заместителей находить было легко. С другой стороны, затяжная 27-летняя Пелопонесская война деклассировала очень многих афинских крестьян, сады и усадьбы которых были вырублены и сожжены, а сами они, за время призыва, утратили крестьянские навыки и приобрели солдатскую психологию. Таким образом, во второй половине этой войны физиономия афинского войска совершенно меняется — вместо милиции оно представляет постоянную солдатскую армию.

В то же время меняется характер и спартанской армии. Бразид ведет спартанскую армию на большое удаление от

---

[1]) Древний Восток, несомненно, знал профессионального солдата, например, проникнутый милитаризмом Египет 18-й династии (1580—1365 г. до Р. Х.), но особенно типичны его черты в ассирийской армии. Несомненно, мы узнаем профессионалов в знаменитом описании ассирийского войска у пророка Исаии (гл. 5, ст. 26—29): „он легко и скоро придет; не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты, копыта коней его подобны кремню, и колеса его—как вихрь; рев его — как рев львицы; он рыкает подобно скимнам и заревет, и схватит добычу, и унесет, и никто не отнимет". Сходные черты представляет и армия Нововавилонского государства царя Навуходоносора, вернее—Небукаднезара, разрушившего Иерусалим в 586 г. до нашей эры. Крупный политик, пророк Иеремия, описывает ее так: „держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек" (гл. 6, ст. 23); „если бы вы даже разбили все войско Халдеев, воюющих против вас, и остались бы у них только раненые, то и те встали бы, каждый из палатки своей, и сожгли бы город сей огнем" (гл. 37, ст. 10).

отечества, во Фракию, чтобы овладеть и разорить афинские колонии. Армия его легко может быть отрезана и потерять возможность вернуться на родину. В такую операцию Спарта, конечно, не могла вложить имевшиеся две тысячи жизней спартанцев; не более, чем четвертью их можно было рискнуть в этой операции. И вот, спартанцы, которые гордились тем, что не имеют мирных занятий, мирного ремесла, ставят в строй своей армии беднейшую часть населения — крепостных-илотов, обучают их, устанавливают строжайшую дисциплину, дают им хороший паек и некоторое жалованье—и фаланга Бразида дерется с выдающимся отличием.

Этот переход греков в конце V века до Р. Х. от милиционной армий к армии профессиональной является отнюдь не случайным явлением. Милиционный принцип был на своем месте, когда приходилось крохотным греческим государствам отстаивать интересы своей колокольни, когда армии сражались на удалении 1—3 переходов от своей округи, и походы тянулись небольшое число недель, если не дней. В то же время слабое распространение денежного хозяйства обуславливало бедность государственной казны и не позволяло государству не только выплачивать солидное жалованье воинам, но и вооружать их на общественный счет. По мере же расширения денежного обращения и усиления финансовых рессурсов государства создавалась возможность вооружить и оплатить беднейшие классы, для которых военная служба являлась наиболее доходным ремеслом и обусловила необходимость в этой реформе: походы и экспедиции являлись результатом весьма сложных политических и экономических расчетов господствующих классов. Походы эти тянулись долгое время — иногда подряд многие годы—и заставляли принимавших в них участие воинов ликвидировать все свои гражданские занятия и интересы, деклассировали этих граждан. В то время отчетливо сознавалось решающее превосходство профессионального солдата над воином-милиционером. Если Сиракузская экспедиция, ознаменовавшая начало второй половины Пелопонесской войны, возникла по предложению Алкивиада, получившему в Афинах такой шумный успех, благодаря тому, что оно давало занятие многим демобилизованным, уже деклассированным афинским гражданам, то под Сиракузами афинский солдат чувствовал себя несравненно увереннее сиракузского милиционера, и перед первым сражением афинский полководец Никий напомнил своим войскам, что они совершенно иного разряда бойцы, чем призванные к оружию граждане Сиракуз [1]). Количе-

---

[1]) Фукидид, VI, 68, речь Никия.

ственно, профессиональный солдат стал в Греции таким обычным явлением, что когда, вслед за окончанием Пелопонесской войны, наместник Малой Азии Кир восстал против своего брата, персидского короля Артаксеркса, то он смог в короткое время нанять себе 13 тысяч опытных греческих солдат (участники знаменитого отступления „Анабазиса“). И, что существенно, образовался не только профессиональный солдат, но и профессиональный штаб-офицер и опытный вождь таких наемников.

Военное искусство профессионалов. С переходом к профессиональным армиям уровень военного искусства заметно повысился. Создался переход от тактики фаланги к тактике трех родов оружия. Вместо самоснабжения, довольствие армии организуется интендантством [1]).

Прежде всего необходимо отметить, что спартанская тренировка одиночного бойца была усвоена всей массой греческих профессиональных солдат, и создалось определенное строевое учение, строевая муштра. Изучались эволюции, основывавшиеся на том, что мелкое административное деление — эномотия (32—36 человек) — обучалось следовать при всех обстоятельствах за своим эномотархом. Греческая пехота, с неприкрытыми конницей флангами, решалась атаковать персидскую конницу, так как обязанность охранения флангов перешла на маленькие уступы, по 200 гоплитов, поставленные в 40 шагах за флангами. Обученный и крепко спаянный профессиональный солдат получил возможность дать мелким административным делениям характер применимой в особых случаях тактической единицы, действующей вне связи, локоть к локтю, с массой фаланги. Спартанцы, когда на них наседали легко вооруженные, рассыпали против них младшие возрасты фаланги, которые, несмотря на тяжелое вооружение, бросались и догоняли неприятельских пелтастов, рисковавших сблизиться с ними на расстояние полета дротика. На трудной местности, и имея против себя варваров, неспособных к сомкнутому удару, греки даже начали расчленять фалангу, как видно из следующего: во время отступления десяти тысяч греков, когда они на пути к Трапезунду (400 г. до нашей эры) встретились с горцами Колхиды, засевшими на горной позиции, Ксенофонт отсоветовал строить сплошную фалангу и предложил сразу же принять боевой порядок по-ротно (по лохосам). „Лучше сразу построиться с промежутками, так как сплошная линия сама собой разорвется. Воин, долженствующий сражаться

---

[1]) Диодор (XIV, 79) отмечает, например, довольствие мобилизованной спартанской армии ввозимой из Египта пшеницей. O. Neurath. Antike Wirtschaftsgeschichte, стр. 39. Берлин. 1918.

в сплошном фронте, потеряет бодрость, увидя прорыв. Притом, если мы двинемся сплошной фалангой, неприятель нас охватит. Если же мы построим фалангу длинную, но с небольшим числом воинов в глубину, то я не удивлюсь, если наша линия будет где-нибудь прорвана... Как только неприятель прорвется в одном месте, то все греческое войско будет разбито. И потому я предлагаю итти вперед многими колоннами, каждая в лохос, оставляя между ними такие интервалы, чтобы крайние лохосы протянулись за крылья неприятельской армии. Каждый лохос будет наступать, где дорога будет удобнее... Если один лохос будет с трудом удерживать напор неприятеля, ближайший поспешит к нему на помощь, а как только какой-нибудь лохос достигнет вершины горы, неприятель не устоит".

Одновременно с этой эволюцией фаланги, большие успехи делают греки в подготовке легковооруженной пехоты — пелтастов, которые до того считались пережитком варварства. Пелтаст, имевший очень слабое предохранительное вооружение, должен был уклоняться от боя холодным оружием в равных условиях с гоплитом; но чтобы использовать свой дротик, который возможно метнуть рукой лишь на короткое расстояние, он должен был подпускать к себе неприятеля очень близко, затем отбегать и следить за каждой возможностью вступить снова в бой— своим копьем и длинным мечом. Тогда как фаланга усвояла в своей глубине и хорошего, и плохого бойца, плохой пелтаст, без инициативы, не имевший большого опыта, не находившийся в руках начальника, не представлял никакой ценности. Поэтому, только в IV веке, после установления типа профессионального солдата, начала совершенствоваться легкая пехота. Знаменитому вождю афинских наемников Ификрату приписывается греческими авторами даже изобретение этого рода войска, якобы нового—пелтастов. По существу, должна была сильно повыситься дисциплина, чтобы надлежаще использовать в бою бойца не только в сомкнутом, но и в рассыпном строю.

Тактика Эпаминонда. Дальнейший крупный шаг в военном искусстве был сделан Эпаминондом. Заключался он в следующем. Так как гоплит носил щит в левой руке, то правая сторона его была менее защищенной. Поэтому, опаснейшим, но и почетнейшим местом в греческой фаланге было место правофлангового в первой шеренге. В соответствии с этим, это место предоставлялось сильнейшим, известнейшим почетным лицам, и на правом фланге фаланги собирался цвет бойцов. Таким образом, в каждой фаланге правый фланг стал сильнейшим, и очень часто столкновения двух фаланг оканчивались победой их

правого фланга над левым неприятельским, после чего следовало новое перестроение и новое столкновение между победившими крыльями. При движении вперед, левый фланг, обычно составленный из слабых бойцов, заваливал; правый фланг выдвигался вперед и часто вправо, протягиваясь шире неприятельской фаланги, и обе фаланги сталкивались в таком косом положении, одновременно охватывая неприятельские левые фланги, несколько отставшие [1]). Эпаминонд, философ, которому пришлось руководить борьбой фиванцев за освобождение от спартанской гегемонии, обратив на это внимание, усилил свой левый фланг отборными воинами, сгустил здесь глубину фаланги до 50 шеренг, а правый фланг, вместо того, чтобы выдвигать вперед, осадил назад. Конница, перемешанная с легковооруженными, прикрывала левое ударное крыло Эпаминонда от охвата более длинным спартанским фронтом (сражение при Мантинее). Таким образом, если фаланга всегда наносила удар в косом положении, то теперь в этот косой боевой порядок Эпаминонд вложил определенную идею: усилил крыло, которое направлялось на важнейший пункт неприятельского фронта, и уклонил более слабое крыло и тем отсрочил его столкновение с врагом.

Заслуги Эпаминонда, как подчеркнул Ксенофонт, заключались не только в том, что он создал на поле сражения весьма важную тактическую идею (по позднейшей терминологии—принцип частной победы), но и в том, что он создал войско, способное ее осуществить, не боявшееся никаких лишений и трудов ни днем, ни ночью, не гнувшееся ни перед какой опасностью и сохранявшее дисциплину даже тогда, когда не хватало продовольствия.

Осадное искусство. Профессиональные вожди открыли путь усовершенствования и в отношении борьбы за укрепленные пункты. В эпоху милиции греки умели применять при атаке обнесенных стенами городов только один способ — блокаду. Они обносили осаждаемый город своей стеной, иногда двойной, игравшей роль циркум и контр-валационных линий (трехлетняя осада Платеи спартанцами в Пелопонесскую войну), как бы замуровывали его, отрезывали от всякого подвоза с суши и моря и ждали, пока голод заставит горожан сдаться. Между тем, на Западе, в Сицилии, в борьбе Карфагена и Сиракуз (уже в 409—405 г.г.) осадная техника — подкопы, осадные башни, стенобитные машины, баллисты и катапульты— получила сильное развитие, и в четвертом веке Филипп Македонский заимствовал эту технику от Диониса Старшего, тирана Сиракузского.

---

[1]) Max Jähns, Geschichte des Kriegswesens, стр. 126, 127, 129.

Ксенофонт и Сократ. Греческая дисциплина. Одновременно с успехами в практике военного искусства, греки делали успехи и в теории, которую начали преподавать софисты. Первым выдающимся военным писателем явился Ксенофонт [1]); формальной стороне военного дела он уделял относительно мало внимания и в своих исторических трудах, и в учебнике политики и тактики, облеченном в форму исторического романа (Киропедия); но вечные вопросы военной психологии им были поставлены с шириной и глубиной, которые остаются и ныне не превзойденными. Ксенофонт рассматривал военное дело, как искусство, которое ставит требования ко всему человеку, со всеми его способностями. Собственно тактика представляет лишь небольшую часть военного искусства. Полководцу предъявляются огромные требования, удовлетворить которые могут только прирожденные способности плюс образование. Ксенофонт выдвигает вопросы о глубоком и тонком построении фаланги, о взаимодействии метательного и холодного оружия, о наблюдении за тылом боевого порядка во время боя особыми жандармскими или заградительными частями, которые убивали бы каждого пытающегося бежать с поля сражения, и даже о выделении из фаланги особого резерва. Сравнительное значение холодного и метательного оружия разъяснено им в виде фантастического рассказа о том, как один таксиарх разделил своих людей на две части, одну вооружил палками, а другую—земляными комьями, заставил их подраться и на другой день продолжал состязание, переменив между ними оружие, а затем пригласил их обедать и расспрашивал — какое же оружие лучше. Все ответили единогласно, что палка—лучше; правда, при атаке получаешь несколько основательных ударов комьями, но тем приятнее, догнав неприятеля, отыграться палкой на его спине. Отсюда заключение, что холодное оружие—безусловно предпочтительнее.

Греки с Александром Македонским покорили Восток. Но с покорением Запада (поход Агафокла против Карфагена 310—307 гг.), предпринятым через 13 лет после смерти Александра Македонского, они не справились и всемирного государства не образовали. Греческая культура не родила твердой военной дисциплины. Дисциплина в греческом войске в милиционный период держалась исключительно на понятии гражданского долга. Понятие об особой военной подсудности у греков отсутствовало. Дисциплинарная власть если и была у афинских полководцев, то,

---

[1]) Ксенофонт—ученик Сократа, историк—продолжатель труда Фукидида о Пелопонесской войне,— один из интеллигентнейших военных на протяжении всей мировой истории.

по свидетельству Аристотеля, не применялась. Провинившийся воин-милиционер подлежал наказанию только после окончания войны, даже в случае чисто воинских преступлений — дезертирства, уклонения от призыва, трусости, бегства с поля сражения; полководец, вернувшись в Афины, должен был приносить жалобу народному собранию. В спартанской армии привычка к повиновению приказу внушалась с детства, но и там дисциплина была хороша только относительно. Греческого солдата было невозможно заставить исполнять фортификационные работы, а последние являются хорошим мерилом дисциплины. В сражении под Платеей, несогласный с тактикой спартанского царя Павзания, подчиненный ему спартанский начальник Амамфарет не выполнил боевого приказа. Введение вслед за этим в спартанской армии должностей двух эфоров, полномочных представителей общего собрания спартанцев, которые играли как бы роль комиссаров при командующем армией царе, скорее подорвало, чем усилило спартанскую дисциплину. В сражении при Мантинее два полемарха не выполнили указанного им маневра и за свое неповиновение были наказаны изгнанием, но не тотчас же, а после возвращения домой, гражданской властью.

С переходом к профессиональному солдату, лишенному той политической опоры, которую чувствовал за собой гражданин-милиционер, комплектовавшемуся из подчиненного беднейшего класса и зависимому от жалованья и от пайка, которые он стал получать от интендантства, условия для повышения дисциплины сложились несколько благоприятнее. Однако, прирожденный древним грекам демократический дух представлял неодолимые препятствия для установления дисциплинарной власти начальников. Когда Ксенофонт, при отступлении 10.000 греков, прибегнул к палочным ударам, чтобы заставить отступавших подобрать брошенного раненого товарища, то, несмотря на его огромный авторитет, ему пришлось оправдываться перед собранием солдат. Сам Александр Македонский, без предварительного согласия войска, не мог предать солдата смертной казни. Греческая мысль, в лице Сократа, возлагала на начальника ответственность за недостаточную его авторитетность и видела корни непослушания в том, что сами начальники недостаточно знают военное дело: нужно выбирать стратегами как раз таких лиц, которые, благодаря своему превосходству в знании и умении, умели бы вызвать такое же добровольное послушание своих подчиненных, как учитель гимнастики или регент хора. Основная обязанность начальника—внушать и подчеркивать при всякой возможности, что его единственная забота—счастье и благоденствие его солдат. Ксенофонт, ученик Сократа,

строил дисциплину на доверии солдата к своему вождю, на сознании солдата, что он может преодолеть все опасности похода, добыть себе славу и добычу, сохранить свою жизнь—только благодаря искусству и постоянным заботам о нем вождя. В этом заключается основа цезаристской дисциплины, стремящейся уловить сердца солдат и создать им из полководца их кумира. Но даже Александру Македонскому пришлось серьезно считаться с солдатскими волнениями, клавшими предел его стратегическим дерзаниям, а у меньших греческих полководцев непослушание солдат срывало иногда и наилучше задуманные операции.

Демократический дух Греции сказался в стихах Еврипида, в которых выражается жалоба на то, что слава удавшейся операции выпадает на долю вождя, а не на те войска, которые в действительности ее провели. Сотрудники Александра Македонского напоминали ему неоднократно об этих стихах [1]).

Беспрерывная гражданская война между маленькими греческими кантонами подготовила все элементы крупной военной силы.

На эту сторону обратил внимание еще отец истории, Геродот, заметивший, что греки обязаны своим успехом при отражении нашествия персов в начале V века предшествовавшей борьбе между Афинами и Эгиной, которая дала толчок к постройке большого флота. Когда большая нависшая над всей Грецией беда заставила греков стать единодушными, Греция оказалась в состоянии развить довольно крупные и решительные операции. Дальнейшие полтора века греческих междоусобиц политически еще более ослабили Грецию, но подняли военное искусство на высокую ступень. Грекам нужен был лишь внешний толчок для установления некоторой дисциплины и объединения, чтобы от успешной обороны перейти к наступлению—попытаться завоевать мир, и прежде всего богатый Восток, для эллинской культуры. Этот толчок пришел из Македонии.

Македония представляла полугреческую, полуварварскую крестьянскую страну, сравнительно обширную; крестьян, удаленных подчас на 3—4 перехода, нельзя было созывать в столицу для обучения и сплочения в тактическую единицу. Поэтому первоначально она не представляла особого

---

[1]) Кроме гениального немецкого историка Дельбрюка по военному искусству древней Греции, мы обращаем внимание на очень интересные труды офицера франц. ген. штаба Arthur Boucher, особенно на его L'armée idéale (1905 г.).

Другие его труды: La bataille de Cunaxa (1902); La tactique grecque à l'origine de l'histoire militaire (1912); L'Anabase de Xénophon ou la Retraite des Dix-Mille (1913); L'art de la guerre il y a 23 siècles (1923 г.).

интереса в военном отношении. В ней сложился особый класс, несший военную службу,—дворяне, образовывавшие нерегулярную конницу; крестьяне же призывались только для нерегулярной службы, как легкая пехота. В общем, военное искусство стояло почти на той же ступени, как и у варварских народов.

Македонская фаланга. Филипп II, царь Македонский (359—336 г.г.), имея широкие политические замыслы, приступил к формированию серьезной вооруженной силы. Образцом ему служил Эпаминонд; однако, Филипп II не заимствовал слепо чужой образец, а искусно применялся к македонским условиям. Он принял на службу значительное количество греческих наемников, но озаботился, чтобы ядро армии было македонским. Из македонских крестьян он создал македонскую фалангу, несколько отличную от дорийской (спартанской). Дорийская фаланга предназначалась для рукопашной схватки. Вследствие этого, копья греков были сравнительно коротки—около сажени, чтобы ими можно было владеть одной рукой, держа другой щит, и ряды фаланги строились не слишком тесно, чтобы дать каждому бойцу известный простор для действия оружием. Дорийская фаланга, выработанная веками, являлась стройным законченным целым, но требовала сравнительно высокого развития от входивших в нее воинов.

Филипп для своих македонских крестьян изменил несколько облик фаланги. Люди в ней ставились настолько тесно, что двигаться было трудно, и для фронтального движения обычно приходилось предварительно вздваивать ряды. Основное вооружение представляла сарисса—3-х саженная пика, которая занимала обе руки бойца; первая шеренга сохраняла щиты и потому имела, вероятно, более короткие пики, которые постепенно удлинялись к пятой шеренге, так что пики всех пяти шеренг, наклоненные вперед, кончались на одном обрезе[1]).

В общем, создалась масса максимальной сомкнутости, противоставлявшая против двух неприятельских бойцов 15 пик трех рядов пяти первых шеренг фаланги. Македонский гоплит мог обходиться более дешевым предохранительным вооружением. Это было не усовершенствование дорийской фаланги, а приспособление ее к местным условиям, связанное, быть может, с шагом назад. Македонская фаланга являлась уже не орудием для рукопашного боя, а необычайно густо ощетинившимся тараном, который должен был все столкнуть с своего пути.

---

[1]) Вопрос о длине сариссы не окончательно выяснен. Здесь приведены данные о позднейшей македонской фаланге. Установлено, что начало этому своеобразию македонской фаланги положил Филипп II, но насколько при нем уже тип фаланги отклонился от дорийской—неясно.

Македонская тяжело вооруженная пехота получила от Филиппа почетное название пецетеры (пешей королевской свиты). Из горцев в македонской армии были сформированы очень деятельные отряды легко вооруженной пехоты—пелтасты, лучники, пращники. Кроме того, для связи между фалангой и конницей, была устроена особая отборная пехота—гипасписты, имевшая несколько облегченное вооружение дорийского гоплита и игравшая как бы роль средней пехоты.

Конница. Центр тяжести реформы заключался в создании конницы, игравшей уже и у Эпаминонда существенную роль. Но конница, предшествовавшая македонскому типу, не образовывала тактических единиц, не представляла крепко сплоченного, дисциплинированного, регулярного целого. Нерегулярное начало держится у всадников гораздо упорнее, чем у пеших; с одной стороны, задача сколотить регулярную конную единицу несравненно труднее; человек на коне не так легко поддается строевой муштре, как пеший, чувство сомкнутости у него несомненно слабее; а с другой стороны, иррегулярный всадник и на поле сражения и на театре войны может принести несравненно большую пользу, чем иррегулярный пехотинец. Македонская конница была дисциплинирована, она образовывала достаточно сплоченные эскадроны—иллы. Большая часть македонской конницы носила название свиты (гетеры) и комплектовалась наследственными воинами—дворянством; остальная конница носила название пиконосцев (сариссофоры). Стремян изобретено еще не было, и сильный удар пикой грозил самому владельцу пики падением.

Македонская конница уже не ограничивалась задачей прикрытия фланга пехотной фаланги, а сама наносила подчас главный удар. Она не перемешивалась с легко вооруженной пехотой, как у фиванцев, а находилась с ней в отношении свободного тактического взаимодействия. Когда конница, как в сражении на реке Гранике, встречала местное препятствие, пешие стрелки сейчас же являлись на выручку, чтобы проложить ей дорогу.

Македонское войско, сформированное из дворян, крестьян и пастухов, представляло гораздо легче дисциплинируемые элементы, чем городские контингенты греческих демократий. Демосфен в своих знаменитых филиппиках [1]) обращал внимание на преимущества македонской организации: тогда как спартанцы или другие греки могли затянуть поход самое большее на 4 месяца, македонцы воевали, пока не достигнут цели, не стесняясь временем года; они не опустошали окрестностей укрепленных горо-

---

[1]) Т.-е. речах, направленных против Филиппа Македонского.

дов, как другие греки, а осаждали и брали города. Македонская армия представляла прочное сочетание всех родов войск. Македонская политика имела единого руководителя, она не обсуждалась вслух, средства и возможности ее оставались тайными, тогда как в Греции все политические и даже важнейшие стратегические вопросы приходилось выносить на народное обсуждение. С Филиппом II народилась военная монархия, способная планомерно и точно стремиться к поставленной цели.

Борьба Демосфена, вождя греческой демократии, с Филиппом II получила свое завершение на поле сражения под Херонеей (338 г.). Греческая армия состояла из прекрасных солдат, но контингенты отдельных городов были слабо спаяны в одно целое, единства командования не было. В то время, как сын Филиппа Александр вел главную атаку на фивян, сильнейших и числом, и традициями Эпаминонда, и священной дружиной, находившейся в их рядах, Филипп с гипаспистами, медленно отступая, занимал внимание афинян; когда Александр прорвал строй фивян и обратился против афинян, все было мгновенно кончено. Демосфену пришлось бежать. Красноречивейший оратор в мире был побежден стратегом.

Эллинистический империализм. Греческая демократия создала высокую культуру, но своими силами не могла дать всемирное распространение эллинизму. Движение греков на восток началось еще за много столетий до Филиппа, но греки в Азии и Египте занимали подчиненное положение, являлись специалистами, продавали свои технические силы и знания и поддерживали ими чуждую, остановившуюся цивилизацию Востока.

Александру Македонскому (336—323 г.г.) досталась в наследство стройная единая система военных и политических мероприятий, программа эллинистического империализма. Этот империализм складывался из крестьянской силы Македонии, создавшей и охранявшей авторитет и дисциплину, на которые греческие демократии не были способны, и монархической, хотя и сильно ограниченной обычаем, власти. Но македонский монарх являлся только автократическим (самодержавным) стратегом Греции, т.-е. объединителем и вождем всего македонско-греческого воинства. Обширные завоевания, сделанные силами одной полуварварской Македонии, не открыли бы новой страницы мировой истории. Новый этап был достигнут союзом между македонским авторитетом и греческой цивилизацией, намеченным еще Филиппом. Традиция вела род македонских царей от греческого героя Геркулеса, и наставником своего наследника Филипп избрал гениального грека Аристотеля. Македонская фаланга Александра несла на остриях своих копий

народам Востока завоевания греческой культуры, греческую мысль—греческую литературу, греческое искусство и технику.

В состав эллинистического империализма входила и другая существенная данная. Хозяйственная жизнь народов, населявших пространство между Средиземным морем и Аравийским заливом, в течение тысячелетий выработала общие интересы, группировавшиеся вокруг свободы торговли по караванному пути от Финикии к Ефрату, представлявшему единственный путь обмена Востока и Запада. В седьмом веке до Р. Х. на этом участке Азии создаются торговые государства, благосостояние которых тесно связано с их экономическими взаимоотношениями. В шестом веке до Р. Х. греки уже выступают в роли культуртрегеров в Лидийском царстве и Египте, но создание персидской монархии отбрасывает греков назад. На подготовленной сложностью и перепутанностью интересов почве древнего Востока легко возникают обширные монархии—вавилонская, два раза ассирийская, ново-вавилонская, персидская—однако, завоеватели каждый раз имели слишком мало культурного содержания, чтобы обосновать прочное всемирное государство, спаять все части одной культурой. Профессионально-военное Ассирийское царство держалось немногие десятки лет.

Обязательство поддерживать транзитный товарообмен между Индией и Средиземным морем являлось основным требованием, предъявляемым здесь каждому гегемону. Персидская монархия, в случае потери средиземноморского побережья, теряла самый смысл своего существования. Это положение в существенных чертах определило стратегию Александра.

Обстановка в малоазиатских греческих колониях представляла в политическом отношении еще одну особенность. По мере того, как Филипп и Александр устанавливали в Греции свою гегемонию, греки-демократы, республиканцы, противники Македонии, эмигрировали на азиатский берег и острова, отошедшие по Анталкидову миру (387 г. до нашей эры) к Персии. Лучшие войска персидского царя образовывались дружинами греческих эмигрантов; его искуснейшими вождями были греки (братья Ментор и Мемнон); в самой Греции персидская политика могла опираться на еще непокоренную македонянами Спарту и на демократические партии во многих городах. Приморское население Греции вообще держалось скорее персидской, чем македонской ориентации, что исключало для Александра возможность вступить с персами в борьбу за море до покорения Финикии. При осаде Милета Александр собрал до 160 кораблей, но должен был демобилизовать боль-

шую часть флота, так как, повидимому, дух греческих матросов заставлял опасаться измены [1]).

Отсюда рождались и повод к войне, и первая стратегическая задача в Азии, которую должен был разрешить Александр—прочный захват греческих колоний, представлявших осиное гнездо эмигрантов, всегда готовых переплыть Архипелаг и поднять восстание в Греции.

Глубокое понимание Александром политических условий, в которых ему приходилось бороться, видно из методической подготовки его кампании 331 года—вторжения внутрь Персии, а также из попытки подвести экономический базис под свои завоевания. Найденным морским путем от устья Инда к устью Ефрата он продолжал караванный путь через переднюю Азию и на обоих концах этой важнейшей торговой артерии древнего мира он построил два города—Александрии—которым он придавал наибольшее значение: Александрию в Египте, близь устья Нила, и Александрию в Индии, на р. Инд. Завоевание Востока Александром Македонским вызвало для древнего мира такие же экономические последствия, как открытие Америки—для новой Европы [2]).

Обеспечение общей базы. Оценивая стратегическое искусство Александра Македонского, мы должны помнить о господстве персидского флота, одерживавшего успехи в тылу Александра, захватывавшего греческие острова Тенедос, Хиос, Лесбос и другие, воспламенившего восстание в Спарте. Походу в Азию Александр предпослал методические заботы о Македонии и Греции, являвшихся общей базой для намеченного похода. Коротким, энергичным походом к Дунаю Александр обеспечил Македонию с севера. Затем Александр расправился с Фивами, которые после смерти Филиппа подняли против него оружие. Александр сразу показал, что из твердых рук отца власть перешла в еще более твердые руки сына. Фивы были разрушены и

---

[1]) Подготовляя завоевание Персии, македоняне не совершили той ошибки, которую допустила Германия перед мировой войной: Вильгельм II создавал большую армию и большой флот и оказался недостаточно сильным и на суше, и на море. Если бы Александр Македонский попытался оспаривать у персов господство на море, он не смог бы создать себе достаточный перевес на суше.

[2]) Ожесточенная борьба за Тир и финикийское побережье, предшествовавшая направлению Александром удара внутрь Азии, помимо стратегических и политических оснований, вызывалась и экономической конкуренцией между Грецией и Финикией. Военным успехам Александра Македонского предшествовали победы греков над финикиянами на экономическом фронте. Восьмимесячная осада и разрушение Тира Александром—конечная точка этой борьбы. Сама Греция выиграла от завоеваний Александра еще меньше, чем Испания от открытия Америки. Эмиграция в новые приобщенные к греческой культуре области и конкуренция вновь основанных Александром городов оставили за Афинами значение лишь интеллектуального центра.

снесены до основания; жители—частью перебиты, частью проданы в рабство. Этот метод Александр применял в течение всех своих походов: необычайно мягкий к высказывавшим покорность, восстановлявший всюду самоуправление и местный религиозный культ, Александр являлся освободителем от иноземного ига для друзей, но оставался беспощадным к сопротивлявшимся. Уничтожение городов или поголовное истребление жителей и колонизация города другими элементами—являлись обычными его приемами.

Для обеспечения внутренней безопасности на своей общей базе и для защиты ее от персидского десанта Александр выделил больше четверти своих сил—13 тысяч надежных солдат, под командой Антипатра.

Численность армии. С армией около 35 тысяч испытанных солдат вступил Александр, переправившись через Дарданеллы, на территорию Азии. Этот поход нельзя рисовать себе, как победу кучки храбрецов над миллионами. Наоборот, армия Александра была самой многочисленной и организованной, какую знала только предшествовавшая древняя история. Современный историк не уделяет ни малейшего доверия исчислению древними историками армий восточных деспотий в сотни тысяч и миллионы и сводит силу полчищ Ксеркса, с которыми он вторгнулся в Грецию, до трех десятков тысяч, несмотря на пятимиллионную цифру Геродота. Многочисленное войско—вовсе не орудие первобытных цивилизаций и является прежде всего свидетельством высоких организационных достижений: многочисленное войско требует налаженной системы снабжения, наличия денежного обращения, значительных складов, хороших дорог. В частности, персидская армия, состоявшая преимущественно из феодальной конницы, имевшая сравнительно слабую пехоту [1]), не могла быть многочисленной, так как конница, не развивающая операции в стиле Тамерлановского набега, едва ли может сосредоточить к одному пункту на несколько дней свыше 10—15 тысяч коней, уже вследствие невозможности прокормить такую массу коней. Маневрирование персидской армии перед сражением под Иссой, когда она, перевалив через горный хребет по одному перевалу, почти мгновенно появилась в тылу Александра Македонского, также показывает нам, что мы имеем дело не с 600-тысячной массой, о которой говорят Арриан и Диодор, а с массой, в 20 раз меньшей. Противник Александра, Дарий, был достаточно способный человек, чтобы понимать, что на

---

[1]) Так, в сражении при Гавгамелах не только оба крыла персидской армии были конными, но персидский центр был перемешан из пеших и конных отрядов.

поле сражения невоинственные и плохо вооруженные толпы будут ему помехой, а не помощью, и старался организовать сопротивление, обращая внимание не на количество, а на качество. Дарий не жалел денег на наем лучших греческих солдат-эмигрантов, улучшал вооружение и обучение персидского бойца, организовал массовое вступление в бой боевых колесниц с серпами.

Персы и парфяне. Через 300 лет наследники персов, их потомки, вкусившие эллинистической цивилизации, парфяне, успешно сопротивлялись римским армиям, скрепленным несравненно более крепкой дисциплиной и имевшим во главе таких незаурядных вождей, как Красс (в 53 г. до Р. Х.—47 тысяч римлян) и Антоний (в 37 г. до Р. Х.—80-90 тысяч). Из семи легионов Красса уцелели только 2 легиона, и на его экспедицию легла печать смерти; Антонию также не удалось взять осажденный им город Фрааспа, несмотря на выдержку римлян и энергию вождя, который не остановился перед децимированием (казнь через девять человек десятого) двух когорт за недостаточно успешное отражение парфянской вылазки, которой удалось повредить осадные машины; Антонию пришлось с большими потерями отступить. Почему парфянам так удалась малая война, совершенно отрезавшая римлян от подвоза с тыла; почему римляне переполнены таким страхом перед „парфянской стрелой“ и передают рассказы о целых верблюжьих парках со стрелами, питавших метательный бой парфян,—а персы, такие же природные наездники и стрелки из лука, и не пробовали обратиться к этой скифской стратегии и тактике, а пытались трижды остановить движение македонской армии большими полевыми сражениями—на р. Гранике, под Иссой и Гавгамелами?

Чтобы, избегая сражения в открытом поле, открыть страну нашествию врага, ограничиться защитой крепких пунктов и действиями на сообщения противника, государство должно обладать большой внутренней спайкой и значительной моральной сопротивляемостью. Таковы были парфяне в I веке до нашей эры, римляне—во время второй Пунической войны, отчасти русские—в 1812 году,—но таковыми не были персы, противостоявшие македонцам. Монархия была непрочно скреплена, и царский авторитет был подорван дворцовой революцией, которая возвела на трон Дария Кодомана, представителя младшей ветви персидской династии Ахеменидов. Когда Дарий был разбит под Гавгамелами и не мог больше противостоять Александу Македонскому в поле, Вавилон, Суза, Персеполис, Экбатана добровольно открыли Александру свои ворота. Внутренняя слабость персидской монархии заставляла ее искать свой жребий в решительном бою в поле, для чего персидская

армия, несмотря на усилия Дария, была недостаточно приспособлена [1]). Политические условия позволяли Александру исключить из расчетов возможность уклонения неприятеля от решительного боя, когда он углубился в сердце персидской монархии.

Стратегия Александра Македонского весьма поучительна. (Черт. № 1). Вступив весной 334 года в Малую Азию, он в мае того же года разбил на переправе через р. Граник небольшую армию Мемнона из греческих наемников и отборной персидской конницы. На полтора года Александр получил свободу действий—персы с наспех собранными войсками не рисковали встретиться с ним в поле.

Этот период используется Александром для расширения своей базы. Он без боя овладел Сардами и Милетом, овладел после упорной осады Галикарнасом, который оборонял Мемнон; последний с остатком гарнизона, после неудачной вылазки, сел на корабли и отплыл. Эфес и все малоазиатское побережье Средиземного моря перешли в его руки; но море находилось еще во власти персов, и, чтобы добиться крушения их морской силы, Александр Македонский развил свое наступление далее на юг, вдоль побережья, против Финикии, представлявшей базу морской силы Персии.

В ноябре второго года войны на его сообщения, чтобы парировать удар на Финикию, вышел Дарий Кодоман и занял позицию — фронтом на юг между морем и горным хребтом, за небольшой речкой, у г. Исса. Александр оказался отрезанным от Греции и был вынужден повернуться и драться с перевернутым фронтом. Но тактическая победа оказалась на стороне Александра. Разбитый Дарий более не осмеливался появляться в береговых провинциях и ждал с новой армией в сердце монархии, Месопотамии, появления Александра. Но последний, после краткого преследования, принесшего огромные результаты, так как персам приходилось отходить по трудной горной дороге, продолжал планомерное выполнение своего плана: после семимесячной осады, в июле 332 года, он овладел главным финикийским портом—Тиром (метрополия Карфагена) и после двухмесячной осады взял штурмом Газу. Господство на море и тыл Александра этим были обеспечены; но чтобы окончательно завершить организацию базирования на Средиземном море для дальнейших операций,

---

[1]) Греческий полководец Дария, Мемнон, дал Дарию совет уклоняться от боя с македонцами, вести в Азии затяжную войну, опустошая отдаваемые македонцам районы, а при помощи флота, десанта и подкупа в широких размерах перенести активные действия к берегам Греции, но, по приведенным соображениям, Дарий в полной мере этим планом воспользоваться не мог.

Александр совершил военную прогулку в Египет [1]), освободил его от персидского ига, посетил в оазисе Амониум святыню Амон-Ра, где одаренные им жрецы признали его за сына Амон-Ра, что давало Александру права и авторитет природного фараона, и весной 331 года выступил из Мемфиса в Месопотамию. „Два солнца не уместятся на небе"—ответил Александр на попытки Дария вступить в переговоры. После переправ через Ефрат и Тигр, на равнине у Гавгамел, избранной Дарием для сражения, чтобы его колесницам было удобно атаковать, осенью 331 года состоялось решительное сражение, после которого важнейшие города и провинции стали без боя переходить во власть Александра.

Тактика. Тактический ход сражений мы можем проследить лишь с трудом, так как в источники [2]) вкралось слишком много басен. Всюду решающим элементом являлась конница правого македонского крыла под личной командой Александра. На реке Гранике весь вопрос сводился к тому, чтобы помочь коннице взобраться на крутой берег реки, откуда поражали персидские стрелки, и македонские пельтасты во время выручили конницу. Под Иссой македонская фаланга в центре расстроилась при переходе через полувысохшую реку с крутыми берегами, и в образовавшуюся в центре щель ворвались греческие наемники и поставили македонскую фалангу в трудное положение. Македонская конница левого крыла была опрокинута персидской конницей, но продолжала ее связывать; конница же правого

---

[1]) Мы не будем, вслед за другими, осуждать Александра за эту потерю времени: экономически Персидская монархия, потерявшая побережье, должна была развалиться. Александр, выжидая, давал возможность этому процессу развала выявиться, что создало благоприятные условия для кампании 331 г.

[2]) Важнейшими первоисточниками по походам Александра Македонского является историк Арриан, писавший через 5 столетий, и Диодор Сицилийский, писавший через 4 столетия. Несмотря на то, что Арриан опирается на недошедшие до нас труды Птоломея Лаги и Аристобула, что он обладал военными знаниями, несмотря на то, что осведомленость Арриана базируется главным образом на данных македонского происхождения, а осведомленность Диодора—на данных из противного, греко-персидского лагеря, все же эти труды являются слишком запоздалыми, чтобы установить подробности тактических действий. Помимо включающихся в них басен, Арриан переносит ход военного мышления римлянина эпохи империи на эпоху Александра, отношения Александра к его генералам трактует, как отношения римского императора к его легатам и т. д. Подробная критика источников о Александре Македонском — в знаменитых аналектах (аналекты — плоды чтения) во всемирной истории Ранке, т. III, ч. II, стр. 42—91. Перевод Арриана на французский язык Шоссаром—т. I. (1838). Bibliothèque militaire, стр. 807. Кроме устаревшего труда Иенса и классического труда Дельбрюка, интересны оценки: Jork v. Wartenburg. Kurze Übersicht der Feldzüge Alexander des Grossen. Berlin. 1897; L. v. Verdy du Vernois. Studien über den Krieg, III Teil, Strategie, III Heft. Berlin. 1904, стр. 22—40.

крыла с Александром, одержав полный успех, бросилась на помощь центру и дала полную победу. Под Гавгамелами, где Александр располагал самыми большими силами—40 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы, он не стремился растянуть огромную массу своей пехоты на больший фронт, что затруднило бы движение фаланги, а построил особенно глубокую фалангу и за каждым флангом ее расположил пехотный уступ, так что все построение напоминало построение покоем (литерой п). Персы с фронта направили атаку массы боевых колесниц и охватили фланги фаланги в то время, как конные крылья вели бой с переменным успехом. Но масса легко вооруженных, прикрывавших фронт фаланги, успела переранить многих возниц и лошадей, прежде чем они добрались до фаланги, часть колесниц повернула обратно, а часть колесниц была пропущена в интервалы раздавшейся перед ними фаланги, как войска тому были заблаговременно обучены. Оправившись от атаки колесниц, фаланга перешла в наступление, отбивая из уступов попытки охвата; несмотря на то, что фаланга в бою разорвалась на две части и в промежуток проникла неприятельская конница, наступление фаланги вызвало панику персидской армии, и все побежало.

Из дальнейших походов Александра самый замечательный—в Индию, при чем он с армией перешел через Гиндукуш по перевалу, высотой около 14 тыс. фут., и на р. Гидаспес, летом 326 г., атаковал индийского царька Пора.

Александр располагал 6 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Пор был несколько сильнее пехотой, но слабее конницей и, сверх того, располагал сотней боевых слонов. Слоны—„как городские башни“,—образовывали центр; позади—„как городская стена“—стояла индийская пехота, явно имевшая характер вспомогательного рода войск; кавалерия—на крыльях. Македонская конница в начале боя одержала успех, но, столкнувшись с частью слонов, обратилась в бегство („лошади испугались“; однако, македонцы были уже более года в Индии, и было время приучить лошадей к виду и реву слонов). Тогда Пор двинул слонов на фалангу. Произошел самый тяжелый для македонцев бой—много пехоты было потоптано. Но, в конце концов, удалось сбить стрелами и копьями часть вожатых и переранить слонов настолько, что они повернули или отказывались наступать. Как только атака слонов была отбита, сражение оказалось выиграно македонцами. В македонской армии было около 1000 убитых и несколько тысяч раненых. Слоны произвели на македонских генералов такое сильное впечатление, что с этого времени их начинают применять во всех армиях, где господствует военное искусство эллинов (у диадохов, у Пирра, карфагенян). Слоны в те-

Поход Александра Македонского в Персию 334—331 года до Р.Х.

Чертеж № 1.

чение трехсот лет играют довольно крупную роль на полях 23 больших сражений, появляясь в массах, иногда значительно превышающих сотню. Более всего они были действительны против конницы; выгоднее всего их было атаковать легковооруженной пехотой. После гражданских войн Юлия Цезаря эти „танки" древности совершенно исчезают из военного обихода.

Управление в бою. Александр Македонский отдавал все распоряжения до боя. В бою предоставлялась инициатива опытным генералам, командовавшим частями боевого порядка, сам же Александр, во главе отборной конницы, подавал пример, лично вступая в бой копьем и мечом, а при штурме укрепленных городов—эскаладируя стену. Неоднократно в боях Александр был ранен и попадал в опасное положение.

Сто лет спустя, военное искусство уже настолько усложнилось, что полководец должен был сохранять за собой управление во время самого боя и отказаться от личного участия в рукопашных схватках. Стратег — завоеватель мира и храбрейший рыцарь своей армии в мировой истории соединяются только в лице Александра Македонского.

Диадохи и перипатетики. Александр Македонский лежал еще в гробу, а основанная им всемирная монархия была уже поделена между его генералами. Наступила эпоха диадохов. На смену империалистическим великим походам Александра Македонского выступила эра борьбы диадохов между собой, имевшая чисто династический характер. В этой борьбе диадохи опирались исключительно на армии из наемников-профессионалов; обучение войск и техника военного дела сделали известные успехи; однако, эта борьба разменяла эллинизм на мелкую монету, и дальнейшим развитием военного искусства мы обязаны другому народу—римлянам.

В эпоху диадохов военная теория оторвалась от жизни и оказалась представленной школой перипатетиков, которые видели единственную причину побед Александра Македонского в уроках, полученных им от Аристотеля. Будучи сами софистами школы Аристотеля, перипатетики, забывая совершенно о значении моральных сил, сводили все военное искусство к геометрии боевых порядков[1]).

---

[1]) Суворов презирал и ненавидел геометрическое направление в стратегии и тактике перипатетиков XVIII века. Наиболее известен рассказ о перипатетике Формионе, который при антиохийском дворе встретил бежавшего из Карфагена Ганнибала и начал с циркулем в руке объяснять сделанные Ганнибалом ошибки, помешавшие ему победить Рим. Критика Формиона вырвала у Ганнибала восклицание: „много я встречал старых сумасшедших людей, но в первый раз вижу человека со столь вывернутыми мозгами!" Формионами в Греции стали называть людей, которые говорят о том, чего не понимают.

Литература.

Кроме приведенных в подстрочных примечаниях трудов, укажем:

Н. Сухотин. Заметки по предмету истории военного искусства древних. 1881 г. Устарелый труд; пригонка исторических фактов под мерку современных теорий.

Мартынов, Е. Историческiй очерк развития древнегреческой тактики. 1900 г. Грамотный труд, базирующийся на Иенсе и других немецких работах.

Фукидид. 2 тома, в переводе Мищенко-Жебелева (изд. Сабашниковых, 1915 г.). Важнейший исторический труд древности; Фукидид во многом и сейчас может служить образцом для историков, в особенности военных. Перевод очень приличный.

Rüstow und Köchly. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der altesten Zeit bis auf Pirrhos. Aarrau. 1852.

Быстрописец Рюстов, выдвинувший на первый план историю военного искусства, часто фантазировал, недостаточно считался с экономическими факторами, принимал порой за действительность теоретические измышления досужих тактиков минувших веков. Тем не менее его труды пронизаны творчеством, крупной мыслью. Вместе с филологом, цюрихским профессором Кехли, Рюстов написал историю военного дела в Греции с древнейших времен до Пирра, затем труд, посвященный греческим военным писателям (Griechische Kriegsschriftsteller. Leipzig. 1855); самостоятельный очерк, посвященный военному искусству Юлия Цезаря (Heerwesen und Kriegsführung C. Jülius Cäsars. II Auflage. Nordhausen. 1862, стр. 184). Его труды по военному искусству античных народов пользуются меньшим распространением, чем по новой истории, но в научном отношении должны быть поставлены выше.

Liskenne et Sauvan. Bibliothèque militaire. 1837—1840. т. I—VI.

Каждый фолиант начинается с короткого очерка, среднего по характеру между военной историей и историей военного искусства, ныне уже совершенно устарелого, а затем следует полный перевод произведений авторов очерчиваемой эпохи. Средневековые хроники отсутствуют, литература XVI—XVIII веков представлена очень хорошо. Удовлетворительные полные переводы на французский язык Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Цезаря, Вегеция, Арриана и других авторов делают это издание ценным для лиц, коих затрудняет пользование латинскими и греческими подлинниками. IV том заключает избранные сочинения Тюрена, Фекьера, Фолара, Пюи-Сегюра, Морица Саксонского, V том—Фридриха Великого, Лойда, Гибера, Карно, Тибо, Жомини. Мы обращаем внимание на это издание потому, что оно существует в русском переводе „Военная библиотека“, издания сороковых годов; многие перечисленные выше классики могут быть изучены на русском языке только в этом издании; качество перевода нам неизвестно.

Маврикий. Тактика и стратегия. Перевод с латинского шт.-капитана Цыбышева, под ред. П. А. Гейсмана. 1903 г. Как и все византийские труды, он приписывается императору, бывшему известным полководцем. По существу, византийские труды представляют преимущественно переделку недошедших до нас военных трудов александрийской школы: перипатетики, в их лучшем издании, плюс большое увлечение техникой. Мы относим этот труд к главе о древней Греции, хотя он представляет лишь отголосок классицизма спустя тысячелетие.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Римская милиция. Борьба Рима с Ганнибалом.

Рим. Легион. Деление по возрастам. Манипулы. Вооружение. Командный состав. Римская дисциплина. Значение второй Пунической войны. Карфагенская армия. План Ганнибала. Стратегия Фабия Кунктатора. Канны. Линейная тактика Сципиона Африканского. Сражение при Заме.

Рим в доисторическую эпоху, повидимому, пережил более сильно развитый феодальный период жизни государства, чем Греция.

Феодалы доисторического Рима выработали крепкую и пустившую прочные социальные корни аристократию—патрициев. С падением монархии и основанием римской республики (510 г. до Р. Х.) история Рима в главных чертах становится доступной для нас; мы можем представить себе картину состояния вооруженной силы Рима с этого времени, но первым сражением, о событиях которого мы можем уверенно говорить и которое дает нам возможность видеть эту вооруженную силу в деле, является сражение при Каннах.

Старый торговый город Рим, вместе со своей небольшой округой—983 кв. килом. (граница находилась в 17 верстах от центра), имел в эпоху основания республики около 60 тысяч жителей. Государственное устройство характеризовалось теснейшей смычкой города и деревни. Военной службой были обязаны поголовно все свободные мужчины, в возрасте от 17 до 46 лет, числом около 9 тысяч. Более состоятельные горожане—всадники—комплектовали конницу (600 человек). Относительно зажиточные люди являлись с вооружением гоплита. Неимущие являлись по призыву с копьем или пращей и несли преимущественно нестроевую службу.

В течение всего периода существования милиции, в Риме уделялось ее комплектованию особое внимание государственной власти: сенат, на основании тщательно веденных цензовых списков, каждый год составлял новую раскладку воинской повинности между общинами. Обязанность граждан являться по призыву не только декларировалась, но и тщательно контролировалась.

Таким образом, существенный признак римской, как и афинской, милиции заключался в привлечении к оружию граждан собственников. Основу римской милиции первоначально составляли имущие классы. Как мы увидим, переход к профессиональному солдату был связан в Риме, как и в Греции, с переносом комплектования армии на бедноту. Профессиональная армия из пролетариев оказалась способной достигнуть высшего уровня военного искусства, но она явилась в гораздо меньшей степени связанной с буржуазной республикой [1]) и лишенной той политической устойчивости, которая составляла славу римской милиции, комплектовавшейся господствовавшими классами и крестьянством.

Римская республика была небогата, собирала свою казну посредством налогов на граждан, а не взносов со стороны союзников, как Афины; тем не менее милиционеру полагался в Риме паек, который расценивался в год в 75 динариев, и ежегодное жалованье в 45 динариев [2]).

Легион. Так как, вместо монарха, войско подчинялось двум выборным бургомистрам города—консулам, то и все оно было поделено на 2 части, по 4.500 человек в каждой (3.000 пеших, 300 конных, 1.200 нестроевых и легко вооруженных), которые получили наименование легиона. С увеличением народонаселения росло и число легионов. Легион являлся, таким образом, административным делением, в боевом же порядке вся армия представляла сомкнутую массу—фалангу.

Деление по возрастам. В конце IV столетия до Р. Х. деление милиционеров, в зависимости от их имущественного положения, утратилось; государство было уже достаточно богато, чтобы давать недостаточным милиционерам недостающее им вооружение. Нестроевой состав легиона (29% против 50% у греков) комплектовался из менее надежных элементов, преимущественно из населения недавно покоренных областей.

Строевой состав стал делиться по возрастам на младших—гастатов (1200 человек), средних—принципов (столько же) и старейших—триариев (600), при чем единицы гастатов—манипулы—образовывали передние шеренги фаланги, манипулы принципов — средние, а триариев—задние. Профессиональных солдат так организовать

---

[1]) Мы затруднились бы излагать античную историю, не употребляя современных терминов. Мы говорим об античном капитализме, буржуазной республике, накоплении и концентрации капиталов; хотя все эти понятия в древнем мире и включали несколько иное содержание, но без них обойтись нельзя. Мы вынуждены излагать события прошлого на современном языке. Оценивать прошлое мы в силах, лишь прилагая современную меру. Это не упрощение, а необходимость.

[2]) Динарий—около 42 коп. (в зол. валюте).

нельзя: каждый наемник получает равную плату, и опасность должна делиться поровну или случайно. Когда Рим, после Канн, начал переходить к профессиональному солдату, это деление на возрасты в действительности утратилось. Но в организованной милиции такое деление отвечало обстановке: более рьяная и физически сильная молодежь принимала на себя всю тяжесть рукопашной схватки, а отцы семейств, как и в немецком ландвере, подвергались опасности только в крайних случаях, когда нужно было заполнить разрыв, образовавшийся в фаланге.

Манипулы. Гастаты, принципы и триарии образовывали по 10 манипул, силой по 120 гоплитов (у триариев - 60 гоплитов). Манипулы строились в 6 шеренг в глубину и имели, следовательно, у гастатов и принципов по 20 человек в шеренге, а у триариев по 10 человек. Манипулы делились каждая на две центурии, которые строились рядом. Фронт легиона образовывали 10 манипул гастатов, 200 человек по фронту. Между манипулами оставались маленькие интервалы—щели. Смысл этих щелей в общей фаланге был очень глубокий. Когда римская армия—иногда свыше десяти легионов, занимая своей фалангой фронт в 1—2 версты, наступала, то сохранение направления, особенно на пересеченной местности, для всего фронта было очень трудно. Известно, как трудно провести и по гладкому полю, на церемониальном марше, по отмеченному линейными направлению, даже развернутую роту—часто всего 50 человек в одной шеренге, без ломки равнения и разрывов. А в боевых условиях, при движении в первой шеренге 2000—3000 человек, разрывы, и довольно значительные, являлись обыденным, частым явлением. Борьба с ними путем остановки и подравнивания губительна для быстроты маневра и представляет паллиатив. А между тем, каждый разрыв в фаланге, обнажая два неприкрытых фланга, представляет готовый прорыв боевого порядка и может вести к поражению. Поэтому римляне и дали не тактическую, правда, а только строевую самостоятельность каждой манипуле. Шеренга в 20 человек, даже неопытных милиционеров, легко может быть обучена движению без разрывов. Каждая манипула имела свой значек (они подравнивались при общем наступлении), и каждый милиционер обязан был ни в коем случае от него не отрываться и не терять свое место в манипуле. Интервалы между манипулами, очень небольшие, смягчали толчки при движении, когда манипулы то сближались вплотную, то несколько расходились. Нормально в момент рукопашной схватки они исчезали вследствие более свободного размещения людей в момент атаки и действия оружием. Но если, как это неоднократно повторялось, столкновение с противником происходило в мо-

мент образовавшегося между двумя манипулами гастатов разрыва, то этот разрыв автоматически заполнялся стоявшей сзади манипулой принципов или ее центурией [1]), если в разрыве не могла поместиться целая манипула. С этой целью манипулы гастатов, принципов и триариев стояли не в затылок друг другу, а как при кирпичной кладке—центр последующих манипул за швом предшествующих.

Интервалы между манипулами представляли и ту выгоду, что позволяли употреблять в гораздо более широкой мере метательное оружие. При сплошной фаланге действующие впереди легко вооруженные должны были отходить заблаговременно за фланги, чтобы не быть раздавленными между двумя наступающими друг на друга фронтами, что при недальнобойности тогдашнего оружия давало возможность легко вооруженным действовать исключительно впереди флангов. Щели же между манипулами позволяли легко вооруженным скрываться через них к моменту решительной схватки и, таким образом, сравнительно долго оставаться перед фронтом.

Как ни очевидны выгоды манипулярного построения фаланги, чтобы принять такое построение, недостаточно догадаться о нем, знать его. Нужна предпосылка о высшей ступени сплоченности, о высшей ступени доверия к товарищам, о высших достижениях в отношении дисциплины. Недостаточно дисциплинированному греку только могучее чувство локтя, только осязаемая очевидность отсутствия щелей в фаланге давала уверенность, что в момент схватки он не будет предоставлен своим силам. Римский милиционер, выросший в условиях железной дисциплины, наступал с готовым разрывом в сплошной фаланге, убежденно веря, что в момент столкновения этот разрыв будет заполнен, и два суровых проводника римской дисциплины—два центуриона—фельдфебеля, стоявшие позади в манипуле принципов, обязанные скомандовать и обязательно повести в разрыв своих принципов, имели достаточно авторитетный вид, чтобы поддержать это доверие [2]).

Вооружение. На вторую половину IV столетия выпадает и установка окончательного типа вооружения римского легионера. Копье, которое не представляло удобств для рукопашной схватки, было сохранено только у триариев,

---

[1]) Центурия—филологически сотня. В первоначальной классовой организации армии, центурия—орган для государственных выборов, и там в ней действительно было 100 человек. Тактическая центурия—половина манипулы—удержала старое название, хотя в ней было не более 60 человек, а не сотня.

[2]) Такому объяснению построения римской фаланги, явившемуся на место фальшивой теории шахматного порядка построения легиона (фальшь идет от Тита Ливия), наука обязана Дельбрюку, выступившему с ней печатно в первый раз в „Персидских и Бургундских войнах“ в 1888 году.

которые в свалке почти не участвовали. Главным оружием легионера являлся меч; вместо копья, гастаты и принципы имели пилум—короткое копье, дротик; подойдя на близкое расстояние, две первых шеренги гастатов, по общему знаку, метали свои пилумы; и, после этого залпа, римская фаланга стремительно бросалась в рукопашную, обнажая мечи.

1.200 нестроевых и легковооруженных распределялись в административном порядке по 40 человек на манипулу. Таким образом, 2 нестроевых приходилось на 6 гастатов или принципов и на 3 триария. Около 200 легковооруженных участвовало в бою перед фронтом легиона. Если последний имел открытый фланг, то на нем могло принять участие в бою еще небольшое число легковооруженных. Небольшая часть следовала за триариями для подборки раненых, главная же масса оставалась сторожить лагерь.

Превосходство римлян в тактике достигалось не творчеством в отношении военного искусства на полях сражений, а превосходством дисциплины, вооружения и выработанного метода стремительной атаки густых масс пехоты (нормально—15 шеренг). Римская конница, продолжавшая комплектоваться из богатейших граждан и строившаяся на флангах, особым искусством и доблестью не отличалась. Как и греческая фаланга, римская фаланга способна была наносить удар только в одну сторону, и какое бы количество легионов ни входило в нее, она была почти беззащитна в случае атаки неприятеля с нескольких сторон. Манипулы не представляли тактических единиц, способных к самостоятельному маневрированию, и не было командного состава, который мог бы скомпановать и осуществить тактический маневр частью всей пехоты.

Командный состав римской милиции заслуживает особого внимания. Высший командный состав представлял высших гражданских чиновников. Штатские полководцы—консулы—(римские бургомистры) и почти столь же штатские генералы — легаты—и штаб-офицеры — трибуны, командующие отдельными легионами, были, в большинстве случаев, молодыми людьми аристократического происхождения, с ничтожным боевым опытом. Такой высший командный состав мог проводить определенную схему боя, но к творчеству и проявлению инициативы на поле сражения был неспособен. Даже когда Рим перешел к профессиональным, солдатским армиям, это сохранение командования в руках гражданской магистратуры оказалось возможным. Римские наместники и губернаторы—проконсулы и преторы — командовали всеми войсками вверенных им провинций. Высший римский начальник не был вождем, не подавал примера воинам в бою, а являлся дающей приказание инстанцией.

Это немыслимо при недостаточно дисциплинированных войсках; это было немыслимо в Греции, и особенно было немыслимо в средние века, когда король или герцог в бою являлся только первым рыцарем своего войска [1]). Римская милиция была идеальным регулярным войском, над которым царствовал закон, удивительно дисциплинированным, необычно послушным орудием, как бы созданным для того, чтобы ему приказывали.

Римская дисциплина. Проводником этой дисциплины являлся младший офицер, выходивший из рядов наиболее надежных, опытных и исправных легионеров, с незначительным социальным положением, и выполнявший приблизительно функции современного фельдфебеля (центурион). Впрочем, тип его окончательно выработался, когда походы участились и удлинились, и когда Рим перешел к профессиональному солдату. Сильные, энергичные, авторитетные, хотя и вышедшие из народа, римские центурионы следили за всеми деталями службы; имея в руках виноградную лозу, они на месте же, в порядке управления, наказывали ею каждый проступок, каждое упущение легионера. Римская конница, вследствие условий своего комплектования, резко отличалась по дисциплине от пехоты и потому всегда уступала ей славу побед.

Консул был облечен правом предавать смертной казни в дисциплинарном порядке. Ему предшествовали ликторы с секирами и пучками розог, что являлось не только эмблемой власти, предоставленной ему законом, но и орудием для осуществления ее на месте. Консул имел право децимирования, т.-е. смертной казни, налагаемой на десятую часть целых строевых соединений, и такая массовая смертная казнь, как дисциплинарное наказание за неисправность службы, являлась не пустым словом, а применялась на деле (например, Антонием в походе против парфян). Штаб-офицер, трибун, имел право накладывать строжайшие телесные наказания, до избиения камнями включительно, что было равносильно приговору к смертной казни; случайно выживший это наказание должен был, под страхом смерти, навсегда оставить пределы республики. К наказанию избиением камнями приговаривался обязательно часовой, обнаруженный центурионом, совершавшим обход, спящим, и сам центурион, если бы он скрыл и не донес об этом проступке по начальству.

Пробным камнем дисциплины являются фортификационные работы. Греческого гоплита надо было продолжительно уговаривать, чтобы он взялся за лопату; римский же легионер, после самого утомительного перехода, не распола-

---

[1]) Немецкое слово Fürst (князь) происходит от Erst—первый.

гался на отдых, не укрепив своего лагеря рвом с бруствером, усиленным палисадом. Тяжело вооруженный римский легионер нес на себе и шанцевый инструмент, а подчас и палисадины для лагеря, если приходилось разбивать его в безлесном месте.

Римское военное искусство замечательно этой железной дисциплиной, благодаря которой удалось создать всемирное государство. Республиканская форма государственного устройства не только не допускала подрыва дисциплины и авторитета закона, но возвела их на степень святыни.

Не только строгость и неумолимость дисциплинарных наказаний и непрерывный надзор центурионов содействовали постановке дисциплины на такую высоту, но и строевые учения. Манипулы обучались во всех случаях сохранять свой строй. Несколько манипул обучались движению развернутым фронтом, с сохранением взятых интервалов.

Основанное на удачном шаблоне и на величественной дисциплине римское военное искусство позволило успешно справиться с слабыми противниками, завоевать всю Италию, но поставило республику на край гибели, когда противником ее оказался великий полководец — Ганнибал, имевший в своих руках крепко сплоченную профессиональную армию, с великолепно подобранным и тактически образованным старшим командным составом.

Значение второй Пунической войны. Вторая Пуническая война (218—201 г. до Р. Х.) для истории военного искусства имеет чрезвычайное значение. Во-первых, часть событий этой войны может быть установлена вполне научно. В истории сражений древних и средних веков точнее всего наши сведения о Каннах. Карфаген был разрушен; до нас не дошло ни строчки оригинальной карфагенской литературы, но древние римские и греческие историки пользовались по второй Пунической войне достоверным материалом, как с римской, так и с карфагенской стороны [1]). Дельбрюк в необычайно глубоких страницах Полибия, посвященных действиям карфагенян при Каннах, так резко отличающихся от обычной батальной живописи историков, готов видеть голос самого Ганнибала, реляцию его, попавшую через вторые руки к Полибию. Во-вторых, в этой войне мы видим величайшего полководца истории — Ганнибала. Как и Наполеон, Ганнибал окончил свою полководческую деятельность тяжелым военным поражением, но слава обоих великих побежденных полководцев не за-

---

[1]) Ганнибал имел в своем штабе, как и Александр Македонский, греческих историков. Ганнибал был, повидимому, знаком с историей походов Александра Македонского.

темнена их печальным концом. В-третьих, в течение этой войны военное искусство римлян пережило огромную эволюцию. Талантливый римский вождь, Сципион Африканский, сумел разгадать тайну побед Ганнибала и перестроил римскую милицию на уровень новых требований, которые вызывались стремлениями Рима к всемирному владычеству.

Карфаген, по своему географическому положению, отличался от Рима отсутствием своей округи, населенной крестьянами той же национальности. Африканские туземцы-ливийцы и нумидийцы, кочевавшие в ближайших к Карфагену степях, имели мало общего с культурными семитами города. Поэтому Карфаген был преимущественно морской державой, захватывал острова, богател морской торговлей в западной части Средиземного моря, а в Атлантическом океане занимал монопольное положение, обеспечив за собой оба берега Гибралтарского пролива. Сухопутная его армия формировалась исключительно из наемников; главным образом, это были чужеземцы; среди этих профессионалов военного дела было много греков, и в течение первой Пунической войны карфагеняне усвоили себе от греческого стратега Ксантипа все достижения греческого военного искусства. Первая Пуническая война (264—242 г.) повела к потере Сицилии, а с ней и господства на море; ко второй Пунической войне Карфаген мог выставить только 70 трирем против 120 трирем Рима. Последовавшие при демобилизации после 1-й войны бунты наемных войск поставили на край гибели республику; на острове Сардиния все пунийские начальники с их штабами были перебиты солдатами, и Рим захватил этот остров, как беспризорный (238 г.).

Карфагенская армия. Гамилькар, карфагенский полководец, герой первой Пунической войны, получивший за свою энергию прозвище „Барка“, т.-е. молния, справился с ужасным солдатским бунтом, собрал около себя испытанный кадр военных, отправился с ними на Пиринейский полуостров и завоевал его до р. Эбро, чем создал компенсацию за потерянную Сицилию. Завоеванные области изобиловали богатыми серебряными рудниками. Армия жила без помощи Карфагена и почувствовала себя самостоятельной.

Политику Гамилькара после его смерти продолжал Газдрубал—его зять. Рим не препятствовал этому расширению карфагенского влияния, так как был занят завоеванием Цизальпинской Галлии (бассейн р. По), но связал Газдрубала обещанием не переходить на северный берег р. Эбро.

После смерти Газдрубала армия провозгласила своим вождем Ганнибала, сына Гамилькара. Карфаген был вынужден признать его своим полководцем. В Карфагене опорой Ганнибала были „баркиды“—партия войны, партия

ненависти к Риму. Сохранить свое положение Ганнибал мог только успешными военными операциями—и он осадил и взял Сагунт, союзную Риму греческую колонию. На требование Рима выдать Ганнибала Карфаген мог ответить только отказом. Повод к войне двух соперников за господство на Средиземном море был дан, и решительная борьба началась [1]).

Ганнибал захватил инициативу. Он располагал профессиональной, глубоко ему преданной армией; те же наемники, которые столько раз убивали своих карфагенских полководцев, оставались дисциплинированными и послушными Ганнибалу при всех обстоятельствах. Ганнибал—почти единственный из военных полководцев, которому не пришлось сталкиваться с солдатскими волнениями и бунтами. Его армия из старых африканских кадров, пополненная набором иберийцев (на Пиринейском полуострове), превышала 50 тысяч, образовывала отдельные тактические единицы, которые под руководством опытных генералов на поле сражения могли самостоятельно маневрировать. Тактическое превосходство армии Ганнибала над римской милицией было несомненно, и оно еще усиливалось тем обстоятельством, что Ганнибал располагал безусловно превосходной конницей. Нумидийцы, союзники Ганнибала, доставили ему очень хорошую легкую конницу, а карфагенская тяжелая конница была способна не только наносить сильные удары, но представляла регулярную часть под командой офицеров, воспитанных еще Гамилькаром, и была настолько дисциплинирована, что не бросалась за добычей, а способна была к маневру на поле сражения по указанию полководца. Это были кирасиры древности.

План Ганнибала. Располагая таким превосходным тактическим орудием, учитывая слабую профессиональную подготовку вождей римской армии, Ганнибал мог не бояться встречи в поле даже с вдвое превосходными силами. Он составил смелый план перейти через Пиринеи, р. Рону и Альпы в Италию, разбить в поле римские войска и захватить и уничтожить Рим. При господстве римлян на море,

---

[1]) Еще Александр Македонский считал, что не докончил постройки своей всемирной монархии, не овладев Карфагеном, и намечал против него поход. Греки, после смерти Александра Македонского, оказались недостаточно сплоченными и дисциплинированными, чтобы справиться с этой задачей. Царь Пирр—последний представитель наступательной греческой политики на Западе—вел борьбу одновременно против находившихся в союзе Рима и Карфагена. Рим наследовал политическую программу греков и постепенно втянулся в борьбу с Карфагеном. В течение 8 месяцев осады Сагунта Рим оказывал своему союзнику только дипломатическую поддержку. Это была крупная политическая ошибка. Нападение Австро-Венгрии в 1914 году на Сербию поставило Россию перед той же задачей, которая сложилась для Рима за 2130 лет перед тем.

это был единственный способ перенести военные действия на римскую территорию. Ганнибалу пришлось отказаться от сообщений с тылом; надежды его покоились на возможности создать базу впереди, в тех областях Италии, которые отпадут от Рима. Последний только в момент падения Сагунта решил мобилизовать свои силы; в виду непопулярности войны среди союзников и беднейших слоев римского населения, мобилизация была неполной; однако, выставленные силы превышали по числу в полтора раза количество войск, выставлявшихся Римом в предшествовавшие войны. Работа по усилению карфагенской военной мощи Римом учтена не была. К тому же, имевшиеся силы были разделены на три почти равных армии—одна должна была удерживать в повиновении галлов в долине р. По, другая направлялась в Испанию, чтобы связать там Ганнибала, но не успела предупредить его даже в Галлии, на переправах через р. Рону, и третья сосредоточивалась в Сицилии, чтобы перенести борьбу в окрестности Карфагена. Эта стратегическая разброска сил предопределила поражение первых, лучших легионов римской милиции по частям.

Замысел Ганнибала приводил к вторжению в Италию и к овладению неприятельской столицей—Римом. Однако, вскоре ему пришлось изменить поставленную цель. Карфагенскому войску оказали сильное сопротивление уже между р. Эбро и Пиринеями населявшие эту местность галльские племена. Сильную борьбу с галлами ему пришлось выдержать и на переправах через р. Рону, а также в Альпах. Через Альпы Ганнибал привел немного более 20 тысяч солдат. Осада Рима требовала в пять раз больше сил, особенно при невозможности базироваться на подвоз морем и при необходимости одновременно удерживать обширную область, которая довольствовала бы осаждающую армию. Первой задачей Ганнибала было усилить свою армию. Значительная часть Цизальпинской Галлии, в которую он спустился с Альп, немедленно восстала; здесь Ганнибал создал себе промежуточную базу, перезимовал, несколько укомплектовался.

Однако, цизальпинские галлы, призывавшие Ганнибала, оказались не в состоянии дать ему нужные силы для осады Рима. Тогда Ганнибал выдвинул новую цель—перейти в южную, полугреческую Италию. В первую Пуническую войну итальянские греки поддерживали Рим; господствующий на морях Карфаген являлся опасным конкурентом их торговли. С падением морского господства Карфагена это соперничество отпало. Ганнибал мог рассчитывать на отпадение и помощь этих богатых, но ненадежных союзников Рима. Но вместе с новыми союзниками на Ганнибала вы-

пала и тяжелая обязанность защищать их, что при господстве римлян на море представляло труднейшую задачу.

Таким образом, силы, имевшиеся в руках Ганнибала, ни разу не позволили ему перейти к осуществлению его сокрушительного замысла; он не сделал ни одной попытки перейти от угрозы Риму к атаке этого города.

Когда после побед на р. Тичино, на р. Треббии и на Тразименском озере Ганнибал на-голову разбил римлян при Каннах, действительно началось отпадение италиков от Рима.

Капуя и Тарент, второй и третий города по величине после Рима, и целый ряд мелких городов и кантонов перешли на сторону Ганнибала. К нему перешли и Сиракузы. Стратегия и политика Ганнибала были на это рассчитаны. Только одна треть Италии представляла полноправную территорию римской республики, две трети представляли подчиненные, еще не забывшие своей былой самостоятельности области. К ним и обратился Ганнибал, подчеркивая, что он явился в Италию не для завоевания, а для освобождения народов; пленных италиков Ганнибал отпускал на родину, чтобы они могли разносить вести о его могуществе и благородстве, а пленных римлян продавал тысячами в рабство [1]). 16 лет оставалась армия Ганнибала в пределах Италии, сохраняя свое тактическое превосходство. Но конституция римской республики оказалась достаточно прочной, чтобы выдержать ее тягостное, разлагающее влияние. Несмотря на поражения, на уничтожение Ганнибалом трех армий, Рим не оттянул гарнизонов с неспокойных границ, а мобилизовал до 10% всего населения государства [2]). Несмотря на огромные потери [3]), с полноправных областей римской республики, насчитывавших к началу войны 1 миллион населения, было выставлено 22 или 23 легиона (максимум—через 4 года после Канн). И если союзники, в общем подсчете, не отвалились, если хозяйственная жизнь не остановилась после поголовной мобилизации взрослого населения, если 16 лет прогулок вражеской армии по территории Рима не вызвали общего

---

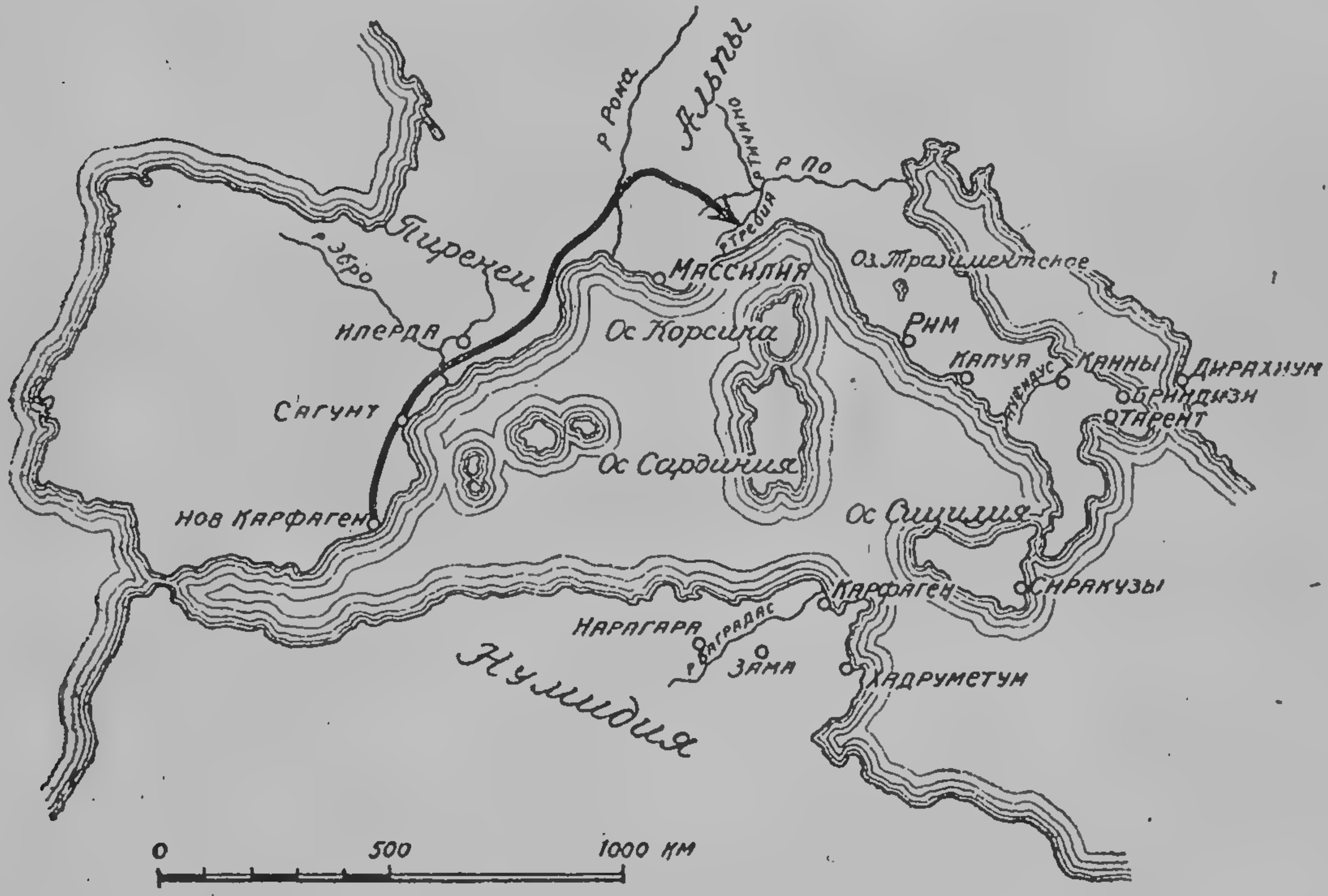
[1]) Римский сенат принципиально отказался выкупать пленных римских милиционеров, предпочитая комплектовать новые легионы рабами, чем снизойти до облегчения участи пленных; этим подчеркивалось отрицательное отношение государства к сдаче воина в плен, при каких бы то ни было условиях.

[2]) Только последняя мировая война дает большие цифры военного напряжения государства. Освобождение Пруссии от французского ига в 1813 г. вызвало мобилизацию $5^1/_2\%$, борьба с Францией в 1870 г.—$3^1/_2\%$ всего населения.

[3]) Под Каннами полностью уничтожено 8 чисто римских легионов; вскоре 2 легиона были уничтожены галлами. Кроме того, Тичино, Треббия, Тразименское озеро, борьба в Испании стоили десятков тысяч людей.

распада и стратегия и политика Ганнибала потерпели крах, то все это доказывает не ложность пути, по которому шел Ганнибал, а доказывает, что римская государственность, римская конституция, прочность господствующего класса, прочность уз, которыми связывал Рим с собой покоренные народы, выдержали самый трудный экзамен [1]). (Чертеж № 2).

2-я Пуническая война 218—201 до Р. Х.



Чертеж № 2.

Стратегия Ганнибала вызывала и в свое время крупные нападки со стороны непонимавших ее лиц; так, вождю пунической конницы, Махарбалу, принадлежит знаменитое выражение, что Ганнибал умеет побеждать, но не умеет использовать своих побед.

Стратегия Фабия Кунктатора. При явном тактическом превосходстве карфагенских генералов и войск над римскими, которое выяснилось в первых боях, и при неспособности карфагенян атаковать римские войска в укрепленных лагерях, при отсутствии у Ганнибала средств и возможности заниматься осадами, естественно, стратегия римлян

---

[1]) Что тесная связь политики и руководства войной отчетливо понималась и в то время, видно хотя бы из труда Полибия; гениальный историк Рима вставил описание римской конституции в свой труд как раз после изложения сражения под Каннами, когда от прочности римской государственности зависело торжество или провал стратегии Ганнибала.

должна была заключаться в уклонении от боя, в осаде и наказании отпадавших от них городов (Капуя была осаждена и взята римлянами на глазах у Ганнибала, который не мог прорвать циркум-валационной линии и напрасно старался заставить римлян бросить осаду, двинувшись и дойдя до самых ворот Рима), в энергичной борьбе на второстепенных театрах. Такова и была стратегия диктатора Квинтия Фабия Максима, прозванного Кунктатором (Медлителем), стратегия, которую одобрял и сенат. Однако, римские плебеи, неохотно пошедшие на эту тяжелую войну, смотрели на затяжку ее, как на явление разорительное для бедного люда; создалась целая демагогическая агитация против осторожной стратегии Кунктатора; плебисцит дал равные с ним полководческие права магистру конницы Минуцию Руфу, стороннику активных действий, который едва не погиб со всем войском в устроенной ему Ганнибалом ловушке; будучи выручен Фабием Кунктатором, он сдал ему свои полномочия. Тогда римские плебеи, после истечения срока диктаторских полномочий Кунктатора, избрали в число консулов своего ставленника, Теренция Варрона; а так как другой консул, Эмилий Павел, являлся представителем осторожных взглядов сената и патрициев и подозревался в стремлении затянуть войну, то во главе соединенной римской армии, оперировавшей против Ганнибала, был поставлен не один начальник, а, вопреки здравому смыслу, два консула, чередовавшиеся в командовании через день. Теренций Варрон в выпавший на долю его командования день дал Ганнибалу сражение под Каннами (216 г.).

Канны. Ганнибал, несмотря на двойное превосходство римлян, был уверен в победе, когда римляне вышли на равнину, где карфагенская конница могла свободно маневрировать. Но ординарной победы для Ганнибала было недостаточно—ему нужно было полное уничтожение римской армии,и эту цель он отчетливо поставил перед собой.

Римляне [1]) (55 тысяч гоплитов, 8 тысяч легковооруженных, 6 тысяч конницы плюс 10-тысячный гарнизон, оставленный в лагере) были построены в особенно глубокую фалангу (манипулы—10 человек по фронту, 12 в глубину), в общем не менее 34 шеренг; такая глубина вызывалась стремлением развить максимальный натиск на фронте и не слишком затруднять наступление непомерной длиной фронта

---

[1]) Реконструкция Дельбрюка. Необходимо иметь в виду, что, вследствие гибели первых римских армий, армия римлян под Каннами включала мало опытных бойцов и носила чисто милиционный, свеже набранный характер. Реконструкция Кромайера меняет положение сторон под Каннами на 180° и переносит поле сражения на правый берег Ауфидуса; выводы остаются те же.

пехоты, которая и так достигала полутора верст (1700 человек по фронту). Конница была распределена по флангам. Поле сражения, избранное Варроном на северном берегу Ауфидуса, представляло равнину, шириной около 3 верст, ограниченную на юге рекой, на севере — кустарником; кустарник и река представляли некоторое обеспечение флангов римлян от охватов превосходной неприятельской конницей. (Чертеж № 3).

Ганнибал вывел на поле сражения свою армию в шести колоннах. Две средних, общим числом 20 тыс., образовывались более слабой испанской и недавно навербованной галльской пехотой. Их окаймляли две колонны по 6 тыс. африканских испытанных ветеранов. Наконец, фланговые колонны были чисто кавалерийские — на левом фланге вся тяжело вооруженная конница — кирасиры Газдрубала, на правом — легкая, преимущественно нумидийская конница. Всего карфагенская конница насчитывала 10 тысяч коней. Равное с римлянами число легковооруженных маскировало фронт Ганнибала.

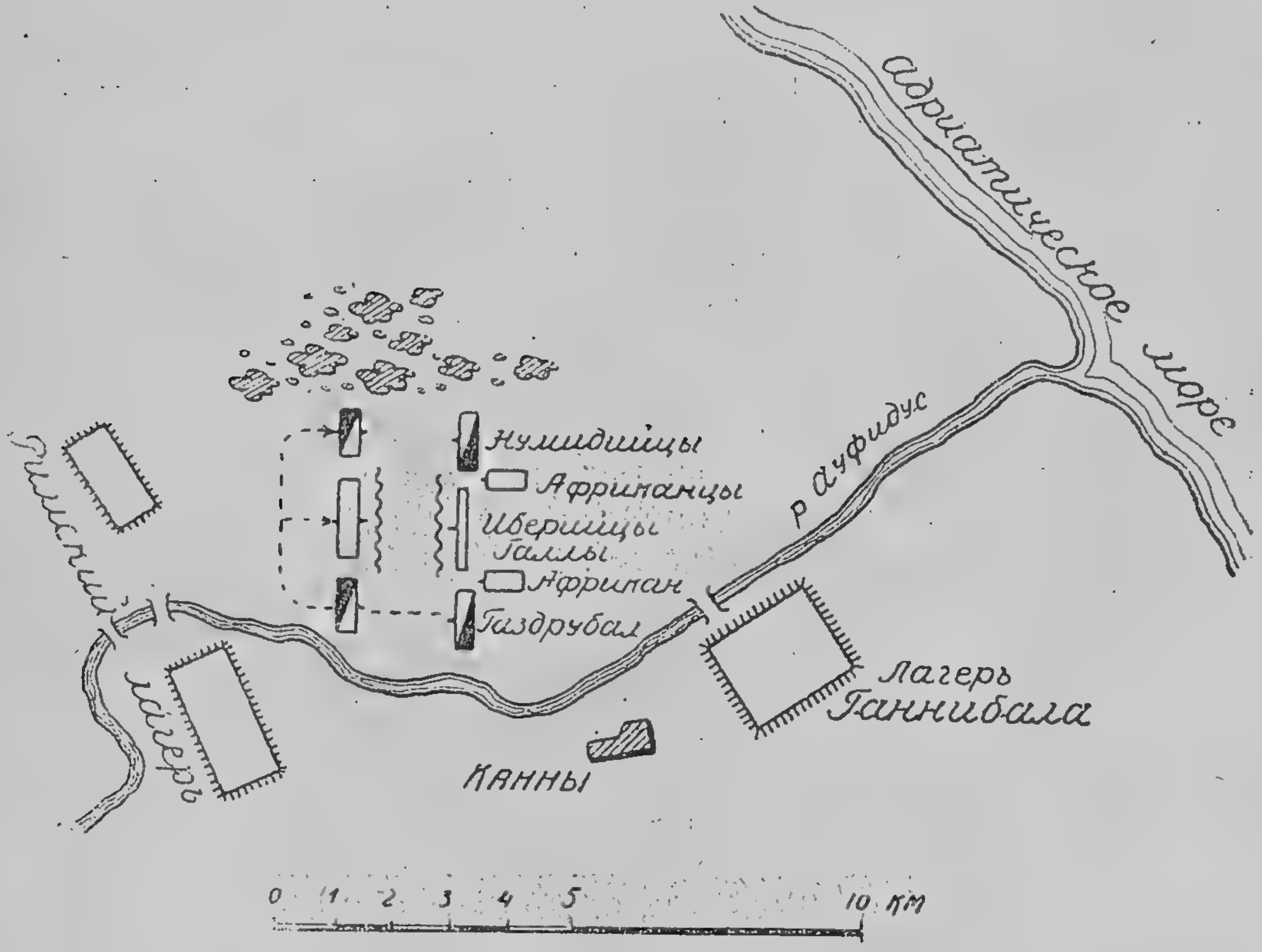
Стремясь к уничтожению врага, Ганнибал против могущественного римского фронта — 16 легионов — развернул только 20 тысяч человек своих средних колонн. Эти части должны были выдержать весь римский натиск; на них легли самые тяжелые потери. Большой соблазн был развернуть здесь самую надежную пехоту, так как от того, выдержит ли она римский удар, зависела возможность выполнения плана Ганнибала — окружения неприятеля. Но Ганнибал не принес в жертву настоящему будущее и не развернул здесь своей африканской гвардии, потери в которой возместить было нельзя. Чтобы дать моральную упругость испанцам и галлам, Ганнибал со своим братом Маго и штабом расположился за ними, в центре: его сравнительно молодые солдаты дрались непосредственно на его глазах. Африканская пехота, предназначенная для удара на оба фланга неприятеля, осталась неразвернутой в колоннах за стыком между пехотой центра и кавалерийскими крыльями и приступила в выполнению маневра по особому приказанию Ганнибала. Левое кирасирское крыло предназначалось для производства решительного маневра; однако, если преждевременно побить и прогнать римскую конницу, когда римская пехота еще не ввязалась в бой, то этим неприятельскому полководцу была бы предоставлена возможность уклониться от боя и отступить. Конница должна была нанести удар в ту минуту, когда пехота уже настолько сблизится, что уклонение от боя станет невозможно.

Начался бой. Газдрубал с кирасирами опрокинул римских всадников, выслал отряд на помощь нумидийцам, которые вели бой с римскими всадниками левого крыла, и заставил

и здесь римскую конницу бежать и предоставить легионы их участи. Главная же масса конницы Газдрубала бросилась на тыл римской фаланги и заставила сначала повернуться назад задние шеренги триариев, а потом остановиться и всю фалангу.

На фронте, после короткого боя легковооруженных, римляне решительно атаковали галлов и испанцев, нанесли им

Сражение при Каннах 216 до Р. Х.



Чертеж № 3.

большие потери и заставили карфагенский центр попятиться. Личное присутствие здесь Ганнибала удержало галлов от разрыва фронта и бегства. В решительную минуту, под влиянием удара с тыла, римская фаланга остановилась.

Остановка фаланги означала ее гибель. С флангов уда-рили африканцы, легковооруженные и конница метали с тыла дротики и стрелы. Только крайние шеренги окруженной толпы римских легионеров могли действовать оружием— задние были способны при атаке увеличить натиск, а при остановке фаланги представляли только мишени для летящих камней, дротиков и стрел. Почувствовав победу, энергично теснили повсюду карфагенские наемники; чем теснее сталпливались римляне, тем труднее было им действовать оружием, и положение их становилось безысходнее. После

длительного побоища, 48 тысяч римлян было убито, 6 тысяч взято в плен; немногие пробились; из остатков 16 легионов римлянам удалось сформировать только 2 легиона. Карфагеняне потеряли около 5700 убитыми и много ранеными; потери легли преимущественно на центр—одних галлов было убито 4000.

Ганнибал решился, располагая вдвое слабейшей пехотой, на маневр охвата обоих неприятельских флангов, на окружение врага. Канны представляют бессмертный пример необыденного сражения, стремящегося к полному уничтожению врага. Маневр был связан с риском — слабому карфагенскому центру приходилось выдерживать всю тяжесть боя до выхода конницы в тыл и удара на фланги.

Римляне были беззащитны против тактики Ганнибала. Если бы у них были выделены крупные части, стоявшие под командой ответственных начальников, которые могли бы быть повернуты на три стороны, покуда в четвертую сторону ломила их фаланга, они могли бы вырвать у Ганнибала победу. Но в римской милиции не было ни тактических единиц, способных к самостоятельному маневрированию, ни подготовленных частных начальников. Все 16 легионов стояли рядом и представляли одну массу, неспособную к расчлененному маневру. Милиция способна была выполнять только одну схему простой атаки и являлась легкой добычей тактически обученной, возглавляемой опытными генералами, профессиональной армии Ганнибала.

Линейная тактика Сципиона Африканского. Сражение под Каннами едва не взорвало основы римского государства, едва не вызвало общего его распада. В течение 14 лет после него римляне не осмеливались в чистом поле встречаться с карфагенянами. Но за эти 14 лет римская милиция постепенно получила качества и закал постоянной армии, стала маневроспособной. Каждый год Рим формировал из юношей по два легиона—таким образом, деление в глубину по возрастам утратило смысл. Начальники совершенствовались, особенно под влиянием гениального организатора, которого выдвинул Рим — Сципиона Африканского [1]). Последний постиг тайну тактического превосходства карфагенян и стремился расчленить римский боевой порядок, сделать отдельные части его способными к самостоятельному маневру. Манипулы по 3 объединились в когорты [2])—

---

[1]) Вероятно, наше время отдало бы еще более явное предпочтение талантам Сципиона в отношении организации и гибкого приспособления к условиям ведения войны, по сравнению с гением Ганнибала, чем классическая древность.

[2]) Сципион Африканский, предтеча Юлия Цезаря, приступил к эволюции, которая потребовала около 150 лет, чтобы окончательно пересоздать республиканскую милицию в императорских солдат-профессионалов. Отдель-

своего рода батальон; сначала он представлял административную единицу в 500—600 бойцов, затем начал представлять отдельную тактическую единицу, способную к самостоятельному маневрированию. Так как в легионе утратилось деление по возрастам, то гастаты, принципы и триарии получили одинаковую боеспособность. Сципион значительно увеличил дистанцию между манипулами гастатов и принципов. Принципы Сципиона Африканского представляли уже не только задние шеренги фаланги, имеющие исключительную задачу — затыкать щели между манипулами гастатов, а вторую линию боевого порядка. Между Каннами и Замой произошла эволюция задачи принципов—от простой поддержки к линии. Линией называется часть боевого порядка, способная к самостоятельному маневрированию. Если по условиям расположения второй линии в затылок и вблизи первой линии вторая линия не имеет еще полностью характера общего резерва, располагающегося совершенно независимо от перволинейных войск, то все же переход от фаланги к построению в несколько линий представлял эволюцию, захватывавшую большую часть пути к созданию боевого порядка с независимым общим резервом.

Если щели между римскими манипулами требовали высшей дисциплины и доверия к авторитету начальников, которых не было в греческой фаланге, то линейное построение предъявляло к психологии солдата еще более повышенные требования.

В первоначальном построении легиона гастаты наступали, испытывая почти физическое давление принципов, следовавших в нескольких шагах сзади. Теперь, чтобы обеспечить линии принципов известную свободу маневра, ее приходилось вести в 200—300 шагах дистанции от гастатов. Гастаты должны были втягиваться в упорный рукопашный бой, не чувствуя непосредственно за собой поддержки. Натиск мог не ослабеть только при повышенном сознании солдат, что находящиеся в нескольких стах шагах

ные этапы этой эволюции могут быть установлены только с трудом и не вполне точно. Законы о милиции оставались старые, но приток добровольцев, жаждущих славы и добычи, изменил состав римской армии, и практика жизни постепенно стала на новые рельсы. Обыкновенно введение когорт и тактическое расчленение легиона приписывают эпохе Мария, когда римская армия вновь оказалась несостоятельной при столкновении с нашествием варваров-тевтонов и кимвров (105—101 г. до Р. Х.). Однако, повидимому, в критических обстоятельствах Марию пришлось лишь подчеркнуть в законе практику, установившуюся уже около 100 лет в римской армии. Когорты, как административное деление, существуют уже при Сципионе Африканском. Пролетарий, который стал официально главным элементом комплектования при Марие на смену старого милиционера-собственника, просочился в большом размере в армию уже во 2-ю Пуническую войну.

позади части будут во время подведены к нужному месту опытными и авторитетными начальниками. Такого сознания и доверия к авторитету начальника в римской милиции еще не было, но оно оказалось налицо в армии Сципиона Африканского.

Эта тактическая эволюция римского легиона оказалась возможной лишь при условии утраты им многих существенных качеств республиканской милиции. Римский милиционер, оставаясь десятки лет в строю, перерождался в профессионального солдата, утрачивал свои гражданские чувства, свое преклонение перед законом, стремился к добыче; начали поступать жалобы от обижаемого им гражданского населения, даже у себя на родине. И по мере того, как авторитет закона тускнел, у римского солдата нарождался другой авторитет—авторитет его вождя, которого через 150 лет он провозгласил императором. Уже о Сципионе Африканском в римском сенате Фабий Кунктатор произнес пророческие слова: „он поддерживает дисциплину в армии в стиле монарха".

Римский сенат должен был бы или оставаться при старых формах командования и образования вооруженной силы, и в таком случае отказаться от окончательной победы над Карфагеном и завоевания всего мира, или же принести в жертву идее победы конституционные гарантии и организовать вооруженную силу, исключительно руководясь требованиями военного дела. Римский сенат встал на второй путь. Он увидел, что немыслимо противопоставлять Ганнибалу двух бургомистров, хороших республиканцев, но детей в полководческом искусстве. Тогда Рим начал избирать на должности консулов, не стесняясь требуемыми конституцией промежутками, одних и тех же известных осторожностью и военными знаниями лиц [1]). Затем Рим шагнул дальше и дал военачальникам, слишком молодым и не имевшим политического ценза, чтобы быть избранными консулами, консульские права. Когда Сципион с римской армией высадился в Африке, консульские полномочия были утверждены за ним не на год, а пока это будет требоваться военной обстановкой—бессрочно. Эта политика позволила Риму победить Карфаген и уже при следующем поколении завоевать Македонию и Сирию и, таким образом, создать остов всемирного государства, но через полтораста лет привела к империи.

---

[1]) Удар, нанесенный республиканской конституции Рима этим повторным противозаконным выбором на высшую гражданско-военную должность, особенно ясен в пятикратном выборе подряд Мария, кумира римских плебеев, на должность консула, вызванном войнами с Югуртой, кимврами и тевтонами. Марий оказался в силах выставить на шестой год свою кандидатуру самостоятельно и открыть первую гражданскую войну.

Сражение при Заме. Сципион с армией, воспитанной уже в духе линейной тактики, одержавшей успехи на Пиринейском полуострове [1]), сосредоточился в Сицилии, еще повысил занятиями и маневрами боевую подготовку своих войск [2]) и высадился в 205 г. на африканском берегу близ Карфагена. Осадить Карфаген Сципион был не в силах, но ему удалось вмешаться в нумидийские дела, взять в плен шейха, являвшегося опорой карфагенского влияния, и создать перевес его противнику Массиниссе, который взялся помогать Риму.

Осенью 203 г. до Р. Х. Ганнибал с остатками своей армии был отозван из Италии на защиту Карфагена. В Африку Ганнибал прибыл с хорошим пехотным кадром, но почти без конницы. Прежде всего он приступил к переустройству своей армии, на что потребовалось до 9 месяцев. Армия формировалась, дабы избежать вмешательства гражданской власти, не в самом Карфагене, а в небольшом приморском городке Хадруметуме, в 150 верстах южнее.

Летом 202 г. до Р. Х. Ганнибал начал операцию против римлян. Последние не имели еще в своем распоряжении ни одного порта и базировались на полуостров Утика. Массинисса с обещанными 10 тысячами воинов еще не присоединился к армии Сципиона, располагавшей для операций в поле около 25 тысяч бойцов.

Римская армия находилась в долине р. Баградас, когда Сципион был уведомлен, что Ганнибал с 35 тысячами движется в разрез между ним и тем районом к западу, откуда ожидались нумидийцы. Обыденный начальник на месте Сципиона отошел бы на полуостров Утика, где была укрепленная база, был бы заблокирован в нем Ганнибалом, потерял бы связь и влияние на нумидийцев. Но Сципион пошел на риск, бросил свои сообщения с морем, быстрым фланговым маршем на запад пошел на соединение с Массиниссой и, получив от него подкрепление в 6 тысяч конницы и 4 тысячи пехоты, двинулся навстречу Ганнибалу. Столкновение произошло при Нарагаре, но за сражением в истории утвердилось название сражения при Заме [3]).

Это сражение двух 35-тысячных армий представляет очень интересный пример первого приложения к действительности линейной тактики (Черт. № 4).

---

[1]) Для теории стратегии представляет большой интерес этот переход римлян в наступление против общей базы Ганнибала—Испании и Карфагена—в то время, как армия Ганнибала еще держалась по близости от Рима, в Италии.

[2]) Перед перевозкой войск в Африку Сципион в Сицилии показал командированной от сената комиссии маневрирование своих войск, переученных на основании опыта войны.

[3]) На 80 верст к востоку от Нарагары.

Ганнибал еще не успел создать конницы, коей римляне превосходили карфагенян в 3 раза. Пехота была в равных силах, с перевесом в пользу Карфагена. Сверх того, Ганнибал располагал несколькими десятками слонов.

Если бы Ганнибал стремился достигнуть успеха в кавалерийском бою, он стянул бы конницу на одно крыло и придал бы ей всех боевых слонов, которые успешнее всего

Сражение при Заме 202 г. до Р. Х.

Чертеж № 4.

действуют против конницы. Но Ганнибал составил другой план сражения. Он распределил свою конницу равномерно по крыльям и дал ей указание—не вступая в упорный бой, бежать перед римской и нумидийской конницей и увлечь их в преследование далеко от поля сражения. Слоны с легковооруженными маскировали боевой порядок пехоты и давали Ганнибалу выигрыш времени — не втягивать в серьезный бой пехоту до тех пор, пока не выяснится, удалась ли хитрость с неприятельской конницей.

Пехота была построена в две линии: первая—карфагенская милиция [1]), вторая линия—старые ветераны, вернувшиеся из Италии, под личной командой Ганнибала в 300 шагах позади. Если бы не удалось отвлечь римскую конницу с поля сражения, обе линии, под прикрытием слонов, могли бы отступить, не втягиваясь в решительный бой, в укрепленный лагерь.

Хитрость Ганнибала имела успех. Римская конница, преследуя карфагенскую, скрылась с поля сражения. Тогда Ганнибал завязал решительный пехотный бой; жестокая рукопашная свалка была начата первой линией, а вторая линия, разделившись на две части, вышла из-за флангов первой для решительного двойного охвата римской пехоты. Но Сципион, имевший уже и у себя вторую линию, на этот маневр отвечал соответственным контр-маневром—части второй линии римлян вышли из-за флангов первой и вступили в бой с частями, назначенными Ганнибалом для охвата. Бой сохранил характер лобового столкновения на возросшем фронте. Некоторое преимущество было достигнуто сражавшейся с отчаянием карфагенской пехотой, но бой сильно затянулся, части римской конницы стали возвращаться на поле сражения, карфагенянам пришлось отступать в очень трудных условиях. Учитель—Ганнибал нашел достойного ученика в Сципионе.

Война, державшаяся только на непобедимости Ганнибала, с поражением его была закончена в кратчайший срок. Главным следствием сражения при Заме являлась утрата Карфагеном веры в возможность успешной борьбы с Римом, в самостоятельное будущее. Сципион не преувеличивал значения своей победы, не стремился к лишним лаврам, зная, насколько Рим истощен войной, и подписал на умеренных условиях мир с побежденным Карфагеном [2]).

Литература.

Кроме труда Дельбрюка, большой научный интерес представляет короткое исследование профессора **I. Kromayer**. Roms Kampf um die Weltherrschaft. Berlin. 1912, стр. 74 (т. 368 из издания Aus Natur und Geisteswelt).

Ценное исследование о целях операций во вторую Пуническую войну у Верди дю Вернуа, Strategie, часть II, стр. 15—61. Основным первоисточником является Полибий; гл. XXIV книги 3-ей дает прекрасное повествование о Каннах.

---

[1]) Карфаген начал войну исключительно профессиональными солдатами, а в последний момент, когда Сципион взял его за горло, должен был обратиться к милиции. Таким образом, эволюция в карфагенской армии направилась, по сравнению с римской, в противоположную сторону.

[2]) Между прочим, Карфаген потерял право содержать для армии слонов. Это напоминает запрещения, наложенные на побежденных Версальским трактатом в отношении танков и авиации.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Юлий Цезарь. Расцвет и разложение армии императорского Рима.

Капиталистический Рим. Численность армии. Комплектование. Внутренний порядок. Техника и снабжение армии. Причины незаконченности завоевания Германии. Начальный момент гражданской войны. Сражение под Фарсалом. Государственные перевороты. Переход на натуральное хозяйство. Германизация войск.

Капиталистический Рим. Только после промышленного переворота, происшедшего в Англии в XVIII столетии, мировая экономика поднялась на высшую, сравнительно с императорским Римом, ступень развития. С V по XVIII век человечество оглядывалось на римскую государственность, как ныне азиаты и африканцы оглядываются на европейские государства: на древнем Риме учились. Сосредоточение капиталов достигло в Риме огромного напряжения: в Риме были состояния в 100 раз крупнейшие, чем в Афинах в эпоху их расцвета, достигавшие 80 миллионов рублей, при заработной плате в 10 раз меньше современной (20 коп. в день городской чернорабочий); такой концентрации капиталов еще почти не знает современная Европа. Во многих областях организации и техники римляне достигли несравненно высших ступеней, чем те, на которых находилось человечество в последующую тысячу лет. В Германии XX века, в судебном процессе по поводу технического патента, суд аннулировал выданный патент, так как сущность „открытия“ оказалась описанной еще у римского ученого Плиния. При преемнике Юлия Цезаря римляне впервые приступили к топографическим съемкам под руководством Агриппы и выполнили мозаикой географическую карту на стене одного из храмов.

С этой зрелостью римской цивилизации находится в полном соответствии и военное искусство древнего Рима. В Александре Македонском блещет юношеский задор, это еще герой Илиады, правда, слушавший наставления Аристотеля и заботившийся о своем базировании. Высший представитель римского военного искусства, Юлий Цезарь, прежде всего может быть характеризован, как взрослый полководец, высоко грамотный в политике, стратегии, так-

тике и технике. В основе его гения лежат опыт и знания. Изучению этого периода полного развития и последующего заката военного искусства древнего мира и посвящена настоящая глава.

Численность армии. Военная система Рима, находившаяся со времен второй Пунической войны в противоречии с республиканской конституцией, была одним из факторов организации империи и достигла в ней своего высшего завершения. Армия получила вполне постоянный характер. После смерти Юлия Цезаря осталось 40 легионов, при его преемниках число их доходило до 75; при Августе их было 18—25 [1]), при Септимии Севере (193—211 г.) число их увеличилось до 33. Собственно легион представлял 10 когорт по 600 человек—6000 человек. Нестроевые и деньщики, число которых равнялось приблизительно половине строевых, в состав легиона не включались. Каждая когорта представляла отдельную тактическую единицу — батальон, который обучался вместе и был способен к самостоятельному маневрированию. Полководец мог строить свою армию в 3—4 и больше линии, мог обеспечивать фланги от покушений неприятельской конницы развертыванием на них в перпендикулярном направлении к общему фронту нескольких когорт, мог иметь последнюю линию, готовую встретить удар с тыла. Боевой порядок расчленился.

Комплектование. Если раньше только римские граждане входили в состав римского легиона, то теперь создалось обратное положение: каждый легионер делался римским гражданином.

При первых императорах легионы состояли преимущественно из италиков; но начиная с Веспасиана (69—79 г.) италики комплектовали преимущественно преторианскую гвардию (не более 12 тысяч человек) [2]), а легионы получали пополнение из той провинции, где они располагались. Преторианец отзывался о легионерах, как о варварах. В действительности, легионеры были преимущественно олатинившимися провинциалами, усвоившими уже дух, нравы и язык Рима. Средством для дальнейшего поддержания римского духа в легионах было назначение в них центурионами солдат, начавших службу в преторианской гвардии. Переводы центурионов из одного ле-

---

[1]) В 25 легионах, с вспомогательными частями и нестроевыми, было около 300 тысяч, что для империи в 60—65 миллионов жителей представляет армию в $^1/_2\%$ всего населения. Таким образом, численность армии императорского Рима достигла $^1/_2$ того процента солдат, который содержала Европа перед последней войной.

[2]) Преторианская гвардия, в виде преторианских когорт, составленная из отборных солдат, преимущественно ветеранов; встречается еще в период республики, как небольшая часть армии, являющаяся надежным кадром в руках полководца. Иенс. Военное дело и народная жизнь, стр. 137, 319.

гиона в другой мешали развитию в легионах духа сепаратизма.

Каждому легиону было придано несколько вспомогательных когорт, комплектовавшихся преимущественно из еще неолатинившихся римских подданных. Начальство в них было римское, командный язык — латинский, но когорта имела собственный национальный язык для внутреннего обихода; солдаты когорты получали по сравнению с легионером третью часть жалованья. Эти когорты представляли переходную ступень к конным частям и легкой пехоте, которые комплектовались исключительно варварами, являвшимися скорее союзниками, чем подданными Рима, и сохранявшими своих туземных вождей. Легион с приданными ему когортами и конницей, обыкновенно, насчитывал не более 9—10 тысяч человек, так чтобы легионеры были в большинстве. Для обеспечения гегемонии за латинским духом, легионеры всегда являлись ядром, ставились в центре, а вспомогательные и варварские части дробились на мелкие группы, не имевшие самостоятельного объединения.

Общая воинская повинность сохранялась на бумаге; на практике армия пополнялась вербовкой; когда на трудный и сулящий мало добычи поход желающих завербоваться было недостаточно, прибегали и к повинности; вследствие разрешения ставить за себя заместителя, эта повинность утратила личный характер. Рабы в армию не допускались. Жениться солдат не имел права. Легионы стояли преимущественно вне больших городов, в укрепленных лагерях и острогах.

Офицеры не делились так строго на два класса, как в республиканском Риме. Центурион получил возможность выслужиться; из них преимущественно назначались лагерные префекты-коменданты, обязанные поддерживать строгую дисциплину. Трибуны и легаты попрежнему имели слабую военную закваску и назначались из сыновей аристократических семей.

Внутренний порядок. При переходе к империи, жалованье солдатам было значительно увеличено. Цезарь повысил его по сравнению с республикой вдвое, а Август—до трех раз (225 динариев в год). Преторианец, живший не в лагере, а в Риме, получал в год, кроме пайка, 750 динариев—около 320 рублей, в 5—6 раз больше чернорабочего (20 коп. в день). Кроме того, легионеры получали подарки при вступлении императора на престол и в особых случаях, а при увольнении со службы получали премию — земельный надел или деньгами—3000 динариев. Центурионы, получавшие при республике двойное солдатское жалованье, при императорах стали получать пятерной оклад.

При легионе была сберегательная и похоронная кассы, с обязательным в них участием легионеров.

На службу в гвардию принимались молодые люди с 16 лет, в легионы — с 20 лет. Служба продолжалась неопределенное число лет. В армии были солдаты 40—50-летнего возраста. Чтобы избежать крупных расходов на обеспечение отставных, правительство имело тенденцию задерживать в строю ветеранов, прослуживших 16—20 лет, освобождая их от наряда на работы, образуя из них как бы знаменные взводы. Требование об увольнении ветеранов, с выплатой им заслуженных премий, выдвигалось всегда при солдатских бунтах и являлось одной из их причин [1]).

В императорской римской армии было значительное число знаков отличий—наплечных, нагрудных, почетных щитов и т. д., имевших характер личных орденов, а также были знаки отличия для целых воинских частей [2]).

Каждый вечер в лагерях игралась вечерняя заря; служебная переписка велась тщательно; командный язык был прообразом современного, с разделением команды на предварительную и исполнительную (к оружию; равняйсь; смирно; нале-во; напра-во; шагом-марш; стой. Команды для приемов оружием и т. д.). В армии производились инспекторские смотры. Дошедший до нас приказ о смотре, произведенном императором Адрианом третьему легиону в Африке, который закончился маневром, написан совершенно в современном тоне и представляет смесь признания работы и критики, похвалы и воздержания, авторитета и благорасположенности [3]). Этот приказ, выгравированный на скале его превосходительством легатом, командовавшим легионом, в назидание потомству, звучит теперь, как юмор истории.

Дисциплина поддерживалась строгая, хотя постепенно росшее участие легионов в провозглашении императоров, связанное с династическими переворотами, наносило ей значительный ущерб. Обучение велось интенсивно, но так как десятки лет трудно учить целые дни солдата одному и тому же, а угрожаемое положение границ не позволяло развить увольнение легионеров в запас или продолжительные отпуска, то легионерам, прошедшим основательно военное обучение, поручались фортификационные и строи-

---

[1]) Описание солдатского бунта при восшествии Тиверия у Тацита (имеется русский перевод: Корнелий Тацит. О положении, обычаях и народах Германии. Перевод А. Клеванова).

[2]) Ордена за военные отличия наблюдаются еще у египтян XII династии, т.-е. за два тысячелетия до нашей эры, в виде почетного драгоценного оружия и „золота похвалы“—украшения, одевавшегося на шею. Р. Випер. Древний восток и Эгейская культура, стр. 58.

[3]) Дельбрюк, т. II, стр. 179—184.

тельные работы. Не только все лагери, крепости, остроги — дело рук легионеров, но ими были произведены и капитальные дорожные работы в пограничных провинциях — проложены знаменитые римские дороги. На частные работы легионеры не наряжались, но к постройке храмов привлекались [1]).

Техника и снабжение армии. Легионы получили артиллерию в виде 55 карабалист — метавших тяжелые стрелы, перевозившихся на вьюке и требовавших каждая 11 человек прислуги, и 10 онагр — род катапульт, метавших тяжелые камни и перевозившихся на повозке с воловьей запряжкой. Вследствие недальнобойности и нескорострельности, эти машины имели в полевом бою ничтожное значение, но оказывали крупные услуги при осадах и при обороне укреплений.

Тыл и снабжение римских армий были прекрасно налажены и позволяли свободно маневрировать полевой армии, достигавшей численности в 70—80 тысяч. Пользуясь водными путями и весенним подъемом воды, римляне сосредоточивали продовольственные запасы в магазинах, расположенных в укреплениях на границе, где намечалась крупная операция. При операциях против германцев таким выдвинутым вперед магазином являлась крепость Ализо, расположенная в верховьях реки Липпе, притока Рейна. Армия снабжалась при вторжении в Германию из этого магазина, а затем, когда при наступлении отрывалась от него, получала снабжение с транспортного флота, который спускался по Рейну в море, огибал побережье современной Голландии и поднимался вверх по германским рекам — Эмсу, Везеру, Эльбе.

Такая система снабжения давала римлянам огромное преимущество над варварами, которые на походе могли существовать только взятыми каждым из дому запасами и тем, что он находил на месте. Так, когда Юлий Цезарь приступил к завоеванию Бельгии, он с армией в 50—60 тысяч бойцов, а с нестроевыми — около 100 тысяч человек, расположился на северном берегу р. Энн, где против него собрались все бельгийские племена (по данным Цезаря—300 тыс. челов., по оценке Дельбрюка—30—40 тысяч). Так как в расчеты Цезаря не входило давать сражение сосредоточенному противнику, то он устроился в укрепленном лагере, в тактически удобном пункте. Рвы лагеря имели 18 фут ширины и 9—10 фут глубины, бруствер—12 фут высоты и был уси-

---

[1]) Таким образом, римская армия являлась отчасти трудовой армией. Когда Европа через полторы тысячи лет вновь организовала постоянные армии (XVII век, вторая половина), идея трудармии нашла защитника в Лейбнице.

лен палисадом [1]). Водным путем армия Цезаря получала обильное довольствие; бельгийцы же вскоре начали ощущать голод, атака римских укреплений была им не по силам, и отдельные племена их разошлись по своим селениям. Тогда Цезарь перешел в решительное наступление и покорил одно племя за другим.

Покорение весьма воинственного народа произошло почти без боя, превосходством римской организации. Только племя нервийцев, поддержанное двумя другими, устроило нападение из засады на римскую армию в момент разбивки ею лагеря; таковое было отбито благодаря огромному численному перевесу легионеров и их дисциплине (легкая пехота и нестроевые бежали). Римляне, благодаря своей организации, могли сосредоточивать на полях сражений бо́льшие массы, чем варвары, и, пользуясь своими укрепленными лагерями, могли уклоняться от боя, когда последний не являлся им желательным. Попытка же вождя галлов Верцингеторикса укрыться в укрепленный пункт — Алезию — сразу привела к тому, что Юлий Цезарь заблокировал его, окружив сплошной линией укреплений, а чтобы выручка стала невозможной, обеспечил и свой тыл циркум-валационной линией [2]). 20 тысяч галлов Верцингеторикса были окружены контр-валационной линией в 15 верст длиной; протяжение циркум-валационной линии достигало 19 верст. На ровных, удобных для прорыва местах впереди рва были расположены разнообразные искусственные препятствия—до 8 рядов волчьих ям, с забитыми в них острыми кольями, включительно. Все эти работы были выполнены 70-тыс. римской армией в 5—6 недельный срок до прибытия выручки—50-тысячной армии галлов, которая оказалась не в силах прорвать циркум-валационную линию, во время атаки была контр-атакована во фланг вылазкой римлян и обращена в бегство.

Римское инженерное искусство стояло весьма высоко. Во время гражданской войны в Испании Цезарь наблюдал в городе Илерде, на берегу притока р. Эбро, армию сторонников Помпея. Цезарю необходимо было обеспечить за собой маневрирование на обоих берегах притока р. Эбро, но близ фронта навести мост не удалось—неприятель разрушил его вылазкой по тому берегу, где находилась только конница Цезаря. Тогда Юлий Цезарь, прокопав несколько каналов [3]), сумел понизить воду в притоке р. Эбро до такого уровня, что открылся брод.

---

[1]) Раскопки Наполеона III у местечка Бери-о-Бак.

[2]) Циркум-валационная линия—кольцевая укрепленная позиция, обеспечивающая тыл осаждающего крепость от попыток выручки извне.

[3]) Повидимому, на расположенных в районе намеченного брода островах.

Причины незаконченности завоевания Германии. В боевом отношении, как материал, германские варвары стояли, повидимому, выше римских войск. Еще при Марие римская республика едва справлялась с нападениями кимвров и тевтонов. Юлий Цезарь избегал в равных силах полевого боя с галлами и маскировал свое уклонение от боя преувеличенными данными о численности противника. Но в стратегическом отношении превосходство римлян было огромно, так как римская организация позволяла сосредоточение 100 тысячных масс против 10—15-тысячных масс, которые могли привести на поле сражения не вышедшие еще из родового быта германские племена. В этих условиях поражение римлян в Тевтобургском лесу, при возвращении с летних выдвинутых позиций на зимние стоянки, являлось исключением, и римская империя имела достаточно физических сил и организованности для завоевания всей Германии. Если она остановилась на полупути к разрешению этой задачи, то не по военным, а по политическим причинам. Завоевание Германии требовало долголетнего сосредоточения на Рейне и за Рейном значительной части римской армии. Цезарь завоевал Галлию, имея 12 легионов, — но они и провозгласили его римским императором. Тиверий дал Германику, чтобы отомстить за поражение в Тевтобургском лесу и завоевать Германию, только 8 легионов, но, не доверяя Германику, скоро уменьшил число легионов и прекратил борьбу. Сам император не мог руководить войной на столь отдаленном театре, а талантливый полководец с закаленной в борьбе значительной армией мог бы повторить прием Цезаря.

Вегеций. Важнейшие военно-литературные труды римлян до нас не дошли. Безвозвратно утрачен труд Порция Катона о военном деле, утрачен труд генерала Фронтина, заключавший, помимо теории, сборник военно-исторических примеров; утрачен основной военный устав императора Августа, дополненный Траяном и Адрианом. Виднейшим представителем римских взглядов на военное искусство является Вегеций, писавший, однако, уже в период падения римской империи, в V веке, и призывавший к реставрации древних военных учреждений, чтобы воскресить утраченное мировое господство римлян. Вегеций делает ценные позаимствования из недошедших до нас римских авторов, но, не будучи сам военным, смешивает тактику и организацию различных периодов римской истории. О популярности Вегеция можно судить по тому, что его труды дошли до нас в количестве 120 списков, сделанных в средневековье, между X и XV столетиями. Известный писатель, австрийский фельдмаршал принц де-Линь, отзывался о труде Вегеция так: „божеству, говорит Вегеций, принадлежит идея

легиона, а я нахожу, что божество вдохновляло самого Вегеция". У Вегеция нет глубины философского и психологического анализа, которым отличались греческие писатели, особенно Ксенофонт. Но у него встречается целый ряд мыслей, вызывающих на размышление и ставших впоследствии общими местами: следует ли строить „золотой мост" неприятелю, — не доводя его до отчаяния, предоставлять ему путь отступления; благоразумно ли искать решения в сражении, что связано с риском, и не лучше ли одолеть неприятеля хитростью и мелкими булавочными уколами; не следует выводить в полевой бой недостаточно обученных новобранцев; не легко будет разбит тот вождь, который умеет правильно оценить свои и неприятельские силы; неожиданность, внезапность вызывает у противника страх и панику; кто не заботится о содержании своих войск, будет и без боя побежден. Современный читатель не нуждается в классическом авторитете для подтверждения этих истин, которые мы признаем избитыми, но которыми зачитывались многие поколения военных. В общем, труд Вегеция носит на себе отпечаток римского предпочтения практических рецептов отвлеченным рассуждениям.

Представителем тактического и стратегического искусства римлян времен империи является Юлий Цезарь—великий полководец и великий военный историк, сам описавший собственные походы. Военное дело, механизм армии усложнился в эту эпоху в огромной степени—и Юлий Цезарь обнаружил высокое мастерство использовать все достижения организации и техники.

Наибольшие трудности пришлось испытать Цезарю в гражданской войне против Помпея.

Начальный момент гражданской войны. Римский сенат, отстаивая интересы аристократии и опасаясь растущей силы и влияния Юлия Цезаря, под фальшивым предлогом борьбы с парфянами, потребовал у Цезаря два легиона. Когда он их получил и число легионов у Цезаря, управлявшего провинциями Трансальпинской и Цизальпинской Галлией (современная Франция и Ломбардия) и Иллирией, уменьшилось с 11 до 9, сенат 12 декабря 50 г. (до нашей эры) потребовал от Цезаря, чтобы он распустил свои войска и сдал управление провинциями. Цезарь решил вступить в борьбу.

В 9-ти легионах Цезаря насчитывалось всего 31.000 солдат. В предвидении возможности гражданской войны, Цезарь распределил их так: один, самый сильный легион (13-й) находился в Ломбардии. 2 легиона были на пути из Галлии в Ломбардию. Остальные 6 легионов были подтянуты на юг Галлии и группировались пополам—на Роне и против испанской границы. Силы враждебной Цезарю аристократической партии, возглавляемой Помпеем, распре-

делялись так: Италия была почти безоружна; здесь находились переданные Цезарем 2 легиона, которых Помпей опасался и которые он удалил на юг Италии, в Апулию; пять новых легионов только начинали формироваться. Главные силы Помпея—6 старых боевых легионов — находились в Испании (Черт. № 5).

Таким образом, военный объект Цезаря, неприятельская вооруженная сила, которую надо было сокрушить, находился в Испании. Но политическим объектом действий Цезаря являлся Рим. Цезарю пришлось сделать выбор между

Гражданская война 50—48 г. до Р. Х.

Чертеж № 5.

военной и политической целями действия. Он остановился на последней. Только занятие Рима позволяло Цезарю выступить в роли защитника общенародных, а не узко эгоистических интересов, позволяло захватить в свои руки политическую власть и связанный с нею авторитет. Без Рима управление государством для Цезаря было невозможно. Захватив Рим, Цезарь имел возможность подтасовать выборы в свою пользу, придать своей узурпации облик известной законности, тогда как бежавшие из Рима сенаторы теряли значительную часть своего влияния и не правомочны были созывать сенат. Захват Рима создавал Цезарю политическую базу.

В ночь на 17 декабря 50 г. Цезарь с одним легионом перешел Рубикон — маленькую речку на границе Цизальпинской Галлии—и стремительно двинулся по трем дорогам, со своей горстью людей, на юг, вдоль берега Адриатического моря. Следующий легион догнал его только через

три недели. Цезарь встретил лишь ничтожное сопротивление [1]). Помпей предполагал гораздо большие силы Цезаря; имея большое влияние на Востоке, он хотел перенести туда борьбу, так как боялся на итальянской почве вступить в решительный бой с Цезарем („мертвящий центр"); много солдат дезертировало от него к Цезарю, уходили целые когорты. Помпей, вместо того, чтобы отстаивать важнейшие укрепленные центры, призвав на помощь легионы из Испании, выдвинул другой план: морская сила была на его стороне; он эвакуировал из Бриндизи на Балканы своих сторонников и войска, Италия была лишена подвоза хлеба из своих житниц—Сицилии и Африки; костлявая рука голода должна была отрезвить итальянцев и заставить их возненавидеть Цезаря [2]).

В два месяца Цезарь овладел всей Италией. В течение трех недель затем он организовывал государственную власть в Риме. Захватом Сицилии он обеспечил ближайшую потребность в хлебе. С марта по октябрь 49 года он сокрушил в тяжелой борьбе 6 неприятельских легионов в Испании. 28 ноября 49 года он перенес борьбу на Балканы. Операция Цезаря характеризуется правильной политической оценкой, более чем дерзостным (блёф) началом борьбы и искусным действием по внутренним линиям в современном масштабе между Испанией и Балканами.

Сражение под Фарсалом. С большим риском, в два приема, переправил Цезарь из Бриндизи через Адриатическое море, на котором господствовал неприятельский флот, армию в составе 11 легионов из общего числа 28, находившихся в его распоряжении. Помпей со своей армией укрепился на побережьи, близ Дирахиума. Благодаря господству на море, Помпей получал обильное снабжение и имел возможность перенести театр операций с Балканского полуострова в какую-либо провинцию запада, завоеванную Цезарем. Последнему было необходимо вызвать Помпея на полевое сражение, а для этого требовалось

---

[1]) Помпей, недостаточно учитывавший политическое значение Рима, ошибся в этом, как и многие в последнюю русскую гражданскую войну; Цезарь, прокормивший Италию, выступил в роли ее спасителя. Его операция по захвату Италии является образцом восстания.

[2]) Сопротивление оказал Домиций, долженствовавший, по приказу сената, принять от Цезаря управление Галлией; он собрал около 16 тыс. новых формирований (32 когорты) у укрепленного Корфиниума. 16 января Цезарь, усилившись до 23 тыс. (два старых легиона, много добровольцев и перебежчиков, из которых образовалось 3 новых легиона), осадил Корфиниум. 24 января войска Домиция, не получившие от Помпея поддержки, за исключением 6 когорт, взбунтовались и перешли к Цезарю. 9 февраля Цезарь с 25 тыс. осадил Бриндизи, в котором Помпей имел до 30 тыс., которые он поспешил в два приема переправить на Балканы (последний эшелон в ночь на 17 февраля).

рисковать. Цезарь отправил $3^1/_2$ легиона в Фессалию, навстречу подкреплениям, которые направлялись к Помпею, и для завоевания Греции, а сам, с $7^1/_2$ легионами, осадил армию Помпея, состоявшую из 9 легионов [1]). Эта осада превосходных сил, которые при помощи флота могли совершить десант в тылу осаждающих, оправдывалась стремлением Цезаря удержать Помпея на Балканах и нанести ему моральный ущерб. Она привела армию Цезаря к частному поражению при переходе Помпея в контр-атаку. Но этот успех оказался гибельным для Помпея: он был уже не в силах сдержать своих сторонников, требовавших быстрого использования успеха, начал преследование отходившего в Фессалию Цезаря, потерял преимущества, связанные с действиями на побережьи моря, где господствовал его флот, и у Фарсала дал (6 июня 48 г. до Р. Х.) сражение Цезарю, к которому последний так стремился [2]).

Помпей располагал почти полуторным численным превосходством: 40 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы против 30 тысяч пехоты и 2 тысяч конницы Цезаря, который не успел притянуть к себе ушедшие в Грецию отряды. Но качество войск и командования у Цезаря были выше (Черт. № 6).

План Помпея заключался в следующем: правый его фланг был обеспечен глубоким ручьем; поэтому он собрал всю конницу и всех легковооруженных на левый фланг, которым решил нанести охватывающий удар. Чтобы дать время последнему развиться, Помпей приказал своей пехоте, выстроенной в три линии когорт, встретить удар противника на месте, не бросаясь, как это было принято у римлян, навстречу.

Цезарь, чтобы усилить свою численно недостаточную конницу, прибег к поддержке ее наиболее способными к быстрым движениям молодыми легионерами, которые несколько дней упражнялись в совместных действиях с конницей. Заметив уже во время развертывания сосредоточение кавалерии Помпея против своего правого крыла, Цезарь приказал своей коннице, в случае атаки неприятеля,

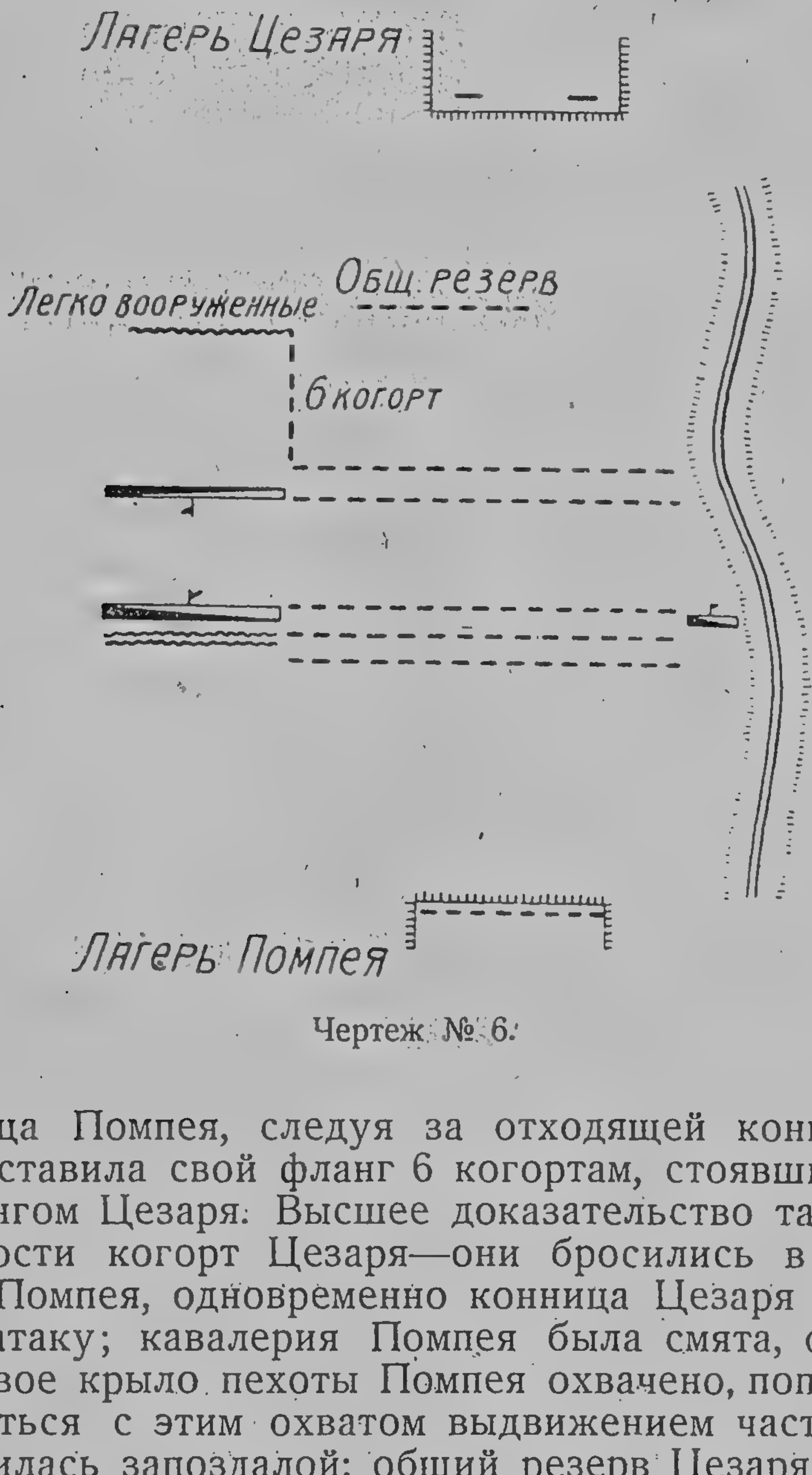
---

[1]) Боевая сила молодого, не бывшего еще в боях легиона не могла идти в сравнение с закаленными в Галльской войне легионами. Цезарь, при первом сражении с гельветами в Галлии, счел необходимым спешиться и приказал далеко увести свою лошадь и лошадей высших начальников: техника командования сильно затруднилась, но легионеры получили уверенность, что начальство разделит их судьбу и что бурный натиск гельветов можно отбить. В доверии солдата к начальнику заключается большой источник моральной силы; профессиональные солдатские легионы Цезаря эпохи Фарсала, слепо ему преданные, разумеется, не нуждались уже, чтобы высшие начальники обращались в заложников.

[2]) Помпей лично опасался боя, сравнивая цезарианцев, терпевших большие лишения, вследствие прекращения сообщений с Италией, с дикими животными, у которых голод удваивает ярость.

уклоняясь от удара, отходить назад и выставил, перпендикулярно к общему фронту, 6 сильных лучших когорт из третьей линии за правым флангом пехоты. Остаток третьей линии он задержал позади, в виде общего резерва, в расчете на то, что его закаленная в боях пехота центра, построенная в две линии когорт, удержится против трех линий Помпея.

Схема боевых порядков в сражении при Фарсале 48 г. до Р. Х.



Чертеж № 6.

Конница Помпея, следуя за отходящей конницей Цезаря, подставила свой фланг 6 когортам, стоявшим за правым флангом Цезаря. Высшее доказательство тактической сплоченности когорт Цезаря—они бросились в атаку на конницу Помпея, одновременно конница Цезаря бросилась в контр-атаку; кавалерия Помпея была смята, отброшена назад, левое крыло пехоты Помпея охвачено, попытка Помпея бороться с этим охватом выдвижением части третьей линии явилась запоздалой: общий резерв Цезаря нанес последний удар; левый фланг, а затем и весь фронт пехоты Помпея сдал, все бежало в укрепленный лагерь, где неизбежно последовала скорая сдача Цезарю. Дело армии Пом-

пея проиграно, но партия его располагала еще на других театрах могучими средствами борьбы; Помпей снял с себя знаки полководца, предоставил солдат своей судьбе и бежал организовать дальнейшее сопротивление Цезарю. Энергичное преследование, развитое Цезарем, уничтожило армию Помпея без остатка.

В этом сражении мы наблюдаем уже более сложные формы боя: переход к обороне с последующим наступлением, взаимодействие родов оружия, идею общего резерва, расчлененное маневрирование [1]).

Это сражение представляет всемирно-исторический этап, так как оно похоронило идею римской республики и явилось фундаментом Римской империи [2]).

Государственные перевороты. Римские императоры являлись не вполне наследственными монархами; как основавший империю Цезарь был прежде всего полководец, так и его преемники могли сохранить власть за своей династией только в том случае, если наследники их могли водить и обуздывать солдатские массы. Уже после смерти Цезаря началась борьба́ между двумя наследниками Цезаря—наследником по полководческому таланту Антонием и его наследником по крови—Октавием. Требования талантливости от представителей императорской власти выдвигали узурпаторов, которые, опираясь на военную силу, сталкивали слабых представителей наследственных прав, а им в свою очередь грозили новые узурпаторы.

Эта чехарда императорской власти имела корни в глубоком экономическом кризисе, охватившем Римскую империю. Экономический расцвет Рима был основан на громадных завоеваниях, на военной прибыли, на даровом труде рабов, которых доставляли успешные походы. Сам Рим, при невысокой степени производительности труда в античном мире, тратил больше, чем производил. С остановкой завоеваний кризис стал неизбежным. Этот экономический кризис делал смертельными раны, которые он наносил римскому военному могуществу, и обусловливал общий переход к натуральному хозяйству [3]).

---

[1]) Основной первоисточник—комментарии Цезаря, гражданская война, кн. III, §§ 84—99.

Большой интерес представляет труд полковника S t o f f e l. Histoire de Jules Cézar. Guerre civile. Paris. 1887 г. и оценка в 3-ей части стратегии Верди дю-Вернуа (Берлин, 1904 г.), стр. 40—50.

[2]) Эдуард Мейер, впрочем, утверждает, что Август продолжал политику Помпея, а не Юлия Цезаря, утвердив за сенатом его значение и при императорском режиме, что классовая структура римского общества делала политику Помпея и Августа неизбежной и что гений Юлия Цезаря мог лишь мимолетно уклонить римское государство с пути его эволюции.

[3]) Мы не пытаемся здесь передать очень сложной картины развала основанной на рабском труде экономической системы Рима и отсылаем: интере-

Переход на натуральное хозяйство. Этот переход тяжело отразился на армии. Уже в начале III столетия Септимий Север, вследствие исчезновения полноценных денег, был вынужден увеличить паек; для того, чтобы легионер мог использовать прибавку натурального довольствия, пришлось разрешить легионерам иметь при себе семьи. Таким образом, римский легионер, живший при денежном хозяйстве в казарменной обстановке—в лагере или укрепленном острожке—и посылавший семье свои денежные сбережения, теперь получил от правительства паек и на семью и стал жить с ней вне казармы, являясь в нее только на часы занятий. И так как при натуральном хозяйстве самопомощь является законом, то очень скоро у римских легионов оказываются свои поля, свое хозяйство, которым они уделяют то внимание, которое раньше безраздельно поглощалось службой.

Профессиональный римский солдат постепенно обратился в полу-милиционера, в военного поселенца, имевшего ничтожную боевую ценность и слабое представление о военной дисциплине.

В государстве одновременно происходило исчезновение сборщика податей, так как не было денег, и центуриона-фельдфебеля, носителя римской дисциплины. В третьем столетии центурион-фельдфебель уже переродился в центуриона-каптенармуса, раздатчика пайков.

Германизация войск. Параллельно с этим процессом, подрывавшим основы устройства постоянной армии, происходил и другой процесс ее денационализации. Период великих завоевательных походов был изжит; армия вела по преимуществу монотонную жизнь на отдаленных границах, прерываемую междоусобной бранью при государственных переворотах. В этих условиях военная карьера перестала прельщать представителей древних римских фамилий, которые охотнее стали специализироваться на чисто гражданской службе. Римский историк императора Валерьяна (254—259 г.) обращает внимание на то, что он представлял исключение: он избрал себе военное поприще, хотя и был довольно знатного происхождения. Латинский командный состав быстро стал отходить на второй план. Сначала каждая провинция окрасила командный состав в свои оттенки, затем перевес начали получать варвары-германцы. Власть, заботясь о сохранении латинского характера хотя бы за гражданским управлением, должна была озаботиться резким разделением гражданской и военной

сующихся к трудам Эдуарда Мейера, Шпека, Нейрата. Ed. Meyer. Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums. Iena. 1895. Speek. Handelsgeschichte des Altertums. 3 B-de. Leipzig. 1911. O. Neurath. Antike Wirtschaftsgeschichte. Leipzig. 1918.

службы. Сын Валерьяна, Галлиен (259—268 г.), воспретил совмещение сенаторского звания с военной службой. Диоклетиан и Константин провели полное разделение гражданской и военной администрации.

Римский солдат превосходил воинственных германских варваров исключительно благодаря строгой дисциплине, регулярному обучению и превосходству организации постоянной армии.

Когда же он обратился в недисциплинированного, плохо обученного и недостаточно снабжаемого военного поселенца-милиционера, превосходство воинственных варваров, с их неизжитой энергией полу-дикарей, стало очевидным. В борьбе за престол двух кандидатов в императоры одерживал верх тот, кто располагал в своих рядах бóльшим количеством германских наемников. Вспомогательные когорты скоро стали центром римской армии, стали лучше оплачиваться, а легионы—представлять второстепенную часть войска. Напрáсно император Проб (276—282 г.) стремился замаскировать зависимость Рима от германских наемников, распределив по легионам 16 тысяч германцев. Легионы уже подражали германцам—строились в колонны, отказались от дротика и меча, перешли на копье, как на главное нападательное вооружение.

Этот порядок был только запротоколен Диоклетианом (284—305 г.), который разделил армию на 4 категории; большинство старых небоеспособных легионов, сильно уменьшившейся численности, обратилось в пограничные поселенные войска—лимитанов. Гвардия была сохранена в виде палатинов—вначале два преданных Диоклетиану легиона варваров. Для сопровождения императора в походе назначалась особая категория—комитатские части. Так как пограничные части, самое болъшее, по своей боеспособности, могли гоняться за разбойниками и были бессильны против вторжения какого-либо племени, то для поддержки их, в виде активного резерва на угрожаемых границах, была сформирована новая категория войск, по образцу комитатских, получившая вследствие этого оригинальное название псевдокомитатских.

Чем больше варваров было в части, тем она считалась боеспособнее. Скоро слово варвар стало синонимом солдата. Официально учреждение военного фиска стало называться варварским фиском.

Императорская власть, опираясь на эти несвязанные с ней ничем, кроме жалованья и пайка, иноплеменные нецивилизованные войска, чувствовала себя слабой. Константин Великий, в своем походе на Рим, перед колоннами своей армии приказал нести кресты не потому, что это было важно для язычников—кельтов и германцев, составлявших

его армию, а чтобы затруднить положение его противника Максенция, возбудив против него сильную христианскую партию в Риме. Добившись успеха, Константин, не веря уже в исключительную силу своего оружия, вступил в соглашение с сильным союзом епископов христианской церкви; на уступку в пользу церкви части своих верховных прав римский император никогда бы не пошел, если бы не ощущалась гнилость фундамента его военного могущества. Старая культура умирала.

В течение III, IV и V столетий пограничные районы—Британия, Рейнская и Дунайская области—были потеряны для римской культуры, вследствие расселения в них германцев, которые являлись то наемниками римских императоров, то восставали против них. То явление, которое называется великим переселением народов, представляет по существу поступление на римскую службу целых германских племен. Не как крестьяне являлись в Римскую империю германские племена, со своими женами, детьми и скарбом, а как наемники, которые в рядах своей племенной организации шли испытывать военное счастье на римской службе. В обстановке разложения, вызванной катастрофой денежного обращения, Рим уже оказывался неспособным к организации и вместо того, чтобы набирать в вспомогательную часть отдельных германцев, нанимал кондотьера-германца, преимущественно вождя племени, который обязывался выставлять определенное число воинов и в расплату получал концессии на области и провинции (уступка под постой части каждого дома, под земельный надел—части каждого частного владения и т. д.). В последней четверти IV века это явление начало получать развитие. Германский наемник уже в течение двух столетий располагал физической силой—но для захвата власти ему не хватало организации, социальной структуры. Теперь она оказалась налицо. Небольшие племена, не превосходившие 70 тысяч человек, считая и женщин и детей, и имевшие возможность выставить не более полутора десятка тысяч бойцов, оказались в состоянии покончить с той фикцией, которую представляло римское гражданское управление, не опиравшееся на национальную военную силу; германские предводители захватили власть в Галлии, Италии, Испании и Африке—сначала как наместники императоров; объявление самостоятельности королевств вест-и ост-готов, бургундцев, франков, вандалов—явилось уже небольшим и неважным изменением формы. Римская империя умерла; римский солдат не был побежден германцем—он дал себя им заместить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Средневековье.

Родовой быт германцев. Вооружение и тактика. Исчезновение линейной пехоты. Военная организация франков. Вассалитет и ленная система. Исчезновение призыва масс. Снаряжение в поход. Социальные и тактические предпосылки рыцарства. Копье. Средневековая дисциплина. Рыцарские ордена. Тактика. Стратегия. Города. Препятствия росту силы городских милиций. Военная мощь феодализма. Сражение при Бувине.

В связи с переходом Римской империи на натуральное хозяйство, уже с третьего века начался перевес варваров над античной цивилизацией. Государственная жизнь возвратилась на давно пройденную феодальную ступень развития. Наступило средневековье.

Из огромного материала, представляемого средневековьем, мы остановимся лишь на том, который характеризует то дно, на которое, при общем развале экономики, опустилось военное искусство и которое интересует нас, как исходное положение всей дальнейшей эволюции. В этой главе мы очертим военное искусство на первоначальной ступени родового быта германцев, феодальные его формы, рыцарство и средневековые милиции. Проблески будущего, попытки возрождения пехоты, связанные с зарождением денежного обращения и народными движениями XIV и XV веков, мы относим к следующей главе.

Родовой быт германцев. Германские племена в эпоху первого соприкосновения с римской цивилизацией жили по преимуществу скотоводством и охотой при зачаточном состоянии земледелия. Пределы численности племени обусловливались необходимостью в одни сутки собрать, в случае опасности, к центру территории племени всех воинов. Племена занимали, таким образом, каждое не свыше 5.000 кв. километров, на каком пространстве могло прокормиться 25—40 тысяч населения. Взрослых мужчин в племени могло быть 6—10 тысяч.

Племя распадалось на роды или сотни. Каждый род—около сотни семейств—населял особую деревню. При боль-

шом количестве населения деревни — свыше двух тысяч душ — совместная жизнь становилась трудной, и род расселялся и разделялся на два рода — две деревни. Земля составляла общественную собственность деревни — в среднем 150 кв. клм. — и называлась гау (волость). Род назывался сотней, потому что выставлял сотню воинов, понимая „сто“ в смысле большого, круглого числа. Деревня выставляла самостоятельный отряд. Во главе деревенского округа — гау — находился старейшина рода — гунно [1]) сотни. Гунно являлся руководителем мирной жизни деревни и вождем ее воинов на войне. Сила германцев в период их родового быта покоилась на двух основах: храбрости и физической выносливости отдельного воина, получавшего закал в беспрерывных столкновениях с соседями и на охоте за дикими зверями, и коллективной сплоченности воинов одного рода. Та сплоченность и сомкнутость, которая у цивилизованных народов дается только совместными упражнениями, жизнью в казарме и строгой дисциплиной, при родовом быте достигается естественно, так как сотня скреплена между собой родственными отношениями; в бой идут родственники и товарищи, имеющие общие хозяйственные и военные интересы. Вместо создаваемого искусственно авторитета начальника, сотня имела в гунно вождя, авторитету которого все подчинялись ежедневно, как в мирной жизни, так и на войне. Гунно не вел строевых занятий своей сотни, как римский центурион в своей манипуле, у него не было определенной дисциплинарной власти, понятие приказа было смутно — и все же род под командой гунно представлял такое естественно сплоченное целое, какое с большим трудом, на других психологических основаниях, искусственно создают цивилизованные народы в своих тактических единицах. Внутренняя спайка, взаимная выручка — основные моральные силы; они были у германцев налицо и оставались непоколебимыми даже при внешнем беспорядке их действий. Не приказу, но призыву своего гунно каждый германец не мог не повиноваться. Даже паника, столь естественно возникающая в нерегулярных, недисциплинированных частях, при неразложившемся еще родовом быте германцев, имела мало места: отступающие германцы, по призыву гунно, останавливались и переходили в наступление. Гунно — тот же римский центурион лучших времен, но отличавшийся от него, как природа отличается от искусства.

Вооружение и тактика. Вооружение германцев страдало от бедности их металлом; только немногие из них имели панцыри и шлемы; предохранительное вооружение образовыва-

---

[1]) Филологически — сотский; долго державшееся в Германии название сельского старосты.

лось преимущественно большим щитом; голова защищалась кожаной или меховой шапкой. Наступательное оружие представляли длинные копья, только у немногих — дротики и мечи. Римляне утверждали, что в задних рядах германцы имели людей, вооруженных только простыми палками.

Состав германского войска отличался от римского наличием в нем многочисленной, хорошей иррегулярной конницы, умевшей работать рука об руку с пехотой. Цезарь [1]) так описывает „парных“ германских бойцов: „здесь было 6.000 всадников и столько же крайне проворных и храбрых пехотинцев; каждый всадник в пару к себе для своей охраны выбирал из всего войска одного пехотинца. Они принимали на себя отступление всадников и спешили вперед, когда последним приходилось трудно. Если тяжело раненый всадник падал с лошади, они обступали его и защищали. Вынуждаемые часто то к быстрому преследованию, то к отступлению, они достигали посредством упражнений такой быстроты, что, ухватившись за всадника, поспевали за ним“.

В виду недостаточно хорошего вооружения массы пеших воинов, а также необходимости опасаться за фланги при столкновении с конным противником и для удобства движения по пересеченной местности, германская пехота строилась в бою не фалангообразной линией, а разбивалась на несколько глубоких колонн, человек 40 по фронту и в глубину. Целый ряд сотен, каждая 2—3 ряда по фронту, поставленных рядом, имея впереди своих гунно, образовывали такую колонну. При беспорядочном движении колонны в атаку, бегом с значительного расстояния, центр ее, обыкновенно, выдавался вперед, почему противники—римляне—называли их построение клином или свиной головой. Но если прорыв фронта неприятеля не удавался мгновенно и завязывался рукопашный бой, то эти колонны, под влиянием натиска сзади, беспорядочно развертывались в обе стороны и сливались в одну линию.

Так как спайка германцев была не механическая, а внутренняя, то особенно им удавался бой в лесу или на скалистой, пересеченной местности, где, рассыпаясь под влиянием местных условий, они продолжали представлять сплоченное тактическое целое.

Для решения важнейших судебных дел в мирное время авторитет гунно был недостаточен. На народном собрании племени выбирались для этого первенствующие люди—князья—из особенно уважаемых и зажиточных семейств. Князья окружали себя дружиной, преданной им, и объезжали различные гау племени. Когда в племени одному

---

[1]) Bellum Gallicum, I, 48.

князю удавалось устранить других, он становился королем, зависимым от народного собрания. С течением времени роль народного собрания умалилась и свелась лишь к простому одобрению предлагаемого королем решения. Князья и короли объединяли в своих руках действия сотен на войне, сражаясь со своей отборной дружиной в первых рядах племени.

Исчезновение линейной пехоты. Германцы понимали, что их военная сила базируется на высокой квалификации отдельного бойца и на сплоченности родового быта и что воздействие на них римской цивилизации может гибельно отразиться на их боеспособности.

Однако, несмотря на все старания, родовой быт германцев, попавших в цивилизованные условия, был обречен на разложение. Условия натурального хозяйства властно толкали к расселению небольшими кучками по всей стране для облегчения довольствия. Старинные роды разбились на части.

Старый гунно, живший в одних условиях и одними интересами со своим родом, обратился теперь в крупного помещика, жизнь и интересы которого резко расходились с управляемыми им соплеменниками, которые обрабатывали своими руками землю. Гунно, ставший графом, т.-е. губернатором, получил большую экономическую, военную и гражданскую власть, но его былой авторитет родового старейшины исчез.

В этих условиях колонны германцев необходимо должны были потерять свою изначальную крепость и сплоченность. Родовая спайка исчезла, а власть, которая могла бы создать искусственную спайку и сплоченность дисциплиной и муштровкой, еще не народилась. У королевской власти для этого не было ни силы, ни достаточного авторитета, ни знания. Цивилизация разлагала боевую силу германских варваров.

С уничтожением изначальной сплоченности германских сотен, тактика резко изменилась. Пехотинец, вооруженный холодным оружием, представляет серьезную силу только в сплоченной массе. Отдельный боец, как бы высоки ни были его качества, представляет ничтожную боевую ценность. Нет спайки, нет и линейной пехоты. Она исчезла с разложением римской дисциплины и германских родовых связей на долгий период средних веков. В Византии, вообще на востоке, усердно культивировалось метательное оружие—пешие и конные лучники. Но пеший лучник, хотя и имеет известное значение и без смыкания его в сплоченную тактическую единицу, может играть только вспомогательную роль—в бою на пересеченной местности или за укреплениями—и вынужден уступать поле сражения натиску кон-

ницы. Римская пехота никогда не была прорвана и потоптана кавалерийской атакой. Теперь пехота, перед своим окончательным исчезновением с полей сражения, стремилась искупить недостаток своей спайки установкой перед фронтом передвижных рогаток.

У германцев конные воины всегда были в почете; наемным германским конным частям Юлий Цезарь в значительной мере был обязан своими победами. Теперь все внимание обратилось на конницу, в ущерб пехоте; о ней только и заботятся короли, лучшие воины идут в конницу.

Как одиночный боец, конный воин, снабженный не слишком тяжелым предохранительным вооружением, умеющий сражаться как на коне, так и пешком, безусловно превосходил пехотинца. Массы исчезли с полей сражения; о числе заботились очень мало, так как условия для оперирования большими силами были крайне неблагоприятны: не было никакого организованного тыла, в армии каждый жил тем продовольствием, которое он брал с собою для похода. Все внимание устремлялось на качество, на квалификацию одиночного бойца. По мере того, как общие связи рвались, как слабела спайка тактических единиц, как все сильнее выступала отдельная личность,—конные воины получали все более решительное преобладание. Кто мог достать себе коня—садился на него, отправляясь воевать. Командование, управление боем отошли на второй план—решающее значение осталось только за личной доблестью.

Военная организация франков. Тогда как большинство королевств, основанных германскими племенами на развалинах Западной Римской империи и стремившихся сохранить родовой быт, исчезло без остатка, королевство франков сохранилось и явилось основой развития всей романско-германской культуры, так как приспособило свой строй к новым военным требованиям и оказалось в состоянии воспитать тех квалифицированных конных бойцов, к которым перешло решающее значение. Родовой быт разложился здесь прежде всего, так как франки расселялись среди народа, впитавшего в себя римскую цивилизацию исподволь, еще до захвата там крупного землевладения и верховной власти; они приняли тоже католическое вероисповедание и легко слились с местным населением. По-видимому, переход исподволь власти в Галлии к франкам предохранил хозяйственную жизнь от резкой катастрофы и создал в королевстве франков более прочный экономический базис для военного строительства. Уже в IV веке просторные незащищенные римские города в Галлии, под влиянием нападений варваров, сменились тесными, обведенными стеной бургами. Армия франков образовывалась призывом к оружию всех свободных; однако, в виду общих

условий средних веков, этот призыв распространялся на все меньшее число отборных и специализировавшихся на военном деле людей. Вскоре, во время династических распрей, крупные землевладельцы добились первого закона, ограничившего власть короля—а именно, последний обязался назначать в гау графов не из своей дружины, а из числа крупных местных землевладельцев. С развитием средневековья графы становятся все менее чиновниками и все более и более владетельными особами. Нужно помнить, что великое переселение народов не явилось ни освежением дряхлой цивилизации чистым нравами, близким к природе народом, ни расселением германских крестьянских масс среди римских полурабов-землевладельцев, а явилось заменой римской аристократии, базировавшейся на образовании, чиновничестве и богатстве, тонким слоем новой, совершенно неграмотной германской аристократии, связанной исключительно с военным делом. Никакой учет или контроль не был посилен средневековому неграмотному управлению. Графы стали наследственными не только потому, что оказались в силах добиться этого, но и потому, что никем не контролируемый граф, назначаемый на время, несомненно был занят мыслью только о скорой наживе, тогда как граф, видевший в своем графстве наследственное достояние, заботился и входил в его интересы гораздо ближе и мог являться на призыв короля с лучшими и более исправно снаряженными воинами.

Вассалитет и ленная система. Успехи крупных землевладельцев в королевстве франков были связаны с тем, что они обзавелись „частными“ [1]) солдатами. Эта форма скоро получила всеобщее распространение. Это—вассалитет. Вассал—это человек, признавший свою зависимость, свое подданство другому лицу—сеньеру. Вассал приносил сеньеру присягу-клятву в верности, имевшую личный характер [2]). Крупный вассал, в свою очередь, являлся сеньером для лиц, признавших свое подданство ему—вассалов следующего порядка. Это разложение верховной власти на ряд ступеней, из которых каждая является в известной степени самостоятельной и работает для государственных целей по своему усмотрению, а не по контролируемому центром при-

---

[1]) Первые „частные“ солдаты, столь характерные для феодализма, появились у вест-готов, на Пиринейском полуострове. Знатные готы, первоначально нанимавшиеся с целыми отрядами на римскую службу, сделавшись богатыми помещиками, держали на своем пайке сильные дружины готов; дружинники находились в сильной зависимости, но имели право отъезда. Звались они сухарниками (буцеларий).

[2]) Т.-е., в отличие от присяги государю на подданство, имеющей династический характер, присяга вассала, в случае смерти сеньера или вассала, не вызывает на обязательство к наследнику сеньера и не связывает детей вассала.

казу, и является характерной чертой феодальной эпохи. Создается иерархия земельной собственности.

Сохранить квалифицированного бойца, удержать воинскую доблесть от разложения королевству франков удалось благодаря комбинации вассалитета и ленной системы. Ленная система заключается в том, что ленник получает от государства или сеньера в пожизненное пользование участок земли и принимает на себя обязательство являться с оружием по призыву, приводя с собой, в зависимости от размера участка земли, определенное количество воинов („людны, конны и оружны“). Ленная система организации вооруженных сил в высокой степени отвечает условиям натурального хозяйства, когда государство может расплачиваться преимущественно концессиями на землю. За 2100 лет до нашей эры основатель Вавилонской империи, Гамураби, этот Карл Великий древности, подробно регламентировал ленную систему, и его законодательство дошло до нас.

Отсутствие защиты со стороны государства толкало землепашцев к крепостному праву; но и свободные землевладельцы не чувствовали себя спокойно без опоры и искали сильных мира сего, коим предлагали себя в вассалы, предпочитая свою вотчину обратить в лен, т.-е. преподносили свою землю сеньеру и получали ее обратно, иногда с прибавкой, в качестве наследственного лена. Ставший вассалом, бывший свободный землевладелец, был обязан теперь военной службой своему сеньеру, присягал на верность, в случае нарушения клятвы терял право на имение, но зато в других случаях ему была обеспечена защита со стороны сеньера. В IX веке „военный“ стал синонимом „вассального“. Существует эдикт 847 года, коим каждый свободный обязывался иметь сеньера.

Исчезновение призыва масс. Энергичные короли понимали, что с развитием вооруженной силы, основанной на феодальной системе, центральная власть обречена на упадок, и потому, пользуясь феодальным ополчением, не отказывались от старого порядка призыва к оружию всех свободных.

Одновременно действовали две схемы призыва—старая, по которой король призывал, посредством своих графов, всех свободных, и новая—король, посредством сеньеров, созывал их вассалов.

Однако, принцип общей воинской повинности, существовавший у римлян, при наличии точного учета всего населения, и осуществлявшийся германцами на патриархальных условиях, при существовании родового быта, в средние века, не знавшие ни грамоты, ни статистики и учета, мог являться только бумажной декларацией.

Полуграмотное средневековье не могло бы использовать точно установленное законами и уставами распределение налогов и обязанностей и не нуждалось в нем. Контроль возможен только по отношению регулярной военной силы, где можно инспектировать наличность людей, запасов и степень обучения и усвоения уставов. В средние века, когда вопрос шел преимущественно не о числе, а о квалификации отдельных, иррегулярных бойцов, единственный возможный контроль подготовки представлял поход на врага. Не принуждение, а добровольное желание было главным импульсом военной подготовки в средние века. А потому военное дело могло существовать только в хозяйских руках. Так как политическое значение каждого герцога и графа зависело от того, как оценивалась его вооруженная свита в походе, то его добровольное желание не уступать соседям и являлось главным двигателем. Закон играл придаточную роль [1]) и нормировал преимущественно военные обязательства иноплеменных вассалов, получая в этом случае часто характер договора о найме. Воинская повинность всего населения обратилась в фикцию; если за нее еще держались и подтверждали призывами, то только потому, что эти в действительности неосуществимые призывы являлись замаскированным налогом, так как они ставили население в зависимость от графов и заставляли его откупаться.

Такие призывы масс на военную службу при натуральном хозяйстве в средние века являлись бесцельными и потому, что та магазинная система продовольствия, которая применялась римлянами, не могла быть восстановлена. В государственную казну налоги не поступали, государство не могло взять на себя обязательства довольствовать призванных в армию; каждый должен был являться на призыв со своим продовольствием. Водные пути, игравшие в Риме такую важную роль при сборе запасов, в средневековье не имели характера коммуникационных линий, так как для использования их отсутствовала требуемая организация.

Снаряжение в поход. При завоевании Карлом Великим Саксонии запасы на армию не сосредоточивались хотя бы на переправах через Рейн: каждый воин, или группа их, был обязан явиться на сборный пункт на границах театра войны с 3-месячным запасом продовольствия; так как по пути разрешалось пользоваться только дровами и зеленым фуражом, а воину с берегов Луары предстоял конец свыше 700 километров длиной, то выступать приходилось с 4-ме-

[1]) Как теперь, наоборот, доброе желание и добровольческое начало существуют в придаток к законам, циркулярам и уставам, регулирующим воинскую повинность.

сячным запасом продовольствия, нагруженным на повозки и гонимым в виде гуртов скота; покупать на месте продовольствие мобилизованный феодал мог бы только на денежный знак, вносимый его крестьянами, а у последних при натуральном хозяйстве денег вовсе не было. Операция могла продолжаться только короткое время, так как месячный запас продовольствия нужно было сохранить на обратный путь. Война получила прерывчатый характер. Если в 33 года (772—804 г.) Карлу Великому все же удалось справиться с завоеванием Саксонии – с задачей, перед которой отступил Рим, сосредоточивавший в 8 раз более многочисленную армию, то, главным образом, потому, что противник был уже не тот. Саксонский родовой быт также уже разложился.

Каждый воин [1]) нуждался в слуге; на двух воинов, по крайней мере, нужна была парная или четверочная повозка; за 6-тысячной армией уже тянулся на многие десятки верст обоз в 3—4 тыс. повозок и тысячные гурты скота. Армия, действовавшая бы по одной дороге и насчитывавшая бы свыше 10 тысяч бойцов, вообще не могла существовать.

Естественно, что массы народа, привлекавшиеся раньше к военной службе, отошли от нее, и только в редких случаях, для отражения варварского вторжения, собиралось общее ополчение; но и оно становилось пережитком старины. Военный класс становился небольшой частью народа, и чем меньшую часть он образовывал, тем более прочную профессиональную закваску он получал.

Квалифицированный воин средневековья нуждался в квалифицированном, дорогом металлическом вооружении, в дорогой крупной лошади, которая могла бы возить закованного в железо всадника. Вооружение и лошадь одного воина расценивались в IX веке в стоимость 45 коров. Если принять во внимание, что нужно было в дополнение снарядить конного слугу, приобрести парную повозку с запряжкой и нагрузить ее запасами, то окажется, что стоимость снаряжения одного бойца в поход равнялась стоимости всего крупного скота целой деревни. В эпоху великого переселения народов воин шел все вперед, на добычу, не оглядываясь назад. В средние века воин стал уже оседлым, добыча отошла на второй план сравнительно с тяжелым бременем, которое представляло снаряжение в поход. Это бремя было, очевидно, непосильно отдельному лицу, жившему на личный заработок. Воинов могло быть лишь немного. Все причины, вместе взятые в период, начиная с IV и кончая IX веком, вели к постепенному переходу от призыва в войска всего народа к призыву одних вассалов.

---

[1]) Это был воин-завоеватель, избегавший лишений; палаточные принадлежности возились за ним.

Социальные и тактические предпосылки рыцарства. Дружинники германских королей, назначавшиеся графами, т.-е. губернаторами, и их помощники—органы новой варварской правительственной власти, быстро оказались крупными земельными собственниками и положили основание новому господствующему классу, который продолжал пополняться выдающимися рядовыми воинами. В IX веке окончательно сложилась феодальная военная система; различие между воинами—завоевателями и туземцами, между свободными и несвободными стерлось, и началась кристаллизация общества. Профессиональный, наследственный воин, владелец лена, вассал стал все резче выделяться от невоинов, образовавших массу населения. В XII веке окончательно сложился господствующий рыцарский класс; до этого времени он имел открытый характер—каждый рыцарь мог ударом меча посвятить в рыцари любого воина, но с этого времени выдвигается требование, чтобы посвящаемый происходил от родителей—рыцарей; рыцарское достоинство получает тесное, обособленное значение; то, что раньше подразумевалось под рыцарством, теперь разделилось на собственно рыцарей и сержантов, кнехтов [1]), вооруженных слуг.

Возникновение этой перегородки в военной касте между рыцарями и нерыцарями имело основы и в тактике и в общей структуре средневековья. Армия должна иметь скелет. Средневековая государственная власть не могла дать военного воспитания, и последнее являлось исключительно достоянием семьи и класса. Род оружия ставился наследственным, рождение—родом оружия. При отсутствии тактических единиц успех боевого столкновения ставился в исключительную зависимость от квалификации отдельных воинов; сохранять квалифицированного воина могли только совокупные усилия семьи и класса. Обучение имело чисто индивидуальный характер. Единственными центрами обучения являлись княжеские дворы. Социальное положение и классовое сознание предъявляли к рыцарю крупные требования, воспитывали его в определенной морали и развивали в нем до крайности славолюбие. Трусливый или слабый рыцарь—это был, прежде всего, изменник своему классу. Неподходящих для военной карьеры сыновей феодалы направляли в духовное звание. Сложилась и нашла свое выражение в сагах и песнях особая рыцарская идеология, с рыцарским идеалом прекрасного, с призывом рыцаря к самодисциплине, с указанием на его высокую задачу—быть слугой вечных идей, представляемых церко-

---

[1]) Слово кнехт—первоначально означало молодой человек, затем, у немцев стало означать слугу, а в Англии—рыцаря (Knight).

вью [1]); рыцарь должен отличаться от простых смертных утонченным обращением—он тянется к придворным манерам; средневековый писатель, описывая, что должен знать рыцарь, требует, чтобы рыцарь знал, как подавать кушанья и как служить за столом. Рыцарство в беспрестанных войнах упражнялось во владении оружием [2]), а в периоды мира тренировалось в нем на турнирах. Турниры родились во Франции; сначала на турнирах рыцари показывали свое искусство в верховой езде, а затем турниры обратились в одиночные или массовые поединки на тупых копьях; иногда, при тяжелом вооружении, турниры происходили и на остром оружии. Тщетно церковь стремилась запретить эти очень опасные упражнения (Реймский собор—1131 г.); мода на них распространилась из Франции на весь Запад.

Другая причина, вызвавшая выделение рыцарского класса, заключается в усложнении рыцарского снаряжения. До IX века воины были исключительно конные, с хорошим, но не слишком тяжелым предохранительным вооружением, которые дрались как на коне, так и пешком; существовал только один род оружия, который решал все выпадавшие на войне задачи. Однако, затем, с каждым столетием средневековья, рыцарское вооружение становилось все более тяжелым. Начиная с XII века, бронировались не только всадники, но и лошади. Рыцарь на походе сделался несамостоятельным, ему понадобилось несколько лошадей и вооруженных слуг. Выяснилось значение метательного оружия. Рыцарю оказались нужны стрелки, которые прикрывали бы его от неприятельских стрелков; появились пешие лучники и копейщики, оруженосцы, пажи, а после опыта Крестовых походов — конные лучники, по примеру восточных народов. В помощь рыцарям народились новые роды оружия.

Копье. Роды оружия могут группироваться или по специальностям,—но для этого нужны тактические единицы, или же они могут наростать около главного рода оружия, образующего скелет армии. В средние века, при полном отсутствии возможности создать тактические единицы, все роды оружия распылялись по главному—по тяжело вооруженным всадникам, образуя так называемое копье. Копье

---

[1]) Здесь имеется в виду западно-европейское рыцарство Но следует помнить, что рыцарство, как продукт военной специализации класса феодалов при господстве натурального хозяйства, представляет явление не только европейской, но и всемирной истории. Рыцарей мы находим и у арабов, и у японцев.

[2]) Фехтование не входило в число искусств, которым обучался рыцарь. Фехтовальное искусство, известное древним гладиаторам, возродилось в Европе только тогда, когда успехи огнестрельного оружия заставили снять латы; в Италии, на родине фехтования, это искусство получило развитие уже в XV веке.

состояло из рыцаря, оруженосца, конного и пешего лучников, пешего копейщика—обыкновенно от 4 до 7 человек [1]). Свита рыцаря, образовывавшая вместе с ним копье, имела резко второстепенное значение. 100 конных (рыцарей) стоят 1000 пеших—обычно утверждали в средние века. До XII века эта рыцарская свита являлась некомбатантами и могла употребляться только для фуражировок и охранения. Последовательно она стала получать несколько большее значение. Не надо забывать, что и сам рыцарь представлял чью-то свиту, и в руках сеньора оставалось право для данной боевой задачи сгруппировать отдельные элементы из копий его вассалов.

Создание копья [2]) провело грань между рыцарями, стоявшими в голове копья, и другими военными элементами, которые получили вспомогательное значение. Вспомогательные роды оружия имели свои особые социальные корни, которые их комплектовали; это были менее удачливые старые профессиональные воины, не поднявшиеся до рыцарства, пажи, кандидаты в рыцари, конюха. В крестовых походах, вследствие обезлошадивания в Сирии, много конных воинов стали пешими и, не владея луком, остались копейщиками.

Роль пеших копейщиков привилась, и на Западе новый элемент—горожане—часто помогали рыцарям в роли пеших копейщиков.

Рыцарское звание, особенно в более богатых районах, прельщало далеко не всех. Балдуин Фландрский в 1200 г. счел необходимым начать борьбу с уклонением от рыцарского звания и издал декрет—сыновья рыцарей, до 25 лет не добившиеся звания рыцаря, должны рассматриваться законом, как лица крестьянского сословия. Во Франции и Англии также были установлены штрафы за уклонение от рыцарского достоинства.

Разумеется, существовали—и в военно-техническом, и в социальном отношениях—переходные ступени к рыцарству—были обедневшие рыцари, выступавшие в чужом вооружении, были нерыцари в тяжелом вооружении, пажи и оруженосцы благородного происхождения, подготовлявшиеся к тому, чтобы самим стать рыцарями. Чем строже становилось в XIII и XIV веках социальное деление, тем меньший процент подлинных рыцарей встречается в голове

---

[1]) Сила средневековой армии исчислялась не по количеству входивших в нее комбатантов, а по числу копий. Ныне, с усложнением организации пехоты, также, повидимому, приходится отказываться от учета силы по числу штыков, а приходится учитывать число боевых ячеек—пулеметных, ружей-автоматов и пр., и в этом можно усмотреть известную аналогию с средневековым копьем.

[2]) Окончательно копье сложилось в половине XIV века, но элементы его наростали уже с XII столетия.

копья и тем больший—кнехтов в тяжелом вооружении, сержантов.

В 747 г. папа Захарий в письме к мажордому Пипину еще высказывал мысль, что миряне и воины должны защищать страну, а духовенство — давать советы и молиться. Но в начале IX века военное дело являлось уже настолько уделом касты, народные массы настолько были отодвинуты от военного дела и рыцарство в военной касте заняло настолько господствующее положение, что сложилась формула: „народ должен работать, рыцари воевать, духовенство—молиться". В течение семи веков эта формула оставалась действительной, поскольку сохранялись предпосылки феодальной системы.

Средневековая дисциплина. В средние века наблюдался известный порядок, иерархия, субординация, послушание приказу, но дисциплины в римском и современном значении этого слова, как воспитания привычки к безусловному повиновению, связанному с понятием дисциплинарной власти, подчиняющей и смиряющей самовольные порывы, эгоистические стремления,—не было, и такая дисциплина была совершенно чужда средневековью. Феодальный строй связан с чувством независимости, с нежеланием баронов, чувствующих у себя в поместьи государями, склонить свою волю перед высшим авторитетом. Сын идет против отца, герцог против короля, граф против герцога. Вместо современного дисциплинарного взыскания, скорого, неизбежного, тяжелого, до казни на месте за ослушание на поле сражения, средневековье знало только одно средство—отнятие сеньором у неповинующегося вассала лена. Осуществление этого наказания было очень сложно, часто вело к гражданской войне, к коалиции вассалов против сеньора и вызывало недостаточно спасительный страх у подчиненных. Отголоском этой средневековой военной анархии является стих Шиллера: „только солдат—свободный человек". Средневековье не знало лучшего средства для установления и поддержания дисциплины—строевого учения. Кнехтов порой били палками для наведения порядка, но это была дисциплина слуг, а не солдатская. Труднейший же вопрос дисциплины—господство полководца над вождями—средневековье вовсе не в силах было разрешить. Власть средневекового государя над крупными вассалами была слишком слаба.

Для средневековья характерен военный устав императора Фридриха Барбароссы (1158 г.) [1]), не содержащий почти

---

[1]) G. Köhler. Die Entwickelung des Kriegswesens, т. III, ч. II, приложение, стр. 351—353 (подлинный латинский текст устава). Немецкий перевод—у Iohann Gottfried Hoyer. Geschichte der Kriegskunst (Göttingen, 1797) т., I, стр. 25—28.

никаких указаний, нормирующих отношения начальников и подчиненных, и стремящийся только упорядочить взаимоотношения между равными. Устав запрещает во время поединков боевым кличем звать себе на помощь товарищей, рекомендует разгонять дерущихся, одев на себя латы, но захватив вместо мечей палки, запрещает брать с собой в поход женщин, под угрозой конфискации вооружения и обрезывания носа женщины, точно определяет, кому принадлежит убитая на охоте дичь, требует, чтобы нашедший бочку вина и воспользовавшийся частью содержимого, не давал бочке вытечь, чтобы и другим досталось, и т. д.

Рыцарские ордена. Несколько высшей ступени достигла дисциплина в рыцарских орденах в пору их процветания, когда они отчасти отвечали своему замыслу—создать светского воина, живущего в монашеской строгости и покорности начальству, произносящего свои обеты и посвящающего себя борьбе с неверными. Рыцарю — храмовнику, для сохранения дорогих тяжелых коней, запрещался вне боя и без особого разрешения начальника аллюр галопа. Храмовник, чтобы освоиться с тяжестью кольчуги, обязан был носить ее ежедневно; если было установлено, что он, сибаритствуя, вышел из своей комнаты без кольчуги, то во время общей трапезы он лишался права надевать белую мантию ордена и должен был сидеть без стула, на земле. Устав ордена знал и наказание заключением в карцер, и изгнание из ордена. Но и здесь дисциплина не поднималась на такую высоту, чтобы дать возможность боевого управления. Имелись сигналы колоколом, но они применялись только для обозначения моментов лагерной жизни. Храмовник без разрешения не мог удаляться от лагеря на расстояние, с которого звук колокола был бы неслышен. Тактические указания сводились к тому, что до столкновения храмовник не имел права оставить своего места в рядах и броситься до приказа в атаку (что часто проделывали другие рыцари немедленно по прибытии на поле сражения, препятствуя построению боевого порядка и разменивая общий удар на ряд частных схваток). Начальник отряда храмовников обязан был выделить для охранения своего знамени (на всякий случай возилось и запасное) 5—10 рыцарей; остальные, подойдя к противнику, без производства общего шока, вступали в индивидуальный бой и обязаны были продолжать его и не покидать поле сражения до тех пор, пока знамя продолжало развеваться. В случае падения знамени—вопрос продолжения боя мог разрешаться каждым храмовником индивидуально, но устав ордена предписывал ему пристраиваться, по возможности, к другому ведущему бой отряду, где продолжало развеваться знамя.

Масса рыцарства знала только одно дисциплинарное предписание—запрещение грабежа, пока неприятель продолжал оказывать сопротивление. Дисциплина в средние века отходила на второй план, так как она стесняла полное проявление личности, на котором только и основывалась боеспособность средневековья: все базировалось на высоко развитом личном чувстве чести, в бою каждый искал поединка, чтобы отличиться; всякие дисциплинарные пути при этом соревновании явились бы только помехой.

Тактика. При такой дисциплине бой являлся только умноженным единоборством. Собственно боевого строя не было. Для сближения с противником строились обыкновенно в колонну. 300—400 конных строились по 11—14 всадников в шеренге; в XIV и XV веке в моде было голову колонны, в целях удобства ее вождения, делать клином (1, 3, 5 и т. д. всадников в шеренгу). Эта колонна, без какого-либо порядка и без команды, развертывалась в обе стороны для одиночного боя. Нормально в бою рыцари действовали в одной шеренге с интервалами между рыцарями („рыцарь не должен служить щитом для рыцаря“). Значительная армия подходила в нескольких колоннах, которые очень часто вводились в бой последовательными уступами. В течение крестовых походов эта уступная форма объяснялась необходимостью по возможности скорее начинать атаку, так как на Востоке противник представлял по преимуществу конных лучников, и всякое промедление времени давало ему возможность шире развить стрелковый бой; в боях рыцарских армий на Западе между собой последовательность вступления в бой объясняется преимущественно недисциплинированностью и нетерпением рыцарей.

Рыцари, чтобы построить за собой копье, предпочитали развертываться заблаговременно; медленным аллюром, относительно равняясь в своей редкой шеренге, шли они в атаку. Чем более кнехтов в тяжелых латах являлось во главе копий (XV век), тем более обозначалось стремление атаковать более густой массой, сплошной шеренгой и даже колонной, задерживая развертывание ее до последнего момента [1]). При этом содействие пеших членов копья исключалось, и они тогда объединялись в особые отряды.

Конные стрелки на Западе являлись только подражанием степным восточным народам и особого значения в бою не имели. Пешие лучники опасны при стрельбе лишь с нескольких десятков шагов; но, чтобы уклониться от встречи

---

[1]) Повидимому, идеология тонкой и глубокой тактики не была чужда средним векам. Ян-фон-Хелу очерчивает следующий эпизод из сражения под Боринген (1288 г.): „При движении на неприятеля господин фон-Лидекерле

атаки рыцарей, они посылали одну—две стрелы с дальнего расстояния и спешили спрятаться за своих рыцарей—таким образом, метательный бой имел место лишь короткое время и с дальнего расстояния, и рыцари не обращали на него внимания.

Идеалом рыцарского боя являлась „La Kère" — проездка рыцаря насквозь через неприятельский боевой порядок, возвращение обратно и новая проездка с попутными поединками.

Средневековые историки в своих описаниях боев проявляли очень мало критического отношения и много фантазии; они высоко ставили дошедшие до них обрывки тактических рассуждений римлян и греков и, сочиняя свои хроники по-латыни, часто искажали факты, подгоняя события под чуждую им теорию. Поэтому, часто описания средневековых сражений излагают хитроумные тактические комбинации. На самом деле средневековые короли и герцоги, стоявшие во главе армии, являлись не полководцами, а лишь первыми рыцарями своих армий, и никакое сложное управление не было им под силу.

Резерва по существу не могло быть; иногда отряд рыцарей задерживался позади, как поддержка для того, чтобы подпереть участок фронта, где неприятель имел успех, вообще, чтобы побороть неблагоприятную случайность. Значение резерва вообще обусловливается тем, что он является удержанной вне влияния боя и потому сохранившей порядок частью, которая получает решающее значение тогда, когда другие части расстроятся боем на фронте и утратят порядок. Но так как порядок в среднековье вообще не ценился, то не мог иметь значения и резерв.

Сильно развитое классовое сознание рыцарей заставляло видеть в противнике члена своей же корпорации, товарища. Это вело к тому, что противника щадили. Бои между рыцарями были мало убийственны. Ценной добычей были латы противника, но дорого ценился и пленный рыцарь, за которого можно было получить хороший выкуп. Все это вело к ухудшению военного сознания. Не редки были столкновения, в которых на одного убитого приходилось по 50 пленных рыцарей. Процент убитых резко повысился, когда пехота выступила на полях сражений. Печальными представляются нам жалобы австрийских рыцарей на швейцарцев, что последние не берут в плен, а убивают.

воскликнул: „фронт неприятеля настолько широк, что прежде чем мы это заметим, мы будем окружены. Хорошо было бы и нам распространиться и сделать нашу колонну шире по фронту". Но Либрехт-фон-Дормаэль, опытный брабантский рыцарь, закричал: „гуще, гуще и теснее. Каждый теснее к соседу, как только можно, и мы сегодня прославим себя". Все закричали „теснее, теснее, ближе, вместе".

Стратегия. Стратегическое искусство средневековья стояло не выше тактического. Средневековый полководец—прежде всего не стратег, не тактик, а крупный политик, умеющий воздействовать на феодалов, созвать, связать и удержать под знаменами ленное войско и сам, с оружием в руках, показать пример своим вассалам. Основной вопрос—давать ли противнику сражение или уклониться от него, средневековый полководец решал не самостоятельно, а под давлением настроения феодальной милиции. Даже блестящие победы часто имели лишь ничтожные результаты, так как преследование происходило очень редко, и победившая армия просто расходилась по домам [1]), предоставляя истории итти своим порядком.

Цезарь в 8 лет покорил всю сравнительно густо населенную и воинственную Галлию, а тевтонский орден, при поддержке Западной Европы, затратил 53 года на покорение гораздо меньшей, бедной и пустынной Восточной Пруссии. Оборона получила перевес над наступлением. Требовались долгие месяцы, чтобы овладеть стенами даже небольшого города или замка, когда он упорно защищался. Города стремились брать не осадой, а измором, окружая их острожками, гарнизоны коих отрезывали подвоз продовольствия в город.

Особенно низко стояло стратегическое искусство в период крестовых походов. Мистическая цель, которую ставила политика — овладение Иерусалимом и создание феодального христианского острова среди окружающего магометанского моря, исключала возможность рациональной стратегии [2]). Третий крестовый поход, во главе которого стали император Фридрих I Барбаросса, английский король Ричард Львиное Сердце и французский—Филипп-Август (1189—1192), правда, не являлся уже простым паломниче-

---

[1]) Установленное Карлом Великим обязательство ленника служить в течение трех месяцев в году, не считая времени движения к сборному пункту, удержалось долгое время только в Германии. Ослабевшая королевская власть Франции вынуждена была согласиться на сокращение службы вассалов на их счет до 40 дней в году; владелец не полного лена—соответственно меньше (1/2 лена—20 дней, 1/4 лена—10 дней). За больший срок похода, если к нему удавалось принудить феодалов, королевская власть должна была нести издержки на продовольствие и выплачивать жалованье. Здесь образовался постепенный переход от ленной системы к наемничеству.

[2]) Несомненно, за этой мистической формулировкой скрывалась и более реальная цель—восстановление торгового пути с Востоком и оттеснение от него сарацин и турок. По крайней мере, в этой плоскости лежат реальные результаты крестовых походов—расцвет Венеции и т. д. Однако, если бы эта реальная цель отчетливо сознавалась военными руководителями, мы видели бы расчленение пути к ней на этапы и постепенный захват важных позиций для торговли в восточной части Средиземного моря. Мы, между тем, наблюдаем такие явления лишь в последних крестовых походах. Первая же их половина сохраняет отчетливый характер интервенции, вмешательства в чужие дела, наведение порядка в чужом доме.

ством, с оружием в руках, как предшествующие, он был организован государственной властью, с установлением в империи налога, с подбором воинов, могущих содержать себя в течение двухлетнего похода, с организацией продовольствия от лежащих по пути стран [1]). И все же этот наилучше организованный поход являлся иррациональным предприятием, безотчетным увлечением. Энергия Запада, расточавшаяся свыше двух столетий в походах в Палестину, могла бы быть использована гораздо целесообразнее. Фридрих Барбаросса, вынужденный на походе миновать страну сельджукских турок, Иконию, в которой султан готов был ему благоприятствовать, а сыновья султана захватили власть и встретили крестоносцев с оружием в руках, разбил сельджуков, захватил их главный город, но эта победа привела лишь к тому, что он остался в захваченной столице на пятисуточную дневку и продолжал паломничество к Иерусалиму. В этих условиях след армии крестоносцев терялся, как корабль в море, магометане возвращались на свои места, а те местные элементы, на которых могли бы опереться крестоносцы—армяне и другие—боялись себя скомпрометировать перед магометанами содействием крестоносцам.

Рыцарство представляло прежде всего касту; это был не род оружия, а скелет в феодальной армии. Рыцарство не являлось тем первоисточником, из которого развилась современная кавалерия. Тем не менее, историки конницы, начиная с Денисона, видят в рыцарях своих предков и идеализируют рыцарей, как защитников бедных и слабых. На самом деле, нравы были много грубее. Воин без работы и без дисциплины легко обращается в разбойника. В средние века значительная часть рыцарства, опираясь на свои укрепленные замки, занималась разбойничеством и самоуправством. Против рыцарей-разбойников предпринимались целые походы; при осадах разбойничьих замков на помощь с воодушевлением являлось ополчение местного населения, выполнявшее осадные работы. Слабая королевская власть не могла во Франции умиротворить разбойничьи выходки рыцарей—на помощь явилась церковь, провозгласившая „Божий мир“ от вечера четверга до утра понедельника,

[1]) В средние века экспортной хлебной торговли вовсе не существовало. Все обходились местными средствами и запасами, взятыми из дома. При заморских походах пришлось позаботиться о снабжении армии. В 1190 г. король французский Филипп-Август, собираясь предпринять 3-й крестовый поход, объявил в Генуе, что он покупает для своей армии на 8 месяцев продовольствие и фураж и на 4 месяца запас вина. Денежное обращение, очевидно, начало уже восстанавливаться, если у центральной власти оказались средства для оплаты этих запасов. Удовлетворение этой потребности вызвало к жизни торговлю хлебом и является видным звеном экономической эволюции Европы.

в какой промежуток времени рыцари не должны были пускать в ход оружие. Фридрих Барбаросса в 1186 году установил требование, чтобы каждый начинающий войну с соседом объявлял об этом за 3 дня. Но все это были паллиативы против рыцарского самоуправства, не представлявшие никакого обеспечения честным гражданам. Вечный внутренний мир провозглашался в средневековье неоднократно; однако, только развитию капитализма удалось преодолеть грабежи рыцарства вместе с средневековьем и феодализмом, заменив их более утонченными формами эксплоатации.

Города. В XI веке в феодальных государствах Западной Европы начала сказываться новая растущая сила — города. Феодальные учреждения соединяли в стройную систему классы, связанные с земельной недвижимой собственностью. Представителем движимого имущества являлся городской рынок, базар, где сохранялось и росло денежное обращение. Западно-европейский город имел очень часто центром происхождения рынок. Представители движимого капитала, городские буржуа, быстро приходили к сознанию общих интересов, и первым коллективным имуществом горожан были городские стены, создававшие городу известную независимость от самоуправства феодалов; в своих тесных средневековых посадах горожане сплачивались в одну политическую корпорацию, в них развивалось чувство местного патриотизма и гордости. Особенно сильно и рано развились на старой античной почве города северной Италии, с Миланом во главе. В течение второй половины XII и первой XIII столетия итальянские города выдержали упорную борьбу с Гогенштауфенами. Развивались и германские города на развалинах римских колоний или около дворов богатых духовных и светских феодалов, представлявших удобный рынок сбыта; затем они вступали подчас с ними в борьбу и даже объединялись между собой в могущественные союзы—рейнский, швабский, ганзейский.

Наибольшую политическую энергию проявляли республиканцы итальянских городов, но, однако, и им в условиях средневековья не удалось создать пехоту, спаянную на подобие античной в одно тактическое целое. Главная сила мелких античных государств заключалась не в тех бойцах, которых выставляли непосредственно горожане, а в крестьянах их округи, в их рыбаках, в их угольщиках. Все это в древней Греции или Риме было прочно политически связано с городом и жило общими интересами. В средневековье, хотя города добивались государственной власти над довольно значительными сельскими районами, однако, глубокая экономическая и политическая пропасть отделяла интересы городского и сельского населения, и попытки

создать вооруженную силу городов из крестьянских элементов не могли иметь успеха.

Сверх того, феодальный строй властно вторгался и в города. Командующим вооруженными силами города назначался почти всегда рыцарь. Скорое возвышение итальянских городов объясняется в значительной степени тем, что итальянские помещики—рыцари—в большом числе проживали не у себя в поместьях, а в городах. Создался особый тип полу-рыцаря, полу-купца. Когда в XII веке возникли запрещения посвящать в рыцари лиц крестьянского или недворянского происхождения, то эти запрещения не распространялись на горожан. В составе городских вооруженных сил главное ядро образовывалось более состоятельными гражданами, которые выступали в поход конными, в рыцарском вооружении. Немецкие рыцари, пришедшие в Италию с Гогенштауфенами, видели в своих противниках — итальянских городских рыцарях — сапожников и портных, замаскированных в чуждый им наряд. Но и в Германии происходило то же. В 1363 г. Страсбург выставил таких полу-рыцарей 81 копье: цехи—21, виноторговцы—4, судовладельцы—5, лавочники—4 и т. д. Вызванное обстановкой стремление города копировать феодальные армии обессиливало попытки самостоятельного строительства крепкой, сплоченной пехоты. В 1176 году, когда при Леньяго миланское ополчение разбило Фридриха Барбароссу, городская пехота как будто бы сыграла известную роль [1]) и показала известную сплоченность, но в общем городская жизнь не благоприятствовала созданию вооруженной силы.

Недостающую сплоченность и воинственность горожан стремились наверстать широкой религиозной пропагандой среди городского воинства. Знамя городской пехоты в Италии укреплялось на высоком древке, прикрепленном к тяжелому возу, запряженному шестью волами. На возу была укреплена и чаша со святыми дарами. Здесь же на возу стоял священник-проповедник, убеждавший пехотинцев, в случае потери строя, не разбегаться, а смыкаться к своему „карочио“, чтобы победить или погибнуть со своей святыней. К „карочио“ стаскивали и здесь же причащали раненых и умирающих. Знамя карочио, медленно двигавшееся за наступавшей пехотой, было далеко видно и являлось сплачивающим около себя центром.

---

[1]) I. R. Dieterich. Die Taktik in den Lombarden Kriegen der Staufen. Этот автор является апологетом итальянской средневековой городской пехоты, как Бутарик—ополчений, выставляемых французскими средневековыми коммунами. Вообще, историки, более глубоко изучившие позднейшее средневековье, склонны придавать большее значение нерыцарским элементам средневековых вооруженных сил.

Препятствия росту силы городских милиций. Серьезное развитие городских милиций Италии и Германии с середины XIII века прекратилось, вследствие широкого обращения городов [1]) к наемничеству чуждых городам военных элементов. Германские города стремились обеспечить себя договорными отношениями с проживавшими по соседству рыцарями. Как мало воинственны были горожане и как высоко котировались рыцари, видно из текста этих договоров: большой город Кельн в 1263 году договорился с графом Адольфом фон-Берг: последний становился гражданином Кельна и обязался выходить на помощь городу с 9 рыцарями и 15 молодцами в полном вооружении, на бронированных лошадях. Город уплачивал за это ежедневную субсидию графу в 5 марок и со своей стороны обязался помогать графу Бергу 25 родовитыми гражданами в полном вооружении на бронированных лошадях. Большой город вошел в политическое соглашение из-за 24—25 человек; 25 конных бойцов считались уже серьезной силой.

Во Франции организация городской милиции развивалась по инициативе королевской власти, искавшей опоры в городах против центробежных стремлений крупных вассалов. Людовик VI в 1137 году, определив устройство городского управления, наметил и положение о городской милиции, уточненное впоследствии Филиппом-Августом. Каждый город, в зависимости от богатства и количества населения, должен был выставлять определенное число пеших и конных воинов, которые группировались по приходам в дружины и выступали в поход под начальством мэра или городских старейшин. Конечно, французская городская милиция подверглась энергичным нападкам феодалов, и даже короли иногда становились на их классовую точку зрения. В 1347 году король Филипп VI (хроника Фруассара) заявил, что „в будущем он будет водить в бой только дворян. Горожане являются просто балластом, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег перед лицом солнца. Можно пользоваться только городскими стрелками да городским золотом, чтобы уплачивать издержки и жалованье дворянам. Горожан же лучше оставлять по домам — пусть стерегут своих жен и детей и ведут свою коммерцию; для военного дела годятся только благородные, изучившие его и воспитанные для него с детских лет". Когда, во время столетней войны, в 1415 году, город Париж объявил мобилизацию буржуазии, Жан де

---

[1]) Постановление съезда представителей городов в Майнце 1256 г.— каждому городу, по средствам, содержать на жалованьи военных профессионалов.

Бомон воскликнул: „к чему нам в армии присутствие этих лавочников?“.

Серьезные успехи в военном деле городов связаны с развитием в них класса ремесленных рабочих, позволявшего возродить пехоту, как это было при восстаниях фламандских ткачей в XIV веке; эти попытки возрождения пехоты, заря новых времен, будут разобраны в следующей главе.

В Англии феодальный призыв был совершенно упразднен установлениями 1181 года; вместо него явилось учреждение гражданской милиции, дополненное в 1252 г. Это и есть, по существу, дожившая до последнего времени английская милиция. Каждый англичанин от 16 до 60 лет обязан был содержать вооружение, более или менее дорогое, в зависимости от того из 5 классов, в который он зачислялся по имущественному положению, и был должен немедленно являться по призыву в случае появления неприятеля. Закону дана была самая широкая огласка, суровейшие наказания грозили каждому гражданину за неисправность в вооружении и явке; местная власть должна была строго следить за проведением закона в жизнь. 700 лет существует закон об английской милиции, но история ее очень поучительна: на бумаге сотни тысяч воинов могли быть всегда мгновенно собраны и никогда в серьезных случаях они не собирались. Милиционный закон, имевший силу многие столетия, всегда оставался мертвой буквой. 5 классов, в зависимости от имущественного ценза, и другие подробности этого закона указывают на стремление копировать римскую милицию лучших времен [1])—но сходство между древне-римской армией и мифической английской милицией можно усмотреть, конечно, только на бумаге. Английская милиция была и осталась воздушным замком государственного Манилова.

Военная мощь феодализма. Средневековье—эпоха едва прерываемой, бесконечной гражданской войны. В почти сплошной борьбе соседей между собой закалялась сила выделившегося из народа военного класса. Очень существенны минусы, связанные с феодальным устройством армии. Наступательная сила феодальной Европы, как показали крестовые походы и столкновения с турками, была ничтожна. Но все же, благодаря вассалитету и ленной системе, этим двум основам выдвинутого франками военного строительства, германо-романской цивилизации удалось отразить два удара, грозившие совершенно изменить ход развития человеческой культуры: Карл Мартел, второй из Каролингов, в 732 году отразил в Пуатье натиск ислама,

---

[1]) Как гласила о ней историческая традиция.

уже грозившего Византии и Италии, захватившего Пиринейский полуостров и разлившегося по территории Франции до Луары; к Рейну стучались язычники; всякая преемственность от римской цивилизации пала бы, если бы разрушилась узкая перемычка между Луарой и Рейном, которую защищали франки. И в 955 году Оттон Великий на р. Лех, близ Аугсбурга, разбил свирепых язычников-венгров, представлявших для Западной Европы опасность такой же катастрофы, какую вызвало впоследствии для Киевской Руси нашествие татар.

Однако, эти исключения не должны затемнять общую военную слабость феодальной Европы. Яснее всего она видна из столкновения с викингами, сохранившими в неразложенных культурой скандинавских странах изначальные боевые достоинства германских варваров. Небольшие кучки этих профессионалов военного дела, удальцов-разбойников, наводили трепет на всю феодальную Европу. Они, под названием варягов, образовали ядро, около которого славянские племена начали складывать русскую государственность; они осели, под названием норманнов, в северо-западном углу Франции, основали англо-норманское и южно-итальянское норманское государство: 500—700 норманнов [1]) оказалось достаточно, чтобы отразить сарацин в Италии, выгнать их из Сицилии, побороть местную феодальную государственность и предпринять попытку завоевания Византии, которая была отражена последней (сражение при Дирахиуме 1081 г.) только потому, что византийцам удалось нанять на свою службу пришедшую с Востока группу варягов. Викинги, обходя Европу с двух сторон, столкнулись здесь лбами. Феодальное ополчение чувствовало себя очень неуверенно при столкновении с норманнами.

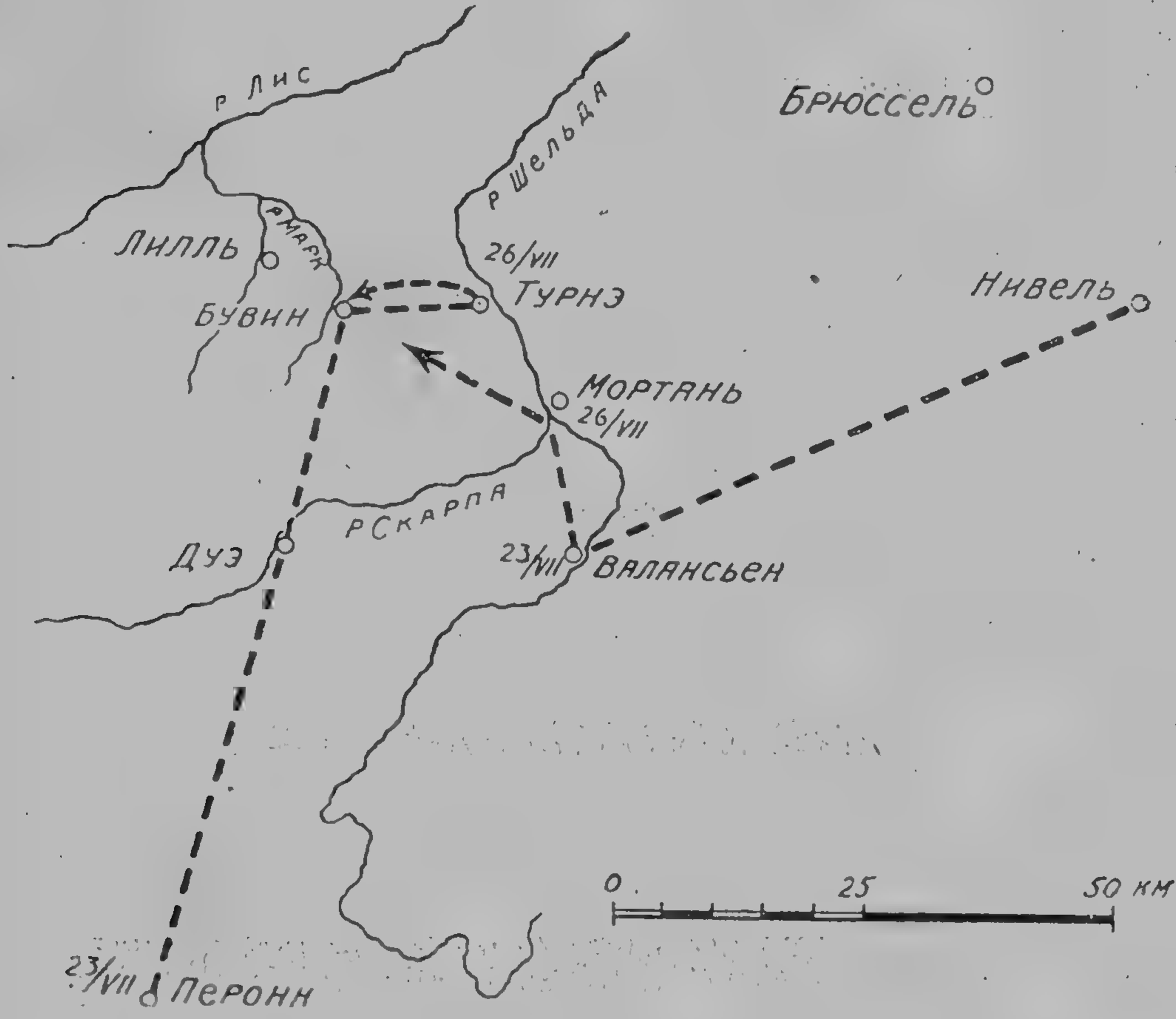
Сражение при Бувине. Примером сражения рыцарской эпохи может служить сражение при Бувине 27 июля 1214 г. Французский король Филипп-Август, опираясь на поддержку городов и духовенства, вел борьбу с неспособным и непопулярным королем Англии, Иоанном Безземельным, из-за огромных владений английской короны (династии Плантагенетов) во Франции. На сторону английского короля стали два могущественных вассала французского короля — граф Фердинанд Фландрский и граф Рейнгард Булонский. К коалиции примкнул и император Оттон IV (Вельф), племянник английского короля, ведший в Германии гражданскую войну с поддерживаемым Францией и

---

[1]) Норманны имели только ядро из скандинавских выходцев, к которому присоединялись удальцы отовсюду, принимавшие также название норманнов. Варяг—буквально означает товарищ.

папой претендентом на императорский престол, будущим императором Фридрихом II (Гогенштауфеном), успевшим уже утвердиться в верхней Германии. В походе против Франции участвовали преимущественно нижне-германские вассалы, герцоги Брабантский, Лимбургский и Лотарингский, графы Голландский и Намюрский и Брауншвейг—вотчина императора. Брат английского короля, граф Сольс-

Отчетная карточка к сражению при Бувине 27-го июля 1214 г.



Чертеж № 7.

бери („Длинная Шпага“), явился к германскому императору с большими денежными средствами, позволившими организовать широкую вербовку наемников в Вестфалии и Нидерландах. Коалиция ставила себе целью — расчленение Франции. (черт. № 7).

Филипп-Август готовился к десантной операции в Англии, но заготовленный с большими издержками флот, вследствие измены графов Фландрского и Булонского, погиб. В мае 1214 г. английский король вторгся в Пуату, но потерпел неудачу и находился уже накануне полного уничтожения, когда с севера обозначился главный враг

Франции—армия Оттона IV, собиравшаяся у Нивеля (южнее Брюсселя).

Примерно в 125 километрах по воздуху, у г. Перонь, назначил Филипп-Август сбор французских войск. 23 июля, когда французская армия перешла из г. Перонь в наступление, германская достигла Валансьена; последняя здесь задержалась до 26 июля, когда пришло известие, что французы находятся уже почти в их тылу, в Турнэ. Филипп-Август через Дуэ и Бувин достиг Турнэ и здесь узнал, что немцы, имея сильную пехоту, перешли из Валансьена в Мортань. Считая местность в долине Шельды неудобной для конного боя и с тем, чтобы выиграть нормальные сообщения с тылом, французский король 28 июля решил отойтик Лиллю. Немцы, узнав об отступлении, решили погнаться за французами. Когда большая часть французской армии уже перешла непроходимую в брод р. Марк по мосту у Бувина, к французскому королю явился Гарэн, рыцарь ордена иоаннитов, он же епископ Санлисский, канцлер и друг короля, ездивший с виконтом Мелюнским и отрядом легкой конницы на рекогносцировку к стороне неприятеля. Гарэн доложил, что к Бувину скоро подойдет неприятельская армия. Был собран совет баронов. По настоянию Гарэна, король решился вступить в бой; войска были повернуты на правый берег Марки, и когда к Бувину подошли немцы, они увидали, вместо хвоста отступающей колонны, готовую к бою армию. Германская армия, ожидавшая в ближайшие дни присоединения еще пятисот рыцарей, уклониться от боя уже не могла. Боевые порядки построились друг против друга.

Сила каждой из армий может быть оценена в 6—8 тысяч бойцов. Но тогда как у немцев рыцарей было 1.300, число французских рыцарей превышало 2.000. Наемная пехота германцев была крепче французской коммунальной милиции [1]).

Французская коммунальная милиция, преимущественно пешие стрелки, а также городские сержанты [2]), образовала завесу, за которой устраивалось рыцарство. Филипп-Август находился в центре; храбрейший рыцарь держал возле него орифламу—королевское знамя (белые лилии по красному полю), 150 сержантов охраняли мост —единственную переправу в тылу французов. Бывший авангард при

---

[1]) Определение численности средневековых армий представляет весьма сложную задачу, так как арифметика средневековых хроник никакого доверия не заслуживает. В частности, известны размеры ополчений, приведенных отдельными вассалами. Граф Шампанский, имевший 2.030 вассалов рыцарского достоинства, явился с 12 знаменами, т.-е. привел 300—400 рыцарей.

[2]) Сержанты — молодцы в рыцарских доспехах, большей частью легкого образца.

движении к Лиллю—рыцарство Иль-де-Франса, под начальством Монморанси—не успел еще стать в боевой порядок и к началу боя находился на левом берегу р. Марк.

Германская армия построилась, имея немецкую пехоту и рыцарей в центре. Здесь же за пехотой находился император Оттон со своей хоругвью—золотым орлом, держащим змею,—укрепленной на повозке (карочио). Правое крыло было под командой герцога Сольсбери и графа Булонского. Последний имел 400 (или 700) наемников—брабансонов—пеших аллебардистов, которые были построены в круг, образуя живое укрепление в рыцарском строю. Левое крыло образовывали фламандцы герцога Фландрского.

Ширина фронта боевого порядка была около 2.000 шагов.

Бой начали французы против герцога Фландрского. Гарэн, фактически здесь командовавший (номинально—герцог Бургундский), приказал 150 всадникам—контингент аббатства св. Медарда—атаковать фламандских рыцарей. Эти всадники—монастырские служилые люди, сателиты (другие источники зовут их потаскунами)—не пользовались большим уважением. Чтобы не унижать своего достоинства, фламандские рыцари будто бы встретили атаку на месте—чтобы не сражаться с таким неприятелем в равных условиях. Затем, разогнав завесу из сержантов Суассона и милиции Шампани и Пикардии, фламандские рыцари, сильно расстроенные, вступили в бой с французскими. В это время к правому крылу французов подошел со своим авангардом Монморанси и ударом во фланг смял всех фламандских рыцарей.

В центре германская пехота, поддержанная рыцарями, мгновенно смяла милиции Иль-де-Франса и Нормандии. Французский король оказался среди рукопашной схватки. Немецкий пехотинец стащил его даже крюком с лошади, но подоспевшие рыцари разогнали и изрубили германскую пехоту, опрокинули немецких рыцарей. Император Оттон, сбитый с коня, сел на уступленную ему рыцарем Бернгардом фон-Хорстмар лошадь и ускакал с поля битвы за 40 верст, в Валансьен. Примеру императора последовал весь центр, на который уже успели навалиться освободившиеся французские рыцари Монморанси и правого крыла.

На французском левом крыле командовал граф Дре. Брат его, епископ Бове, ударом палицы (легенда говорит, что епископ применял только ее, считая для духовного лица неудобным применять режущее оружие) свалил с коня герцога Сольсбери. Отчаянно защищался граф Булонский, который, как изменник своему сеньору, с потерей сражения лишался и всех своих владений. Оставшись с 6 рыцарями, граф Булонский укрылся внутрь круга бра-

бансонов. Брабансоны отбили первую атаку рыцарей графа Понтье, но вторая атака рыцарей Фомы де Сент-Валери прорвала их строй, брабансоны были порублены, граф Булонский, сбитый с коня, был ранен и взят в плен.

Король Филипп-Август приказал ограничить преследование одной милей и трубить сбор; были захвачены императорская хоругвь и пленные—5 графов, 25 баронетов—крупных вассалов, водивших под своим знаменем других рыцарей, и свыше ста рыцарей.

У французов, помимо нескольких десятков раненых и попадавших рыцарей, было только 3 убитых рыцаря. У германцев—убито до 70 рыцарей и около 1.000 прочих. Эти потери удивительно малы в сравнении с огромным политическим значением этого сражения, которое кристаллизовало единство французской нации, дало пережить каждому французу чувство гордости и удовлетворения и обеспечило рост королевской власти над феодалами; для Англии это сражение связано с потерей французских провинций; оно унизило Иоанна Безземельного и заставило его подписать (1215 г.) Великую Хартию Вольности; в Германии оно обеспечило торжество папы и дало князьям перевес над императорской властью. И эти бесконечные по значению результаты в рыцарском сражении, которое считалось в средневековьи особенно затяжным и упорным, куплены победителем ценой жизни 3 рыцарей.

В чисто военном отношении обращает на себя внимание жалкая роль пехоты. Германская пехота, набор которой производился особенно тщательно, не дала рыцарям сколько-нибудь сплоченного отпора. Брабансоны графа Булонского играли чисто пассивную роль живого укрепления и не пытались действовать активно. Французская коммунальная пехота, повидимому, считала достаточным послать издали несколько стрел и затем улетучивалась. Коммунальная конница сражалась лучше, но уважением не пользовалась. Впрочем, надо иметь в виду, что средневековые источники имели неисправимую тенденцию умалять роль нерыцарских элементов в бою, и установить размер искажения ими истины не легко.

Весь бой имел характер массовых поединков; нельзя не усмотреть натяжки в том, что некоторые исследователи действия опоздавшего к началу конетабля Монморанси, героя этого дня, захватившего 16 знамен, подводят под категорию действий общего резерва и этим стремятся перенести на средневековую рыцарскую анархию современные тактические идеи [1].

---

[1]) Изложенная реконструкция сражения при Бувине базируется преимущественно на первоисточниках, приводимых Келлером (т. I, стр. 117—160), Hardy (т. I, стр. 240—253), на критике Дельбрюка (т. III, стр. 425—430).

В стратегии обращает внимание случайный элемент. Трудно говорить о том, что марш французов на Дуэ—Бувин—Турнэ имел целью отрезать имперцев от Фландрии—скорее оба противника разошлись по недостатку разведки и оказались взаимно в тылу. Вопрос, принимать или не принимать боя,—обсуждался баронами с точки зрения, что 27 июля — воскресенье, и лучше отложить бой на понедельник. Наконец, было решено принять сражение, имея почти перевернутый к Франции фронт и единственную переправу в тылу. Не было преследования. Как будто основные вопросы государственной жизни являлись поставленными на карту в турнирной игре.

при учете взглядов Пузыревского (лит. курс, стр. 113—118). Хотя основной первоисточник, хроника Вильгельма Бретонца, капеллана Филиппа-Августа, и принадлежит к лучшим и более надежным военно-историческим материалам по средневековью, однако, и в нем необычайно много сомнительных пунктов, и приводимое повествование можно рассматривать лишь как вероятнейшее. Дальнейшее исследование, может быть, еще более упростит и сведет к меньшей роли роль командования в Бувинском сражении.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Возрождение пехоты.

Рост денежного обращения. Наемничество в Англии. Завоевание Уэльса. Лучники. Сражение при Кресси. Спешивание рыцарей. Восстание фламандских городов. Сражение при Куртрэ и при Розебеке. Гусситские войны. Тактика Яна Жижки. Швейцарцы. Моргартен. Швейцарские города. Характер армии. Тактика. Бургундская война. Литература.

Рост денежного обращения. Денежное обращение в Западной Европе в VII веке достигло минимального размера; в VIII веке в различных странах европейского континента начинается разработка золотых и серебряных рудников, и запас благородных металлов начинает медленно расти. В XIII веке денежное обращение играет уже известную роль; крупные землевладельцы начинают производить товар для рынка; средневековый поэт усматривает в этом серьезную угрозу для рыцарской идеологии; при дворе, жалуется он, говорят не о Парсивале или Гамурете, а о молочных коровах, о ценах на хлеба и вино [1]).

Изменение экономических условий не могло не отразиться на военном деле; военная система, основанная на призыве ленного ополчения, являлась следствием натурального хозяйства; сбор ленников представлял такие трудности, был так медлителен, ленники так трудно поддавались дисциплине и управлению, что преимущества воинов, которые служили на жалованьи, были очевидны. С XIII века королевская власть предпочитает продавать освободившиеся лены богатым буржуа, чем поселять на них рыцарей.

Сеньор мог созвать своих вассалов, не оказывая им никакой помощи, только для очень короткого похода, против ближайшего соседа. Когда предстоял дальний поход, например, когда немецкое ополчение созывалось для войны

---

[1]) Нужно, конечно, не забывать о скромном средневековом масштабе, в котором развивались экономические отношения до начала новых веков. В начале XIII века были прорублены леса и открыт для транзитного движения путь через Сен-Готардский перевал, на котором сосредоточилось торговое движение между Италией (Генуя) и Германией. Все грузы, которые проходили за год через С.-Готард, могли бы быть подняты двумя современными товарными поездами. Весь „огромный“ флот могущественного Ганзейского союза равнялся по тоннажу одному современному океанскому пароходу.

в Италии, то отдельных воинов должны были поддерживать какие-то коллективы. Так, в архиепископстве Кельнском была установлена для итальянских походов такая норма: вассалы, не принимавшие в них участия, уплачивали половину нормального дохода с лена, который исчислялся в 5 марок. Вассалы, которые отправлялись в поход, получали пособие в два годовых дохода — 10 марок; и сверх того—40 локтей тонкого сукна для одежды рыцаря и его свиты, по одному вьючному животному на двух рыцарей и по 4 подковы с 24 гвоздями.

Эти пособия для дальних походов, ставшие обычным явлением, представляли только этап к переходу рыцарей на жалованье. Уже в 992 г. войско графа Анжуйского состояло „наполовину из своих и наполовину из наемников". Средневековая хроника рассказывает, что когда в 1158 году король Владислав Богемский пытался созвать вассалов для похода в Италию, то все были очень недовольны. Но когда король предоставил желающим оставаться дома и предложил жалованье тем, кто последует за ним, то все заторопились предложить свои услуги. Во время третьего крестового похода французский рыцарь получал уже в год, на наши деньги, около 3 тысяч рублей.

Рыцарь, служивший в трудные времена натурального хозяйства за скудный земельный надел или за простой паек от двора, теперь, когда появились деньги и благосостояние начало возрастать, предъявил повышенные требования за военную службу. Обязанность служить за лен становилась все больше формальностью, но рыцари продолжали оставаться классом, среди которого преимущественно вербовалось ядро, наиболее квалифицированная часть армии.

Наемничество в Англии. Классической страной наемничества всегда была Англия. Забота английских королей сводилась к тому, чтобы крупные феодалы не вырвали у них верховной власти. Им удалось ее удержать в своих руках благодаря тому, что английские феодалы—норманны—долго не сливались с местным населением, говорили на французском языке, и местное население всегда готово было поддержать королевскую власть против помещиков-иноземцев. Таким образом, правительственная власть в графствах Англии осталась в руках королевского чиновника-шерифа, а не попала в наследственное обладание крупных землевладельцев. Последние были стеснены предусмотрительностью Вильгельма Завоевателя, который даровал им огромные поместья не в одной меже, а раскиданные по разным углам Англии.

Таким образом, в структуру английского феодализма был введен чиновник, созывавший ополчение вассалов, но неспо-

собный его контролировать и неспособный наблюдать за тем, чтобы лены находились в обладании годных и упражняющихся в военном деле ленников; была крайне ослаблена хозяйская рука крупного землевладельца—узурпатора значительной доли государственной власти, заботящегося о военном деле в своем округе из личного интереса. В этих условиях феодальное ополчение не могло не утратить быстро боеспособности, и мы действительно видим полную непригодность английских феодалов к крупным войнам.

Но чиновничество Англии, сыгравшее такую печальную роль по отношению к боеспособности феодального строя, давало в руки королевской власти большую силу; опираясь на нее, английские короли первые использовали плюсы нарождавшегося денежного обращения. В Англии в рудниках серебро и золото не разрабатывалось, но путем торговли [1]) благородные металлы попадали в Англию, и здесь, где был сильный центр, вдали от мест своего нахождения, впервые в средние века проявили свое значение. Создалась такая процедура: ленник, малогодный, неспособный к бою, не являлся на призыв; у него формально должен был, за неявку, отбираться лен, но, по внесении им штрафа, он оставался владельцем лена. Таким образом, довольно быстро личное отбывание военной службы заменилось уплатой особого налога с лена, а король на собранные деньги нанимал тех рыцарей, которые не отстали от военного дела и охотно шли в поход [2]). Наемное войско давало королевской власти новую силу. Тщетно бароны вставили в Великую Хартию Вольности (1215 г.) § 51, воспрещавший организацию вооруженной силы из наемников. Наемничество восторжествовало, так как оно отвечало новым условиям экономики.

Роль крупных вассалов этим, однако, не была сведена на нет. Королевский шериф, неспособный созвать феодальное ополчение, являлся и неудачным вербовщиком. Крупные землевладельцы, пользовавшиеся авторитетом в своем округе, имевшие запасы оружия, снаряжения, лошадей и продовольствия, сделались главными вербовщиками и лично вели в поход навербованные ими отряды.

---

[1]) Торговые страны, начиная с Карфагена, имели исключительную склонность к наемничеству. Англия вела сравнительно обширную торговлю с Фландрией и Кельном оловом, свинцом, смолой, шерстью, мясом и рыбой.

[2]) В начале средних веков выжать из населения деньги могли своим террором только викинги, беспощадно сжигавшие поселения, продававшие в рабство и убивавшие не внесших наложенной на них дани. В Англии, чтобы откупиться от викингов, издавна был установлен сбор „датских денег“, производившийся ежегодно и подготовивший население Англии к взиманию правильного налога. Россия также знакома с этой первичной формой налога—сбором денег на выкуп пленников из татарской неволи.

Но довольно рано, собрав при помощи налогов деньги в государственную казну, Англия начала применять иностранцев для борьбы за английские интересы. Образцом крупных договоров—своего рода подрядов на феодальное ополчение—является первый из них—договор короля английского Генриха I (сына Вильгельма Завоевателя) с графом Робертом Фландрским (1103 г.). Последний обязался, за сумму в 400 марок, уплачиваемую ежегодно, выставлять в случае нужды в распоряжение английского короля 1000 рыцарей, каждого с 3 конями. Договор был недействителен против короля Франции, вассалом коего являлся граф Фландрский. Рыцари должны быть готовы к посадке на суда через 40 дней по предъявлении требования к графу Фландрскому. Перевозка морем—средствами английской короны, на ее же счет довольствие рыцарей, начиная со дня прибытия в Англию, и пополнение их снаряжения. Особым актом бароны и кастеляны графа Фландрского подтвердили действительность договора, и через шестьдесят лет, в 1163 году, он был вновь продлен; но, в виду усиления денежного обращения, рыцарь уже сильно вздорожал, и за каждых 10 рыцарей по договору Англия платила уже не 4, а 30 марок серебра[1]).

Завоевание Уэльса. На развитие английского военного искусства наложила сильный отпечаток борьба в дебрях Шотландии и Ирландии и особенно завоевание Уэльса (1272—1287 г.), представлявшего заросшее дремучим лесом нагромождение гор, скал и ущелий. Джеральд де Бари (1188 г.) обращает внимание на особенности театра военных действий: „галльское военное искусство превосходно в своей стране, но Ирландия и Уэльс на Галлию вовсе не походят. Там равнина, здесь пересеченная местность; там поле, здесь лес; там стремятся защищаться более крепкими латами, здесь избегают всякого обременения; там побеждают упорством, здесь проворством. На равнине хороши полные латы для защиты, а в лесистых или болотистых теснинах, где пешему легче продвигаться, чем конному, легковооруженный имеет преимущество. Против неприятеля, не имеющего вовсе лат, и который при первом же столкновении или побеждает, или обращается в бегство, довольно и легкого панцыря; тяжелые латы помешают преследованию по теснинам и кручам. Трудно влезать и слезать с высокого седла в полном вооружении, и еще труднее итти пешком. Лучшие воины для похода в Ирландию и Уэльс—это туземцы, выросшие там в беспрерывной малой войне. В Ирлан-

---

[1]) Впрочем, чисто военное значение этого договора представляется сомнительным. Англия уже 8 столетий тому назад стремилась подчинить своей политике хозяев бельгийского побережья, являющегося лучшей базой для десантной операции против Англии, и оторвать Фландрию от Франции.

дии рыцарям необходимо всегда придавать лучников. Проворный ирландец будет поражать рыцаря каменьями и ускользать от него—ему нужно отвечать стрелами".

Лучники. Эти ценные выводы историка покорения Ирландии были широко использованы королем Эдуардом I при завоевании Уэльса. В армию вербовались преимущественно пограничное с Уэльсом население и племена Уэльса, подчинившиеся Англии. Главный род оружия представляли лучники. Во Франции и вообще на континенте предпочитали луку арбалет (лук с прикладом и с винтом для натягивания тетивы), так как стрела арбалета имела более сильное пробивное действие и могла поражать человека в латах. Арбалет казался таким смертоносным оружием, что Латеранский собор 1139 года даже запретил употребление этого оружия в войне с христианами [1]). Англичане предпочитали лук, так как пробивного действия против неприятеля, не имевшего лат, не требовалось, а лук обладал большей скорострельностью. Техника стрельбы из лука была англичанами сильно развита. Типичная для уэльской войны английская армия 1282 года состояла из 700—800 конных (рыцарей и кнехтов) и 8600 лучников (в том числе 1800 уэльсцев). Покорение Уэльса не могло быть достигнуто одним сражением. Нужно было прорубить широкие просеки в вековых лесах, проложить дороги, сделать доступными последние убежища туземцев. Уэльс был покорен, по существу, наемной армией; особое внимание уделялось правильному ее довольствию подвозом с тыла. Власть полководца над получавшими жалованье воинами была несравненно выше, чем в феодальном ополчении.

Вышедшая из этой школы дисциплинированная и управляемая английская армия, в составе которой пехота—лучники—занимала почетное по числу, подбору и положению место, представляла значительно превосходную силу по сравнению с блестящим, но анархическим французским рыцарством, что и сказалось во всех сражениях Столетней войны (1337—1461 г.г.). Остановимся на сражении при Кресси.

Сражение при Кресси. Английский король Эдуард III, во время первой большой высадки во Францию в 1339 году, не рассчитывал на национальное военное искусство и, не останавливаясь перед огромными расходами, нанял на свою службу большое количество германских князей с их рыцарством. Однако, когда огромное ополчение высадилось во Францию, французский король Филипп VI избрал правильную стратегию уклонения от боя. Продолжительное

---

[1]) Это запрещение, как и многие другие попытки борьбы с военной техникой, предпринимавшиеся вплоть до последнего времени (запрещение химического оружия), конечно, никого не удержало от применения арбалета.

время Эдуард не мог выплачивать жалованья германским герцогам и графам, скоро последние разъехались, и английскому королю пришлось вернуться в Англию. Через 7 лет, в 1346 году, французы сильно теснили английские гарнизоны в Гаскони—наследственном владении английской короны. Чтобы сделать диверсию, Эдуард высадился на берега Нормандии. Денег для найма знатных иностранцев уже не было, и английская армия состояла из ограниченного числа рыцарей—всего 4.000 всадников и 10.000 пехоты—преимущественно лучников, а также копейщиков. Транспортный флот ушел, бросив английскую армию в Нормандии на произвол судьбы, и Эдуард III решил по суше провести армию в союзную ему Фландрию. Французы мешали этому маршу, уничтожая на пути мосты. Главные силы французов не прибыли еще из Гаскони, но король Филипп VI собрал около себя уже блестящее рыцарство; имея, вероятно, также около 14.000 бойцов, он решил атаковать англичан—длительное отступление последних до крайности повысило самонадеянность французов. Англичане же, пройдя достаточно к северу, чтобы в случае неудачи иметь возможность отступить во Фландрию, в одном переходе за Соммой остановились и решили принять бой.

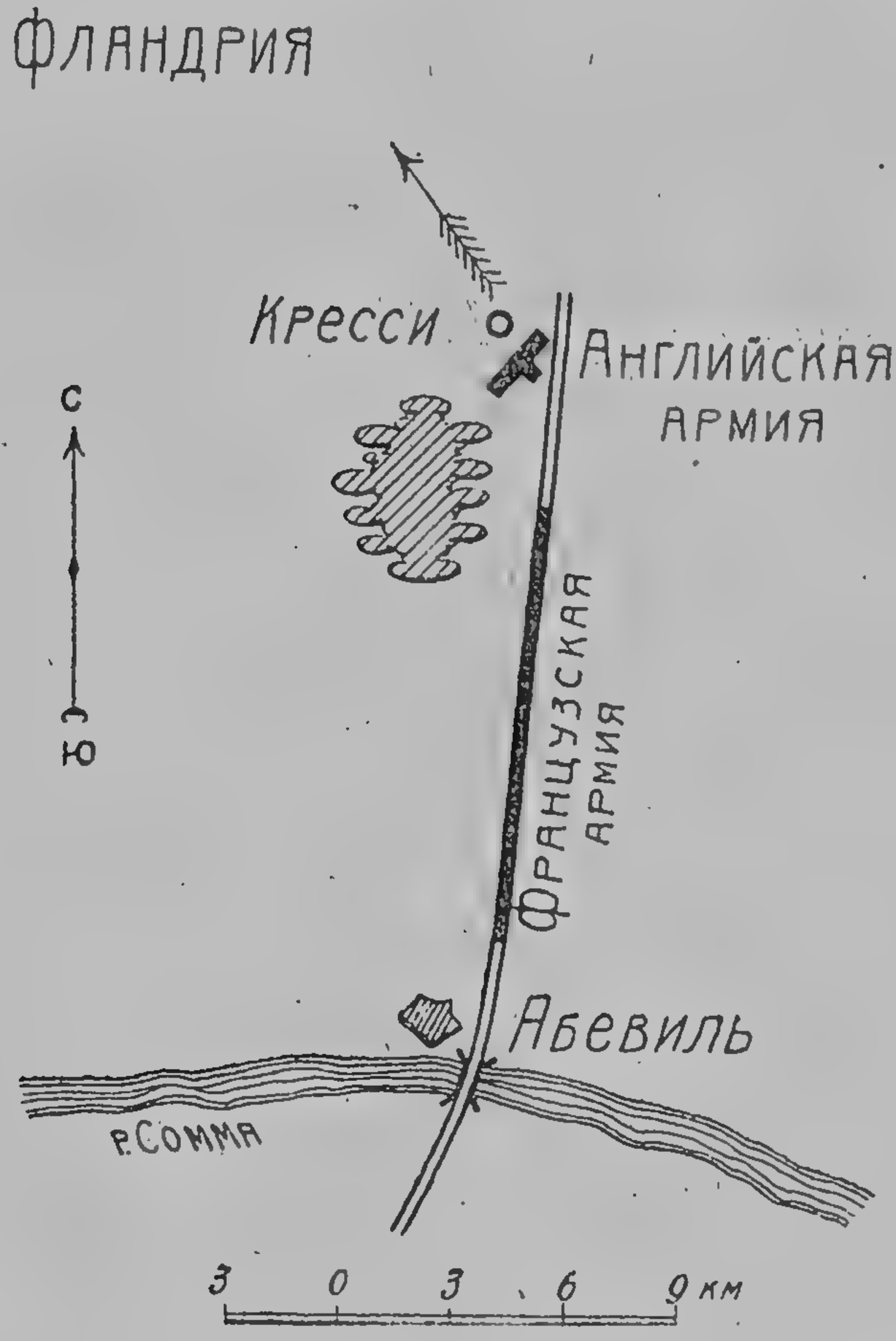
Ночь на 26 августа англичане провели в районе Кресси, французы—на переправе через Сомму у Абевиля. Позиция, выбранная англичанами для боя, располагалась на холме и имела ту особенность, что не преграждала французам пути движения, а пролегала в косом направлении неподалеку от него. Обращенный к противнику правый фланг позиции был прикрыт росшим внизу густым лесом и крутым обрывом высот. Такое косвенное положение позиции предъявляло французскому управлению большие требования—являлась необходимость, одновременно с развертыванием, заходить правым плечом вперед. Подобный маневр могла бы выполнить только дисциплинированная армия; анархическое же французское рыцарство провоцировалось на атаки по частям. (Черт. № 8).

Спешивание рыцарей. Французы настолько превосходили англичан по числу рыцарей, что Эдуард III совершенно отказался от использования по специальности своих рыцарей.

Главную силу английской армии представляли лучники, и Эдуард III, великий тактик, решил использовать рыцарей так, чтобы еще повысить боевую ценность лучников. Лучники обычно не встречали стрелами до последних шагов атакующую конницу, а прекращали в нескольких десятках шагов стрельбу и отбегали за своих рыцарей или за укрытия. Таким образом, пропадали для стрельбы самые лучшие мгновения, и пехота не принимала участия в отражении шока рыцарей.

Эдуард III приказал своим лучникам, построенным в нескольк о шеренг, оставаться на месте и стрелять до конца. А чтобы дать этому приказу моральную силу, он приказал рыцарям спешиться, отослать лошадей далеко назад к обозу и стать в строй среди лучников. Нередки были средневековые сражения, в которых на побежденной стороне конные рыцари мчались с поля сражения,

Движение к Кресси 26 августа 1346 г.



Чертеж № 8.

а пехота оставалась и рубилась победителем. Теперь, под Кресси, у английских лучников была уверенность, что их не бросят на произвол судьбы. Английский рыцарь, оставаясь верхом, мог бы нанести неприятелю физически более вреда; но спешенный рыцарь, имеющий возможность лишь с трудом действовать оружием, являлся преимущественно моральной силой—важен был его пример. В этом отношении спешенные рыцари явились предтечей позднейших младших офицеров, задача коих также заключалась в том,

чтобы действовать не столько оружием, как примером [1]).

Французская армия, имея впереди генуэзских арбалетчиков, уже кончала дневной переход 26 августа, когда, около 15 часов, французский король получил от 4 рыцарей, выделенных для разведки и лишь немного обогнавших голову колонны, доклад, гласивший, что англичане не отступают, а находятся в боевом порядке на высотах у Кресси. В виду растяжки колонны, позднего времени и утомления пеших арбалетчиков король решил отложить атаку на следующее утро. Были посланы приказания остановиться, но голова колонны находилась уже в виду неприятеля, завязался бой, задние напирали на остановившихся. Король изменил свое решение и приказал генуэзским арбалетчикам наступать. Арбалетчики были достаточно искусными наемниками, на высоком жалованьи. Но для успеха им не хватало ни моральной спайки с рыцарями, ни известного уважения последних к подготовке атаки метательным боем. Арбалетчикам пришлось вступить в бой с английскими лучниками в невыгодных условиях, стреляя снизу вверх. Находившиеся сзади рыцари, наблюдая малый успех арбалетчиков и даже частичный отход их назад, бросились через их строй вперед в атаку; несколько человек было потоптано, и арбалетчики были более расстроены пронесшейся через них конной атакой, чем неприятельскими стрелами.

Атака рыцарей имела значительные шансы на успех, если бы предварительно было произведено упорядоченное развертывание и весь английский фронт был бы атакован одновременно. Но эти основные условия успеха соблюдены не были. Отдельные отряды рыцарей, по мере прибытия на поле сражения, бросались самостоятельно в атаку; наступающие, вследствие порослей, продвигались медленным аллюром, и на их неширокий фронт со всего фронта англичан стрелы падали, „как снежные хлопья“. Большинство рыцарей не успевало доскакать до английского фронта, как неприятельская стрела поражала их или их лошадей в недостаточно защищенное место; те же, которые врывались в английские ряды, встречались спешенными рыцарями и копейщиками и закалывались.

---

[1]) Спешенный рыцарь являлся воплощенным примером, так как отступить был физически неспособен. Когда под Азинкуром спешенным английским рыцарям пришлось пройти небольшое расстояние, пажи и оруженосцы вынуждены были поддерживать их под руки. Спешивание видных лиц для поднятия морального духа применялось иногда и ранее — например, Цезарем в первом сражении в Галлии. Сплоченность, создавшаяся при Кресси от смешения лучников со спешенными рыцарями, позволила английской пехоте встретить конную атаку рыцарей; это — необыкновенное для средневековья явление.

16 или 17 разрозненных атак, которые вело французское рыцарство, были отбиты.

Англичане держались строго оборонительного образа действий. Когда стемнело и атаки французов прекратились, они заночевали на поле сражения и только на следующее утро отдали себе отчет в одержанной победе, так редко увенчивающей пассивную оборону. Насколько храбро атаковали французы и насколько вступление в бой пехоты увеличило кровопролитность боя, явствует из сопоставления потерь французов под Бувином и Кресси: там 3 убитых рыцаря, здесь около 1200 рыцарей.

Анализ этого сражения открывает нам превосходство упорядоченной профессиональной армии из людей, состоящих на жалованьи, над порывом хаотического, не признающего управления рыцарского ополчения и показывает могущественное воздействие метательного оружия, когда пехота опирается на лучшие элементы вооруженной силы, какими располагает государство. С этого момента конец средних веков—XIV и XV столетия—полон подражаниями—спешиваниями рыцарей [1]).

Спешивание становится обычным подвигом, прославляемым средневековыми хрониками [2]).

Поскольку, однако, английская пехота без рыцарей была несамостоятельна, а со спешенными рыцарями пригодна только для оборонительного боя, постольку она не могла явиться корнем, из которого выросла современная пехота; английские лучники остаются в рамках средневековья, представляют только проблеск, намекающий на будущее.

Восстание фламандских городов. Новая экономика не только давала государству средства для вербовки наемников: она соз-

---

[1]) Пример неудачного подражания—сражение при Азинкуре (1415 г.). При аналогичной сражению Кресси стратегической обстановке, французы обогнали англичан и поперек пути их движения заняли позицию: центр—пехота и спешенные рыцари, фланги—конные рыцари. Англичане спешили свое рыцарство, перемешали его с лучниками и, останавливаясь несколько раз для передышки, подошли на дистанцию хорошего выстрела, выставили перед собой рогатки и начали обстрел французов. Так как сила французов заключалась преимущественно в холодном оружии, то они оказались в плачевном положении. Их стрелки были сбиты с фронта, рыцарство, разбитое на части и наполовину спешенное, в состоянии было предпринять только разрозненные атаки, после отбития коих англичане перешли в наступление и перебили и забрали в плен беспомощных спешенных рыцарей. Уступая англичанам в метательном оружии и превосходя в рыцарской коннице, французы должны были бы искать случая или атаковать англичан на марше или броситься в одновременную атаку всеми силами, не давая неприятелю времени усилить препятствиями свой фронт.

[2]) Мы не касаемся здесь чрезвычайно интересного национального движения во Франции в конце Столетней войны, которое выдвинуло Жанну д'Арк. Интересующиеся бытовыми условиями, в которых складывались войны XV века, с интересом прочтут научную работу Anatole France Vie de Jeanne d'Arc. Paris. 1908 г.

дала новые условия в народных массах, при которых эти массы получили возможность давать отпор рыцарским ополчениям.

Нечто новое и чудесное, по замечанию средневековой хроники Вилани, произошло в сражении при Куртрэ. При взаимном соперничестве Франции и Англии, на Шотландию и Фландрию выпадала одинаковая роль. Французы всегда поддерживали и раздували в Шотландии мятеж против Англии, а англичане поднимали против Франции ее вассальное графство—Фландрию. Кроме агитации и подкупов, в руках англичан были и могучие экономические средства воздействия на фламандцев, так как Англия поставляла сырье—шерсть—для фламандских суконщиков и, прекращая ее вывоз, соответственно требованиям политики, могла вызывать во Фландрии безработицу. Во главе движения против французских феодалов стояли фламандские города, развитие которых ушло вперед. Фламандские ремесленники были пропитаны оригинальным революционным духом. Здесь, уже в начале XIII столетия, сложилась первая революционная песнь, которую историк Мишле назвал первой марсельезой. Революционное движение порой грозило перебросить из Фландрии во Францию (бунт Марселя в Париже, Жакерия), что делало особенно важным для Франции быстрое подавление движения во Фландрии. Народный вождь и главнокомандующий фламандцами Филипп Артсфельде перед сражением при Розебеке становился уже на интернациональную точку зрения: „убивайте, убивайте всех герцогов, графов, рыцарей. Французские общины не будут на вас в претензии, так как они хотят, чтобы ни один из них не вернулся во Францию. Французские общины ждут от нас этой услуги, и мы ее окажем“ [1]).

В 1302 году в Брюгге вспыхнула резня: в одну ночь 4000 иностранцев, преимущественно французов, не знавших пароля (щит и друг), было перерезано; по всей стране началась охота за французами.

Сражение при Куртрэ. Главные силы мятежников, около 13 тысяч горожан, с 10 рыцарями, под командой двух юношей—сына и племянника графа Фландрского, обложили цитадель Куртрэ. Французская армия, около 5.000 всадников и 3.000 стрелков, подошла на выручку. Фламандцы решили умереть или победить и заняли позицию за ручьем Гренинген—от города до монастыря—с рекой Лис, перерезывавшей всякий путь отступления в тылу. Глубокий ручей Гренинген, с болотистой долиной, был еще усилен волчьими ямами и другими препятствиями; по берегу рассыпались немногочисленные фламандские стрелки, недалеко за ними—густые, фалангообразные массы пехоты, вооружен-

---

[1]) Hardy, Origines de la tactique française, т. I, стр. 430, 442

ные пиками и аллебардами (годендагами); среди пехоты встали и рыцари с Гюи Фландрским; фронт протягивался на 900 шагов; были выделены два отряда: один из граждан города Ипра образовал заслон против цитадели Куртрэ; другой отряд, под командой опытного рыцаря Иоганна фон-Ренессе, образовал небольшой резерв за центром [1]).

Граф Роберт д'Артуа выжидал несколько дней вблизи Куртрэ, не решаясь атаковать неприятеля на сильной позиции. Желание выручить крайне стесненных в цитадели французов заставило его решиться 11 июня на атаку. Французские стрелки значительно превосходили неприятеля и по числу, и по качеству, нанесли фламандцам большие потери и заставили их податься назад от ручья Гренинген. Однако, французские стрелки сами перебраться через ручей не могли, так как на другом берегу легко могли стать жертвой неприятельской контр-атаки. Поэтому граф д'Артуа дал сигнал—арбалетчикам уходить, рыцарям атаковать. При движении вперед рыцарей несколько арбалетчиков было потоптано. Но как только рыцари стали перебираться через ручей, фаланга фламандцев, сохранившая порядок, бросилась вперед и начала избивать рыцарей, которые вязли в болотистых берегах и не могли развить никакого натиска. Только в центре небольшой части французов, с графом д'Артуа, удалось пробиться до сухого места, опрокинуть ближайшие ряды фламандцев, но подоспевшим резервом они были перебиты. У фламандцев перед боем был дан приказ—убивать того фламандца, который пощадит пленника. Граф д'Артуа, получивший 30 ран и уже сдавшийся, был добит. Остатки французской армии бежали.. Фламандцы очень гордились снятыми с убитых рыцарей 700 золотыми шпорами и назвали это сражение „битвой шпор". Средневековая хроника подчеркивает „со времени этого поражения честь, значение и слава древнего дворянства и древней французской храбрости значительно упали, так как цвет тогдашнего рыцарства был разбит и унижен своими слугами, самым низким народом в мире: суконщиками, валяльщиками и другими ремесленниками, которые ничего не понимали в военном деле и которых все нации презирали за их невежество, называя не иначе, как грязными зайцами.

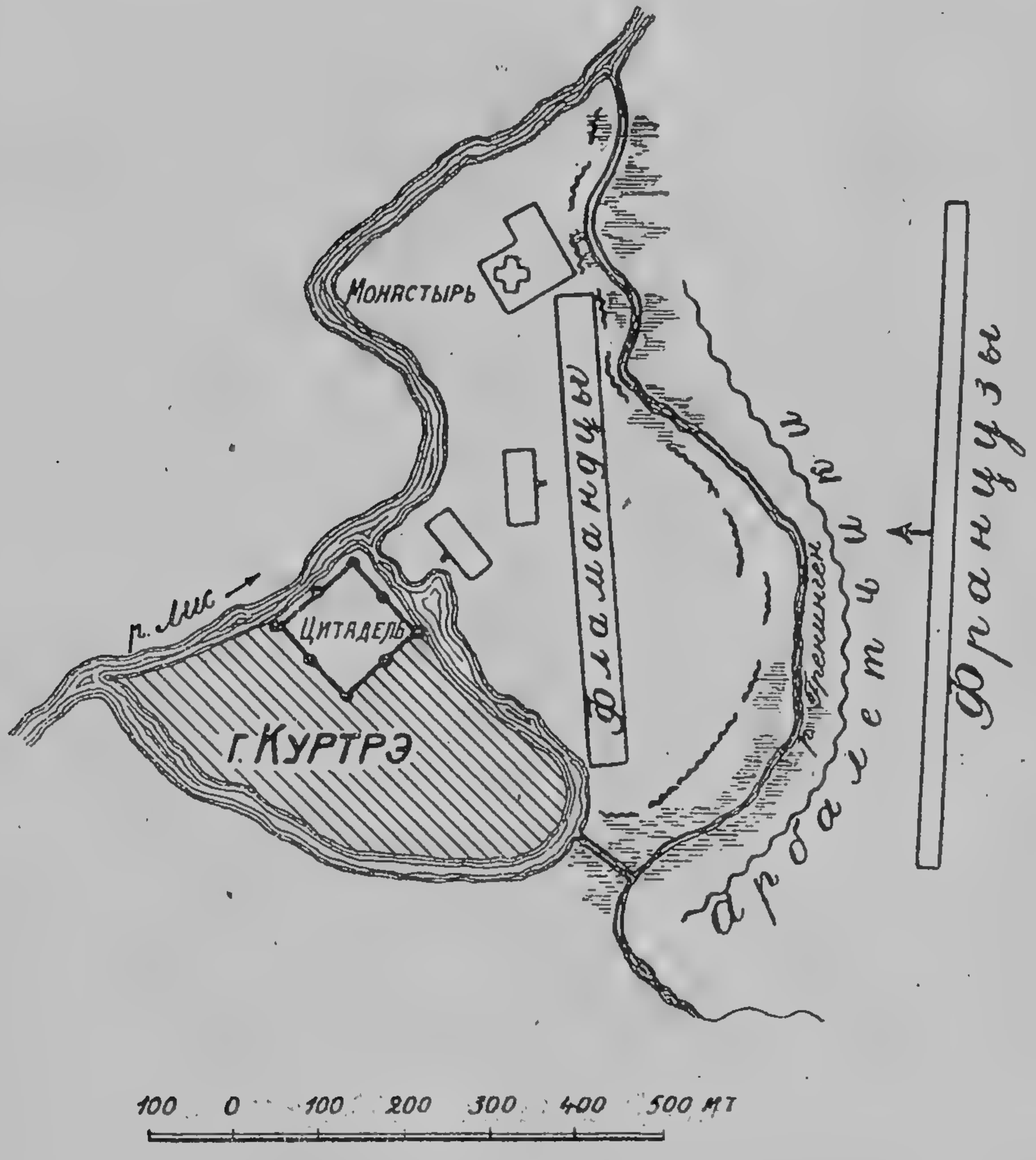
---

[1]) При оценке тактического успеха фламандского ополчения при Куртрэ необходимо помнить, что Фландрия в течение 250 лет была главным рынком наемников для Франции, Англии и Германии, и особенно в городском населении был многочисленный элемент, обладавший профессиональными военными навыками. Стратегический успех объясняется общенародным характером движения, которое на время втянуло как аристократическую, так и демократическую часть населения. Отсутствие розни в тылу фламандской армии клало печать безнадежности на всякий маневр французской армии и заставляло последнюю искать решения в атаке при трудных условиях.

Но с этой победой храбрость и самонадеянность их возросла до такой степени, что один пеший фламандец с годендагом в руках смело устоял бы против двух французских конных рыцарей".

Несмотря на глубокое впечатление, произведенное на современников, нельзя, однако, считать фламандскую пехоту достигшей уровня требований полевого боя, так как

Сражение при Куртрэ 11-го июня 1302 года.



Чертеж № 9.

при Куртрэ она победила, действуя оборонительно, при чрезвычайно выгодных местных условиях. Сражение при Розебеке выясняет неполноту ренессанса военного искусства среди фламандцев.

Сражение при Розебеке. Через 80 лет после сражения при Куртрэ, революционное движение, разразившееся во Фландрии, имело уже не национальный, а чисто классовый характер, так как было направлено не только против французов, но и против фландрских феодалов. В рядах фландрской армии рыцарей не было вовсе. Война принимала

гражданский характер, и если фламандские революционеры рассчитывали на сочувствие Парижа и других французских городов, то французы могли рассчитывать на поддержку местных зажиточных элементов во Фландрии.

Народный регент, Артсфельде, заняв переправы на р. Лис, обложил город Уденард. Артсфельде рассчитывал, что на выручку геройским защитникам подойдет французская армия, и подготовил здесь аналогичные с Куртрэ условия для торжества над рыцарством. Но французское командование было умудрено опытом Куртрэ и тянувшейся уже свыше 40 лет войной с англичанами [1]). Французская армия, собравшаяся в середине ноября 1382 года у Секлена, по совету конетабля Оливье Клисон, двинулась не к Уденарду, а через р. Лис, которую форсировала у г. Комин, в западную Фландрию, где Ипр и многие города и замки отворили свои ворота французам. Артсфельде не мог оставаться с армией у Уденарда и вести набеги на сообщения французов, так как если бы и Брюгге, куда направлялись французы, сдался без боя, то с восстанием было бы покончено. Артсфельде, как некогда Дарий Кодоман, вынужден был преградить дорогу неприятельской армии и, оставив подготовленные у Уденарда укрепления, двинулся на перерез к Розебеке. Ночь на 27 ноября противники бивакировали недалеко друг от друга. Артсфельде, не имея возможности упереть свои фланги в какие-либо препятствия и не имея конницы, чтобы их обеспечить, понимал, что, обороняясь, он идет на верную гибель, что единственный шанс успеха заключается в энергичном натиске, и с утра, построив свою армию в глубокую фалангу, начал наступление.

Конетабль [2]) Оливье Клиссон построил в центре всю пехоту, усилив ее спешенными рыцарями. Только малолетний король Карл VI с 8 рыцарями свиты оставался здесь конным; у остальных рыцарей, как говорит хроника Сен-Дени, лошадей увели так далеко, что не было их и видно, и исчезла всякая надежда спастись, ускользнув из боя. Оба крыла образовались конными рыцарями. Боевой порядок французов был менее глубок, но протягивался гораздо шире по фронту, чем фламандский.

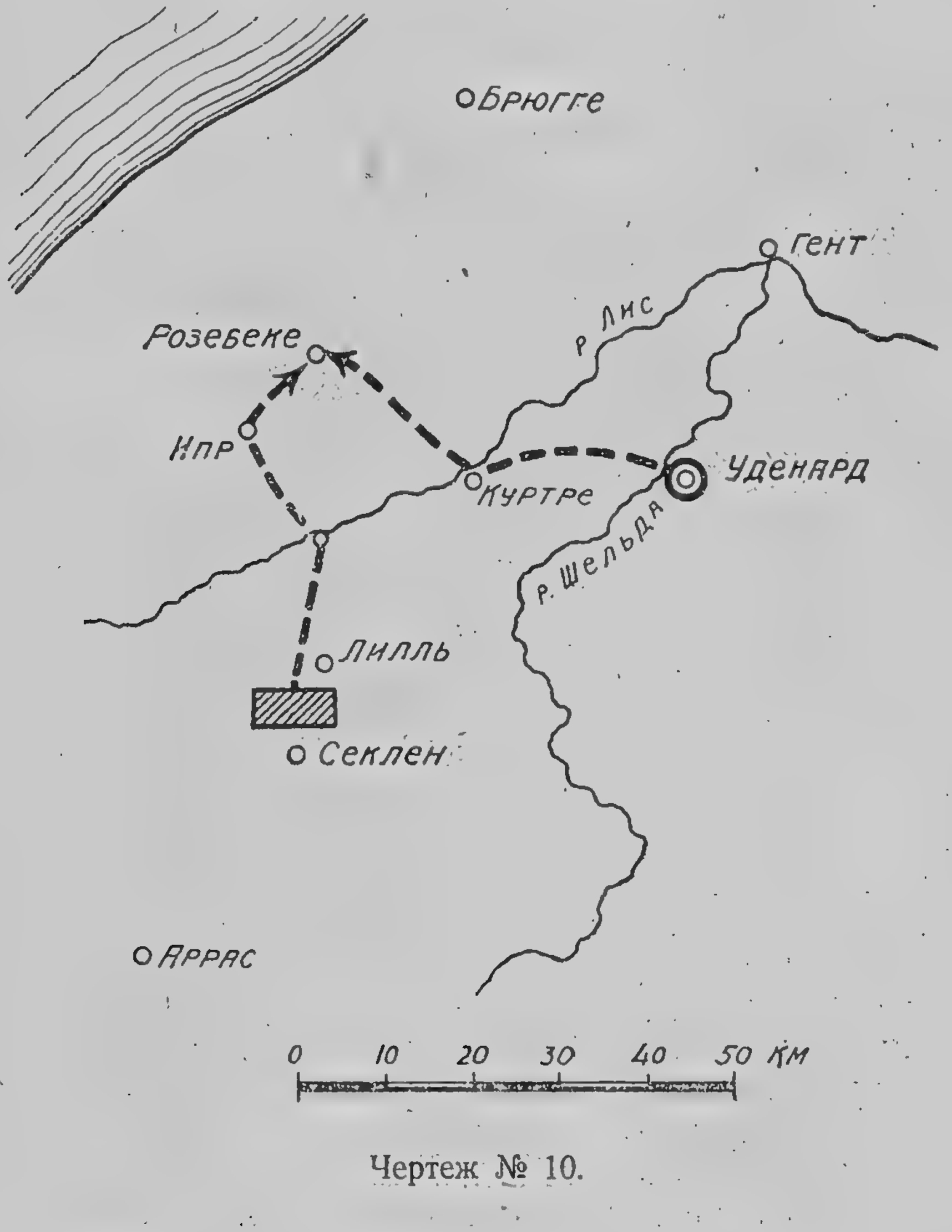
---

[1]) Надо обратить внимание на чрезвычайно налаженную организацию марша—с передовым отрядом, прикрывавшим рабочих для починки мостов и дороги, авангардом, главными силами в двух параллельных колоннах, на искусное форсирование р. Лис, на сторожевое охранение в ночь перед боем (от главных сил 600 рыцарей и 1200 других). Все это—горький опыт тяжелой Столетней войны, заставившей французов серьезнее смотреть на военное дело, не видеть в нем только рыцарский поединок, усвоить целый ряд профессиональных навыков. Французы, как и англичане, становились уже наемниками-профессионалами.

[2]) Конетабль – филологически граф, заведующий конюшней—старшее лицо в армии, наместник французского короля в войсках.

Фламандцы, дав залп из пушек, бросились на французский центр. Лес копий потеснил французов, но только на „полтора шага“. Между тем конные крылья охватили оба фланга фламандцев. Конная атака рыцарей с двух флангов заставила фламандцев сжаться к центру; они потеряли возможность двигаться, действовать оружием. Центр громадной толпы (вероятно 15—20 тысяч), вместе с Артсфельде,

Кампания во Фландрии 1382 г.



Чертеж № 10.

задохся. Погибли все фламандцы, — большинство умерло от давки.

Фламандцы не выдержали испытания на наступательный бой в чистом поле [1]).

---

[1]) Совершенно аналогичное явление возрождения пехоты одновременно наблюдается в Шотландии. Английская армия у Банокбурна в 1314 г. была разбита шотландцами также, как французы при Куртрэ.

Гусситские войны. Рыцарство в центральной Европе было обесславлено в период гусситских войн.

Богемия к началу XV века находилась в весьма выгодном экономическом положении, благодаря разработке богатейших тогда серебряных рудников. В Богемию, при поддержке королей Люксембургской династии, направилось большое количество немцев, надеявшихся найти здесь лучшую экономическую конъюнктуру. Экономическое соперничество между туземцами-чехами и пришлыми немцами объединило вначале всех чехов в чувстве ненависти к немцам и обусловило своебразный чешский патриотизм. В манифесте города Праги, относящемся к началу войны, заключается утверждение, что немцы — природный враг чешского народа. Жижка, гениальный чешский полководец, сражавшийся за славянское дело с поляками и русскими против тевтонского ордена еще при Танненберге, заявлял в своем уставе для гусситского войска, что он взялся за оружие не только, чтобы отстаивать истину божеского закона, но и за интересы богемской нации и всего славянства.

Взрыв этих национальных чувств совпал с сильным религиозным движением, получившим также национальный характер. Вначале вся Чехия восстала дружно; основу вооруженных сил гусситов составляли чешские рыцари; армия отличалась от других средневековых только большим количеством находившихся в ней горожан и крестьян. Консервативные элементы, входившие в состав чешской армии, позволили ей вначале одержать скромные успехи; в 1420 г. было отбито при Праге вторжение немцев, предводимых королем Сигизмундом. Это сражение имело для движения аналогичное значение с канонадой при Вальми во время французской революции. Вначале, ценой усилий чешских умеренных элементов, установилось равновесие между восставшей Чехией и феодальным миром.

Но с развитием движения оно получило резко очерченный социальный характер; все законы отвергались, монастыри разрушались, налоги и арендная плата отменялись. Движение получило облик крестьянской революции, которую поддерживала городская беднота, и вожди задавались мыслью распространить пламя крестьянского восстания по всей Германии. Умеренные элементы отошли от движения, радикальные—взяли верх; гусситская армия, лишенная своей дворянской конницы, начала вырабатывать оригинальную тактику. Как ни фанатичен был дикий энтузиазм чешских ангелов мести, но сразу он не был способен создать пригодную для полевых операций армию. Революционный подъем создает лишь благоприятную почву, на которой тяжелым трудом, в течение длительного времени,

может быть создана грозная военная сила. Только на 8-й год войны гусситы оказались способными не только к стратегической обороне, но и к вторжению в Германию.

Тактика Яна Жижки. Ян Жижка, полководец восставшей Чехии, формировал и конницу, пользуясь вооружением убитых рыцарей, но гусситская конница, крайне немногочисленная, могла играть только вспомогательную роль. Существенное значение имела гусситская пехота. Предохранительного вооружения у гусситов не было; противиться в открытом поле натиску рыцарей они не могли. Ян Жижка выработал соответствующую тактику. Чешская армия обычно состояла из 5—6 тысяч человек, но доходила и до 20 тысяч. На каждые 15—20 человек при армии следовал боевой воз—вначале простая чешская четверочная повозка, а затем и специально построенная повозка со щитами, с приспособлениями, мешающими пролезть под колесами, и с цепями для скрепления возов между собой, чтобы нельзя было их растащить. Если местность позволяла, гусситская армия наступала, имея повозки в четырех колоннах на одной высоте, с пехотой на повозках и между ними. При столкновении с неприятелем очень быстро строился вагенбург в виде четырехугольника, с большими выходами спереди и сзади; лошади выпрягались, а возы связывались цепями. Выходы прикрывались рогатками. Внутри из небоевых повозок иногда устраивалась вторая линия—как бы редюит импровизированной крепости. Вагенбург стремились построить на возвышенном месте и при наличии времени усиливали рвом. Некоторые повозки вооружены были пушками, наглухо закрепленными поперек повозки (без возможности поворота пушки или изменения угла возвышения). Конные рыцари ничего не могли предпринять против вагенбурга, им приходилось спешиваться, лезть в гору в тяжелом вооружении и штурмовать вагенбург. Гусситы встречали их пушечным залпом, затем с возов отбивали попытки штурмующих, и, когда последние достаточно уставали и выдыхались, по знаку полководца, замаскированные до того выходы быстро очищались, отборная часть пехоты устремлялась через передний выход, конница—через задний; обе вылазки направлялись на фланги остановленных линией повозок рыцарей, и начиналось их избиение. Несвоевременная вылазка, пока силы феодалов не втягивались еще полностью в атаку вагенбурга, вела иногда к неудачам. Но, в общем, победы над неорганизованными феодальными толпами, которых приводили в Богемию проповедуемые правоверными католиками крестовые походы, следовали почти непрерывно и наводили мистический ужас на рыцарей. Постепенно гусситы развились в закаленных, дисциплинированных,

профессиональных солдат [1]), почувствовали свое превосходство над феодалами, смелее предпринимали активные действия, забирались в глубину Германии и стремились, возвратясь из похода, похвастаться привезенной бутылкой морской воды—доходили, мол, до моря, дальше пошли бы, да некуда. Мистический страх рыцарей перед этими ангелами социальной мести доходил до такой степени, что, после поражения под Ауссигом в 1426 году соединенными силами трех гусситских армий 12-тысячной армии Сигизмунда, в 1427 году армия, которая вторглась в Богемию под командой Бранденбургского курфюрста Фридриха I, разбежалась без боя при одном виде гусситов; в 1431 году то же случилось при Таусе с большим ополчением, выставленным всей Германией (наряд призыва был дан на 8200 копий—в действительности явилось меньше)—все разбежались, не посмев и обнажить оружия. Современник, папа Пий II (Энеа Сильвио Пиколомини), описал гусситскую тактику, как колдовскую: бежавшие передавали, что гусситский вагенбург наступал, образуя различные буквы, имеющие магическое значение, обволакивал неприятеля своими возами и т. п.

Значительный интерес представляет относящийся к началу двадцатых годов XV века устав Жижки. Он имеет политическую часть, ясно подчеркивающую массам основные лозунги и цели борьбы, заключает очень подробную регламентацию походного движения, порядка объявления приказов и очень внимательно разбирает вопросы, имеющие отношение к поддержанию дисциплины при движении, на отдыхе, при дележе добычи, при определении лиц, коим разрешалось следовать за армией, устанавливает наказания за важнейшие воинские преступления. Этот чешский устав явился прообразом, который затем копировали и развивали немецкие составители уставов. То, что первый оригинал современных уставов принадлежит Жижке, видно из того, что немецкие подражатели называли свои уставы „Vagenburg-Ordnungen“—уставами для вагенбурга и подразумевали под словом „вагенбург“ армию.

Еще глубже было влияние гусситской тактики на востоке Европы, в России, где оно удерживалось еще в XVII веке. „Полкохождение“, очерченное в сочинении эпохи начала царствования Михаила Феодоровича—„устав

---

[1]) Существовало собственно пять отдельных армий; ополчение Праги, которое имело характер обычной средневековой милиции; „старый табор“—собственно профессиональные солдаты—делился на две партийные армии—таборитов и сирот, называвших себя так в память умершего Жижки; и „большой табор“—тоже из двух партий, призыв, в случае крайней опасности, всех оставшихся дома. В каждой армии было примерно до 5 тысяч, в случае крайней опасности и для крупных операций они соединялись вместе.

ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки" — явно навеяно гусситскими войнами и применялось русскими еще при Алексее Михайловиче в борьбе за Украину.

Гусситское движение оказалось непобедимым, немцы с ним справиться не могли; но оно погибло от внутренних раздоров. Гусситы обвиняли друг друга в ереси и сжигали на кострах. Базельский собор огромными уступками усилил позицию умеренных групп гусситов. Дворянство и города Чехии сформировали свою армию, которая под Липаном встретилась с армией таборитов. Обе армии построили вагенбург. Буржуазная армия демонстративной атакой и притворным бегством выманила таборитов на преждевременную вылазку. Табориты были атакованы и порублены чешскими рыцарями; на плечах отступавших вагенбург был захвачен штурмом. Остатки таборитов выродились в обыкновенных наемников и встречались в течение XV века на службе у различных государей. Однако, опыт Жижки по созданию дисциплинированной, управляемой, боеспособной пехоты не прошел бесследно для эволюции военного искусства в Европе.

Швейцарцы. Полный переворот в военном деле, переход в военном искусстве от средних к новым векам сделали швейцарцы. Понимание развития швейцарской военной мощи было сильно затруднено искажениями швейцарских писателей, которые отстаивали патриотические легенды о Вильгельме Телле и Арнольде Винкельриде и изображали борьбу швейцарцев за независимость, как революционное движение мирного крестьянства, доведенного до отчаяния австрийскими угнетателями [1]).

Сила швейцарцев сложилась из соединения элементов, внесенных в союз, с одной стороны, лесными кантонами Швиц, Ури и Унтервальден и, с другой—городами, примкнувшими к ним вслед за Берном. Заброшенные в глушь альпийских гор лесные кантоны сохранили много изначальных черт германского родового быта. Кантон являлся той же волостью „гау"; его старшина—амман—бывший гунно. Швицкие крестьяне были свободными; Ури и Унтервальден представляли владения, почти фиктивные, дальнего монастыря. Деление народа на трудящихся и на квалифицированных профессионалов военного дела, столь характерное для средневековья, не распространялось на швейцарцев; занятия последних, при бедности их почвы, были—скотоводство, охота, немного земледелия да вербовка в чужестранные армии. Занимались швейцарцы и разбойничеством: так

---

[1]) С традицией изображения швейцарских горцев - разбойников мирными пастушками боролся уже 80 лет тому назад Фридрих Энгельс.

Щвиц занимался постоянно нападениями на владения богатого монастыря Эйнзидель.

Искусно пользуясь борьбой владетельных династий между собой, швейцарцы добивались различных льгот—выхода из-под власти феодалов и непосредственного подчинения императорской власти, права выбора судей и администрации и т. д. Графы Габсбурги уступчиво и снисходительно относились к своим неспокойным вассалам. Наконец, полное разорение Эйнзидельского монастыря Швицем и, самое главное—вооруженная поддержка лесными кантонами кандидатуры на императорский престол Людовика Баварского против Габсбургов вынудила герцога Леопольда Габсбургского предпринять карательную экспедицию против них.

Моргартен. Кантоны, издавна получившие закал в беспрерывной борьбе с соседями, имели укрепления, называвшиеся летцинами, заграждавшие доступ в их горы. Летцина, заграждавшая доступы в Швиц по дорогам, идущим по обе стороны Цугского озера, и препятствовавшая десанту на южном берегу, представляла толстую каменную стену, 12 фут. высотой, длиной 5 верст, опиравшуюся левым флангом в обрывы горы Риги, правым—в Росберг. Стена имела 3 больших башни; дороги пропускались через ворота. Другой доступ через Альтмат был закрыт летциной „Красная башня“ [1]). Всего в Швице, который имел 4000 мужчин, способных носить оружие, было 6 летцин, обращавших кантон как бы в обширную горную крепость. К 1315 г. швицкий амман, Штауфахер, оставил незапертой только дорогу, шедшую по восточному берегуозера Эгери на Моргартен—так как здесь удобно было сделать засаду.

Герцог Леопольд Габсбургский собрал свои силы—2-тысячную феодальную армию — в Цуге и 15 ноября 1315 года выступил, избрав для вторжения свободную от укреплений дорогу на Моргартен. Но разведка швейцарцев действовала образцово: несмотря на направление демонстративных колонн на другие летцины, через три часа после выступления из Цуга, когда голова колонны подходила к теснине между озером и Моргартеном, где дорога проходит по карнизу обрыва, оказалось, что путь пересечен завалом, за которым держится швейцарский отряд; главные же силы швейцарцев находились еще севернее, в засаде на склонах Моргартена. (Чертеж № 11).

В течение трех часов Штауфахер успел сосредоточить из 4 своих тысяч бойцов к Моргартену не менее трех тысяч и выдвинулся с ними в засаду за пределы Швицкой территории. Австрийская колонна сгустилась

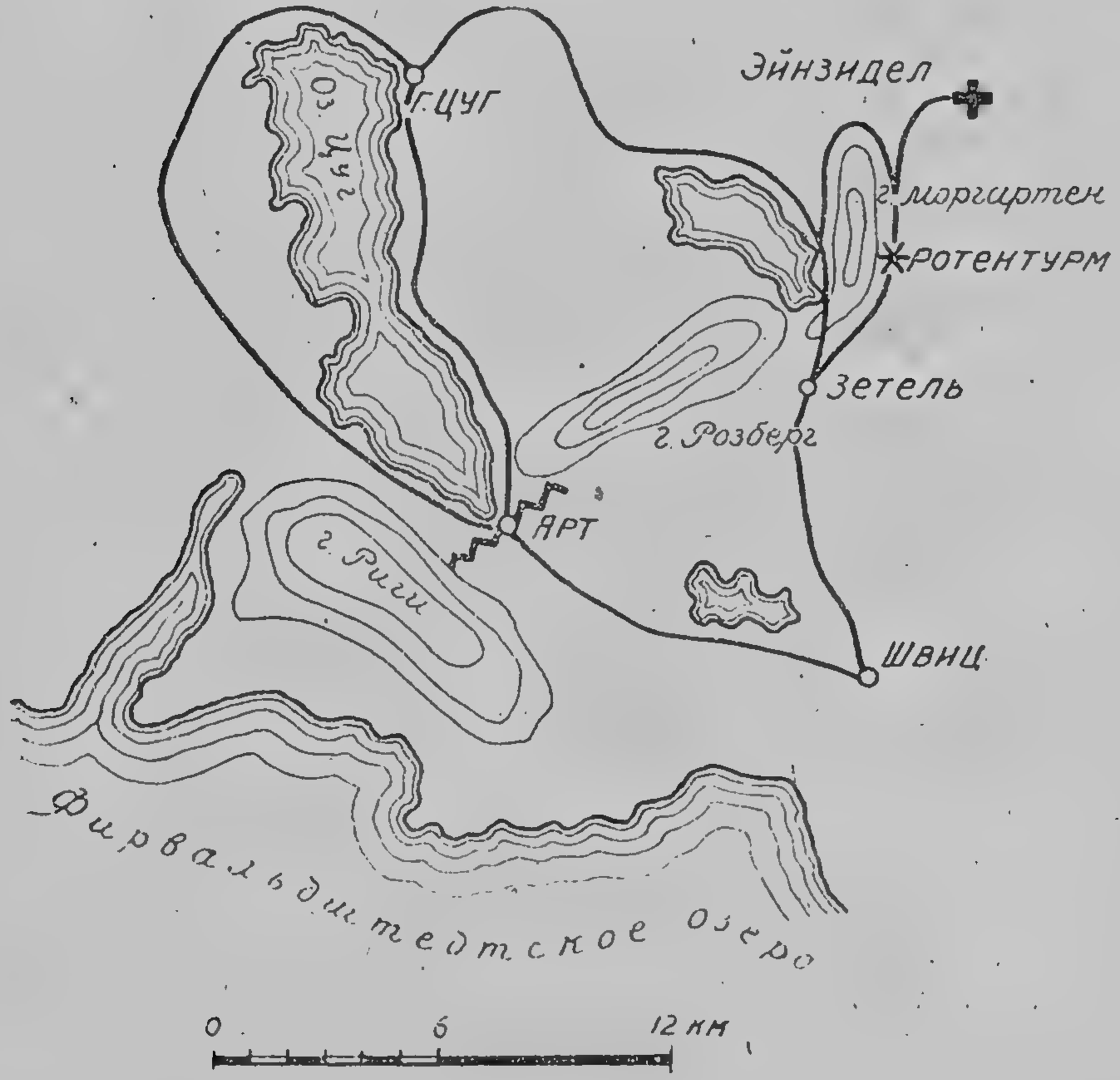
---

[1]) На чертеже № 11—Ротентурм.

к голове, задние подходили, передние спешивались и пытались вскарабкаться на гору в обход завала. В это время с высот на центр сгустившейся пехоты полетел град камней, а за ними обрушилась сплоченная масса швейцарцев.

Рыцарские кони бились, раздражаемые камнями; всадники были бессильны сойти с дороги. Швейцарцы, с алебардами — крестьянским оружием (топор на длинном

Моргартенская операция 13 ноября 1315 г.



Чертеж № 11.

древке—весьма действительное оружие против тяжелого вооружения рыцарей), смяли рыцарей, многих убили, других столкнули и утопили в озере; хвост колонны и герцог Леопольд в панике ускакали.

Швейцарские города. Лесные кантоны были способны на такие подвиги; но решающее значение швейцарского военного искусства для истории было создано союзом их с Берном, союзом крестьян с горожанами. Германские города имели ясно выраженную аристократическую организацию и создавали свою вооруженную силу из рыцарей и наемников; в борьбе с феодалами городские союзы обыкновенно встречали против себя союз графов с крестья-

нами—например, в 1388 году, при Дефингене, армия союза 39 городов была разбита Вюртембергскими феодалами, на помощь к которым пришло и крестьянское ополчение. Германские города не пытались прибегнуть к массовому призыву горожан в войска. Берн стал на совершенно иной путь. Управление городом было сосредоточено, правда, в руках немногих городских аристократических родов, но они сумели окружить себя декорацией демократических выборных, и контакт между народом и властью не терялся. Берн оперся на союз с лесными кантонами и перенял от лесных кантонов основу устройства армии—поголовную воинскую повинность. Армия, вооруженная холодным оружием и составленная не из квалифицированных бойцов, естественно строилась в большие квадратные массы [1]). В этих швейцарских „баталиях“, где 10 тысяч человек представляли колонну в 100 человек по фронту и 100 в глубину, как и в афинской фаланге, можно было найти место и для неопытного бойца. Это построение, заимствованное у лесных кантонов, воскресило линейную пехоту. При рыцарях пехота могла играть только вспомогательную роль; теперь на нее перешла главная. Борьба велась швейцарцами за узко-эгоистические интересы, но первые два столетия руководящие элементы сумели удержать в народном сознании представление, что борьба идет против господ. Поэтому Берн, который в своем кантоне сохранил все феодальные притеснения крестьян, все же оказался в силах, наравне с городским элементом, мобилизовать и крестьян, вливать их в свою баталию и поддерживать там дисциплину; сплоченная тактическая единица растворяла духовно городские и крестьянские элементы в одно целое.

Характер армии. Маленькая Швейцария, благодаря призыву народных масс, на полях сражений с могущественными государями, от Моргартена до Нанси, всегда имела значительное, часто двойное превосходство в силах.

В противность средневековым армиям, дисциплинированная и знающая цену послушания швейцарская армия была удобоуправляемой. Во главе ставился один из опытнейших рыцарей. Переходя от успеха к успеху, швейцарцы, с неизжитой природной воинственностью, научились быть храбрыми. Добыча, иногда, по современной расценке, по 15 тысяч рублей на солдата, сделала военную службу заманчивой и для крестьян; часто, когда объявлялся призыв, являлось больше добровольцев, чем требовалось.

---

[1]) Те же древне-германские колонны, с которыми приходилось считаться римлянам.

На швейцарской армии остался отпечаток разбойничье-насильственного характера горцев лесных кантонов. У неявившихся по призыву швейцарцев разрушались до основания дом и все хозяйство. Конфискация всего имущества плюс смертная казнь—за неустойку в бою; сосед был обязан заколоть солдата, который пытался бы оставить ряды в бою; сосед был обязан заколоть товарища, который пощадил бы неприятеля и взял его в плен, вместо того, чтобы убить на месте.

Тогда как рыцарские армии были заражены извечным интернационализмом и охотно щадили пленных, швейцарцы убивали все гарнизоны взятых городов и не щадили населения. Страх должен был предшествовать швейцарской армии. Только после внутренней гражданской войны, когда сами швейцарцы пришли в некоторое смущение перед своими принципами, они приняли в Цюрихе, в 1490 году, решение—щадить церкви и женщин [1]).

Вначале, когда призванному швейцарцу приходилось воевать не далее двух—трех переходов от родной деревни, и весь поход продолжался не свыше недели, каждый призванный приносил с собой продовольствие и являлся со своим оружием. Кантон не нес никаких расходов. Но затем, когда походы стали дальними и более продолжительными, отпала необходимость мобилизовать для них все мужское население. Союзное соглашение устанавливало, сколько бойцов должен был выставить каждый кантон. Если поход обещал богатую добычу, являлось много добровольцев. Не шедшие в поход помогали отправляющимся снарядиться и собрать необходимые припасы. В городе Берне имелось 17 коллективов—обществ, имевших целью помогать своим членам исправно снарядиться в поход; каждый из граждан Берна был приписан к одному из этих коллективов, и если сам не мобилизовался, то нес расходы по снаряжению идущих членов. Исправное оружие должны были иметь все граждане кантона—власти делали поверочные смотры. Обучения не было, но граждан, являвшихся на осмотр с вооружением стрелка—лук, арбалет или огнестрельное оружие—испытывали, умеют ли они владеть своим оружием.

---

[1]) „Так как Всемогущий Бог объявил церкви своим обиталищем, и так как Он, посредством Жены, ниспослал спасение людскому роду, наша воля—чтобы никто из наших не смел овладевать, грабить, разорять и сжигать церкви, монастыри и часовни, ни бросаться с оружием, ранить или ударять женщин и девушек".

„Однако, можно врага и его имущество преследовать и в церквах. Не будем щадить женщин, которые будут мешать нам столь пронзительными криками, что мог бы последовать серьезный ущерб для нашего оружия". Hardy, т. II, стр. 7—9. Как видно, подлинные швейцарцы были далеки от тех наивных пастушков, которыми рисуют своих предков швейцарские патриоты.

Тактика. Движение швейцарских баталий происходило под звуки барабана; следовательно, до известной степени люди двигались в такт; настоящего шага в ногу не было. Существенное требование—чтобы каждый знал свое место в рядах баталии и не покидал его ни в коем случае—усваивалось очень быстро. Горожане выдвинули свое оружие—длинную ($2^1/_2$ сажени) пику, удобную для отражения конных атак, и предохранительное вооружение. Крайние шеренги и ряды баталий вооружались пиками, середина—алебардами. Стрелков было немного, так как швейцарский милиционер был неквалифицированным бойцом, а искусный стрелок создается специализацией, настойчивым обучением и тренировкой.

Швейцарская тактика обусловливалась разделением армии на три части, каждая из которых строилась в квадрат [1]). Эти три баталии на походе образовывали авангард, главные силы и арьергард и представляли неравные части. Такое раздробление на три баталии представляло ту существенную выгоду, что атакованная конницей баталия, вынужденная к остановке, не могла развить никакого натиска и легко могла бы стать добычей неприятельских стрелков. Но в таком случае ей на помощь подходила другая баталия, выручавшая ее атакованный фланг и позволявшая ей снова перейти в наступление. Неудержимый натиск холодным оружием и взаимная выручка баталий—основы швейцарской тактики. Баталии ставились уступами. Немногочисленные рыцари, сопровождавшие швейцарские армии, также принимали участие в обеспечении флангов атакующих баталий.

Эти основные черты швейцарской тактики уже рельефно выступают в сражении при Лаупене (1339 г.). Берн вел борьбу с городом Фрейбургом, который поддерживали многочисленные феодалы. Фрейбуржцы—армия около 4 тысяч человек, с многочисленной рыцарской конницей—осадили город Лаупен, в котором находился Бернский гарнизон. На 20-й день осады прибыла выручка. Бернская армия состояла из 6 тысяч; авангардная баталия—1000 человек—состояла из контингента, нанятого в лесных кантонах; главная баталия—3000 чел. и арьергардная—2000 чел. были образованы бернцами. Во главе был поставлен рыцарь Рудольф фон-Эрлах, который согласился взять командование только на условии поддержания строжайшей дисциплины. Он потребовал, чтобы все торжественно ему поклялись, что будут ему послушны во всех вопросах и что

---

[1]) Сначала квадрат людской,—т.-е. число рядов равно числу шеренг. При этом получалась несколько большая глубина баталии, сравнительно с шириной; потом начали строить квадрат по площади—число шеренг в нем несколько меньше, чем рядов.

если он ударит кого-нибудь за непослушание, хотя бы нанес при этом рану или причинил смерть, то ни город, ни друзья побитого не привлекут его к ответственности и мстить не будут [1]). Эрлах остановил свою армию на высотах в двух верстах от Лаупена. Навстречу двинулись фрейбуржцы; часть фрейбуржской пехоты предприняла обходное движение, а рыцари парадировали перед фронтом. Обошедшие фрейбуржцы атаковали арьергардную баталию бернцев, которая обратилась в бегство, после чего занялись грабежом. Одновременно фрейбуржцы атаковали с фронта. Главная баталия бернцев встретила атаку своими стрелками и затем бросилась в яростную контр-атаку. Колонна в 50 шеренг глубины опрокинула фрейбуржцев. Тем временем авангардная баталия также перешла в атаку, но была окружена и остановлена рыцарями. Авангардная баталия находилась в трудном положении, так как, хотя она ощетинилась во все стороны пиками, но была бессильна против фрейбуржских стрелков; но баталия главных сил, покончив с находившимися против нее, повернула и, ударив в тыл рыцарям, обратила их в бегство.

В сражении под Земпахом (1386 г.) австрийский герцог Леопольд сам спешился с рыцарями, чтобы атаковать на трудной местности двигавшуюся ему на встречу швейцарскую колонну. И пока он напрягал свои усилия и уже был готов торжествовать победу над авангардной баталией, которую он принял за всю швейцарскую армию, баталия главных сил, скрытно перестроившись из походной колонны, бросилась вперед и перебила все спешенное рыцарство.

Бургундская война. В последней четверти XV века швейцарский союз столкнулся с могущественнейшим и располагавшим наилучшей средневековой армией феодалом—бургундским герцогом Карлом Смелым. Война была наступательной со стороны Швейцарии. Последняя, вследствие своего федеративного устройства, неспособна была к последовательной завоевательной политике, так как в завоевании на западе были заинтересованы только западные кантоны (Берн), а восточные тянули на восток, южные—на юг. Всякая победа приносила территориальные приобретения только одному из членов союза, почему другие относились к такому успеху весьма холодно. Если Швейцария перешла к наступательной политике против Карла Смелого, то в значительной степени потому, что могущество

---

[1]) Взгляды Эрлаха на дисциплину видны из следующего: 8 бернцев, вопреки приказа, погнались за лошадью, чтобы захватить ее себе в добычу, и на глазах бернской армии были окружены небольшим отрядом фрейбуржцев. Эрлах воспретил выручать ослушников, которые были убиты фрейбуржцами. „Это—злодеи, нарушившие данную мне присягу. Им добыча важнее, чем честь Берна".

Бургундского герцога, объединившего под своей властью Бургундию, Лотарингию, Нидерланды и часть Эльзаса, стояло поперек дороги объединителю Франции, Людовику XI. Главным образом, благодаря золоту Людовика XI, подкупившего всех руководителей политики Берна, Берн вступил в борьбу с Карлом Смелым, который перешел в контрнаступление, и швейцарскому союзу пришлось поддерживать Берн. На поле сражения под Муртеном (1476 г.) встретилась Бургундская армия—20.000 человек, в том числе 1600 копий (1 рыцарь, 3 арбалетчика, 3 с огнестрельным оружием, 3 пикинера), и швейцарская из 28.000 человек в 3 баталиях. Несмотря на все усилия Карла Смелого создать дисциплину в своей армии и сделать ее удобоуправляемой, преимущество в управлении явно находилось на стороне швейцарцев. Большие баталии швейцарцев легко восторжествовали над разрозненными усилиями отдельных кучек бургундцев. Громадное преимущество бургундцев в артиллерии и огнестрельном оружии—роскошь, которую мог позволить себе лишь Карл Смелый, один из богатейших государей XV века (благодаря Нидерландам)—не сыграло решающей роли. Невозможность усилиями отдельных бойцов остановить неудержимый натиск десятка тысяч людей большой швейцарской баталии, сплоченных в одну тактическую единицу, делала сопротивление феодальной армии безнадежным; все столкновения бургундцев с швейцарцами (Херикур, Грансон, Муртен, Нанси) отличались паникой, возникавшей у бургундцев, когда на них обрушивалась яростная атака швейцарцев, после чего начиналось их избиение и бегство. Сплоченный в тактическую единицу рядовой, плохо обученный боец оказался сильнее индивидуального, квалифицированного, тренированного с детских лет средневекового воина. Муртен сделал эту истину очевидной для всех, и в течение двух последующих десятилетий средневековый строй вооруженных сил на западе Европы отпал; повсюду отмечается стремление создать пехотные части, образовать армию из тактических единиц, а не из распыленных людей. Копье—это типично средневековое соединение всех родов оружия в рыцарскую свиту, отпало. Возможность использовать для боя, посредством сплочения в тактические единицы, крепких физически, но не квалифицированных бойцов открыла для новой истории, переход к которой в военном отношении образует Муртен, возможность формирования массовых армий в десятки тысяч человек, возможность, которой не имело средневековье; в средневековом анархическом сражении массы не могли играть никакой роли; только высоко подготовленные бойцы, при отсутствии тактической организации, могли приниматься на учет.

Литература.

Библиографические данные о трудах, содержащих средневековые хроники, очень полно приведены у Макса Иенса.

G. Köhler. Generalmajor Z. D. Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit von der Mitte des XI Jahrhunderts bis zu den Hussiten Kriegen. Бреславль. 1886—1889; в 3 томах, последний том в 3 книгах.

Отставной 60-летний старик генерал Келер, сохранивший положительно чудовищную трудоспособность и имевший большие филологические познания, взялся за изучение средневековых хроник и, опираясь исключительно на первоисточники, попытался дать историю военного искусства за 1050—1420 г.г. Собственно исследованию операций и сражений уделены первые 1312 страниц, затем 527 страниц уделено материальным элементам, и последние 1006 страниц—эволюции вопросов организации, тактики и снабжения.

Упорная, удивительная и для профессионального историка разработка первоисточников внесла в науку свой вклад. Келер подметил много ошибок, вкравшихся к Рюстову и Иенсу и перешедших от них в позднейшие труды. Но в целом труд Келера представляет огромное недоразумение, вследствие недостаточно-критического отношения к источникам. Келер слишком много заимствовал на веру из хроник и создал скорее средневековую историю, чем историю средневековья. От средневековых историографов, живших классическими образцами и отрезанных от действительности, Келер заимствовал представление о крайне искусном управлении и сложном ходе средневекового сражения; тактика рыцарских армий, по Келеру, это трехлинейный боевой порядок. Келер принимает за чистую монету теоретические фантазии, в роде оборонительного построения в круг конной части, которые какими-то путями перенеслись в средние века в Европу из фантастических китайских военных сочинений. Обращение с его трудом, орудующим крайне ценным материалом, но неудачным по основной мысли и изобилующим искаженным пониманием фактов и текстов, требует особой осторожности.

Edgard Butaric. Institutions militaires de la France. 1863, стр. 499. Автор—архивный работник, с огромной подготовкой; его архивная гордость позволяет ссылаться ему на факты, исключительно им установленные по архивным делам. Бутарик доказал, что третье сословие играло в средневековых рыцарских ополчениях гораздо бо́льшую роль, чем это полагали, что многие явления, ставшие в центре военного дела на заре новых веков, имели гораздо более глубокие корни в средних веках, чем это думали. Бутарик подчеркивает явления классовой розни в средневековых армиях и объясняет ею многие катастрофы французского оружия. Бутарик—настоящий классовый историк буржуазии, с определенным антидворянским строением мышления.

E. Hardy. Origines de la tactique française. Paris. t. I, 1879, (609 стр.), t. II, 1881 (810 стр.).

Труд состоит из 8 частей; две первые посвящены классическому миру, остальные шесть—развитию военного искусства во Франции до конца религиозных войн (1594 г.). Приемы исторической критики автора устарели, но обширные выписки из первоисточников и теперь представляют крупную ценность. Характер изложения—популярный, материал—богатый. Пузыревский, в широкой степени использовавший труд Hardy, в значительной степени превосходит П. Гейсмана, который примешал к заимствованиям из Hardy заимствования у Келера.

Денисон. История конницы. Перевод под редакцией В. А. Сухомлинова. Спб. 1897 г. Труд явился результатом мирового конкурса на премию великого князя Николая Николаевича старшего, на котором он получил первый приз. Рыцарская эпоха излагается в фальшивом, сантиментально-слащавом освещении; историческая перспектива искажена; на первом плане—интернационально-кавалерийский партикуляризм.

Пузыревский. История военного искусства в средние века (V—XVI столетия). 1884 г. 2 тома. Несколько устарелый труд.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Военное искусство Востока.

Восток и Запад. Ислам. Магометанское рыцарство. Тактика. Монголы. Техника, организация, стратегия, тактика монголов. Поход Тамерлана на Золотую Орду. Турки. Янычары.

Восток и Запад. История военного искусства на развалинах западной половины Римской империи представляет картину развала античной цивилизации под натиском германских варваров; последние, захватив власть, медленно эволюционируют, создавая, во взаимодействии с обломками классической культуры, средневековый уклад жизни и средневековые методы войны.

На Востоке ход событий был иной. Византия была расположена необыкновенно выгодно в стратегическом отношении, имея сообщения по двум морям и по двум материкам; эта столица Восточной Римской Империи удержалась еще в течение тысячелетия после падения Рима. 14 раз ее осаждали персы, авары, болгары, арабы, русские, турки. Но до 1453 года здесь сохранялась преемственность власти римских цезарей. История Византии представляет калейдоскопическую смену блестящих успехов и катастроф. Развал экономики здесь не был так глубок, как на Западе; однако, в значительной своей части и здесь хозяйство стало натуральным; военное искусство и здесь получило феодальный облик [1]).

Из подчинения Рима варварам вытекло слияние завоевателей—германцев—с культурными туземцами. Из ослабленного, но самостоятельного бытия Византии на Востоке создалась обстановка для развития самостоятельного военного искусства арабов и монголов.

---

[1]) В Византии главным родом оружия являлись тяжело вооруженные всадники. Армии были немногочисленны, и в эпоху расцвета император Никифор Фока писал: „полководец, располагающий 5—6 тысячами наших тяжелых всадников и имеющий помощь Божию, больше ни в чем не нуждается". Состав византийской армии отличался от западных лишь наличием в ней многочисленных конных лучников, заимствованных у восточных народов. Эта легкая конница, близкая к русским казакам, тренировалась в беспрерывных столкновениях на границах, имела значительный опыт в разведывательной службе и, если судить по монографии Никифора Фоки о пограничной войне, являлась незаменимой для малой войны.

Ислам. Из глубины Аравии еще за несколько тысячелетий до нашей эры выходили завоеватели, подчинявшие своей власти богатую Месопотамию и основывавшие там военные империи.

Как германские леса на севере, так и аравийские пустыни на востоке положили предел завоеваниям Рима. Наряду с германцами, арабы охотно вербовались в армии Рима и Византии. Аравия была еще более раздроблена, чем Германия — не только на племена, но и на классы. Наряду с воинственными кочевниками, варварами—бедуинами, в Аравии имелись города, которые вели довольно значительную торговлю и население которых находилось на известной высоте культуры. Тогда как германцы обрушились на классический мир, оставаясь в своем расчлененном варварском состоянии, арабы (или, что то же, сарацины) выступили со своей попыткой всемирного завоевания, лишь сплотившись уже в рамках ислама. Ислам—не только религия; ислам—это организация сил народа помощью религии, в политическом и военном отношении. На Западе сохранилась христианская римская церковь, которая взяла на себя преемственность и представительство классической цивилизации; варвары-германцы приняли христианство, но церковь и основанные ими государства были двумя противоположными полюсами той оси, около которой развивалась средневековая жизнь на Западе. В исламе же церковь и государство совпали. Магомет, не только пророк, но и гениальный народный вождь и устроитель армии, добился удивительного единства. Пророк или калиф—его заместитель, являлся в исламе не только светским повелителем, но одновременно и военным вождем, и глашатаем божественной воли.

Возникшее в культурном центре учение было охотно воспринято воинственными бедуинами; они подчинились духовному авторитету, который бросил к их ногам богатства культурного мира. Военная дисциплина получила со стороны религии огромную поддержку — за полководцем стоял авторитет Аллаха; мужество воинов усиливалось учением о седьмом рае и небесных гуриях—награде павших в бою за ислам воинов[1]). Показателем высоты дисциплины сарацин является воскрешение римского обычая—армии устраивать на каждую ночь укрепленный лагерь, а также проведенное в жизнь запрещение употреблять спиртные напитки.

---

[1]) Значение этого учения сознавалось в Византии. Выдающийся генерал император Никифор Фока потребовал от синода в Константинополе, чтобы православная церковь поставила наравне со святыми мучениками всех павших в борьбе с мусульманством. Но духовенство, с патриархом Полиевктом во главе, отвергло это требование светской власти.

Тогда как германские племена выступали изолированно, и их армии не превышали полутора десятков тысяч воинов, единство племен и классов, которого добился Магомет, сделало пустынную, редко населенную Аравию неисчерпаемым источником для укомплектования армий, которые одновременно вышли из нее на восток для покорения Персии, на север против Византии и на запад для завоевания Африки. Уже Магомет в 630 г. мог мобилизовать 30 тысяч воинов. Через четыре года, наступая в Персию 9—18-тысячной армией, сарацины одновременно развернули против Византии до 25—30 тысяч бойцов, что, при средневековом масштабе, давало большое численное превосходство. Через двадцать лет сарацины уже осаждали Константинополь и захватили Карфаген. К началу VIII века ислам достиг берегов Атлантического океана. Тесня Византию и Запад, ислам одновременно проник с оружием в руках, по следам Александра Македонского, на Восток—в Туркестан и Индию.

Магометанское рыцарство. Так как ислам представлял упорядоченный политический организм, то его завоевания были менее катастрофичны для хода хозяйственной жизни, чем захват власти варварскими германскими племенами; хозяйство стран, завоеванных исламом, скоро восстанавливалось, налаживалось известное денежное обращение, получалась возможность взимать налоги, чтобы содержать на них победителей. Поэтому расселение на лены сарацин в завоеванной ими территории имело лишь частичный характер—одновременно создавались крупные военные колонии. Это сосредоточение победителей и та грань, которая проходила между магометанами-победителями и побежденными немагометанами, позволяли сарацинам сравнительно долго сохранять изначальную воинственность бедуинов-кочевников. Но уже к началу IX столетия тот порыв энтузиазма, с которым сарацины приступили к всемирному завоеванию, остыл. Византия на Востоке, норманны в Южной Италии и Сицилии, франки на Западе дали отпор и перешли в наступление. Светская и духовная власть заключают в себе внутреннее противоречие; сила ислама заключалась в их соединении, но оно же сделало ислам неспособным к дальнейшему развитию, к прогрессу и со временем начало действовать разлагающе.

За оговоркой о большей дисциплинированности и большем признании авторитета командования, турки и сарацины, боровшиеся в Сирии и Палестине с ополчениями крестовых походов, были такими же рыцарями, каких высылал Запад. Когда рыцари во время осад устраивали в своем стане турниры, на них иногда являлись и лучшие бойцы из магометанского лагеря, что свидетельствует, что в воору-

жении тяжело вооруженных всадников Запада и Востока разница была не слишком велика. Не чужда сарацинам была и рыцарская этика. В бою при Яффе, в 1192 г., Ричард Львиное Сердце поспешил в бой и оказался без лошади; командовавший сарацинами Сейфедин, сын знаменитого Саладина, поспешил послать Ричарду подарок— двух боевых коней. В том же году Ричард ударом меча возвел в рыцарское достоинство сына Сейфедина. Христиане и мусульмане вступали между собой в ленные отношения. Как курьез, можно отметить присутствие многочисленных сарацинских наемников в армии, которая под руководством южно-итальянских норманнов защищала власть пап против Гогенштауфенов.

Тактика. Характерным для Востока является широкое развитие метательного боя, преимущественно конными лучниками. Управление стремилось использовать тот авторитет, который ислам давал ему в руки, чтобы, с одной стороны, ограничить индивидуальный бой и пресечь стремление к выходу из рядов, а с другой стороны, упорядочить ведение боя помощью расчленения на части армии [1]); восточные народы, как впрочем и другие при недостатке организации, имели стремление покончить с противником одним массовым нахрапом; если общий наскок не удавался сразу же, то наступал опаснейший кризис. Поэтому-то управление и обращало особенное внимание на расчленение армии— по десятичной системе, на эшелонирование ее в глубину, на воспитание тактики постепенно нарастающего натиска.

„Пророк любит побеждать к вечеру“—основная мысль сарацинских тактиков. Эта идея расчленения силы натиска в пространстве и времени, предоставления достаточного промежутка времени для развития метательного боя рельефно отмечена в красочных, по восточному, названиях частей боевого порядка в одном из первых же сражений, данных арабами (при Кадиссии, 636 г.): первая линия называлась „утро псового лая“, вторая—„день помощи“, третья— „вечер потрясения“. Значение, которое придавалось метательному бою, вело к стремлению развертываться на широком фронте для окрыления неприятеля и сосредоточенного, концентрического его обстрела.

Монголы. Широкая полоса степей и пустынь от Гоби до Сахары проходит по Азии и Африке, отделяя территории европейской цивилизации от Китая и Индии—очагов азиатской культуры. На этих степях отчасти и поныне сохра-

---

[1]) 61-я сура Корана „боевой порядок“— содержит следующее указание Магомета: „Бог любит тех, которые сражаются за свою религию в таком боевом порядке, как будто они образуют одну крепко сложенную постройку“. Jähns, Handbuch, стр. 490.

нился своеобразный экономический быт кочевников. Этот степной простор, с огромным масштабом операционных линий, с оригинальными формами труда, накладывает оригинальный азиатский отпечаток и на военное искусство. Наиболее типичными представителями азиатского метода ведения войны являлись монголы в XIII веке, когда их объединил один из величайших завоевателей—Чингиз-хан.

Монголы являлись типичными кочевниками; единственный труд, который они знали, это труд сторожа, пастуха бесчисленных стад, передвигавшихся на азиатском просторе с севера на юг и обратно, в зависимости от времен года. Богатства кочевника все при нем, все на яву: это главным образом, скот и небольшая ценная движимость (серебро, ковры, шелка), собранная в его юрте. Нет каких-либо стен, укреплений, дверей, заборов и запоров, которые защищали бы кочевника от нападения. Защита, и то только относительная, дается широким горизонтом, пустынностью окрестностей. Если и крестьяне, вследствие громоздкости продуктов своего труда и невозможности их утаить, всегда тяготеют к твердой власти, которая одна может создать достаточно обеспеченные условия для их труда, то кочевники, у которых все имущество так легко может переменить хозяина, являются особенно благоприятным элементом для деспотической формы концентрации власти.

Общая воинская повинность, выступающая, как необходимость, при высоком экономическом развитии государства, является такой же необходимостью на младенческих ступенях организации труда. Кочевой народ, в котором каждый способный носить оружие не был бы готов немедленно отстаивать с оружием в руках свое стадо, не мог бы существовать. Чингиз-хан, чтобы иметь в каждом взрослом монголе бойца, запретил даже монголам брать себе в слуги других монголов.

Эти кочевники, природные наездники, воспитанные в преклонении перед авторитетом вождя, весьма искусные в малой войне, с вошедшей в их нравы общей воинской повинностью, представляли прекрасный материал для создания, в период средневековья, превосходной по числу и дисциплине армии. Это превосходство становилось явным, когда во главе оказывались гениальные организаторы—Чингиз-хан или Тамерлан.

Техника и организация. Как Магомет успел спаять в одно целое в исламе городских купцов и бедуинов пустыни, так и великие организаторы монголов умели сочетать природные качества пастуха-кочевника со всем тем, что могла дать военному искусству городская культура того времени. Натиск арабов отбросил в глубь Азии многие культурные элементы. Эти элементы, а равно и все, что могли

дать китайская наука и техника [1]), были приобщены Чингиз-ханом к монгольскому военному искусству. В штабе Чингиз-хана были китайские ученые; в народе и армии насаждалась письменность. Покровительство, которое Чингиз-хан оказывал торговле, достигало такой ступени, которая свидетельствует, если не о значении в эту эпоху буржуазного городского элемента, то о ясном стремлении к развитию и созданию такового. Чингиз-хан уделял огромное внимание созданию безопасных торговых магистральных путей, распределил по ним особые военные отряды, организовал на каждом переходе гостинницы-этапы, устроил почту; вопросы правосудия и энергичной борьбы с грабителями были на первом месте. При взятии городов ремесленные мастера и художники (интеллигенция?) изымались из общего избиения и переселялись во вновь создаваемые центры.

Армия организовывалась по десятичной системе. На подбор начальников обращалось особое внимание. Авторитет начальника поддерживался такими мерами, как отдельная палатка командующему десятком (отделькому), повышение ему жалованья в 10 раз против рядового бойца, создание в его распоряжении резерва лошадей и оружия для его подчиненных; в случае бунта против поставленного начальника—даже не римское децимирование, а поголовное уничтожение взбунтовавшихся.

Твердая дисциплина позволила требовать в нужных случаях исполнения обширных фортификационных работ. Вблизи неприятеля армия на ночь укрепляла свой бивак. Сторожевая служба была организована превосходно и основывалась на выделении—иногда на несколько сот верст вперед—сторожевых конных отрядов и на частом патрулировании—днем и ночью—всех окрестностей.

Осадное искусство показывает, что в момент своего расцвета монголы находились с техникой в совершенно иных отношениях, чем впоследствии, когда крымские татары чувствовали себя бессильными против любого деревянного московского острожка и пугались „огненного боя“. Фашины, подкопы, подземные хода, заваливание рвов, устройство пологих всходов на крепкие стены, земляные мешки, греческий огонь, мосты, устройство плотин, наводнений, применение стенобитных машин, пороха для взрывов—все это было хорошо знакомо монголам. При осаде Чернигова русский летописец с удивлением отмечает, что катапульты монголов метали на несколько сот шагов камни, которые 4 человека еле могли поднять,—т.-е. весом свыше 10 пудов. Такого стенобитного эффекта европейская артилле-

---

[1]) Китай уже в XI веке знал книгопечатание.

рия добилась лишь к началу XVI века. И камни эти доставлялись откуда-то издали. При действиях в Венгрии мы встречаем у монголов батарею из 7 катапульт, которая работала в маневренной войне, при форсировании переправы через реку. Многие крепкие города в Средней Азии и России, которые, по средневековым понятиям, могли бы быть взяты только голодом, брались монголами штурмом после 5 дней осадных работ.

Стратегия монголов. Большое тактическое превосходство делает войну легким и доходным делом. Еще Александр Македонский нанес персам окончательный удар преимущественно за счет тех средств, которые дало ему завоевание богатого малоазиатского побережья. Отец Ганнибала завоевывал Испанию, чтобы получить средства для борьбы с Римом. Юлий Цезарь, захватывая Галлию, изрек—война должна питать войну; и, действительно, богатства Галлии не только позволили ему завоевать эту страну, не отягощая бюджета Рима, но и создали ему материальную базу для последующей гражданской войны.

Этот взгляд на войну, как на доходное дело, как на расширение базиса, как на накопление сил, в Азии являлся уже основой стратегии. Китайский средневековый писатель указывает, как на главный признак, определяющий хорошего полководца, умение содержать армию за счет противника. Тогда как европейская стратегическая мысль, в лице Бюлова и Клаузевица, исходя из необходимости преодоления отпора, из большой обороноспособности соседей, пришла к мысли о базисе, питающем войну с тыла, о кульминационной точке, пределе всякого наступления, об ослабляющей силе размаха наступления, азиатская стратегия видела в пространственной длительности наступления элемент силы. Чем больше продвигался в Азии наступающий, тем больше захватывал он стад и всяких движимых богатств; при низкой обороноспособности, потери наступающего от встречаемого отпора были меньше, чем наростание силы наступающей армии от втягиваемых, кооптируемых ею местных элементов. Военные элементы соседей наполовину уничтожались, а наполовину ставились в ряды наступающего и быстро ассимилировались с создавшимся положением. Азиатское наступление представляло снежную лавину, все нараставшую с каждым шагом движения. В армии Батыя, внука Чингиз-хана, завоевавшей в XIII веке Россию, процент монголов был ничтожен—вероятно, не превышал пяти; процент бойцов из племен, завоеванных Чингизом за десяток лет до нашествия, вероятно, не превышал тридцати. Около двух третей представляли тюркские племена, на которые нашествие непосредственно перед тем обрушилось к востоку от Волги и обломки коих понесло

с собой. Точно также в дальнейшем и русские дружины составляли заметную часть ополчения Золотой Орды [1]).

Азиатская стратегия, при огромном масштабе расстояний, в эпоху господства преимущественно вьючного транспорта была не в силах организовать правильный подвоз с тыла; идея о переносе базирования на области, лежавшие впереди, лишь отрывочно мелькающая в европейской стратегии, являлась основной для Чингиз-хана. База впереди может быть создана лишь путем политического разложения неприятеля; широкое использование средств, находящихся за фронтом неприятеля, возможно лишь в том случае, если мы найдем себе в его тылу единомышленников. Отсюда азиатская стратегия требовала дальновидной и коварной политики; все средства были хороши для обеспечения военного успеха. Войне предшествовала обширная политическая разведка; не скупились ни на подкуп, ни на обещания; все возможности противопоставления одних династических интересов другим, одних групп против других использовались. Повидимому, крупный поход предпринимался только тогда, когда появлялось убеждение в наличии глубоких трещин в государственном организме соседа.

Необходимость довольствовать армию небольшим запасом продовольствия, который можно было захватить с собой, и преимущественно местными средствами, налагала определенный отпечаток на монгольскую стратегию. Своих лошадей монголы могли кормить только подножным кормом. Чем беднее был последний, тем быстрее и на более широком фронте надо было стремиться поглотить пространство. Все глубокие знания, которыми обладают кочевники о временах года, когда под различными широтами трава достигает наибольшей питательности, об относительном богатстве травой и водой различных направлений, должны были быть использованы монгольской стратегией, чтобы сделать возможным эти движения масс, включавших, несомненно, свыше ста тысяч коней. Иные остановки операций прямо диктовались необходимостью нагулять тела ослабевшего, после прохождения голодного района, конского состава. Концентрация сил на короткое время на поле сражения являлась невозможной, если пункт столкновения оказался бы расположенным в бедной средствами местности. Разведка местных средств являлась обязательной перед каждым походом. Преодоление пространства большими массами даже в собственных пределах тре-

---

[1]) Однако, прирост сил от крестьянского населения к западу от средней Волги был, повидимому, недостаточен, чтобы питать дальнейшее наступление на запад.

бовало тщательной подготовки. Нужно было выдвинуть передовые отряды, которые охраняли бы на намеченном направлении подножный корм и отгоняли с него непринимающих участия в походе кочевников. Тамерлан, намечая вторжение в Китай с запада, за 8 лет до похода подготовляет себе на границе с ним, в городе Ашире, этап: туда были высланы несколько тысяч семейств с 40 тысячами лошадей; были расширены запашки, город укреплен, в нем начали собираться обширные продовольственные запасы. В течение самого похода Тамерлан направлял за армией посевное зерно; урожай на впервые возделанных в тылу полях должен был облегчать возвращение армии с похода.

Тактика монголов весьма напоминает тактику арабов. То же развитие метательного боя, то же стремление к расчленению боевого порядка на отдельные части, к ведению боя из глубины. В больших сражениях наблюдается отчетливое разделение на три линии; но и каждая линия расчленялась, и, таким образом, теоретическое требование Тамерлана—иметь в глубину 9 эшелонов—может быть и недалеко ушло от практики [1]). На поле сражения монголы стремились к окружению неприятеля, чтобы дать решительный перевес метательному оружию. Это окружение легко получалось из широкого походного движения; ширина последнего позволяла монголам распускать преувеличенные слухи о многочисленности наступающей армии.

Конница монголов делилась на тяжелую и легкую. Легконные бойцы назывались казаками. Последние весьма успешно сражались и в пешем строю. У Тамерлана имелась и пехота; пехотинцы принадлежали к числу наилучше оплачиваемых солдат и играли существенную роль при осадах, а также при борьбе в горной местности. При прохождении обширных пространств пехота временно сажалась на коней.

Поход Тамерлана на Золотую Орду. Чингиз-хан (1161 – 1227 г.г.) завоевал Китай и Хорезм—современный Туркестан. Его внук Батый завоевал Россию (1237—1240 г.г.) и опустошил Польшу, Силезию, Моравию и Венгрию. Не сила европейского феодализма вынудила его уйти за Волгу, а необходимость принятия участия в спорах о престолонаследии среди других потомков Чингиз-хана. Тамерлан (1333—

[1]) Необходимо чрезвычайно осторожно относиться к тактическим данным, заключающимся в средневековых источниках. Еще в XVII веке европейские писатели рассуждали о построениях в круг, даже конницы, или о построении пехоты в виде звезды или очень сложного креста. Несомненно, в действительности такие построения существовать не могли. Но удивительно, что те же фантазии мы встречаем и в трудах китайских военных писателей средневековья. Элемент заимствования, списывания, чувствуется на всем пространстве между Атлантическим и Великим океаном. Однако, изучение этого взаимодействия еще дело будущего.

1405 г.г.) был одним из феодалов Джагатайского ханства, охватывавшего Западную Сибирь и Туркестан. Это ханство являлось одним из четырех царств, на которые разбились завоевания Чингиз-хана. Тамерлан был ревностный магометанин, в противоположность Чингиз-хану, безразличному к религиозным вопросам и всюду стремившемуся подкупить различными льготами духовенство всех толков. Та-

Поход Тамерлана в 1391 г.

Чертеж № 12.

мерлан столкнулся с господствовавшими в Джагатайском ханстве язычниками-узбеками и вынужден был скрываться в степях; около него собралась кучка недовольных, с которыми он начал борьбу против режима узбеков, своей политикой вызвавших неудовольствие масс. Прежде чем стать вождем стотысячной армии, Тамерлан прошел тяжелую школу бунтовщика-боевика, с командой от 7 до 60 отчаянных наездников. К 35 году своей жизни Тамерлан отвоевал себе территорию между р.р. Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей и устроил свою столицу в Самарканде. В дальней-

шем, округляя свои владения, он завоевал весь Туркестан, Персию, совершил большие походы в Индию, Сирию и Турцию. Успех всегда ему благоприятствовал.

В 1383 г., во время похода в Южную Персию, Тамерлан получил по почте донесение о том, что основному ядру его владений грозит набег Золотой Орды, которая достигла уже Бухары и которой оказывают помощь Хорезм (Хива) и узбеки (со стороны Ташкента). Тамерлан вернулся с армией к тому моменту, когда его враги уже успели отойти. Тамерлан твердо решил наказать Золотую Орду за этот набег. Но Золотая Орда имела центр тяжести своих кочевок где-то около Самары и была отделена от Тамерлана пустынными степями, протягивавшимися на 2.500 верст. Поход против нее требовал тщательной подготовки, на которую пошло 7 лет. Он должен был затянуться на много месяцев, и на это время надо было надежно обеспечить свою общую базу. Тамерлан нанес несколько поражений авангардам Золотой Орды в окрестностях Аральского моря, справился с Хорезмом, в 1389 г. на три четверти уничтожил узбеков, прогнал остатки их за р. Иртыш. Одновременно была начата работа по разложению Золотой Орды и по установлению связи со всеми ее элементами, недовольными Тохтамышем. В своей империи Тамерлан вел внутреннюю подготовку к войне; феодалы были созваны на великий курултай и соответственным образом обработаны. В январе 1391 года армия — вероятно, свыше 100 тысяч конницы — была собрана в окрестностях Ташкента, и война была объявлена.

Кратчайшие пути из Ташкента к Самаре направляются по обе стороны Аральского моря. Однако, движение армии Тамерлана по такому направлению привело бы к движению по степи с очень тощей растительностью и малым количеством воды, проходимой вообще лишь в течение ранней весны; и непосредственно после выхода из пустыни, на истощенных лошадях, пришлось бы столкнуться с главными силами Золотой Орды. Сверх того, такое направление наступления, в случае успеха, привело бы к оттеснению Золотой Орды в леса Московии, где татары со своими богатствами могли бы временно скрыться от скорой расправы Тамерлана, который не мог надолго задержаться в Европе. Поэтому Тамерлан избрал для похода направление более кружное; он совершил лишнюю тысячу верст, уклонясь на север в Западную Сибирь, к верховьям р.р. Ишима и Тобола, пересек Голодную степь вдали от неприятеля, после чего дал небольшой отдых; после четырех месяцев похода (переходы около 20 верст) Тамерлан подошел к р. Уралу и в конце мая переправился через нее выше современного Оренбурга. Здесь уже собирались силы Золотой Орды:

Обойдя их с севера стремительным маршем, Тамерлан перешел к параллельному преследованию (35 верст в сутки) и 18 июня принудил Тохтамыша вступить в бой на р. Кондурге, в недалеком расстоянии от Самары. При многочисленности обоих монгольских противников, широком употреблении метательного оружия и ведении боя из глубины, сражение затянулось на 3 дня. Решающее значение получила измена части Золотой Орды, подготовленная долголетней работой Тамерлана. Преследование продолжалось до берегов Волги, на протяжении 200 верст.

После разграбления Золотой Орды, армия Тамерлана двинулась обратно. Сам Тамерлан прибыл в Самарканд в конце октября того же года, его же армия, обремененная огромной добычей, подошла лишь зимой и весной следующего года [1]).

Турки. Османы представляли вначале дружину крупного кондотьера Османа, составленную из удальцов всех национальностей. Основанное ими государство, объединившее часть тюркских племен, было потрясено до основания ударом Тамерлана, разбившего на голову под Ангорой в 1402 году султана Баязета. Однако, османские турки успели оправиться и создали единственную прочную азиатскую государственность. Уже через полустолетие после Ангорского поражения они овладели Константинополем; тыл Турции со стороны Азии был обеспечен тем разгромом, который постиг Восток в результате полководческих талантов Чингиз-хана и Тамерлана.

От арабов османские турки заимствовали выделение части завоеванных областей, налоги с которой шли непосредственно на содержание военной касты. Но параллельно с этим, последняя, сипаи, за выделением „сипаев Порты“—лейб-гвардии султана, жившей при его дворе—была наделена ленами [2]).

Все лены не представляли частной собственности отдельного воина, не передавались по наследству, а составляли как бы коммунальную собственность военной касты. Сын крупного начальника начинал с маленького лена, но по мере того, как продвигался по службе, менял лены на более значительные. Это обстоятельство значительно увеличивало власть султана, ослабляло противодействие лен-

---

[1]) Для изучения военного искусства монголов до сих пор лучшим трудом является книга *М. И. Иванина:* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. С.-Петербург. 1875 г., стр. 252. Особенно ценно, что его автор являлся большим знатоком киргизских степей и быта кочевников. Читатель должен, однако, считаться с целым рядом наивностей в изложении, так как автор не всегда достаточно критически подходит к источникам.

[2]) Лен—тимар; ленник—тимарли.

ников на местах бюрократии, проводившей распоряжения центра, предохраняло воина от погружения в тину местных интересов, но представляло, разумеется, тормоз для экономического преуспеяния ленного хозяйства и, в общем, не сделало ополчение ленников ни быстрым на подъем, ни особенно боеспособным. Когда воинственная дружина Османа переродилась в поселенное войско, турки оказались обязанными дальнейшими успехами новому институту—янычарам—опыту возрождения античной, постоянной, сплоченной пехоты, которой не знало средневековье.

Янычары. Первая османская пехота—пиаде—содержалась на отводимые ей лены и так скоро потеряла всякую боеспособность, что обратилась во вспомогательную часть для починки дорог и наводки мостов [1]),—вместо нее были созданы „новые войска“ – янычары. В основу их организации легли две мысли: государство должно взять на себя все снабжение янычар, чтобы помешать потере воинских качеств, неизбежно связанной с поселенным бытом; вторая мысль заключалась в том, чтобы создать постоянного, профессионального воина, объединенного в религиозное братство, на подобие рыцарских орденов Запада.

Создание корпуса янычар явилось возможным вследствие накопления во власти султанов значительных запасов. Сознание значения снабженческого вопроса видно во всей организации янычар. Низшей ячейкой в организации являлось отделение — 10 человек, объединенных общим котлом и общей вьючной лошадью. 8—12 отделений образовали оду, имевшую большой ротный котел. Командир оды (роты) назывался чорбаджи-баши, т.-е. раздатчиком супа; другие офицеры имели титул „главный повар“ (ашдши-баши) и „водонос“ (сака-баши). Название роты—ода—обозначает общую казарму — спальню; рота иначе называлась „орта“, т.-е. стадо. По пятницам ротный котел посылался на кухню султана [2]), где для воинов Аллаха приготовлялся пилав. Вместо кокарды, янычары втыкали спереди в свою белую войлочную шапку деревянную ложку. В позднейший период разложения митинги происходили вокруг войсковой святыни — ротного котла, и отказ янычар вкусить приведенный из дворца пилав являлся опаснейшей революционной приметой—демонстрацией.

Такова была экономическая база строительства первой постоянной пехоты. Но организация янычар покоилась не исключительно на поклонении мамоне. Забота о воспитании духа была вверена ордену дервишей (мусульманских мо-

---

[1]) От пиаде происходит и слово пионер (сапер).

[2]) Султан происходит от корня „твердый“ и имеет приблизительное значение императора.

нахов) „бекташи“. Мальчик, чаще всего христианин, насильно оторванный от родительского дома, поступал в институт „неопытных мальчиков“ (адшмен оглан) и здесь развивался физически и воспитывался духовно. Заставить забыть дом, родину, семью, внушить необузданный магометанский фанатизм и преданность султану являлось целью этого воспитания. Янычар не имел права жениться, был обязан каждую ночь спать в казарме, молча исполнять всякое распоряжение старшего, а в случае наложения на него дисциплинарного взыскания, должен был, в знак покорности, поцеловать руку наложившего взыскание. Казарма уподоблялась монастырю. Дервиш „бекташи“—единственный просветитель и проповедник янычар; он нес на себе и обязанности по увеселению воинов Аллаха—пением и шутовством. Янычар не знал ничего, кроме двора султана: приказ султана для него был священен; у него не было других занятий, кроме военного ремесла, других надежд, как на награду солдата—добычу, да после смерти на тот рай, вход в который открывала борьба за ислам.

Главное вооружение янычар — лук, во владении коим они достигали большого совершенства. Но сплоченность, которую придавала янычарам их организация, достигала такой степени, что лучники представляли уже линейную пехоту; янычары быстро сооружали легкие препятствия и смело встречали за ними самый беззаветный порыв рыцарской конницы (сражение под Никополем 1396 г.). В лице янычар почти возродилась сплоченная тактическая единица древнего мира; однако, вооружение и тактика янычар не отвечали требованиям наступления в открытом поле; образуя ядро, устой боевого порядка, они предоставляли активные действия выскакивавшей из-за флангов турецкой коннице—рыцарям, сипаям.

Основанные в 1330 году янычары первоначально представляли 66 рот. В XV веке число рот достигало 100—200: численность их колебалась от 3 до 12 тысяч.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Наемные армии.

Бессилие феодальных ополчений. Кондотьеры. Демобилизация. Ротная война. Ордонансовые роты. Сломанные копья. Вольные стрелки. Ландскнехты. Испанская пехота. Караколе. Сражение при Равенне. Стратегия ограниченных целей. Литература.

Бессилие феодальных ополчений. С начала XV века в правящих верхах, наблюдавших успехи швейцарцев, создалось убеждение в бессилии феодального ополчения—сеньора с его свитой—в борьбе против вооруженной силы, сложившейся по швейцарскому образцу. Повсюду предпринимались опыты военной реформы. Появлявшиеся издания латинских и греческих авторов, посвященные военной истории и военному искусству, привлекали внимание всех вдумчивых правителей. Карл Смелый, герцог Бургундский, который вел войну с швейцарцами, был усерднейшим почитателем Ганнибала и возил с собой в поход посвященные Ганнибалу труды. Инструкции Карла Смелого носят отпечаток почти современной тактической мысли. Однако, Карл Смелый работал по устройству вооруженной силы из феодальных элементов, которые не поддавались переделке на регулярный лад. Основой его армии попрежнему было копье из латника и его свиты различных родов оружия. Несмотря на значительные усовершенствования в технике, на повышение дисциплины, на прекрасную артиллерию, в решительных боях Карл Смелый терпел от швейцарцев крупные поражения. Скептическое отношение военной среды, верной рутине, к учености Карла и его реформам вылилось в восклицание придворного шута в момент бегства разбитой под Грансоном армии: „вот мы и доганнибалились“. Этот скептицизм по отношению к военному образованию будет часто встречаться нам и на протяжении новой истории. Но условия эпохи возрождения и реформации благоприятствовали дальнейшему изучению военного искусства классической древности, а успехи швейцарцев делали военную реформу насущно необходимой.

Сознание бессилия феодальных ополчений заставило перенести центр тяжести организации вооруженных сил на

наемников. Однако, пользование наемными войсками представляло крупные неудобства. Меньше всего последние ощущались в Англии, которая вела войны за морем и которую поэтому не затрагивал весьма неприятный вопрос о демобилизации навербованных банд: последние оставались на территории Франции. Английские наемники не могли сложиться в политическую лигу.

Кондотьеры. Иначе было в Италии. Сначала в борьбе с Гогенштауфенами за самостоятельность, затем в бесконечной борьбе между собой и вооруженной борьбе партий внутри городов, при неудовлетворительности городских милиций, итальянские города все шире обращались к наемникам. Последние, сделав из войны ремесло, переходя со службы одному политическому центру на службу другому, совершенно деклассировались и сложились в особые организации, получившие огромный политический вес. Во главе стоял кондотьер, т.-е. предводитель, который набирал отряд, и, как антрепренер, искал с ним наиболее выгодной службы. Обострение гражданской войны создавало многочисленных политических эмигрантов, которые комплектовали ряды наемников. Власть кондотьеров над шайками этих изгнанников или искателей приключений с течением времени росла — шайка из товарищеской организации обращалась в отряд, преимущественно конный, содержимый и во всем зависимый от его начальника. Создалось положение, напоминавшее германских князей с их отрядами на службе разлагавшейся Римской империи, в обоих случаях приведшее к захвату власти предводителями профессиональных воинов.

Армии кондотьеров безусловно доказали свое превосходство над феодальными ополчениями. Вилани, описывая столкновение наемников с неаполитанским рыцарством еще в 1349 г., утверждает, что не было даже боя, а происходила просто ловля баронов и богатых рыцарей, за которых можно было получить хороший выкуп. Армии кондотьеров оставались по преимуществу конными и маленькими, так как каждый лишний человек был обузой для кондотьера; его приходилось не только довольствовать, но и выделять ему его долю из добычи.

Господство кондотьеров—XIV и XV века—представляет эпоху расцвета ренессанса. Многие кондотьеры, сделавшиеся оседлыми тиранами крупных городов, явились покровителями возрождения наук и искусств. В военном отношении необходимо отметить крупный толчок вперед: воскрешаются античные идеи в тактике и стратегии, нарождается обширная военная литература; вместо бесформенного протокола средневековой хроники создается связное, правда, не лишенное тенденции, военно-историческое повествование.

Возрождается военная наука: из первой военной школы Альберико Барбиано, по выражению современника, герои выскакивали, как из троянского коня.

На кондотьеров жестоко нападали итальянские патриоты, с гениальнейшим Макиавелли во главе. В наемных войсках, не одушевляемых гражданским чувством, они видели гибель Италии, раздробление, узурпацию тиранами власти в свободных республиках; патриоты тяготели к идеалу римской милиции. Кондотьеров обвиняли в том, что они „живодеры". Таким живодером был, например, немец герцог Вернер фон Урслинген (Гварнерио), избравший себе девиз: „враг Бога, сострадания и милосердия". У итальянских кондотьеров, однако, часто встречается оригинальная христианско-патриотическая идеология. Если и между ними были крутые люди (знаменитая фамилия Сфорца—означает насилователь), то условия войны и отношения хозяев, нанимавших кондотьеров, к ним объясняют это. Когда папа Сикст IV узнал, что нанятый им кондотьер Роберт Малатеста одержал полную победу, он распорядился его умертвить.

Такие отношения, конечно, вызывали во время операций у кондотьера мысль—не только разбить противника, но и охранить интересы свои и армии со стороны нанявшей их власти. Макиавелли и другие патриоты обвиняли кондотьеров в том, что они, чтобы не остаться без работы, затягивали войну, как недобросовестный адвокат затягивает судебный процесс, что они стремились к фокусничеству, что бои их между собой оставались бескровными, а победы имели призрачный характер. Несомненно, известное стремление к виртуозности, к искусству для искусства, характерно для кондотьеров. Но у них же народилась осмысленная операция, осмысленная тактика вместо анархической тактики и стратегии средневековья; они обращали особое внимание на правильное снабжение армии, так как солдат служил только хорошо обеспечивающему его кондотьеру,—а когда возникала опасность для самого кондотьера, как это было, когда флорентинцы двинулись против Кастручио Катракани, кондотьеры умели вести очень кровопролитный бой.

Несмотря на печальную память разорения и раздробления, оставленную кондотьерами, сравнивая их армии, с точки зрения военного искусства, с феодальным ополчением, мы должны признать их шагом вперед.

Демобилизация. Но наемничество должно было быть организовано государством, а не находиться в руках частных лиц или представлять вольные коллективы. Ужас наемничества состоял в том, что, когда война оканчивалась, деклассированный наемник, если он не был рыцарем-помещиком, не находил себе места. С приобретенными на войне навыками крестьянин уже не годился быть крепостным; в го-

роде на демобилизованного смотрели с опаской. Демобилизация представляла непреодолимые трудности. Главный рынок наемничества представляла Фландрия (особенно Брабант, откуда брабансоны), так как в этом углу Европы было удобно вербовать и Германии, и Франции, и Англии. Уже в 1171 г. между Фридрихом Барбаросса и французским королем Людовиком VII было заключено взаимное обязательство— не терпеть в своих государствах „бесславных людей, брабансонами или которелями называемых". Ни один их вассал не должен был допускать, чтобы такой человек (т.-е. бывший наемник) женился на их земле или поступил на постоянную службу. За предоставление работы и угла демобилизованному епископ отлучал от церкви, а соседи силой принуждали выгнать демобилизованного. Через 8 лет Латеранский собор грозил сильнейшими карами против наемников всех категорий и национальностей, а в 1215 г. Великая Хартия Вольности вовсе запрещала наемничество.

Ротная война. В этих условиях вызываемые к существованию каждой войной наемники поневоле, как люди, которых демобилизация ставила вне закона, складывались в тесно сплоченные товарищества, в компании [1]). В особенно трудном положении оказывалась Франция в перерывы Столетней войны; чтобы дать отпор английским наемным войскам, французы были вынуждены завести и у себя многочисленные наемные части; во время перерыва войны на территории Франции оказывались поставленные вне закона, но крепко сплоченные, английские и французские компании, которые обращались как бы в акционерные общества (предводимая протопопом Арно-де-Серволь банда так и звалась — „общество для достижения прибыли"), которые делили между собой страну и грабили каждая свой участок. В 1362 году, когда против них было мобилизовано феодальное ополчение, компании собрались близ Лиона в числе до 15 тыс. бойцов и в сражении при Бринье наголову разбили графа Танервиля с ополчением Бургундии, Шалона и Лиона. Разбойничьи компании показали себя на высшей, по сравнению с феодалами, ступени военного искусства: королевские силы были окружены, потеснены, и бой решил удар во фланг: банды лезли тесно сплоченными рядами, „как щетка" [2]). При невозможности справиться с шайками наемников оружием, единственным средством избавиться от них был призыв их на новую войну—заманить их в крестовый поход против турок или отправить

---

[1]) Это слово, сделавшееся на Западе наименованием роты, происходит от латинских слов хлеб и товарищ и означает собственно сотрапезники.

[2]) „Ротная война" интересно освещена в статье профессора Ковиль, посвященной знаменитому предводителю банд Арно-де-Серволь. L'armée à travers les âges, т. II, стр. 45—81.

в Испанию поддерживать претендента на королевский престол.

Ордонансовые роты. К концу Столетней войны мучения, которые терпел французский народ от безработных наемников, достигли максимума. Естественно, во Франции были предприняты первые шаги к военной реформе. Гениальный государственный деятель, представитель только что начинавшей оперяться буржуазии, Жак Кер, в 1439 году на заседании генеральных штатов в Орлеане предложил и провел следующую меру: лучшую половину грабящих банд взять на жалованье, обратить в постоянные войска и с ее помощью уничтожить другую, наиболее распущенную и преступную. Но средневековый строй не знал постоянных войск, кроме нескольких телохранителей государя; у средневекового государства, не собиравшего налогов, не было средств для содержания постоянной армии. Жак Кер, предлагая предоставить королю право содержать постоянную армию и право собирать с населения налоги [1]) на ее содержание, наносил средневековому строю сильнейший удар и закладывал фундамент новых веков, а с ними—абсолютизма королевской власти. Страх перед наемниками заставил согласиться с Жаком Кером; в 1445 году появились ордонансы, которыми узаконивалось существование 15 компаний. Эти 15 ордонансовых (т.-е. существующих по королевскому приказу) рот получили организацию, отвечающую средневековой тактике; каждая рота состояла из 100 копий, по 4 бойца и 2 слуг в каждом (конные и пешие вместе); стоявший во главе роты прежний бандитский капитан (голова) стал называться королевским капитаном. Каждая провинция, в которой квартировала ордонансовая рота, должна была снабжать ее продовольствием. На каждое копье полагалось ежемесячно 2 барана и половина туши рогатого скота; раз в год—4 свиньи. Кроме того, каждый едок в копье получал в год 2 боченка вина и $11^1/_2$ вьюков зерна; на каждую лошадь полагалось в год 4 воза сена и 12 вьюков овса; на приварок и освещение каждый едок получал от провинции 20 ливров в месяц.

Наемничество являлось высшей ступенью по сравнению с феодальной милицией; но из внутренних противоречий наемничества, мобилизуемого только на войну, родилась первая постоянная армия в 9 тысяч солдат. И первой задачей постоянной армии, родившейся с наступлением мира, явился внутренний фронт: враг не внешний, а внутренний. Ордонансовые роты—только начальная стадия института

---

[1]) Первый налог был установлен только на 1 год в размере 1.200.000 ливров. В дальнейшем Карл VII повысил своей властью налог до 1.800.000 ливров.

постоянной армии; полное развитие он получил лишь двести лет спустя, в XVII веке, когда экономика Европы поднялась на высшую ступень.

Сломанные копья. Тогда как конные ордонансовые роты являлись постоянной существующей частью, вся пехота продолжала наниматься только на случай войны, так как для содержания хотя бы кадров пехоты в мирное время государство еще не имело средств. Конная часть называлась поэтому в конце XV столетия „ординариями", а пехота—„экстраординариями".

Пользоваться бандами французских авантюрьеров было очень трудно, вследствие недисциплинированности их, наклонности к бунту и грабежу. Командование бандами поручалось наиболее известным, популярным, авторитетным и опытным рыцарям: так, например, командование 1000 авантюрьеров было поручено Баярду — „рыцарю без страха и упрека"; последний скромно заявил, что командовать таким тысячным отрядом превышает его силы, и просил оставить его во главе только 500 авантюрьеров. Людовик XII в начале XVI столетия сделал попытку социально усилить эту пехоту, назначив в каждую роту на службу, на двойное жалованье, по 12 бедных дворян. Это были так называемые „сломанные копья" „Lancia spezzada"—т.-е. обедневшие, обезлошадившиеся рыцари, уже не представлявшие настоящих копий.

Вольные стрелки. Весьма понятными являются попытки формирования национальной пехоты, по принципу милиции, в конце XV и начале XVI века. К этому толкало ознакомление с античными писателями, которые так преклонялись перед римской милицией. Этот опыт был проделан во Франции и в Италии, где душой его являлся Макиавелли. Однако, социальные предпосылки формирования милиции отсутствовали: вместо смычки города и деревни в последней господствовало крепостное право, понятие о римской дисциплине отсутствовало, государственность еще была слаба.

В 1448 г. французский король Карл VII издал указ, исходивший из гордого желания „не пользоваться услугами других, а только наших подданных" и требовавший, чтобы каждые 50 домохозяев-буржуа избрали из своей среды стрелка, который освобождался от всех налогов (вместо жалованья) и потому получал название вольного. Вольные стрелки должны были обзавестись оружием и упражняться в стрельбе из лука; недостаточным в обзаведении должны были помогать избравшие их домохозяева. Они сводились в роты под командой назначаемого королем капитана, который мог их изредка собирать для смотров и упражнений. Жалованье—4 франка в месяц—они начинали получать только при отправлении в поход.

При Людовике XI эта вооруженная сила, базировавшаяся на третьем сословии, получила дальнейшее развитие. Она являлась надежной опорой королевской власти в борьбе с феодалами. Людовик XI добивался поголовного вооружения способных носить оружие мужчин городского населения. Под страхом повешения за неявку, все парижане с оружием должны были выходить на устраиваемые королем смотры. На смотру в 1467 году современники насчитывали 80 тысяч человек, а в 1474 году—даже 100 тысяч. Однако, господствовавший класс—дворянство—ясно чувствовал направление против него острия этого метода строительства вооруженной силы. Вольные стрелки подвергались осмеянию, их называли стрелками по курам, вольными кротами и т. д. Примирение королевской власти с дворянством делало вольных стрелков нежелательным для самой монархии. Слабая боеспособность вольных стрелков проявилась в сражении при Гвинегате (1479 г.) против бургундской армии Максимилиана, состоявшей из наемников, действовавших уже по швейцарскому образцу. Последовавшее поражение привело к расформированию вольных стрелков.

Тяжелая борьба, которую Франциск I (1515—1547 г.г.) вел с огромной империей Карла V, неудача, понесенная им в Италии с наемной пехотой, вынудили его в 1534 г. еще раз попытаться организовать французскую национальную пехоту. Недостаток средств вновь вызвал к жизни милиционный тип пехоты. Поклонение античным образцам милиции Рима, еще слабо изученной, обусловило наименование формируемых частей гордым именем легиона. Всего было сформировано 7 легионов, общей численностью в 50 тысяч; каждый легион состоял из 6 банд; неудачный опыт с вольными стрелками заставил уделить соответственное внимание холодному оружию—банды состояли из 800 пикинеров и только 200 аркебузьеров.

По существу, это была чисто милиционная организация пехоты по приходам; фиктивная служба в легионе продолжительностью 4—5 месяцев освобождала крестьянина от налогов, заставляла помещиков смотреть на него с опаской, но не делала из крестьянина воина. Господствующий класс отнесся к крестьянским легионам еще более враждебно, чем к буржуазным вольным стрелкам. Венецианский посол при французском дворе—Джустиньяни—в 1537 г. доносил: „эти французские легионеры, которых так хвалили, совершенно не удались. Это не более, как выросшие в рабстве мужики, не умеющие владеть оружием. Перейдя сразу от полного рабства к свободе и распущенности на войне, они, как это обыкновенно бывает при таких резких переходах, не хотят слушаться своих начальников. Французские

дворяне поэтому жалуются Его Величеству, что, передав оружие в руки крестьян и освободив от несения прежней повинности, сделали их непослушными и упрямыми; а дворянство лишилось своих привилегий, и в скором времени крестьяне могут сделаться дворянами, а благородные—подлыми“ [1]).

История легионов убеждает нас, что эта пессимистическая характеристика легионов, отражающая классовую к ним ненависть, все же дает правильную оценку их способности к операциям. В 1536 г., во время похода в Савою, пришлось расформировать, за недостатком дисциплины и насилия над населением, легион Дофинэ. В 1542 г., после неудачи под Перпиньяном, легион Лангедока дезертировал в полном составе до последнего человека. В 1543 г. легионы Шампани и Нормандии, всего 10 тысяч, должны были защищать крепость Люксембург. Но так как неприятелю удалось задержать подвоз продовольствия, и пайки в крепости были уменьшены, то легионеры, не дожидаясь подхода неприятеля, дезертировали. Осталось только 300 человек, и крепость без боя попала в руки имперцев. То же повторилось в Булони в 1545 г.

Уже с 1544 г. легионы не включаются в полевые армии. Повинность населения по службе в легионе была заменена налогом, получившим наименование „жалованье 50 тысяч пехотинцев“. Легионы остались в качестве государственного ополчения на бумаге, а на собранные вместо них деньги правительство обратилось к найму, чтобы „создать храбрых воинов и доблестных начальников“. Французскую национальную пехоту оказалось возможным создать лишь веком позже, в казарменной обстановке постоянной армии.

Ландскнехты. Условия государственной жизни в Западной Европе в эпоху XVI, XVII и XVIII веков позволяли формировать удовлетворительную вооруженную силу только на условиях наемничества. Образец пехоты был дан швейцарцами, но подражать им было нелегко, так как у швейцарцев не было ни уставов, ни строевого учения. Техника выработки солдата в XVI веке оставалась неразработанной. Первый раз вне Швейцарии задача образования регулярной пехоты, сколоченной в тактические единицы, была решена в Германии императором Максимилианом. Постоянных частей еще слабые в экономическом отношении государства держать не могли. Солдат вербовали сегодня, а завтра выступали в поход. Литература XVI века не говорит ни слова об обучении и воспитании солдата. Уставы не обя-

---

[1]) Quarré de Verneuil. L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution. Paris. 1880 г., стр. 92—93. Louis Tuetey. Les officiers sous l'ancien régime, стр. 52—53.

зывали последнего к строевым занятиям. В этих условиях сплотить в несколько дней навербованных наемников можно было лишь при условии, чтобы это были настоящие профессионалы, не имеющие вне военного дела никаких национальных, политических или религиозных интересов. В таких профессионалов и выработались созданные Максимилианом ландскнехты. В первый раз ландскнехты выступили в борьбе Максимилиана с бургундскими городами (1482—1486 г.г.). Слово ландскнехт означало агента судебной власти, нечто среднее между жандармом и судебным приставом. Максимилиан, желая подчеркнуть, что он не ведет войну, а только усмиряет беспорядки, назвал вновь образованную пехоту ландскнехтами. В корпорации ландскнехтов слились в одно тактическое целое небогатое дворянство и рыцарство и авантюристы из числа горожан и крестьян.

Раздробление Германии, отсутствие понятия о германском отечестве способствовали появлению этих ремесленников войны. Ландскнехт-немец за деньги продавал свою кровь воюющему с немцами государству. Ландскнехт-протестант, если находил выгодным, поступал в ряды католической армии, стремившейся уничтожить реформацию в корне [1]). Отсутствие всяких других интересов, полное деклассирование, способствовало выработке корпоративного духа. Свирепые ландскнехты действовали так дружно, что хроники XVI века отразили ошибочное мнение о существовании ордена ландскнехтов. Швейцария была вся милитаризована. В иные годы до 9—10% швейцарцев отправлялись на заработки и нанимались в воюющие армии. В Германии можно было обосновать равную швейцарцам силу только на отборе небольшой части мужчин, тяготевших к военному делу. Число ландскнехтов, которых могла выставить многомиллионная Германия, редко превосходило 10—20 тысяч человек. Предшественники ландскнехтов—наемные пехотинцы XV века—носили презрительное название „беки“ (козлы) и не представляли тактического целого. Современная хроника гласила о них: „сопляк и преступник, опытный и неопытный, молодец и слуга, млад и стар—едва ли половина из них годна для боя“. Ландскнехты также начали свою военную карьеру не блестяще, но постепенно из них выработался первоклассный солдатский материал. Швейцарцы были учителями,

---

[1]) „Многие безбожными устами говорят, что хоть дьяволу из-за денег служить готовы. И что они солдаты служат за деньги, а не за веру, и молвят, вера здесь, вера там“. „Где большие проклинания и божбы, объядения и пьянства, блядства, зерни, своры, вражды и плясания, злых, бездельных и мерзких слов, и жен бесчестят и всякую неправду делают... И смеют говорить, что такие меры в военном обычае не грешны и ратным людям позволены, потому что они не чернецы в монастыре“. Учение о хитростях ратного строения пехотных людей, стр. 26—27.

ландскнехты—учениками. Ландскнехты стремились доказать, что и они не хуже швейцарцев. Учителя вначале обижали учеников и в бою, а когда они находились в составе одной армии, то при дележе добычи. В 1495 г. отмечается первый парад ландскнехтов в Милане. На этом параде выступило 6 тысяч ландскнехтов, построенных правильным квадратом. В 1499 г. швейцарцы еще раз разбили ландскнехтов, но заключили с Максимилианом мир без каких-либо выгод и приобретений. Из вождей ландскнехтов наибольшую известность получил Георг фон-Фрунсберг, „отец ландскнехтов", оставивший очень любопытный тактический труд. Если происходила задержка выдачи жалованья или поход складывался таким образом, что добыча, на которую рассчитывали ландскнехты, ускользала от них, происходили бунты [1]). В 1516 г. император Максимилиан едва не был убит взбунтовавшимися во время Миланского похода ландскнехтами. В 1527 г. ландскнехты успешно наступали на Рим. Папа признал себя побежденным и заключил перемирие. Ландскнехты, рассчитывавшие на богатую добычу в Риме, почувствовали себя обманутыми и взбунтовались; Фрунсберг, командовавший ими, был избит и уехал из армии, посоветовавши другому начальнику, конэтаблю Бурбону, вести ландскнехтов на Рим, так как они все равно пойдут туда и без начальства. Несмотря на перемирие, Рим был взят штурмом ландскнехтами и предан такому погрому, которого не производили и вандалы (Saco di Roma).

Устройство наемных войск было в общем следующее: государь или чаще лицо, взявшее на себя антрепризу формирования армии, поручало вербовку антрепренерам меньшего масштаба—известным среди ремесленников военного дела полковникам; последние выбирали 10—18 капитанов и поручали им формировать роты, до 400 человек в каждой. Над всеми этими ротами полковник учинял свой регимент [2]), свое правление. В ротах было очень небольшое количество офицеров. Лучшие солдаты получали двойное жалованье. Обычная норма солдатского жалованья—4 гульдена в месяц, капитан—40 гульденов, полковник—400 гульденов; кроме того, полковник и капитан имели право на казенный счет содержать драбантов, т.-е. телохранителей. Для расчета жалованья, месяц считался с 1-го числа до сражения.

---

[1]) „Не всегда башни или палаты деньгами насыпаны бывают. Первое, они от себя отгоняют всех высоких урядников, при которых жити и умерети они клятву свою дали. И избирают сами меж собой полковников и капитанов, и прапорщиков, и иных урядников... И который меж ими самый пущий преступник клятвы и вор и тот у них самый большой капитан. И поемлют грады и крепости... И тут ценят и наметы кладут на подданных сколько им возможно на несколько милий". Ibidem, стр. 50.

[2]) Регимент, т.-е. полк, филологически означает режим, правление.

С каждого боевого столкновения или штурма города считался новый месяц. Важнее жалованья для солдата часто была возможность пограбить. Добыча шла в раздел, за исключением пушек и пороха, которые полностью поступали в распоряжение капитана. Были попытки точнее регламентировать грабеж; курфюрст саксонский Иоганн Фридрих указывал, что в своей или нейтральной стране солдаты имеют право угонять лошадей, но не прочий крупный скот, имеют право забирать съестное, но без взлома замков в шкафах и сундуках.

Некоторые государи стремились отобрать у солдат выданное ему жалованье по системе, практикуемой ныне некоторыми фабриками при буржуазном строе по отношению к рабочим: организовывались лавочки, из которых солдаты искусно вынуждались забирать продукты по повышенной цене. Филипп Гессенский хвалился, что такая созданная им система приносила ему обратно половину выданных в жалованье денег.

Появился фельдфебель [1]), но он еще далеко не получил сурового облика римского центуриона. Для некоторого обеспечения против солдатских бунтов, завербованный наемник приводился к присяге. Присяга представляла и сохраняла до последних времен характер двойного договора между вербовщиком и наемником. Во избежание недоразумений, рекомендовалось приводить к присяге не большими толпами, а маленькими кучками или по-одиночке. Полковник составлял для своего регимента артикул, в котором излагались обязанности и права солдата. Идея этого артикула — прообраз будущих уставов — коренится еще в уставе гусситов, составленном Яном Жижкой. Наемник ознакомлялся с этим прообразом устава и клялся соблюдать его в точности. Основной смысл присяги весьма разнообразно составленных артикулов — обязать наемника не образовывать солдатского коллектива, профессионального союза для защиты своих интересов. Каждый солдат может жаловаться только за самого себя. Заявления должны делаться не толпой, а через выборных лучших солдат на двойном жалованьи [2]).

---

[1]) Фельдфебель происходит от корня Vebel—„ткацкий уток“. По филологическому происхождению фельдфебель означает лицо, которое бегает, суетится, наводит порядок, находится в движении.

[2]) В XVI веке у ландскнехтов часто имелся в роте „амбозат“, у других наемников „гемейндефебель“—нечто вроде выборного младшего офицера, который должен был защищать интересы солдат роты перед офицерами, быть солдатским „папашей“; ландскнехты клялись, в случае угрожающих амбозату недоразумений, стоять всем за него, как один. В воен. литературе с начала XVII века настойчиво высказывалась мысль о вреде института амбозатов, этих готовых адвокатов солдатского бунта; к началу XVIII века амбозат на Западе исчезает, но Петр Великий переносит его функции в Рос-

Артикулы обычно содержали указания, что неаккуратная выплата жалованья не должна вызывать нетерпения и не оправдывает отказа от выполнения служебных обязанностей. Солдат, не получивший полностью жалованья, не имеет права отказываться от штурма города или от преследования отступающего врага. Гарнизонные солдаты обязываются выполнять строительные работы оборонительного характера. Солдат обязуется не оказывать сопротивления профосу при аресте товарища-солдата. В случае драки — не имеет права звать на помощь земляков—„нацию". Право солдата драться на дуэли подвергалось разнообразным ограничениям в артикулах: иногда он обязуется драться на дуэли только в определенном месте, иногда—только в определенное время (утром), иногда он стесняется в выборе оружия (не огнестрельное и вообще не смертельное).

В XVII веке солдат был освобожден от гражданской юрисдикции и за свои преступления отвечал только перед военным судом. Нормально суд творился в открытом заседании и формировался по образцу суда присяжных, причем наблюдалось, чтобы последние были по старшинству не ниже подсудимого. Президиум образовывался фельдмаршалом [1]), который ведал распределением добычи, и двумя старыми, опытными воинами — профосом и старостой. Кроме этого организованного суда, в первый период существования наемных банд процветала демократическая форма полевого суда, имевшая характер суда Линча; этот „суд длинного копья" или „суд рядового бойца" имел право состояться лишь с разрешения командира полка; вместе с переходом к постоянным армиям эта форма полевого суда исчезла.

Офицеры наемной пехоты являлись ее вождями и передовыми бойцами, но отнюдь не учителями и воспитателями своих солдат. Ни один артикул не возлагал на наемного солдата обязанности выходить на учение. Капитаны наемников, по социальному происхождению, представляли огромную пестроту. Одним из первых и популярнейших вождей ландскнехтов был сапожник Мартын Шварц из Нюренберга, посвященный впоследствии за храбрость в рыцари. Монлюк, гасконец, сам выслужившийся из простых лучников в маршалы Франции и участвовавший во многих войнах Франции XVI столетия, пишет в своих комментариях, что он мог бы привести многочисленные примеры францу-

---

сию, в создаваемую им армию, на прапорщика. Мы не только не видим в этом какой-либо заслуги Петра Великого, но рассматриваем это установление Петра Великого, как недоразумение, основанное на слишком поверхностном знакомстве с состоянием военного дела на Западе.

[1]) Фельдмаршалом первоначально называлось лицо в полку, ведавшее конюшней, лошадьми, седлами, упряжью.

зов низкого происхождения, которые, благодаря военной карьере, достигли высоких чинов. Брантом приводит пример четырех капитанов, которые начали жизненное поприще слугами. Посмотреть на них, никто бы не сказал, что они когда-нибудь были лакеями. Это были капитаны, пользовавшиеся выдающейся репутацией в армии, особенно капитан Полэн, начавший с того, что был мальчишкой—слугой—унтер-офицера, не скрывавший своего происхождения и даже считавший особенной своей заслугой, что всем обязан исключительно самому себе [1]).

Авторитет начальников в наемных полках страдал в значительной степени вследствие того, что солдатам было известно, что полковник показывал много большую наличность солдат, чем она была в действительности, чтобы присвоить себе содержание мертвых душ. Весьма часто на бумаге части наемных войск были вдвое многочисленнее, чем на самом деле. В случае смотра, для пополнения численности полка, в строй ставились пасволанты, летучие, взятые на прокат люди, обычно слуги, иногда переодетые женщины [2]). Обычаи того времени не позволяли, в случае обнаружения такого мошенничества, вменить его в вину действительно виновным—полковнику и капитану, но устав требовал, чтобы статисту, изображавшему солдата, был отрезан нос, чтобы он не мог продолжать работу подставного лица.

Заготовка оружия, обмундирования, продовольствия лежала целиком на солдате, который должен был жить на получаемое жалованье. В случае болезни или ранения, на медицинскую помощь наемнику не приходилось рассчитывать. Чтобы обеспечить себе уход в случае ранения, чтобы было кому-нибудь позаботиться о приготовлении пищи, о приобретении продовольствия, наемник имел обыкновенно женщину [3]).

За наемной частью в поход следовало огромное число женщин, частью с сильной нагрузкой продовольствия и необходимого в походе белья. Со многими женщинами тащились и их дети. На 6—10 наемников, смотря по выговоренным условиям, полагалась одна повозка. Таким образом, создавался громадный, но совершенно неустроенный тыл.

---

[1]) Louis Tuetey. Les officiers sous l'ancien régime, стр. 48—50.

[2]) „Они вьяв чинят лукавые смотры. Полевой воевода или генерал, когда по ротам и региментам чает, что у него с пятьдесят или шестьдесят тысяч, даже у него конных и пехотных людей и половины нет". Учение о хитростях ратного строения пехотных людей, стр. 40.

[3]) „Когда ныне регимент ратных людей нанимает трех тысящь голов, и тут тотчас объявится счетыре тысячи... (публичных женщин). Ibidem, стр. 29

Демобилизация наемных войск связана была с тяжелыми переживаниями, как для начальства, так и для населения. У Вальгаузена, переводом труда коего „Kriegskunst zu Fuss“ является первый русский устав, дан драматический очерк сведения счетов с начальством, вызовов на дуэли, грабежей и избиений [1]). Вальгаузен находит, что было бы гораздо правильнее не распускать вовсе полки с заключением мира. Но это требование, высказанное во втором десятилетии XVII века, обогнало историческое развитие на полвека—государственный аппарат еще недостаточно укрепился, налоговая система была недостаточно продуктивна.

Демобилизованные кучками бродяжничали и жили грабежом [2]), пока не представлялся случай завербоваться вновь на выгодных условиях. В начале 30-тилетней войны курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм даже издал особый эдикт, устанавливавший размер обязательной милостыни, которую каждый крестьянин должен был подавать демобилизованному.

Испанская пехота. Очень ярким типом наемной пехоты явилась испанская пехота XVI века. В упорной борьбе по вытеснению мусульман с Пиринейского полуострова сложился характер испанцев, пропитанный католическим фанатизмом и национальной гордостью. Американские колонии, высылавшие в Испанию грузы серебра, позволяли постоянно содержать довольно значительные гарнизоны в итальянских и нидерландских владениях испанской короны. Если испанская пехота комплектовалась на местах авантюристами всех наций, то в самой Испании она имела монополию на вербовку, и части пехоты имели значительный кадр из испанцев. Много бедного дворянства, „гидальго“, наполняло ряды испанской пехоты, и этот устойчивый кадр, несший с собой известный энтузиазм, видевший святое дело в борьбе с реформацией и защите католической церкви, давал испанской пехоте преимущество над безъидейным сбродом, который представляла пехота других стран;

---

[1]) „А злой вор капитана... на поединок вызывает, а говорит, ты де мужик, урядник мой был, а ныне нет, и не лучше ты мене. И ныне де фунт поганых волосов стоит фунта хлопчатой бумаги“. Учение о хитростях ратного строения... стр. 52. В случае наложения на солдата взыскания, он грозил уряднику „сему войску не сто лет быти“. Ibidem, стр. 53.

[2]) „Наши солдаты, которые по деревням ходя кормятся.. возьмут с собой мальца подва и потри и почетыре... и покаместа солдат сам с христианином стоит и говорит, и те ребята в то время под поветью или инде за курами лазят. А чтобы христианам не приметно было... всякое они иными имена называют, и то у них красная великая речь слывет. Куру они быком называют. Утя, немецким государем. А гусь, копченой селдию. А поймати говорят распросити. Копченую сельдь распросити, то гуся поймати. А петлю, чем курицу ловят, называют регементом“. Ibidem, стр. 51.

испанская пехота была более терпелива к невзгодам похода, к задержке платежа жалованья, была более удобоуправляема и включала много старых ветеранов. Эти преимущества были немедленно учтены в тактике плеядой талантливых испанских генералов XVI века. Вместо разделения армии на 3 части – громоздких карре по 8—9 тысяч человек, созданных швейцарской тактикой XV века—испанская пехота начала строиться в терции, по 2—3 тысячи человек в каждой. Терция являлась тактической единицей, прообразом будущего баталиона. Административной единицей являлась бригада из трех терций. Артиллерийский огонь уже сказывался на полях сражений. Терция представляла вдвое меньше шеренг по сравнению с 80-ти шереножными квадратами швейцарцев, легче маневрировала, меньше страдала от огня, сохраняла вполне достаточную массу для развития натиска холодным оружием и, что самое главное, давала возможность гораздо шире развивать огонь пехоты. Терции строились в несколько линий — иногда три, с значительными интервалами, в шахматном порядке, и стрелки в большом количестве могли, в случае неприятельской атаки, легко укрываться в интервалах и за терциями.

Последнее было очень важно, так как в XVI веке мушкатеры, являвшиеся сначала незначительным придатком к основному роду пехоты—пикинерам, вооруженным „царицей оружия“ — пикой, численно росли с каждым годом. Этот рост мушкатеров объяснялся не столько желанием верхов армии, как состоянием вербовочного рынка. Война состоит не только из крупных сражений; пикинер имел определенную роль только в большом бою, мушкатер же лучше нес повседневную службу, находил более широкое применение в службе охранения, фуражировках, мелких стычках, осадах и защитах городов. Солдату разнообразная деятельность мушкатера нравилась больше, чем тяжелое вооружение, шлем и панцырь пикинера. Напрасно выдающиеся писатели, как Дела Ну, советовали бороться с тенденциями солдатской массы путем уплаты пикинерам двойного жалованя, по сравнению с мушкатерами; тактики находили сомкнутый натиск пикинеров в бою несравненно более важным, чем огонь, который вели мушкатеры, но жизнь складывалась иначе: маршал Монлюк обратил внимание на то, что солдат охотнее стреляет, чем идет в рукопашную. Если в начале XVI столетия мушкатеры составляли 10% пехоты, то в 1526 г. их было уже свыше 12%, в 1546 г.—33%, в 1570—50%, в 1588 г.—60%.

Караколе. В древности наблюдается действие стрелков только в рассыпном строю. В средние века английские лучники явились уже не одиночными, а массовыми стрел-

ками. В XVI веке, по мере увеличения числа мушкатеров, они также начинают действовать в сомкнутых строях. Герцог Альба, помимо 20% стрелков в составе рот, входивших в терцию, формировал уже на терцию две особые мушкатерские роты.

Уже в самом начале XVI столетия складывается образ действий в бою этих сомкнутых мушкатерских частей, строившихся, примерно, в 10 шеренг в глубину. Первая шеренга давала залп, потом, разделяясь налево и направо, уходила и становилась за последнюю шеренгу и заряжала ружья. Ее место занимала вторая шеренга, давала залп и повторяла маневр первой шеренги. Когда все шеренги, таким образом, давали по выстрелу, первая шеренга успевала уже подготовиться ко второму выстрелу, и, таким образом, мушкатерская часть, несмотря на медленность заряжания, поддерживала непрерывный огонь. При наступлении иногда применяли обратный порядок, т.-е. вышедшая вперед первая шеренга давала залп и оставалась стоять, а вторая шеренга выходила из-за ее флангов, выстраивалась перед ней, давала залп и т. д. Такой способ ведения стрельбы назывался „караколе“, движением улиткой. Первый раз караколе получил боевой опыт в 1515 г. при стрельбе из-за препятствия по атакующей колонне швейцарцев. В середине XVI века испанцы демонстрировали на парадах „караколе“. Последнее удержалось в Западной Европе до середины 30-тилетней войны, а в России проповедывалось еще уставом 1647 года. Практики замечали, что при отсутствии препятствия на фронте, когда мушкатерам грозила яростная атака противника, задние шеренги нервничали, не выжидали, пока очистится фронт перед ними и дойдет до них очередь, и стреляли в воздух, поверх голов первых шеренг. Но в истории военного искусства „караколе“ сыграло значительную роль, так как потребовало подготовки, репетиций, занятий, учения; для караколе пришлось сколачивать массу мушкатеров, и пехота начала несколько дисциплинироваться.

Сражение при Равенне. Для эпохи наемных армий характерно сражение при Равенне, 11 апреля 1512 г. Франция находилась в войне с Венецией, Испанией и папой. Французская армия, под начальством талантливого 23-летнего Гастона де Фуа, племянника короля, насчитывала 23 тысячи бойцов и 50 пушек. В состав армии входил отряд ландскнехтов, 6 тысяч, под начальством Якова из Эмса. Артиллерия была так сильна потому, что к французам присоединился герцог Феррарский Альфонс д'Есте, который имел в своем цейхгаузе значительную материальную часть, сам любил артиллерийское дело и располагал кадром пушкарей. Армия лиги, под командой испанского наместника в Неаполе

Кардона, насчитывала всего 16 тысяч при 24 пушках. В ближайшем будущем отношение сил должно было радикально измениться: к лиге против Франции должны были примкнуть Англия и Германская империя; ландскнехтам был уже послан приказ отделиться от французской армии, а к испанско-венецианской армии должны были примкнуть до 18 тысяч швейцарцев, наемников папы, которые на зиму уходили к себе на родину. В этих условиях французский полководец стремился возможно скорее к развязке, а испанский— выжидал, уклоняясь от решительного сражения.

Базой французской армии в Ломбардии являлись Миланские владения. Гастон де Фуа решил вынудить противника к бою операцией в направлении на Рим. Первым этапом являлось овладение городом Равенной. Кардона успел значительно усилить гарнизон Равенны, и хотя французская артиллерия сразу же пробила брешь в тонкой средневековой стене города, но первый штурм французов испанский гарнизон отбил. Однако, предоставленный самому себе, город Равенна неминуемо в течение ближайших дней был бы взят французами. По совету организатора испанской пехоты Педро Наварра, безродного солдата, Кардона спустился с армией с укрепленной позиции на отрогах Апеннинских гор и начал укрепляться на южном берегу р. Ронко; преграда, образовавшаяся рекой, дала испанцам выигрыш времени для укрепления. Цель этого маневра — отрезать подвоз снабжения французской армии, создать непосредственную угрозу для нее и отвлечь ее от энергичных действий против Равенны.

Левый фланг испанской позиции обеспечивался р. Ронко, не всюду проходимой в брод и протекавшей в обрывистых берегах, правый фланг—мокрыми лугами и болотами. Перед фронтом был вырыт глубокий ров с валом, который заняла артиллерия и мушкатеры. Этот ров на 20 сажен не доходил до реки.

Затем, в виде препятствия, были поставлены повозки с рогатками; это было изобретение Педро Наварра; этими боевыми повозками фронт испанской пехоты, строившейся сравнительно с ландскнехтами неглубоко, быстро прикрывался от бурного натиска глубоких колонн противника. Тут же стали двуколки с пищалями (аркебузами) слишком крупного калибра, чтобы ими можно было стрелять с руки. Центр образовала испанская пехота, растянувшаяся в первой линии, с двумя крупными колоннами итальянской пехоты позади и 400 отборными пикинерами в резерве. Между пехотой и р. Ронко расположилась тяжелая конница Фабриция Колонна, а на правом фланге—легкая конница Пескара.

Утром 11 апреля, на следующий же день после подхода испанцев, Гастон де Фуа повел свою армию на левый берег

Ронко. Была отдана письменная диспозиция, расписывавшая все части французской армии между авангардом герцога Феррарского, который должен был образовать правое крыло, главными силами (центр) и арьергардом (левое крыло). На переправе через Ронко оставлен был отряд Ив д'Аллегр в 400 коней.

Отчетная карточка к сражению при Равенне [1]).
11 апреля 1512 года.

Чертеж № 13.

Переправа французов происходила по мосту, в полуверсте от испанских укреплений. Кардона отклонил предложение Фабриция Колонна—оставить укрепления и атаковать французов, пока они перестраиваются к бою. Боевой порядок французов был построен аналогично с испанским—пехота в центре, тяжелая конница у реки Ронко, против тяжелой испанской конницы, легкая конница — на более открытом южном фланге.

---

[1]) Читать: вместо Ронно—Ронко; вместо ландсхнехты—ландскнехты.

Гастон де Фуа распорядился, чтобы французская армия приблизилась на дальний выстрел к испанцам и остановилась. На позицию выехала многочисленная артиллерия и началась, в первый раз в мировой истории, артиллерийская подготовка. Испанские орудия отвечали и сначала довольно успешно, в виду преимуществ командования и заблаговременного расположения. Но герцог Феррарский, обратив внимание на невыгодность фронтальной позиции французской артиллерии, снял часть орудий и переменил их позицию, выдвинув на пригорок, откуда пушки начали поражать испанский фронт косым огнем. Войска начали терпеть потери, довольно значительные вследствие массивных глубоких строев. Педро Наварра приказал своей пехоте лечь и так пережидать артиллерийский бой. Но испанская конница оказалась в невыносимом положении. Отойти под огнем назад на двести — триста шагов, покинуть свое место в боевом порядке для испанских рыцарей было предосудительно. Фабриций Колонна предложил Наварра перейти в общее наступление на всем фронте, но Наварра, желая полностью использовать силу созданных укреплений,—отказался. Кавалерия обоих крыльев не выдержала и двинулась вперед.

Испанская тяжелая конница медленно развернулась через 20-саженный промежуток между рвом и рекой, понесла потери от артиллерийского огня, вступила в бой с французскими рыцарями и, подавленная превосходством сил, атакованная во фланг сыгравшим роль резерва отрядом Ив д'Аллегр,—была отброшена назад и бежала с поля сражения. Та же участь постигла и легкую испанскую конницу.

Французская пехота и ландскнехты в центре также скучились под артиллерийским огнем, и, когда бой кавалерии на крыльях стал складываться в пользу французов, пехотный центр перешел в атаку. С вала он был встречен в упор залпами испанских мушкатеров, и, когда штурмующая пехота, расстроившись при переходе через ров, стала перелезать через вал и проникать сквозь ряды повозок, Наварра бросил в контр-атаку всю пехоту—испанцев и итальянцев—центра. Пикардийские и гасконские банды не выдержали яростной контр-атаки и отошли, но ландскнехты упорно защищались, неся большие потери, так как испанцы искуснее использовали в свалке среди повозок и укреплений короткое оружие—шпаги и кинжалы. Вождь ландскнехтов Яков из Эмса был убит. Но общая обстановка на поле сражения складывалась крайне неблагоприятно для пехотного центра испанцев. Кавалерия окружала его со всех сторон. Итальянская пехота бежала и рассеялась. Пикардийцы и гасконцы возвратились и вновь атаковали испан-

цев. Педро Наварра был взят в плен. Испанцы начали сдавать, но тесно сомкнутыми рядами пробились по дамбе вдоль реки. Гастон де Фуа, пытавшийся с отрядом французских рыцарей заставить положить оружие последний отряд противника, получил 14 ран и был убит ударом алебарды. 3000 испанской пехоты, опрокинув все препятствия, в порядке отступили. Почти половина испанско-итальянской армии—7 тысяч—осталась на поле сражения убитыми и ранеными. Потери французской армии — около 3 тысяч, главным образом ландскнехтов. У французов убит выдающийся полководец — Гастон де Фуа, вождь ландскнехтов Яков из Эмса, у испанцев взяты в плен—Наварра, Колонна, Пескара. Наместник Кардона бежал.

В военном искусстве сражение при Равенне обозначает крупный этап. Наступающий не бросается немедленно вперед, а расчленяет бой на подготовку и решение. Артиллерия первый раз ведет на поле сражения серьезный огневой бой. Сражение растягивается во времени. Управление очень характерно—вожди дрались в первых рядах, действуя на войска примером; потери в них огромны. Перед боем Гастон де Фуа отдал письменный приказ, точно устанавливавший боевой порядок.

Стратегия ограниченных целей. В стратегическом отношении это чрезвычайно кровопролитное сражение имело нулевое значение: после победы ландскнехты ушли из французской армии, неприятель усилился швейцарцами, и французам-победителям пришлось покинуть итальянский театр. Этот крайне ограниченный стратегический результат сражений в XVI, XVII и XVIII веках представляет явление общее для эпохи; преследование невозможно, армии слишком слабы для обширных завоеваний и вынуждены задаваться скромными стратегическими целями; разбитый противник получает возможность пополнить свои ряды. Этим объясняется, почему полководцы начала новых веков так неохотно давали сражения и предпочитали одерживать успехи маневром, заставляя противника одними угрозами покидать спорные куски территории.

По мере того, как развивалось искусство формировать из неквалифицированных воинов вполне боеспособные тактические единицы, армии стали расти. Одновременно увеличилось и значение техники, проявившей себя столь веско под Равенной в 1512 г. Содержание больших армий обходилось все дороже и, несмотря на растущую финансовую мощь европейских государств, все время колебалось на пределе государственной платежеспособности. Армии наемников несли несравненно большие потери от дезертирства из-за неуплаты жалованья и плохих видов на добычу, чем ранеными и убитыми в боях. Появился расчет на разложе-

ние неприятельской армии: у нас должно хватить средств на бо́льшее время, чем у неприятеля, для уплаты жалованья солдатам. Препятствуя правильному снабжению неприятеля, оттесняя неприятеля в разоренный край, мешая подвозу продовольствия к его лагерю, полководец новых веков стремился достичь конечной цели — заставить противника подчиниться своим требованиям. В плоскости этой стратегии измора лежит большинство кампаний до Наполеоновского периода новой истории. Искусный полководец шел на риск сражения лишь при особенно благоприятных условиях или когда не было другого выхода. Макиавелли, высказавший эту мысль [1]), развивал основные положения стратегии измора, утверждая, что лучше побеждать голодом, чем железом; победа в бою ведь зависит больше от счастья, чем от храбрости; Макиавелли обращал внимание, что римляне преследовали врага только конницей и легко вооруженными (неверно для Фарсала), так как преследование неприятеля, без приведения предварительно армии в порядок, грозит опрокинуть одержанный успех. Действительно, наемные армии для мощного преследования не годились.

Литература.

Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 7155 г. (1647 г.). Издание Главного Штаба. 1904 г., стр. 286.

Первый русский устав представляет перевод труда по тактике пехоты Иоганна Якоби фон-Вальгаузена, ярого последователя идей Нидерландской школы, но затемняющего их пристрастием к фантастическим построениям войск в огромные сложные фигуры—восьмиугольником, крестом и т. д., что сбило многих исследователей, и даже Рюстов принял фантазии Вальгаузена за действительно применявшиеся боевые порядки. Этот труд был написан в 1615 г., а через два года Вальгаузен стал начальником первой военной школы в новой Европе, основанной в Зигене двоюродным братом Морица Оранского, Иоганном фон-Нассау.

Особенно любопытны первые 72 страницы, которые „как добротою всякому солдату укрепленну быти, да подле того и о бесчинстве, которое в нынешних войнах чинится“, явно указуют. Основной тон—преклонение перед античным миром и протест против безобразий наемных войск. Написаны они горячо апостолом реформы, начатой Морицем Оранским, страстным проповедником дисциплины, строевого обучения и, прежде всего, ружейных приемов. „Сие слово война в латинском языке именуется беллум. И то сиречь красно и пригоже (стр. 20). Чтобы быть красной и пригожей, война должна быть регулярной. Вальгаузен всей душой против междоусобной „жилецкой войны“. „Явная и всемирная война, т.-е. справедливая“ (стр. 25). „Какие великие монархи римляне имели и чем они мало не всю вселенную себе поддану ученили. И пока места они против иных земель войны вели, по та места им всегда добро было и податно. А как они начали междуусобные войны вести... А потом и до того дошли, что жилец на жильца, сосед на соседа, и город на город, и земля на землю, друг на друга восстали и тем раззорение и погибель на всю монархию пришло. И пошла земля по земле, и удел по уделу отпали“ (стр. 22—23).

---

[1]) Макиавелли очерчивал и положения стратегии сокрушения, не останавливаясь на диалектическом противоречии между изморомм и сокрушением.

В виду неграмотности состава русской армии середины XVII века, издатели первого устава отпечатали многочисленные чертежи книги отдельно, чтобы каждый солдат мог взять с собой в поход рисунки бесконечных ружейных приемов и очень сложных построений. Наивная мысль...

А. Агапеев. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. 1902 г. Вып. I (стр. 312+18+XV).

Начало серьезного труда, прерванного смертью молодого автора в русско-японскую войну. К сожалению, идея эволюции не вполне уяснена автором.

Commentaires de messire Blaise de Montluc, maréschal de France. Paris. 1594. 627 двойных страниц. Монлюк на протяжении 50 лет в середине XVI столетия беспрерывно участвовал в войнах, начав с самой скромной должности и дослужившись до маршала. На его мемуарах лежит печать откровенности эпохи возрождения. Его воспоминания крайне любопытны и для французских походов в Италии, и для гугенотских войн и дают яркое представление о тактике, военной технике и устройстве армий XVI века.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Военное искусство реформации.

Эпоха географических открытий. Испанская школа. Реформация и армии нового строя. Рейтары. Мориц Оранский; дисциплина, комсостав, тактика. Густав Адольф; тактическая реформа; стратегия; сраж. при Брейтенфельде. Гражданская война в Англии. Оливер Кромвель; новая армия; сраж. при Насби.

Эпоха географических открытий. Древняя история знала высоко развитую государственность, капиталистическое хозяйство и его организующую силу. Военное искусство достигало значительного совершенства. Рим боролся армиями, представлявшими отдельные тактические единицы, располагавшими сложным аппаратом учета военнообязанных, арсеналами, цейхгаузами, обозными колоннами, благоустроенными госпиталями с врачами и т. д. В рамках военной организации коллектив растворял в себе отдельную личность. Человечество умело идти в ногу в политике, в тактике, в снабжении.

Вместе с переходом к натуральному хозяйству, который знаменовал гибель римской цивилизации и начало средних веков, имел место и общий организационный разброд. Утратились представления о дисциплине, о строевом обучении, о сколачивании людской пыли в войсковые организмы, о коллективном снабжении. Представление о государстве в корне переродилось, чиновника заменил хозяин, появился солдат на службе землевладельцу, вооруженную силу стало формировать не государство, а наиболее состоятельные хозяева, частно-предпринимательское начало глубоко внедрилось в военные понятия. Командования в средние века не было, руководство имело скорее политический, чем тактический характер. В рыцарском ополчении умственная и духовная деятельность нераздельно сливалась с физической; в каждом бойце был слит и тактик, и рядовой боец. На поле сражения имел значение только высоко-квалифицированный, наследственный воин; армии являлись очень скромными по числу, так как в организации не было поводьев, которыми вождь мог бы управлять массами.

Уже с XIII века мы можем проследить пробуждение новых идей, идущих в разрез со средневековыми тенденциями. Фламандские ремесленники, гусситские крестьяне, швейцарские горцы, английские и бургундские наемники, французские ордонансовые роты, янычары—все это явления нового порядка. Пробуждалось сознание слабости и негодности базирующихся на натуральном хозяйстве средневековых организационных форм; однако, еще не было экономического фундамента, на котором могли бы расцвести уже осознанные новые представления о военном искусстве. Начиная с XIII века, перешедшая в наступление Азия крайне стеснила экономические основы бытия европейских народов.

В конце средних веков (1453 г.) турки захватили Константинополь и тем увенчали овладение мусульманским миром всеми торговыми артериями, связывавшими Европу с Востоком. Однако, освобождение европейского Запада от экономической зависимости перед Востоком уже было близко. Наиболее фанатическая часть христианского мира вела в XV веке отчаянную борьбу с маврами—мусульманами на Пиринейском полуострове. У португальского инфанта дон Генрике Мореплавателя созрела смелая мысль—обессилить мусульман, нанеся сокрушительный удар по экономическому фундаменту их могущества.

Для этого надо было открыть новый путь для торговли с Индией. На церковные деньги был снаряжен ряд экспедиций, углубившихся вдоль западного берега Африки. Варфоломею Диацу в 1486 году удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, а Васко де Гама в 1498 году достиг берегов Индии. В 1515 году португальский форт уже затруднял мусульманским судам выход из Персидского залива в Индийский океан. Движимые теми же стремлениями, испанцы направили в 1492 г. экспедицию Христофора Колумба; в 1545 году они овладели уже всем американским материком. Фердинанд Кортец в Мексике, а Пизарро в Перу захватили сокровища, стоимостью много более миллиарда золотых франков. Европейская торговля оживилась. Барыши в 300% при торговле с колониями стали нормальными. Капиталы начали расти бешеным темпом. Вместо обычных в средневековьи 12%, южно-германская фирма Фуггеров ежегодно зарабатывала с 1511 по 1527 г. от 54 до 92% и увеличила свой капитал до двух миллиардов золотых франков.

В Европе денежное обращение усилилось, и появилось товарное производство. Постепенно народились элементы современного государства; феодализм был вынужден уступать им шаг за шагом. В военном искусстве новый экономический фундамент сказался молниеносной быстротой,

с которой понятие о тактической единице, воскрешенное швейцарцами, распространилось по Европе.

В период жадного первоначального накопления капитала война велась армиями, образованными из любителей приключений, дорого продававших свою кровь; материальная часть усложнилась, артиллерия сделала большой шаг вперед и появилась на полях сражений. Побоища стали очень кровавыми, особенно в итальянские войны первой четверти XVI века—Мариньяно, Павия, Равенна.

В XVI, XVII и XVIII веках постепенно возродилось военное искусство античных народов; в технике новая Европа обогнала Рим уже с началом XVII века. По численности и организованности армий, по устройству их снабжения, армии XVIII века уже приблизились к древне-римским. В отношении общей воинской повинности Европа оказалась в силах достигнуть римского уровня лишь после толчка, данного французской революцией.

Труднейшим этапом на пути этой эволюции являлось воскрешение понятия о дисциплине, радикально утраченного в период натурального хозяйства средних веков. Только кое-где в монашеских и рыцарских орденах имелось представление о начальнике и приказе. В религиозных распрях XVI века понятие о дисциплине начало создаваться и расти. Широкое теоретическое обоснование дисциплины дал вождь католической контр-реформации, создатель замечательного своей спайкой ордена иезуитов, Игнатий Лойола, требовавший не только низшую ступень—дисциплину поступков, но и дисциплину мысли и воли. Мощь скованной железной дисциплиной организации сразу почувствовалась в отпоре, который иезуиты сумели организовать натиску идей реформации, но в войска эти идеи дисциплины еще не имели доступа. Католические армии представляли своеобразное сборище вольницы.

Эпоха возрождения, с ее светской, полуязыческой культурой, наложила своеобразный отпечаток на тактику и организацию ландскнехтов и особенно испанской пехоты; вплоть до 1630 г. испанцы оспаривали первенство в военном искусстве. Тили, по протестантским легендам—грабитель, разрушивший Магдебург, был последним хорошим полководцем обширной, но мрачной испанской школы (герцог Альба, Александр Парма).

Португальцы и испанцы недолго оставались во главе экономического развития Европы. Эти фанатичные народы находились слишком в плену у старого быта и не могли приспособить весь свой уклад к новым условиям.

Реформация, в ответ на католическую реакцию, выдвинула во второй половине XVI и первой XVII веков боевое направление протестантства — кальвинизм и пуританизм.

Суровое учение Кальвина пустило корни в тех частях Европы, где более мощным потоком била новая экономическая жизнь и складывался новый тип делового и промышленного европейца. Родиной его была Женева—крупный торговый и особенно биржевой узел; отсюда оно распространилось по торговым и промышленным центрам Франции, захватило целиком деловую, северную часть Нидерландов и начало постепенно укрепляться в промышленных графствах—восточных и южных—Англии. Очищая веру, уничтожая пышные обряды, внося упрощения в костюм и образ жизни, кальвинист, однако, не делался монахом, презирающим материальное богатство; деньги для него являлись орудием борьбы, в деньгах представлялась скрытая власть; кальвинист выделялся своей бережливостью, переходившей в скупость, и на свои сбережения основывал крупные банкирские конторы и торговые фирмы. Скупо одетый, никогда не улыбавшийся, вечно занятый кальвинист являлся или офицером наемных войск, или фабрикантом, или ростовщиком. У кальвинистов и пуритан жизнь—это непрерывное исполнение долга. Они вырабатывали в себе волю, были методичны, не тратили лишних слов, обдумывали выражения, не давали хода своей фантазии, работали сами, не покладая рук, и не терпели бездельников.

Неуступчивость, воинственность, раздражительность, жадность к деньгам, педантизм, беспощадность к человеческим слабостям, преследование всего яркого и самобытного, высоко развитое чувство собственного достоинства—вот характеристика, которую дает пуританам Р. Виппер [1]). „Пуританизм и милитаризм—близнецы“, „пуританизм, милитаризм и капитализм требуют тождественных добродетелей“—вот лейт-мотив труда профессора Зомбарта [2]). И действительно, 18 добродетелей военнослужащего, по определению вдохновителя первого прусского короля, Давида Фасмана, данному в 1717 г., суть следующие: богобоязненность, разумность, сердечность, презрение к смерти, воздержанность, бдительность, терпеливость, нетребовательность, верность, послушание, почтительность, внимательность, нелюбовь к низким удовольствиям, честолюбие, нерезонерство, безукоризненная исправность в несении службы, образованность и хорошие природные свойства [3]).

---

[1]) Проф. Р. Виппер. Новая История. стр. 68, 139, 140. Карл Маркс определял протестантство, как буржуазную форму христианства. Капитал, т. I, стр. 41. Перев. под ред. П. Струве (в советском изд. 1923 г.—стр. 39).

[2]) Werner Sombart. Studium zur Entwickelungsgeschichte des modernen Kapitalismus, т. II. Krieg und Kapitalismus.

[3]) Max Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften., т. II, стр. 1632.

Этот идеал военного, к которому подошла протестантская Европа после ряда религиозных войн, очень далек от свирепого, буйного ландскнехта, имевшего отвращение ко всякому мирному труду и проводившего время в кутежах и игре в кости.

Смена идеалов отвечала резкому изменению, которое претерпело все военное дело в период религиозных войн, в значительной степени под влиянием идеологии боевого направления протестантства. В организации и обучении войск, в переходе к новым формам тактики прежде всего в Европе сказалось торжество нового типа деловых людей.

Реформация дала военному искусству рейтар—робкое осуществление тактической единицы в кавалерии, дала новый тип дисциплинированных войск, созданный Морицем Оранским и перенесенный Густавом-Адольфом в Швецию, Монтекуколи—в Австрию, Тюренном—во Францию и Петром Великим—в Россию. Английский пуританизм параллельно создал железнобоких Кромвеля.

Рейтары. История Греции и Рима дает очень мало примеров создания конных тактических единиц, превращения недисциплинированной конницы в регулярную кавалерию. Только Александру Македонскому и Ганнибалу удавалось подойти к разрешению этой задачи, несравненно труднейшей, чем спайка тактического коллектива в пехоте. Анархическое рыцарство ничего общего с регулярной кавалерией не имело. Эпоха возрождения, создавшая тактические единицы швейцарцев, ландскнехтов, испанцев, оставила вопрос о коннице неразрешенным. Правда, легко вооруженная свита латника была изъята из состава копья и сведена в самостоятельные легко-конные части (шево-лежеры) [1]). Последний раз средневековые копья из пеших и конных встречаются в 1543 г. в сражении при Ландресси. Но конница продолжала представлять сборище индивидуальных бойцов, а не тесно сплоченные части. Рыцари никогда не производили сплоченного удара. Де ла Ну, гугенотский капитан, написавший в плену в Испании очень любопытные „28 политических и военных дискуссий“, обратил внимание, что, если сотня рыцарей пойдет с 200 шагов в атаку галопом, то в действительности ударят в копья не больше 25 рыцарей. У остальных—у кого пойдет кровь носом, или оборвется ремешек в снаряжении, или лошадь потеряет подкову. Таван (1505—1573 г.), при отсутствии сплоченности в коннице, рекомендовал встречать атаку на месте;

---

[1]) Во Франции шево-лежерами скоро стали называть все конные части, комплектовавшиеся не из дворянского класса. Социальное деление оказалось сильнее тактического; шево-лежерами называли армейские кирасирские полки, но в эту категорию не входили гвардейские драгуны (мушкатеры).

хорошо, если перед фронтом конницы будет канава; если же двигаться в атаку, то медленным аллюром, на-коротке с 15—20 шагов; если атака производится с дальнего расстояния или ведется галопом, то трусы получат возможность уклониться, и только один капитан ворвется в неприятельские ряды.

Эта тоска по сплоченности, по тактической кавалерийской единице, привела к господству в период гугенотских войн (1562—1595 г.г.) родоначальника современной регулярной конницы—рейтарского полка. Нужно помнить о всем противоречии между конницей, представляющей людскую пыль, между рыцарской анархией—с одной стороны, и деловым духом новой Европы, чтобы объяснить себе те уродливые формы, в которые вылилась тактика рейтар, и признать за ней крупное новое слово.

В начале XVI века получил распространение пистолет. Французы в 1525 г. познакомились с этой „чертовщиной“, повидимому, чешского изобретения. Пистолет имел кремневый замок, выстрел производился одной рукой, фитиля не было—в изготовлении огнестрельного оружия был осуществлен огромный прогресс, по сравнению с аркебузой. Правда, пистолет давал возможность попадать в цель только на очень коротком расстоянии—лучший выстрел был на расстоянии 3 шагов. В 1540 г. появились первые рейтары—всадники, основное вооружение коих представлял пистолет. Рейтар не проходил высшей школы верховой езды и сидел не на дорогом рыцарском коне, а на простой обывательской лошади. Таван обратил внимание, что рыцарь должен с малых лет изучать свое искусство, а рейтаром становится человек на обывательской лошади в три месяца. А ведь время дорого, „теперь и в школах учат в три года тому, что раньше требовало 10 лет; высшая школа верховой езды нужна только для конных дуэлей“.

Рейтары часто имели до 6 пистолетов и строились глубокими массами, по 17 шеренг в глубину. Конная атака получила странный вид—рейтарская масса в порядке надвигалась к противнику, первая шеренга в упор разряжала свои пистолеты, отъезжала с последними выстрелами влево за фронт, после чего продолжала вторая шеренга и т. д. Тактика „улитки“, „караколе“, из пехоты была перенесена в конницу. Легкость обучения и ремонтирования вызвала быстрое размножение рейтарских полков. Вызывая потребность в обучении в сомкнутом строю, „караколе“ могущественно дисциплинировало новую кавалерию [1]).

---

[1]) Монлюк очень хвалит рейтар за то, что их когда бы то ни было трудно захватить врасплох. Commentaires de messire Blaise de Monluc, maréschal de France. Paris. 1594. Стр. 552 (оборотная).

Пистолетная тактика рейтар вызвала в пехоте потребность в увеличении числа мушкатеров; пикинеры, без прикрытия мушкатер, очень страдали от рейтар. В коннице, с пятидесятых годов XVI века, происходила упорная борьба между тонким построением тяжело вооруженных латников с пикой, державшихся средневековой рыцарской этики, и демократическим созданием новых веков—рейтарами, в глубокой колонне, с пистолетом. Конные бои, с включением в них той сплоченности, дисциплины, того понятия тактической единицы, представителем коих являлись рейтары, стали гораздо кровопролитнее. Таван замечает, что раньше 500 рыцарей дрались 3—4 часа времени, и не было десятка убитых, а теперь в один час все поле усеивается валяющимися телами. Рейтары составляли главный плюс небольшой армии гугенотов Генриха Наваррского, особенно отличились в 1587 году при Куртрэ и в 1590 г. при Иври, позволили ему одолеть католическую лигу и сесть на французский престол. Квалифицированный боец на породистом коне оказался побежденным рядовым массовым бойцом на обывательской лошадке. Фундамент для развития современной конницы был заложен. Дисциплинировать рыцарей, создать из них коллектив оказалось настолько трудно, что линия наименьшего сопротивления в вопросе создания современной конницы пошла не по пути облегчения рыцарских доспехов и ремонтирования их менее массивными, более быстрыми лошадьми, а по пути подбора наилегче дисциплинируемых элементов, хотя и очень мало радующих сердце истинного кавалериста.

Мориц Оранский. Самый существенный перелом в истории военного искусства в новые века был произведен в армии Морица Оранского в борьбе за освобождение Нидерландов от испанского владычества. Голландцы—народ купцов и моряков по преимуществу—не отличались склонностью к военной службе, и их армия состояла из наемников-иностранцев, главным образом немцев. Предпосылкой новых шагов в военном деле явилось необычайное экономическое развитие Нидерландов, оказавшихся центром торговых сделок всей Европы; здесь кальвинизм сделал наиболее прочные завоевания, и отдельные гнезда его слились в одно целое. На этой почве новой деловой Европы развивалась новая наука. Спиноза в философии, Гуго Гроций в праве, школа Лейденского университета в филологии, голландская школа живописи—вот вехи, отмечающие нахождение в Голландии столицы мирового капитала. Упорный методичный характер голландцев, отвоевавший в тяжелой борьбе у моря огороды и пастбища, оказавшийся столь восприимчивым к капитализму и кальвинизму, также наложил свой отпечаток на реформу военного дела.

Историк и филолог Липсиус изучал римское военное искусство уже не только по Вегецию, но и по трудам Полибия, представляющим неизмеримо большую ценность. Он оттенил значение тонкого боевого порядка в сравнении с нагромождением в глубину многих десятков шеренг и указал на преимущества расчлененного боевого порядка перед сплошным, подчеркнув значение щелей между манипулами в построении римского легиона. Тогда как Макиавелли из изучения римского военного искусства вынес идею народной милиции, ученики Липсиуса—статхоудер (наместник) большей части восставших Нидерланд, Мориц Оранский, и его двоюродный брат, статхоудер остальной части, Вильгельм Людвиг, из изучения римской истории вынесли представление о дисциплине, как об основе римского могущества и римских побед. Ближайшие помощники обоих статхоудеров, Эверард фан Рейд, Симон Штевин, полковник Корнпут, „ученый человек, что не часто встречается между военными“, были также большими поклонниками античного военного искусства. Мориц Оранский изучал на свинцовых солдатиках римские построения и производил особые опыты для сравнения оружия—современной ему пики и римского меча со щитом. Изучение римлян привело Морица Оранского к реставрации строевого обучения—искусства, которое знали древние и которое было утрачено в средние века. Была найдена команда „смирно“, и предъявлено требование абсолютного молчания в строю. Был открыт шаг в ногу—этот наиболее прямой путь к объединению людей в коллектив; „шаг в ногу“—это, быть-может, наиболее яркий символ развития культуры последних трех столетий. Было установлено, что римляне разделяли команду на подготовительную и исполнительную; до XVI века включительно в европейских армиях начальник отдавал только приказания, а теперь появилась команда: напра-во (rechts-um). Всего до 50 команд было переведено с латинского и греческого языков [1]). Войска начали производить строевое учение, о котором ландскнехты еще не имели понятия [2]): в лагере и гарнизоне, во всякую погоду,

[1]) Команды для поддержания дисциплины так же ценны, как алфавит — для науки. Китайцы, изобревшие иероглифы вместо букв, установили у себя такие же иероглифические команды, со звездами, драконами и прочими символами. Команда (средневековая) для построения змейками по пяти гласила по-китайски, примерно, так: „пять тигров выходят из леса, готовые наброситься на свою добычу“. Мы обязаны античному миру и рационализмом наших команд.

[2]) „Государь его чает, что имеет искусного извычного копейщика или мушкетника, иже он едва последнего деревенского детину разумеет и тот его прибыльнее, потому что деревенский мужик, когда с молотилом своим вряду стоит и он товарища своего, который перед ним, не зашибет, а бьет, куды ему надобно, потому что он тому извычен“. Учение о хитростях рат-

солдаты учились маршировать, делать ружейные приемы, вздваивать ряды, исполнять повороты и захождение плечом. Производилось также обучение быстро строиться: солдаты расходились и по сигналу на трубе быстро восстанавливали строй. Современники удивлялись: испанцам нужен был час времени, чтобы построить 1000 солдат, а Мориц Оранский строил 2000 солдат в 22 минуты.

Трудные финансовые условия Испании заставляли на зиму распускать значительную часть солдат, сохраняя в терциях только ветеранов. Часто испанским войскам жалованье задерживалось на долгое время. Несмотря на фанатичное католико-национальное ядро, доведенные до отчаяния неполучением жалованья в течение 3-х лет, испанские терции теряли всякое подобие дисциплины, прогоняли начальников, выбирали вместо них „элито“ и отправлялись грабить ближайшие города. Антверпен в 1574 году откупился от бунтующих испанских солдат крупной суммой, но в 1576 году подвергся ужаснейшему погрому, уничтожившему на два с половиной столетия мировую торговлю этого порта. Бунтовавшие терции в захваченных областях иногда устанавливали в свою пользу правильную систему налогов.

Мориц Оранский понимал, что все его усилия добиться установления дисциплины пропадут даром, если „комодитет“, все, что причитается солдату—жалованье, паек, доля в добыче—не будет аккуратно выдаваться. С другой стороны, для него несомненно важнее было сохранять в рядах своей армии на зиму солдат, на обучение которых клалось столько труда, чем для испанцев. Поэтому Мориц Оранский применил все свое политическое искусство, чтобы убедить генеральные штаты аккуратно рассчитываться с армией. Каждые 10 дней, без малейшего опоздания, солдаты его армии получали свое жалованье. Эта регулярность платежа, неизвестная раньше, стала возможной вследствие экономического подъема Голландии. Падение римской денежной системы разрушило римскую дисциплину; европейская дисциплина возродилась вместе с капиталистическим хозяйством.

Нужно, чтобы понятие дисциплины глубоко укоренилось в армии, чтобы можно было заставить солдата выполнять фортификационные работы. Римляне окапывались на каждую ночь; средневековые рыцари, ландскнехты

ного строения пехотных людей, стр. 40—41. Вальгаузен говорит здесь о солдатах-хвастунах, которые заявляли, что все знают и не хотят знать на службе никаких учений.—Мушкет требовал, действительно, очень искусного обхождения (99 приемов при заряжении), так как приходилось заряжать, имея 2 зажженных фитиля—в руке и на курке; многочисленны были случаи преждевременных выстрелов, особенно у необученных мушкатеров.

и испанские солдаты никогда не брались за лопату. В армии Морица Оранского дисциплина поднялась столь высоко, что фортификационные работы получили широкое применение. При осаде Стинвейка в 1592 г. Мориц Оранский развил окопные и минные работы. Испанские солдаты со стен города напрасно ругали осаждающих, что они променяли пику на лопату и из воинов обратились в грязных мужиков. После 44 дней обороны и взрыва двух больших мин храбрый комендант Кокуэль был вынужден сдаться: „Меня победили не оружием, а лопатой, нас похоронили, как лисицу в норе“... В следующем году, при осаде Гиртрунденбурга, Мориц Оранский устроил, кроме циркум-валационной линии, и контр-валационную линию; перед ней остановилась бессильной девятитысячная испанская армия Мансфельда, прибывшая на выручку. В бездействии испанские солдаты были вынуждены смотреть на успехи осаждающих и на сдачу гарнизона. На современников это произвело впечатление воскрешения искусства, помощью которого Цезарь овладел Алезией. Вильгельм Людвиг поздравлял Морица в таких выражениях: „Вы доказали замечательным примером превосходство методичности и работы над грубой силой. Ваша осада восстановила античное военное искусство, которое до сих пор недостаточно оценивалось, которое невежды осмеивали и которое оставалось незнакомым или не применялось даже выдающимися полководцами нашего времени“.

Командный состав. Глубокий перелом происходил и в командном составе. До Морица Оранского капитан являлся вождем и передовым бойцом своей роты. Вне боя занятий не было ни у начальников, ни у солдат. В лагере царило вино и азартные игры, которые занимали досуги. Учила молодого солдата исключительно рутина—лишь постепенно он перенимал сноровки ветеранов. Теперь от офицера потребовались знания: латынь, чтобы получить возможность изучать искусство древних, математика и техника, чтобы руководить атакой и обороной крепостей, форма, в которую стала выливаться война за освобождение Нидерландов; офицер должен был стать квалифицированным специалистом в области строевого учения, т. к. теперь на него выпала задача—воспитать и обучить солдата, стать его творцом. Новое направление вызвало, разумеется, протесты поклонников рутины—шурин и ментор Морица Оранского, кавалерийский генерал граф Гогенлое, преследовал насмешками его работу и попытался даже организовать открытое противодействие в армии новому курсу, опираясь на всех тех, кому учение представлялось органически противным. Но эта оппозиция была сломлена. Характер корпуса офицеров начал изменяться. Авантюристы стали исче-

зать. Представители образованных и господствующих классов перестали презирать военную службу и постепенно начали наполнять ряды командного состава. Морицу Оранскому пришлось открыть борьбу на другом фронте. Все реформы он проводил в жизнь при самой запутанной и тормозящей всякий шаг вперед конституции Нидерландской республики. В частности, он не имел права назначать на командные должности, а мог только утверждать одного из двух кандидатов, которых представляли ему на открывшуюся вакансию генеральные штаты. Чтобы избежать выдвижения людей, сильных политической протекцией, но мало опытных в военном деле, Мориц Оранский ввел, как правило, требование — выслужить ценз — отбыть три года в должности, чтобы получить права производства и назначения на очередную высшую должность. Начало чинопроизводству было положено.

В виду значительного увеличения работы, выпадавшей на офицера, число начальствующих лиц было увеличено; вместо 400—500 человек штат роты был сокращен до 100, на которых приходилось 28 офицеров и унтер-офицеров; увеличение процента начальствующих лиц привело к тому, что начальствующим в роте приходилось уплачивать столько же жалованья, сколько солдатам. Расходы увеличились вдвое, но зато, замечает Вальгаузен, полк в 1000 солдат Морица Оранского стоил 3000 других солдат.

Тактика. Только эти существенные предпосылки — установление крепкой дисциплины и подготовка соответственного офицерского корпуса — позволили Морицу Оранскому провести существенную тактическую реформу. Испанская терция, дробление на 3 части грубой колонны швейцарцев — была оправдана в истории, так как соответственно этому делению несколько повысилась испанская дисциплина и народилось большее число испанских командиров, способных командовать самостоятельной тактической единицей. Дальнейшие успехи Морица Оранского в поднятии дисциплины и в подготовке офицеров позволили ему сократить число шеренг с 40—50 до 10, иногда даже до 6 шеренг, и попытаться воскресить манипулярный боевой порядок римского легиона в виде построения поротно. Пикинеры составляли в его армии $^2/_3$, а мушкатеры — $^2/_3$. Пикинеры представляли центр, мушкатеры — крылья тех небольших единиц, на которые разбился боевой порядок Морица Оранского. Строились преимущественно в три линии, повидимому, с интервалами по фронту, придававшими боевому порядку шахматный вид. Мушкатеры могли прятаться за пикинеров, пикинеры второй и третьей линии могли запирать образующиеся в первой линии интервалы. Прочность этого хрупкого боевого по-

рядка основывалась исключительно на дисциплине и доверии солдат к начальникам, на большой подвижности мелких частей, на уверенности управления.

Моральные качества испанской пехоты, имевшей хорошее национальное ядро, были по природе выше качеств пехоты Морица, не имевшей такого ядра и составленной исключительно из наемников-иностранцев. Природе было противопоставлено искусство — римский центурион возрождался в Европе. Мориц Оранский, однако, не рисковал своей небольшой армией, на отделку которой было положено столько старания, в полевых сражениях с сильной традициями и могущей гораздо легче пополнить свои потери испанской армией. За долгий ряд кампаний, только в 1600 г., при Ньюпоре, дело дошло до столкновения в поле: испанцы имели 12 тысяч пехотинцев и 3000 кавалеристов против 12 тысяч пехотинцев и 1500 всадников Морица Оранскего. После 3-х часового боя сражение окончилось таким образом, что Мориц Оранский мог утверждать, что он не потерпел неудачи; его фронт выдержал, не был прорван бурным натиском испанцев. Этот единственный полевой бой с покрытой славой, непобедимой испанской пехотой еще более упрочил позицию военной реформы. Весь протестантский военный мир съезжался в армию Морица Оранского изучать новое военное искусство.

Неудачными подражателями Морица Оранского оказались чехи-протестанты, которые восприняли внешние формы его тактики, но не позаботились поднять на соответствующую высоту внутренние качества войск и командного состава. В начале тридцатилетней войны их жидкий и дырявый боевой порядок был прорван и на-голову разбит воспитанной в духе испанской тактики армией Тилли (при Белой Горе, 1620 г.), и Чехия заплатила за свои ошибки утратой самостоятельности на триста лет. Задачу доказать правильность пути, выбранного Морицем Оранским, взял на себя шведский король Густав-Адольф.

Дисциплинированный Морицем Оранским солдат перестал быть пугалом мирного населения. В 1620 г. венецианский посланник в Нидерландах, Джироламо Тревизаго, доносил, что постоянная армия в мирное время содержится в составе 30 тысяч человек и 3600 лошадей. „Я думаю, ни в одном государстве войска не содержатся в таком порядке, как здесь. Солдаты каждые 10 дней получают жалованье, уплата не задерживается ни на один час. Здесь царствует безусловное послушание при умеренной строгости по отношению к преступникам. Частные лица предлагают солдатам снять помещения в их домах. Города имеют от войск огромную прибыль“.

Густав-Адольф. К началу XVII века Швеция представляла единое государство; центральная власть уже одержала в Швеции победу над феодализмом; власть королей, опиравшаяся на рейхстаг, в котором, кроме дворянства, духовенства и буржуазии, были представлены и крестьяне, была сильнее, управление более централизовано, чем в германских княжествах. Поэтому, несмотря на бедность шведов и редкое население, Швеция в XVII и начале XVIII веков получает возможность выступить в роли великой европейской державы. Карл IX, отец Густава-Адольфа, начал принуждать господствующий класс — дворянство—занимать командные посты в армии и в управлении государством, политика, которую через 100 лет с большим успехом усвоили Пруссия и Россия. Таким образом, офицерский состав шведской армии первый получил национально-дворянский характер. Представительство крестьян в рейхстаге, устраняя феодальное средостение между государством и крестьянством, позволило шведским королям использовать национальное и религиозное одушевление и ввести в дополнение к добровольной вербовке рекрутский набор. Таким образом, шведская армия получила еще более сильное национальное ядро [1]), чем испанская армия, и по своему составу существенно превосходила случайный материал, наполнявший армию Морица Оранского. Однако, шведская армия еще была далека от однородности состава армий XIX века: в ее состав входили в значительном количестве комплектованные иностранцами, преимущественно шотландцами, части; в течение войны армия комплектовалась, главным образом, местными средствами; на следующий день после сражения под Брейтенфельдом пленные из рядов католической армии Тилли были поставлены в строй протестантской армии Густава-Адольфа.

Несмотря на хороший дух, царивший в шведской армии, Густав-Адольф стремился базироваться на суровой дисциплине. С именем этого великого полководца связано изобретение и введение в армию наказания шпицрутенами. Виновного протаскивали или прогоняли сквозь строй между двумя шеренгами солдат, из коих каждый обязан был нанести удар палкой по спине преступника. Введение этого ужасного наказания, которое, при большой длине строя, к которой приговаривался виновный, представляло квали-

---

[1]) Не следует, однако, преувеличивать количество человеческого материала, оказавшегося в распоряжении шведских королей. Густав-Адольф мог рассчитывать в течение 30-летней войны получать ежегодно 10 тысяч солдат на укомплектование. В последнюю мировую войну такое количество представляло бы однодневную потребность каждой из сторон, но в XVII веке это являлось источником огромной мощи. Оно, разумеется, явилось бы недостаточным при попытке осуществить стратегию сокрушения.

фицированную смертную казнь, было замаскировано Густавом-Адольфом громкими словами—рука палача бесчестит солдата: солдат, наказанный палачом, не может продолжать службу в рядах войск; товарищеская же рука солдата не бесчестит, и потому для провинившегося солдата, которому предстоит нести дальнейшую службу, и вводятся шпицрутены.

Тактическая реформа. Превосходство Густава-Адольфа над другими полководцами тридцатилетней войны заключалось в его обширных военных знаниях и в его умении поднять дисциплину и поддерживать порядок. В тесной связи с ростом дисциплины в шведской армии находились и введенные Густавом-Адольфом тактические реформы: тогда как войска других армий на походе шли, по выражению современника, как „стадо скота или свиней“,—шведская армия в строю всегда сохраняла равнение и дистанции. Свои дисциплинированные и тренированные строевыми учениями войска Густав-Адольф мог располагать не глубокими терциями испанцев, и даже не в 10-тишереножном строю Морица Оранского; пехота Густава-Адольфа строилась только в 6 шеренг [1]), кавалерия—в 3 шеренги. В пехоте Густава-Адольфа количество мушкатеров равнялось двум третям, а пикинеров—одной трети. В течение тридцатилетней войны пикинеры постепенно вовсе исчезли.

В комплектовании кавалерии также произведены были изменения; старый принцип рыцарского копья держался в кавалерии очень долго—даже рейтарские полки комплектовались не одиночным набором, а наймом латника с его свитой. Первые шеренги глубоких строев и их фланговые ряды составлялись из одной категории всадников, а внутренность построения наполнялась вторым разбором. Шведская конница получила вполне однообразное комплектование, явилась уже вполне регулярной кавалерией и порвала с чисто пистолетной тактикой, господствовавшей в начале XVII века. Густав-Адольф отменил „караколе“ [2]) и потребовал от своей кавалерии настоящей атаки; только всадники первых двух шеренг получили право раз выстрелить из пистолета, центр тяжести был перенесен на палаши. Конница Густава-Адольфа не соединялась в отдельные большие массы, а распределялась по фронту, в перемежку с пехотой. Такое распределение вызывалось, преимущественно, отсутствием штыка у пехоты, исчезновением пи-

---

[1]) Иногда, когда приходилось занимать более широкий фронт, и чтобы заполнить образовавшийся опасный промежуток, шведская пехота перестраивалась и в 3-шереножный строй.

[2]) После сражения под Люценом (1632 г.) тактика шведской кавалерии усваивается другими армиями; первым последователем явился Валленштейн.

кинеров и обусловливаемой этим обстоятельством односторонностью пехоты, неспособностью ее к производству натиска.

Пехота все более специализировалась на огне. Чтобы еще больше усилить ее огневое действие, Густав-Адольф ввел многочисленную легкую артиллерию, в виде батальонных пушек. В эту эпоху артиллерия была еще вовсе не милитаризована, перевозилась, как и обоз, гражданскими приемами транспортирования и обслуживалась при осадах крепких пунктов с подряда; поэтому, хотя артиллерийская техника уже в 1512 г., под Равенной, показала себя на достаточной высоте, артиллерия в полевых сражениях играла более, чем второстепенную роль. Густав-Адольф обучил свою пехоту обслуживанию батальонных орудий и, чтобы сделать маневрирование их на поле сражения независимым от немилитаризованных обозных, сконструировал особенно легкую материальную часть. Шведская пехота на поле сражения обходилась без лошадей, таская за собой на лямках свои батальонные пушки.

Шведская армия строилась в две линии. Шведский боевой порядок значительно расползся по фронту; современники видели в нем не столько активные свойства, как оборонительные: Густав-Адольф создал из людей нерушимую живую стену. Отдельные роды войск находились в теснейшем взаимодействии. В тех случаях, когда шведская пехота, как под Брейтенфельдом, перестраивалась в 3-шереножный строй, плотность боевого порядка оказывалась около 6 человек на 1 шаг по фронту; этого уровня плотность боевых порядков держалась затем довольно точно в течение двух с половиной столетий. Прусская армия в 1870 году развертывалась так же, имея в среднем 6 человек на 1 шаг по фронту, и только эволюция военного искусства в XX веке вызвала ряд резких скачков в сторону расширения и разрежения боевых построений.

Стратегия Густава-Адольфа являлась методичной и осторожной. По высадке в Германию, долгое время было уделено Густавом-Адольфом на захват укрепленных пунктов в Померании, чтобы обеспечить себе базирование [1]). 1¼ года прошло до первого сражения. К сражению Густав-Адольф обращался в исключительных случаях, при благоприятных условиях, когда цель операции не могла быть достигнута маневром; сражения этой эпохи приходятся, преимущественно, на осень, и бой дается, в сущности, для того, чтобы выгадать себе и лишить противника хороших зимних квартир. Однако, гражданский характер 30-тилетней войны, с пере-

---

[1]) Густав-Адольф стремился не столько помочь протестантам, сколько обеспечить шведские интересы прочным захватом Померании.

ходом колеблющихся государств — Бранденбурга, Саксонии,—то на сторону одной коалиции, то на сторону другой, с наличием в разных частях страны католических и протестантских центров, предоставлявших наступающему возможность повсюду найти для себя удобные опорные точки, могущественное вмешательство политики в стратегию, крайне резкие противоречия между освещением событий с католической и протестантской точек зрения — все это крайне осложняет изучение 30-тилетней войны, и с историей этой войны современная наука еще не вполне справилась [1]). Густаву-Адольфу, который вмешался в войну на двенадцатый год и действовал уже в сильно разоренной стране, пришлось позаботиться, в целях сохранения порядка и дисциплины армии, о снабжении ее подвозом с тыла. Густав-Адольф закупил в России для этой цели значительные грузы хлеба. Однако, в особенности с его смертью, шведская армия широко пользовалась и реквизициями. К концу 30-тилетней войны дисциплина у шведов сильно упала, и они обратились почти в таких же одичалых бандитов, как и другие участвовавшие в этой затяжной войне армии. Реформа снабжения в век Густава-Адольфа уже висела в воздухе, но на пути к переходу на магазинную систему Густав-Адольф сделал только первые шаги. Исторические памятники обрисовывают перед нами продолжительный и постепенный переход к магазинной системе снабжения, и роль реформаторов тыла, повидимому, скорее следует приписать Летелье и Тюренну, чем Густаву-Адольфу. Армия Густава-Адольфа была еще одета в крестьянское платье, и каждому солдату разрешалось иметь в походе свою жену; государство еще недостаточно обслуживало солдата, и обходиться на походе без помощи женщины ему было трудно.

Сражение при Брейтенфельде. Типичным для тактики Густава-Адольфа является его первое сражение в 30-тилетнюю войну, состоявшееся на второй год после его высадки в Германию, 17-го сентября 1631 года, под Брейтенфельдом. Густав-Адольф располагал 39 тысячами, в том числе 23 тысячи шведов и 16 тысяч саксонской милиции; в состав его армии входило 13 тысяч кавалерии и 75 пушек. Принимая во внимание слабость саксонцев, силы имперской армии под командой талантливого представителя испанской школы, генерала Тилли—36 тысяч старых солдат, надо признать равными. У имперцев в армии было 11 тысяч конницы и только 26 пушек. Имперцы располагались у Лейпцига, в Саксонии, и опустошали земли этого государства, вступившего в союз с Густавом-Адольфом. Под давлением

---

[1]) На русском языке—только устарелый труд *Пузыревского*: Записки по истории военного искусства в эпоху 30-летней войны. 1883 г.

саксонского курфюрста Густав-Адольф решил атаковать Тилли. Имперцы выдвинулись на 7 верст к северу от Лейпцига и расположились на небольших пригорках восточнее сел. Брейтенфельд. Масса пехоты Тилли построилась в духе испанской тактики, в 14 терций, сведенных в 4 бригады, по 5—6 тысяч в каждой. 6 кавалерийских полков прикрыли справа эти колонны; левое крыло под командой генерала Папенгейма состояло из 12 лучших кавалерийских и одного пехотного полков. Небольшой ручей Лобербах протекал в двух километрах перед фронтом. Весь боевой порядок был вытянут в одну линию, без каких-либо резервов или уступов позади; фронт был прерывчатый и растянулся на 3½ километра.

Шведско-саксонская армия, наступая с севера, первоначально развернулась против имперской армии на таком же широком фронте, в две линии: первая линия образовывала сплошной фронт; часть шведской пехоты перешла в трехшереножный строй, чтобы не оставлять на фронте разрывов. Но при наступлении, в целях более удобной переправы через представлявший некоторое затруднение ручей Лобербах, шведско-саксонская армия приняла к западу. Саксонцы, находившиеся на левом фланге шведов, оказались перед центром Тилли. Обе армии имели возможность развить охват правым крылом. Папенгейм, чтобы парировать эту опасность, решительно оторвался с левым кавалерийским крылом имперцев от центра и ушел влево настолько, что сам получил возможность охватить шведов с запада.

Тилли, желая дать время своей артиллерии, расположенной на холмах, обстрелять развертывающийся боевой порядок неприятеля, отказался от мысли атаковать неприятеля в момент переправы и повел бурную атаку, когда шведы и саксонцы приблизились к его позиции. Саксонская милиция, охваченная с востока кавалерией, ни на минуту не задержала натиска глубоких колонн имперцев и обратилась в бегство. Левый фланг шведов был открыт. Но Тилли не скоро удалось привести в порядок и повести в атаку на фланг шведов свою пехоту, увлекшуюся преследованием саксонцев. Одна из четырех бригад, увлеченная преследованием, так и не вернулась на поле сражения.

Папенгейм, между тем, выслав кавалерийский полк Фюрстенберга атаковать шведов с тыла, повел фланговый удар. Шведской армии, ослабленной бегством союзников, угрожало полное окружение полуторными силами врага. Но у шведов имелась вторая линия, и тактика шведской кавалерии, перемешанной с отрядами мушкатеров, была выше пистолетной тактики имперской кавалерии. Против Фюрстенберга из второй линии были высланы достаточные

силы, которые нанесли ему поражение. Для отражения Папенгейма правое крыло первой линии было продолжено загибом, образованным из состава второй линии.

Против 7 тыс. кавалеристов Папенгейма здесь дрались 4 тыс. шведской конницы и одна бригада (немного более 2 тыс.) шведской пехоты. Атаки Папенгейма встречались залпом шведских мушкатеров и короткими контр-атаками

Сражение при Брейтенфельде 17 сентября 1631 года.

Чертеж № 14.

кавалерии. Бой на этом крыле не получил решительного развития; Папенгейм ночевал на поле сражения и отступил на следующее утро.

На восточном участке сложился центр тяжести. 6 кавалерийских полков правого имперского крыла, которым почти не пришлось действовать против саксонцев, первые повернули против открытого шведского фланга и, не дожидаясь прибытия своей пехоты, повели атаку. Густав-Адольф развернул здесь из второй линии 2 бригады пехоты и 4 тыс. конницы, собранной из 1-й и 2-й линий. Имперская конница потерпела поражение и, преследуемая шведской конницей, бежала с поля сражения. Ее уже не было к тому моменту, когда Тилли привел в порядок 3 пехотных бригады и повел их в атаку на шведов. Однако, окруженные шведской конницей, вынуждаемые к остановкам атаками то с флангов, то с тыла, они не смогли развить своего натиска и остановились. А остановка глубоких

колонн равносильна их смерти. Скоро они оказались облепленными шведскими мушкатерами и шведской легкой артиллерией, которые с небольшого расстояния расстреливали беспомощные колонны. Только небольшой части имперской пехоты удалось вместе с Тилли пробиться на север.

В этом сражении обращает на себя внимание удивительно тесное взаимодействие родов войск в шведской армии—пехота, кавалерия и артиллерия беспрерывно поддерживали и выручали друг друга. Очевидной слабостью имперской армии являлось отсутствие второй линии и каких бы то ни было резервов. Если бы Тилли атаковал саксонцев половиной своей пехоты, вероятно, он достиг бы такого же успеха и имел бы возможность немедленно же развить его атакой шведов во фланг. Вынужденный совершить этот маневр пехотой, принимавшей участие в первой атаке, Тилли дал шведам драгоценное время, чтобы защититься от намечаемого удара. Линейный порядок в этом бою вышел победителем над колонной, главным образом, благодаря кавалерии. Из 7 бригад шведской пехоты в серьезный бой вступили только три бригады. Сплошной фронт шведов показал здесь и невыгоды сплошных построений—противник разделился и повел два очень опасных фланговых удара; однако, соображения в пользу колонн и в пользу прерывчатости боевых порядков начали учитываться в теории только в XVIII веке (Фолар), на практике — только армиями французской революции; для ближайшей же эпохи законом стал сплошной линейный боевой порядок, развивавшийся из образца, данного Густавом-Адольфом, с сосредоточением кавалерии на оба крыла после того, как пехота получила штыки.

Гражданская война в Англии. (1642—1649 г.) представляет, с точки зрения военного искусства, только частичный интерес. Англия, в особенности после потери своих французских провинций, проявляла мало интереса к развитию своих сухопутных сил; в 1627 г. английский десант у Ла-Рошели оказался вооруженным еще луками и стрелами; английские войска в начале гражданской войны находились далеко ниже уровня военного искусства, достигнутого на континенте в период тридцатилетней войны. Огромная эволюция английской армии за время гражданской войны осталась явлением чисто местным и не дала ростков на континенте. Однако, английская революция выдвинула облик такого гениального милитариста, как Кромвель, создала столь оригинальный процесс милитаризации целой революционной партии, открыла нам картины таких крупных военных достижений, что историк военного искусства не может обойти ее молчанием.

Первые 3 года войны с обеих сторон боролись армии, в которых было очень мало демократических тенденций и много пережитков средневековья. Клички „кавалеры“ и „круглоголовые“ не должны вызывать у нас ошибочных представлений о классовом составе первых армий гражданской войны. Сторонники парламента и сам Кромвель носили такие же букли на голове, как и сторонники короля [1]). За парламент стояли преимущественно промышленные и торговые графства Англии, за короля—земледельческие; поэтому, в составе парламентской армии было много горожан, у короля были шире представлены помещики, но командные должности в обеих враждующих армиях были заняты представителями тех же английских аристократических фамилий.

Пехота в обеих армиях была весьма посредственна. Обе стороны старались вербовать кадры младших начальников из лиц, получивших опыт в 30-тилетней войне. Парламентская пехота в Лондоне обучалась немецкими унтер-офицерами. Но традиции ландскнехтов не импровизируются. Пехота играла жалкую роль в сражениях гражданской войны. Она была бессильной развить какой-либо удар. Пехотные массы обеих сторон, образовавшие центр армий, останавливались в нескольких шагах друг от друга и вели нервный и не слишком убийственный огонь из мушкетов. Пика совершенно не применялась в бою и к концу войны была выброшена из вооружения пехоты.

При таких жалких тактических достижениях пехоты, центр тяжести армий, как это является нормальным в гражданских войнах, был перенесен на конницу, достигавшую часто половины состава всей армии. Пехота на полях сражений выжидала исхода боя конных крыльев. Все политически активные и более надежные боевые элементы устремились в конницу.

Презрительное отношение к пехоте отразилось на кампании графа Эссекса в Корнвалиссе в 1644 году: когда граф Эссекс почувствовал себя стесненным в этом роялистском гнезде, он поручил своей коннице прорваться из Корнвалисса, оставил парламентскую пехоту на произвол судьбы и сам с двумя офицерами уехал на судне из Плимута. Пехота погибла или рассеялась, но о ней никто особенно не сожалел, и парламент не выразил графу Эссексу осуждения: самое ценное в армии—конница—было спасено.

---

[1]) Кличка „круглоголовые“ привилась за сторонниками парламента потому, что группы молодых людей, записываясь в начале войны в парламентскую армию, стриглись наголо и давали обеты не оставлять ряды войск прежде, чем у них не отрастут волосы. Это было очень долго для англичан, отбывавших феодальную военную повинность не дольше 20-ти дней.

Конница обеих сторон в первые годы войны не имела вполне регулярного характера. Перевес имела королевская конница, руководимая „диким“ принцем Рупертом Пфальцским, племянником короля, с 14 лет беспрерывно участвовавшим в 30-тилетней войне. Руперту не удалось достаточно дисциплинировать свою конницу. Во всех сражениях повторялась та же картина: опрокинув парламентскую конницу, кавалерия увлекалась преследованием, захватом пленных, а, главным образом, добычей, грабежом обозов, и забывала о поле сражения. Ни Руперту, ни его помощнику генералу Горрингу не удалось ни под Эджхедом, ни под Марстон-Муром, ни в сражении при Ньюбери собрать конницу после первой победоносной атаки и бросить ее на другие, сохранившие порядок, части неприятельской армии.

Общий характер армий носил средневековый отпечаток. Парламентские войска не представляли единой армии, содержимой на счет государства. Отдельные графства, или федерации нескольких графств, или могущественные корпорации—Сити,—выставляли и содержали на свой счет свои войска. Общая численность вооруженных сил каждой стороны достигала 50—60 тысяч, но полевые армии колебались около 10—20 тыс. бойцов. Парламент, заключив договор с Шотландией, вызвал интервенцию в свою пользу шотландской армии в 15 тыс. человек, но и эта помощь не дала решительного перевеса в колеблющихся условиях гражданской войны. Решение было обусловлено новыми силами, выступившими вместе с Кромвелем.

Оливер Кромвель (1599—1658), сын состоятельного пивовара, убежденный пуританин крайнего толка, 29-ти лет был уже членом палаты общин. Последний повод к гражданской войне дало предложение Кромвеля лишить короля его военных прерогатив и присвоить парламенту право назначения командного состава и распоряжения милициями графств. Во вспыхнувшей гражданской войне достигший 40 лет Кромвель сформировал эскадрон под своей командой. Недостатки парламентской армии бросались в глаза Кромвелю [1]). Во главе стоял аристократический командный состав, стремившийся к ограничению королевской власти, но которого пугали какие-либо демократические изменения в строе государства; по мере углубления революции, он отпадал от нее и переходил в стан врагов. Мысль о низложении короля, против которого было поднято оружие, являлась далекой от начальства парламентской армии. Граф Эссекс, первый главнокомандующий, потребовал от парламента, чтобы целью формируемой

---

[1]) Перу лучшего германского военного историка принадлежит трехтомная монография: Fritz Hoenig. Oliver Cromwell.

армии прежде всего была провозглашена охрана особы короля, защита обеих палат и всего, что принадлежит их ведению; граф Манчестер, командовавший северной армией, помощником которого в 1644 году был Кромвель, утверждал: „если мы хотя бы 99 раз победим короля, то он все же останется королем, и его потомки будут также королями; но если король нас хотя бы раз разобьет, то мы все отправимся на виселицу, а наше потомство будет рабами“. При таком командном составе и общем направлении политики, искавшем соглашения с королем, трудно было ожидать энергии в развитии военных действий. Комплектование солдатского состава парламентской армии отбросами городского населения встречало со стороны Кромвеля суровое осуждение: „ваши войска—большей частью прислуга из кабаков, бездельники, пьяницы и тому подобный сброд; а у неприятеля — младшие сыновья джентльменов, лица с хорошим положением. Верите ли вы, что дух таких бедных людей может сравниться с духом дворянства, крепкого в вопросах мужества и чести? Вы должны вербовать людей с высоким духом, способных на такие же подвиги, иначе вы всегда будете биты“.

Исходя из положения, что „люди чести должны быть побеждены людьми религии“, а в эпоху религиозных войн человек религии был равнозначущ члену политической партии, Кромвель с самого начала войны начал вербовать в свой эскадрон, а затем и в свой полк своих религиозных и политических единомышленников, преимущественно из класса мелких крестьянских собственников. Солдат шел в „железнобокие“ Кромвеля для того, чтобы служить идее; идеальные побуждения и партийный состав резко отличал „железнобоких“ от других наемников XVI и XVII веков. В части, составленной из пуритан, которые видели в жизни одно неумолимое выполнение долга, естественно, сложилась суровая дисциплина, которая еще увеличивала сплоченность партийных единомышленников. Политические, экономические и религиозные идеалы, являвшиеся догматами пуритан, оказались в силах создать нового человека, нового сознательного бойца. По обычаям той эпохи, каждый „железнобокий“ имел свою лошадь и свое оружие; партийный полк из достаточных людей, разумеется, имел их в гораздо лучшем виде, чем другие наемные части. „Железнобокие“ получали хорошее жалованье, в их числе было много образованных людей; они жили „как джентльмены“. Естественно, выступление на полях сражений столь одушевленного и сплоченного коллектива отмечалось каждый раз крупным успехом. „Железнобокие“ Кромвеля отличались тем достоинством, которого не было у конницы принца Руперта: после первых успехов они не расстраива-

лись и, покончив с противостоявшим им противником, могли быть повернуты, в зависимости от хода боя, для удара в больное место неприятельского расположения. Это была вполне регулярная, дисциплинированная кавалерия. Кромвель с гордостью говорил о своих „железнобоких“: „никогда мы не были биты, а шли на неприятеля всегда“.

Новая армия. Успехи Кромвеля, как военного организатора, побудили сильнейшую ассоциацию графств в 1645 г., после потери графом Эссексом парламентской пехоты в Корнвалиссе, поручить Кромвелю организацию „новой армии“. Парламент принял расходы по содержанию этой „новой“ армии на счет государства. „Новая“ армия должна была достичь численности в 20 тыс. Эта ничтожная численность армий, которые формировались английской революцией, накладывала на них совершенно иной отпечаток по сравнению с массовыми армиями великой французской революции. В Англии бралась за оружие дробная часть процента населения, а французская революция декларировала поголовное ополчение и в действительности развернула армии силой до 4—5% населения. Кромвель стремился всю „новую“ армию создать по образцу своих „железнобоких“. Армия Кромвеля должна была получить отпечаток рыцарского ордена, партии, секты. Несмотря на энергичную агитацию единомышленников Кромвеля, набор всех 20 тысяч из крайних пуритан встретил значительные затруднения; пришлось быть менее разборчивым при укомплектовании армии. Но партийный дух индепендентов господствовал в ней, особенно в солдатских рядах. „У нас человеческие грехи—пьянство, распутство, а у вас—сатанинские—высокомерие и бунтарство“, говорил сторонник короля о солдатах Кромвеля.

При подборе командного состава Кромвель озаботился о том, чтобы прекратить совместительство положения в парламенте, в котором он не располагал большинством, с командной должностью в армии, что давало командованию диллетантский характер, вызывало наезд в войска большого числа политических деятелей враждебного Кромвелю толка и подрывало авторитет строевого командования. На первых порах Кромвель постарался не порвать окончательно с командным составом, сложившимся в парламентской армии в первые годы войны, и не подчеркивать тем господство партии, представлявшей ничтожное меньшинство в стране, при организации новой вооруженной силы. Из числа 39 генералов и полковников „новой“ армии было 9 лордов, 21 дворянин и только 9 недворян. Демократизация командного состава и захват должностей политическими единомышленниками явились уже задачей дальнейшего развития „новой“ армии.

Чтобы увеличить сплоченность новых частей, Кромвель установил для них единообразную форму одежды (1645 г.)— красные кафтаны—которые удержались в английской армии на протяжении $2^1/_2$ столетий. До Кромвеля армии вообще не знали форменной одежды: свои от чужих отличались, как в наше время на маневрах, каким-либо листком на головном уборе, да боевым кличем.

Через два года после своего сформирования, партийная армия Кромвеля выступила со своей политической программой. Так как офицеры в армии были не выборными, а по назначению, то в армии образовались более партийные солдатские советы отдельно от более умеренных офицерских советов. Члены солдатских советов назывались „агентами“ или „агитаторами“. В 1647 году Кромвелю пришлось пережить очень опасный кризис, вызванный агитацией в солдатских советах крайнего левого направления, руководимого Джоном Лильбурном, которая могла бы повести к общему развалу и анархии. Если этот кризис был успешно изжит, то только вследствие высокой партийной квалификации армии. Но если солдатские советы ни разу не выступили против Кромвеля, то это объясняется и тем, что по всем основным политическим требованиям армии Кромвель сделал уступки и включил их в свою программу—казнь короля, разгон из парламента враждебного солдатам большинства, удовлетворение экономических требований. Офицерский состав сделался также однороднее— более партийным и авторитетным; Кромвель осуществлял твердой рукой политические чаяния солдат—и их советы перестали собираться, не внося разложения в войска и передав начальству общее руководство.

Диктатура облекшейся в военную форму партии индепендентов протянулась до 1660 года, продержавшись только короткое время после смерти Оливера Кромвеля. Кромвелевской армии пришлось подавлять восстания и мятежи внутри страны и завоевывать Ирландию и Шотландию. Всегда она выходила победительницей. Ей пришлось уделить часть кадров и во флот, который в 1648 году перешел на сторону контр-революции. Опираясь на свою партийную армию, Кромвель, окончательно присоединив Шотландию и Ирландию, основал современное „Соединенное королевство Великобритании“, вел успешные войны с Нидерландами и Испанией и положил основание процветанию английского судоходства актом о навигации.

Сражение при Нассби. Об армии, созданной Кромвелем, можно судить уже по ее первому дебюту, через несколько месяцев по ее сформировании, 14-го июня 1645 года в сражении у Нассби. Король Карл I располагал армией из 4 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы и, находясь в стесненном поло-

жении близ Лейчестера, в центре Англии, решил принять бой с армией сэра Томаса Ферфакса, насчитывавшей 7 тыс. пехоты и 6,5 тыс. конницы. Шел уже четвертый год гражданской войны. Боевые порядки противников развернулись параллельно друг другу. Конница правого королевского крыла, под начальством принца Руперта, опрокинула противостоявшую конницу Ирстона, зятя Кромвеля, но развить свой успех не смогла. В центре королевская пехота сбила с вершины холма пехоту Ферфакса; офицеры не могли остановить отступления; сам главнокомандующий со сбитой с головы каской дрался, как рядовой боец. „Еще усилие, и сражение нами выиграно", кричал король Карл I. Но конница левого королевского крыла сэра Мармадука Лангдаля была отброшена „железнобокими" Кромвеля, после чего Кромвель произвел первую атаку на левый фланг королевской пехоты, чем вынудил ее остановиться. Было выгадано время, чтобы остановить и устроить молодые части „новой" армии—пехоту в центре и конницу левого крыла, после чего „новая" армия на всем фронте перешла в наступление. Общий натиск и, главным образом, решительная атака „железнобоких" дали победу. Вся пехота, артиллерия, обоз короля достались в руки победителей.

В этом сражении „новая" армия добилась победы при значительном численном перевесе; через некоторое время, окрепнув, „новая" армия начала спокойно смотреть на численное превосходство неприятеля. И в „новой" армии главная роль принадлежала кавалерии. „Железнобокие" Кромвеля, спаянные такой дисциплиной, которая выдерживала все испытания боя и позволяла им последовательно сосредоточивать свои усилия на важнейших целях, являлись ядром „новой" армии, по образу и подобию коих складывался моральный облик и других полков.

Перед гражданской войной в Англии не было постоянной армии. Армия Кромвеля просуществовала 15 лет и при реставрации династии Стюартов в 1660 году была распущена. Впервые в Англии парламент разрешил принципиально содержание постоянной армии в 1689 году.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Развитие постоянных армий.

Меркантилизм и постоянные армии. Борьба с частной антрепризой. Лувуа. Интенданты. Милиция. Строевое обучение. Тыл. Магазинная пятипереходная система. Казармы. Артиллерия. Фортификация. Ручное огнестрельное оружие. Обмундирование. Ремонтирование. Офицерский корпус. Тюренн. Оборона Эльзаса в 1674 г. Евгений Савойский. Сраж. при Гохштедте. Кампания 1706 г. в Италии. Литература.

Меркантилизм и постоянные армии. Жак Кер, представитель крупного торгового капитала и талантливый политик, высказал мысль о необходимости государству и в мирное время располагать вооруженной силой; эта мысль привела в 1446 г. к учреждению во Франции ордонансовых рот. С падением значения средневекового феодального ополчения, демобилизация при заключении мира получает лишь частичный характер. Карл V, в обширной империи которого „никогда не заходило солнце“, конечно, всегда нуждался в том, чтобы вооруженная сила была у него под рукой, и к концу своего царствования (1556 г.) имел 60 тыс. полевых и 80 тыс. гарнизонных войск. Банды, которые нанимались раньше только на время войны, а теперь оставались долгое время под знаменами, постепенно начали изменять свой характер. В XVIII веке, под влиянием идей обучения и дисциплины, выдвинутых школой Морица Оранского, эта эволюция получила более интенсивный характер. Однако, в странах Европы, с еще слабо развитым торговым капитализмом, идея постоянной армии встречала убежденных противников: ввести в город наемный гарнизон—это все равно, что половину врагов держать у себя по домам в то время, когда другая часть будет осаждать город; государства, тратящие на армию большие средства, не спасаются от бедствий войны; земские чины (сейм), которые согласились бы на содержание постоянной армии, настолько усилили бы государство, что им пришлось бы повсюду уступить свое значение монархам, власть коих сделалась бы абсолютной.

Развитие торгового капитализма, обострившего экономическое соперничество между государствами, создавшего

теорию меркантилизма, которая рассматривала государство, как коллективного купца и промышленника, сделало, однако, такой переход к усилению государства неизбежным. Окрепшие финансы государств позволили избежать все неприятности, связанные с роспуском старых и набором новых солдат, и иметь в каждую минуту надежную силу на страже меркантильных интересов государства. В 1668 г. Франция, заключив Ахенский мир, не распустила полки, а только несколько уменьшила на период мира их штатный состав. Монтекуколи, выдающийся австрийский полководец и военный писатель, побывавший в течение 30-летней войны дважды в шведском плену и ознакомившийся с военным искусством реформации, страстно защищал идею постоянной армии и доказывал необходимость в момент заключения мира не распускать армию, а приступать к исправлению выяснившихся в ней несовершенств и настойчиво и упорно вести подготовку к новой войне. Если Пескара, вождь испанских наемников начала XVI столетия, эпохи открытия Америки и первоначального накопления капиталов, восклицал: „для войны нужны деньги, деньги и деньги“, то Монтекуколи рассматривал этот афоризм уже иронически: только очень неосведомленные люди могут забывать, что для войны нужна и серьезная подготовка, которая олицетворяется в образе постоянной армии.

Борьба с частной антрепризой. Война, являвшаяся с начала средних веков делом частной антрепризы, начала огосударствливаться. Процесс национализации армий растянулся до начала XIX века. Солдат-авантюрист, избиравший военное ремесло из желания разбогатеть и попробовать свое счастье, должен был уступить свое место солдату-автомату, слепому орудию исполнительной власти, порабощенному офицерами, ставленниками господствующего класса. Это была эпоха героической борьбы центральной власти за право на контроль государства с неизжившими еще чувства феодальной свободы генералами, эпоха кабинетных войн и малых стратегических достижений. Однако, только при непонимании хода исторической эволюции можно сожалеть о минувшем времени свободы вождей наемных армий, которую сменила теперь зависимость от гофкригсрата в Австрии, от военного министра во Франции. Переводчик и популяризатор Ллойда, Ру-Фузильяк, в конце XVIII века горько осуждал создавшуюся военную систему: „большие армии, многочисленные штабы, сильные парки, большие обозы, большие магазины, большие склады фуража, большие госпиталя, одним словом, большие затруднения, большие злоупотребления, маленькие способности— и большие поражения“; однако, для XVII и XVIII веков эта военная система являлась исторической необходимостью.

Наемные армии были очень слабо связаны с государством. В течение тридцатилетней войны император Фердинанд II лично оказался бессилен собрать армию, а безродный авантюрист Валленштейн и граф Эрнст Мансфельд привлекали под свои знамена десятки тысяч солдат. Частный предприниматель—кондотьер—являлся необходимым посредником между государством и войсками. Протестантский полководец граф Бернгард Веймарнский, после смерти Валленштейна (1634 г.), сделал попытку, правда, неудачную, целиком переманить его армию на сторону противников; а Ришелье, после смерти Бернгарда (1639 г.), купил всю его оставшуюся армию, с занимаемыми ею опорными пунктами. Так Франция приобрела Эльзас. Из германских государей первый подал пример и начал сам непосредственно формировать войска курфюрст Баварский Максимилиан I (1597—1651 г.г.).

Начало частной антрепризы, так ярко сказывавшееся на верхах военной организации, проникало всю толщу армии. Части войск представляли полусамостоятельные республики. Полки и роты являлись собственностью их командиров, которые вербовали их, одевали и вооружали своим попечением; эта собственность высоко котировалась на бирже в начале войны и обесценивалась к концу. Солдат служил под псевдонимом—„nom de guerre“, жил на частной квартире, за отсутствием казармы, одевался не в форменное платье, а по своему вкусу, имел разнокалиберное собственное оружие, свою лошадь, в случае болезни или ранения предоставлялся собственному попечению; государство не обеспечивало его ни на случай инвалидности, ни на старость. Обоз представлял частную организацию подрядчика, доставлявшего тяжести своими лошадьми, повозками и подводчиками. Характернее всего начало частной антрепризы выступало в артиллерии; еще при Людовике XIV артиллерист являлся специалистом, техником, имеющим монополию на антрепризу артиллерийской стрельбы; за устройство и вооружение осадной батареи он получал—на первой параллели за пушку калибром 18—24 фунта 300 ливров, за мортиру—200 ливров, на брешь-батарее (венчающей гласис)—за пушку 400 ливров, за мортиру на гласисе—300 ливров, за суточную работу осадной батареи—с пушки, в зависимости от калибра, 10—20 ливров, с мортиры 16 ливров; снаряды, порох и шанцевый инструмент—королевские; для работ по устройству и обслуживанию осадной батареи артиллеристу предоставлялось нанимать пехотных солдат с уплатой им 20 су за 12-часовую дневную или ночную работу [1]).

---

[1]) Camille Rousset. Histoire de Louvois. I, стр. 236.

В случае взятия города, весь металл, имевшийся в городе, в частности бронза (колокола), составлял долю добычи артиллерии; в этой погоне за металлом отражалась еще средневековая бедность в нем. Даже первые госпиталя, устроенные Ришелье, представляли частную антрепризу: государство уплачивало подрядчику за каждый день пребывания в нем раненого или больного солдата, предоставляя антрепренеру выгадывать себе доход путем экономии на лечении и содержании. При отсутствии в распоряжении государства обширного класса честных и образованных агентов, обращение к военной антрепризе представлялось столь же естественным, как в начале XIX века к откупу, а не к акцизу; затем предпочтительнее представлялась постройка железных дорог частными обществами, а не государством, а в начале XX века являлась выгоднее организация промышленности и торговли частной инициативой. Процесс огосударствливания всегда болезнен, требует нажима сильной центральной власти, вызывает злобную критику защитников прав и свободы частной антрепризы; так было и в военном деле; под жалобами на энергичных представителей военной администрации эпохи Людовика XIV, на стеснение свободы полководца, надо часто понимать протест против всего хода новой истории, против перерождения средневековой цеховой организации в современное капиталистическое государство.

Лувуа. В середине XVII века Франция являлась экономически наиболее развитым государством Европы; Кольбер энергично вел ее по пути меркантилизма. На примере преимущественно Франции здесь и будет рассмотрен процесс огосударствливания армии. Главная работа по реформе была выполнена отцом и сыном Летелье: Мишель Летелье, из скромной недворянской семьи, был выдвинут Мазарини на пост статс-секретаря по военным делам, занимал его 25 лет (1643—1668) и получил разрешение передать эту должность сыну. Франсуа Летелье, получивший титул маркиза Лувуа, с 22 лет был помощником своего отца, а 28 лет вступил в управление военным ведомством и 24 года, до смерти, твердой рукой вел преобразование французской армии (1668—1691 г.). Таким образом, почти полвека военное ведомство находилось в руках семьи Летелье, и преобразования шли настойчиво и планомерно. Людовик XIV, провозгласивший, что „государство—это я“, был, главным образом, подписывающий король.

Интенданты. Летелье прежде всего позаботился о том, чтобы помимо недисциплинированного, с феодальной окраской, командного состава, непонимавшего новых отношений государства к войскам, в армии появились надежные агенты государственной власти, которые устано

вили бы на месте тщательный контроль за исполнением распоряжений центра; последние отнюдь не должны были оставаться бумажными декламациями. Эта новая военная администрация явилась в виде интендантов и их помощников, военных комиссаров. Французская буржуазия достигла уже такой степени культурного развития, что Лувуа мог собрать достаточное число честных, энергичных и образованных агентов для проведения своей воли на местах. Так как основная задача интендантов заключалась в борьбе с феодальными пережитками, то Лувуа избирал их почти исключительно из буржуазии. Только командующий армией имел право отдавать приказания интенданту и комиссарам; остальные начальники обязаны были выполнять их распоряжения и, в случае ослушания, могли быть ими отрешены от должности. Интендант, помимо командарма, состоял в тесной конфиденциальной переписке с Лувуа. Все вопросы о кредитах, крепостях, продовольствии, снаряжении, госпиталях и военно-судебные находились в полном ведении интендантов. На все совещания по вопросам оперативным, дипломатическим и административным строевые начальники были обязаны приглашать интенданта или комиссара.

Первой обязанностью агентов Лувуа было установить строгое тождество между бумажной и действительной численностью армии. До сего времени в войсках были в большом числе мертвые души, деньги за содержание которых начальство присваивало себе, а в случае поверки замещало пасволантами—переодетыми в солдатскую форму слугами, или солдатами, занятыми в соседней части. Лувуа предоставил интендантам и комиссарам право внезапных смотров личного состава на стоянках и на походе. Интендант пересчитывал число людей и объяснял солдатам, что если кто-нибудь из них укажет ему на пасволанта, то он за донос получит от него немедленно увольнение в бессрочный отпуск и премию в 500 ливров. Этот грубый прием искать среди солдат доносчика на капитана, конечно, вызывал резкие протесты офицерства. Применялись и другие приемы контроля: так, капитан не имел права раздавать жалованье солдатам без присутствия комиссара, а в случае невозможности прибытия последнего, обязан был приглашать свидетелем при раздаче жалованья мэра или одного из старейшин местного самоуправления. До этих реформ Лувуа, по мнению современника, не более 40% расходуемых государством денег доходило по назначению, а 60% присваивалось по пути.

Давая огромную власть интендантам, Лувуа воспрещал им всякое вмешательство в чисто командные и оперативные функции и требовал соблюдения такта по отношению

к строевым начальникам. Все же целый ряд генералов, начиная с великого Тюренна, не мог примириться с бесцеремонными приемами, которыми Лувуа насаждал реформу.

Милиция. Как и другие выдающиеся умы XVII и XVIII веков, Лувуа не мог примириться с добровольной вербовкой, как единственным источником комплектования армии, и стремился организовать дополнительную вооруженную силу на началах обязательной воинской повинности. В 1688 г. было приступлено к формированию милиции при следующей обстановке. Предстояла война с коалицией, в поводах к которой слышался отголосок религиозных войн. Лидер протестантов, Вильгельм Оранский, готовился свергнуть с английского трона склонных к католичеству Стюартов. В самой Франции Нантский эдикт был отменен, насильственно много протестантских семей было обращено в католичество. В тот момент, когда полевая армия начнет сосредоточиваться на границе против внешнего врага, ожидали, что воинственные гугеноты, сбросив с себя маску католицизма, возьмутся за оружие и поднимут пламя гражданской войны внутри Франции. Надо было создать надежные второлинейные войска для обеспечения внутренней безопасности. Все, что могла дать вербовка, поглощала полевая армия. Лувуа решил создать 30 полков, укомплектованных провинциями; каждая провинция нужное ей число милиционеров получала путем разверстки по приходам. В общем, поставка одного милиционера выпадала, смотря по местности, на 350—1300 жителей. Новообращенные католики, ненадежные в политическом отношении, в организуемое войско не брались. Приход, выставлявший милиционера, первоначально снабжал его ружьем и платьем, затем в снабжении приняло более широкое участие государство. С развитием войны милиционные полки стали входить и в состав полевых армий. Офицерский состав, преимущественно из отставных офицеров и разорившихся дворян, оказался очень неудачен: тогда как нужно было иметь средства, чтобы купить себе полевую роту, где вербовка солдат дорого стоила ротному командиру, в милиции рота давалась даром, а доходы из нее можно было извлекать такие же, как и в полевых частях, и даже большие: всякая экономия ротного командира на снабжении, всякое недостаточно тщательное отношение к нуждам солдат в полевой армии вело к смертности и дезертирству, и убыль каждого солдата тяжело ложилась на карман ротного командира; в милиции же убыль представлялась даже доходной для ротного командира, который требовал от прихода заместителя умершему или дезертировавшему, и, делая поблажки приходу, поставлявшему иногда наемника, а иногда не вполне годного милиционера, ротный коман-

дир извлекал из каждого случая убыли новый доход [1]). Отвратительный офицерский состав и уклонение от воинской повинности городского населения и всех зажиточных или образованных из состава сельского населения, что являлось феодальным пережитком и что обращало призванных в бессловесную крепостную массу, с которой можно было позволить себе какие-угодно злоупотребления, — эти важнейшие недостатки не позволили институту обязательной воинской повинности пустить корни при старом режиме. Милиционными эти полки были названы потому, что в эпоху вербованных армий милицией называлась каждая часть, собранная на началах обязательной повинности населения. Лувуа, создавая эти полки, мыслил их, как постоянно существующие; однако, после его смерти, при демобилизации в 1697 г., эти части были распущены. В 1726 г. этот тип милиции был воскрешен; милиции XVII и XVIII веков представляют росток, который быстро и роскошно развился в эпоху великой революции в могучую революционную армию.

Строевое обучение. Для того, чтобы ввести известный порядок и однообразие в подготовку и обучение войск, Лувуа создал инспекторов пехоты и кавалерии, которые объезжали гарнизоны, осматривали оружие и заставляли командиров частей заводить исправное, вместо негодного, указывали начальникам на пробелы в организации и обучении их частей, давали Лувуа подробные отчеты о результатах своих осмотров. Инспектора налаживали правильный ход занятий. Требования Лувуа были очень скромные,—как скоро пехотная часть обучена, она должна раз в неделю выводиться на учение, а кавалерийская часть выезжать два раза в месяц в поле и производить учение со стрельбой из пистолетов, чтобы лошади не пугались звука выстрелов. В каждом гарнизоне инспектора должны были назначать способного к строю офицера, который ежедневно принимал бы развод караулов и, пользуясь разводом, производил бы небольшое учение. В XVIII веке это скромное требование Лувуа разрослось в знаменитый Фридриховский вахтпарад, смотреть на который съезжались в Берлин иностранцы, а в XIX веке—в разводы в Михайловском манеже.

Высших постоянных соединений в мирное время во Франции не существовало. В военное время существовали дивизии, но не в настоящем смысле этого слова. Большая или маленькая армия, безразлично, состояла из 7 дивизий: первая линия состояла из одной пехотной и двух кавале-

---

[1]) Maurice Sautai. Les milices provinciales sous Louvois et Barbezieux, стр. 308.

рийских дивизий, так же образовывалась и вторая линия, а 7-я дивизия представляла строевую инстанцию, ведавшую откомандированными частями и, вообще, частями, не входившими в прочие шесть дивизий. Каждая дивизия состояла из неопределенного числа бригад. Под командой бригадира на время войны соединялось несколько пехотных или кавалерийских полков.

Тыл. Обозная часть в армии постепенно совершенствовалась и развивалась. Были сформированы полевые госпиталя; тогда как другие армии еще в XVIII веке довольствовались на походе невежественными фельдшерами, во французских госпиталях лечением ведали настоящие врачи. По мере развития забот о снабжении армии, явилась возможность начать борьбу с присутствием в тылу армии громадного количества женщин, на которых раньше выпадала задача покупать продовольствие солдату, приготовлять ему пищу, таскать за ним необходимые ему вещи (белье и проч.), ухаживать за заболевшим. Маневрирование и продовольствие армий, в тылу которых за каждым солдатом следовала женщина, было сильно затруднено; присутствие женщин, с вносимыми ими посторонними военному делу интересами, действовало разлагающе на спайку частей и дисциплину. Летелье запретил солдатам жениться. Вместо многочисленных солдатских жен, за французскими полками потянулись лишь немногие маркитантки. Но еще герцог Субиз в семилетнюю войну должен был вести упорную борьбу с женским элементом в армии.

По мере того, как солдат из временного наемника превращался в пожизненного защитника государства и терял всякие связи в гражданском мире, нужно было позаботиться об организации приюта инвалидам и ветеранам, потерявшим работоспособность. Лувуа с жаром отдался этой задаче и создал в Париже обширное учреждение—„Дом инвалидов“, предназначавшийся для призрения не имевших средств существования отставных офицеров и солдат. Первоначально эта задача возлагалась на монастыри, в которые государство распределяло по нескольку калек. В монастырях инвалиды чувствовали себя настолько плохо, что предпочитали идти нищенствовать в город, да и монахи стеснялись посторонних в монастыре и предпочитали давать назначенным им на постой инвалидам отступное. Лувуа заменил натуральную повинность монастырей денежной и создал образцовое учреждение; чтобы не ставить призреваемых в унизительное положение содержимых в богадельне, Лувуа сохранил за инвалидами военную организацию; роты из стариков, со стариками командирами, должны были являться примером подрастающим поколениям, живым памятником жестоких войн Людовика XIV.

Относя к настоящему месту описание реформы снабжения, мы должны отметить медленность и постепенность эволюции снабжения войск; реформы Лувуа хотя и занимают в ней крупное место, но она растянулась на значительно больший период времени, чем его деятельность; поэтому очерк снабжения, игравшего существенную роль в развитии постоянных армий, хронологически значительно выйдет за пределы настоящей главы.

Магазинная пятипереходная система. Средние века не знали крупных закупок государством продовольственных припасов. Солдат получал жалованье и приобретал себе все необходимое. Однако, при длительных морских перевозках в какой-либо мере рассчитывать на местные средства не было возможности. Продовольственная часть начала централизоваться впервые у народов, часто ведших дессантные экспедиции — у англичан и испанцев, и особенно для „Непобедимой Армады“ последних.

Уже в XIV веке во Франции имелось учреждение с неясными продовольственными функциями, под названием военного комиссариата [1]).

В XVI веке армии, достигавшие численности десятков тысяч человек, встречали уже частые затруднения в нахождении на месте выпеченного хлеба. Появляется новое слово „гарнизон“; гарнизоном во Франции XVI века назывался продовольственный склад, предназначенный для войск. Впоследствии такие склады появились во всех пунктах, где постоянно квартировало достаточное число войск, и слово „гарнизон“ получило современное значение. Из этих складов правительство уступало капитанам, встречавшим затруднения на рынке, продовольственные припасы для их солдат по заготовительной цене, с соответственным вычетом из жалованья солдат.

В период гугенотских войнвождь гугенотов, Колиньи, придавал большое значение организации продовольствия и, приступая к формированию армии, заявил: „начнем компановать это чудовище с желудка“. Стремления гугенотов удержать дисциплину в войсках, не ставить солдата в условия, вынуждающие к грабежу и реквизиции, вызвали назначение особых продовольственных комиссаров, формирование обоза, введение в штат каждого эскадрона 1 хлебопека; была изобретена полевая хлебопекарная печь. В этой печке или в обывательской эскадронный хлебопек должен был перепекать в хлеб муку, которую добудет комиссар. Однако, затея эта была преждевременной; сам Колиньи,

---

[1]) Вероятно, основной функцией военного комиссариата был сбор с провинций натурального налога продовольствием для прокормления войск во время 100-летней войны.

глядя на налаживавшийся в начале войны порядок в войсках, сказал: „это не продержится и двух месяцев“, и, действительно, очень скоро гугенотские войска, как и их противники, перешли на грабеж и реквизицию.

Переход к постоянным армиям создал нового крупного потребителя хлеба и совпал с огромным развитием хлебной торговли [1]). Экспорт важнейших портов в период XVI—XVII веков вырос с 5 до 50 тыс. тонн, высокие хлебные цены толкнули дворян на увеличение запашки их поместий и на увеличение барщинного труда крестьян. Густав-Адольф закупал в 30-тилетнюю войну хлеб в России [2]), но главнейшим портом, отпускавшим хлеб (польский), являлся Данциг, а мировой хлебной биржей был Антверпен, а после его разгрома—Амстердам. В 1672 г. голландские купцы поставляли зерно в магазин Лувуа, предназначенное для питания армии, вторгавшейся в Голландию; такова интернациональная природа капитала.

Особенное внимание правильному довольствию войск уделял Тюренн, выдающийся французский полководец, сын Оранской принцессы, протестант [3]), воспитанный в школе нидерландского военного искусства, участник тридцатилетней войны, фронды и первых войн Людовика XIV. Ветераны походов тридцатилетней войны жаловались, что во время операций войска иногда по три недели не видели крупинки хлеба.

В своих мемуарах[4]) Тюренн объяснял, почему в 1644 году, вынудив неприятеля отступить от Фрейбурга, он не мог оторваться от Рейна и последовать за отступающим неприятелем в Вюртемберг: тогда как старые солдаты пекли себе хлеб сами, новые солдаты привыкли жить на готовом хлебе, а так как магазинов, из которых можно было бы подвозить муку при наступлении, не было, то и пришлось остаться на Рейне. Повидимому, к этому моменту операций конца тридцатилетней войны, когда приходилось действовать в совершенно опустошенной Германии, и начала окончательно складываться во французской

---

[1]) Во второй половине XVI века в одной производящей провинции Франции—Гиене—имелось по крайней мере 500 торговцев зерном, которые выдерживали зерно 3—4 года в ожидании неурожайного года и высоких цен. Адмирал Колиньи рассчитывал получить с этой провинции, в течение гугенотских войн, до 60 тысяч мешков пшеницы. Commentaires de Montluc, стр. 558 (обор.).

[2]) Валленштейн, помимо широчайшей эксплоатации местных средств, довольствовал армию подвозом хлеба из своих огромных имений в Богемии.

[3]) Когда французы купили протестантскую армию скончавшегося антрепренера, Бернгарда Веймарнского, правительству пришлось позаботиться выдвинуть для командования ею француза, приемлемого для протестантов. Таким был Тюренн, воспитанный в идеях реформации.

[4]) Mémoires du viconte de Turenne, стр. 389 (издание Liskenne et Sauvan. Bibliothèque historique et militaire, t. IV. Paris, 1846).

армии магазинная система довольствия. В первый период 30-тилетней войны магазинами пользовались, но еще эпизодически, напр., баварская армия в 1620 году, во время Белогорской операции.

Лувуа расположил продовольственные магазины в крепостях: эти магазины были особенно значительны в тех районах, которые должны были являться базой намечаемого похода. Войска получали хлеб вполне регулярно из магазинов. Последнее становилось тем более необходимым, что, по мере того, как военная служба получала принудительный характер, являлась возможность формировать более многочисленные [1]) армии, довольствие которых местными средствами становилось затруднительным. Войны эпохи Людовика XIV велись армиями в 3—4 раза большими, чем 30-тилетняя война; эти армии двигались в одной колонне, а в народном хозяйстве еще не получили распространения посевы картофеля, которые играли такую видную роль при довольствии войск местными средствами, начиная с французской революции [2]).

Благодаря магазинам, французская армия получила значительные выгоды. Коалиционные армии, действовавшие против Франции Людовика XIV, только в течение последней войны (за испанское наследство) перешли полностью на довольствие из магазинов; в первых же войнах, рассчитывая преимущественно на местные средства, противники Франции могли начинать кампанию очень поздно—лишь в конце мая или в начале июня, когда подрастали подножный корм и посевы и можно было довольствовать многочисленную конницу зеленым кормом. Французская же армия, получавшая сухой фураж из магазинов, не была связана отсутствием на местах весной фуража и могла сосредоточиваться с зимних квартир и приступать к операциям на месяц раньше противника, что давало неисчислимые выгоды.

Постепенно выработалась так называемая пятипереходная система, при которой армия получала регулярное довольствие при удалении не свыше, чем на 5 переходов

---

[1]) В 1667 году французская полевая армия вторглась в Бельгию в составе 44 тыс.; в 1672 г. вторжение в Голландию велось 80 т. французской армией; эти цифры впервые с начала средних веков приближаются к численности армий императорского Рима; только эпоха французской революции, уничтожившая остатки феодализма и установившая подход к общей воинской повинности, позволила европейской цивилизации вполне сравниться и даже превзойти античную цивилизацию в организации многочисленных армий.

[2]) Ульмскую операцию 1805 года французская армия провела без магазинов, довольствуясь местными средствами.

Несмотря на успешный ход войны и благоприятное время года, солдаты испытывали лишения. Наполеон писал 24 окт. 1805 года своему генерал-интенданту: „в сезон, когда на полях не будет картофеля, или в случае заминок на фронте, отсутствие магазинов явится причиной больших несчастий для нас".

от магазина. Не далее, чем в трех переходах от магазина закладывались полевые хлебопекарни и организовывался мучной транспорт для подвоза муки из магазина в хлебопекарни. Армия удалялась не свыше 2 переходов от хлебопекарен: между армией и хлебопекарней работал хлебный транспорт, с подъемной силой на 6 дневных дач хлеба, по расчету двух суток пути в один конец, двух—на возвращение и двух суток на нагрузку, разгрузку, задержки и отдых. В общем, мучной и хлебный транспорты рассчитывались каждый по 1 парной повозке на 100 человек, что при двухфунтовой даче хлеба позволяло поднимать на 9 дней муки и на 6 дней хлеба. Так как солдат нес на себе на 3 дня хлеба, и хлеб съедобен летом только в течение 9 дней, то увеличение хлебного транспорта сверх 6-тидневной подъемной силы не имело бы смысла. Армия в 60.000 человек, располагая 600 повозками для муки, 600 повозками для хлеба, вместе с 3-хдневным носимым запасом, поднимала всего 18-дневный запас, что позволяло устанавливать правильный кругооборот на 5 переходах удаления от базисного магазина и, в крайнем случае, с перебоями, растянуть на короткое время операцию до 7-ми переходов.

Гораздо труднее было организовать подвоз овса. Армия в 60 тыс. имела почти 30.000 лошадей. Если исключить 10.000 обозных лошадей, которые в тылу могли найти себе корм, то оставалось все же около 20 тыс. строевых, с суточной потребностью в 7 тыс. пуд. овса. Правильный кругооборот при 5-переходной системе потребовал бы обоза с 15-дневной подъемной силой,—около 3500 парных повозок, т.-е. увеличения продовольственного обоза в 4 раза. Это являлось недостижимым, и сухой фураж получался в армии лишь при действиях вблизи от магазина или при наличии транспорта по водной артерии. В других случаях приходилось прибегать к фуражному довольствию местными средствами [1]).

Очень скоро другие европейские государства переняли у французов магазинную систему снабжения. В 1721 году в Пруссии имелось всего 21 магазин военного ведомства, в которых хранились хлебные запасы, достаточные для довольствия в течение одного года 200 тысяч человек (т.-е. в пять раз большего числа, чем в тогдашней прусской армии). Постепенно вопросы довольствия получили решающее значение в стратегии. Магазинная система, дававшая

---

[1]) Расчет местных средств в XVIII веке в Западной Европе был таков: пашня—около 50% всей земли; посев овса при трехпольи—около 1/6 всей пашни; средний урожай овса с десятины—35 пуд.; итого суточная потребность армии в 7 тыс. пуд. овса представляла полностью урожай 2000 десятин территории или половину урожая с квадратной мили территории (7×7 верст).

вначале полководцу большую свободу, совершенно связала его в направлении и размахе операций.

Фридрих Великий твердо держался магазинной системы, искусно пользуясь для закладки новых магазинов и транспортирования запасов речными путями; ему принадлежат характерные изречения: „я держусь мнения Гомера — хлеб делает солдата“ и „не я здесь командую, а хлеб и фураж“ [1]).

Жизнь армии исключительно за счет подвоза с тыла, вызванная необходимостью поддерживать строгую дисциплину и бороться с дезертирством, вызвала острую чувствительность армий старого режима к сообщениям. 11-го августа 1757 года Фридрих Великий писал фельдмаршалу Кейту, что он возлагает на ожидаемый продовольственный транспорт последнюю надежду государства. Такая фраза не вылилась бы из-под пера полководца, армия которого, в крайнем случае, могла использовать местные средства.

В вопросе продовольствия войск, как и во всем снабжении, процесс огосударствливания шел таким путем: сначала государство устанавливало контроль за правильностью довольствия полковниками и капитанами, затем приходило последним на помощь, устраивая государственные магазины, из которых войска могли, в счет жалованья, забирать продукты, и, наконец, сосредоточивало в своем ведении всю заготовку и распределение в войсках продуктов.

Казармы. Солдатское жалованье уменьшилось; солдата, которого раньше и в мирное время, и на походе кормила квартирная хозяйка или жена, стало продовольствовать государство. Параллельно с этим, государство взяло на себя и предоставление солдату помещения. Прежний способ размещения войск на постой по обывателям был найден несоответственным новым требованиям в отношении войсковой спайки и дисциплины, и государство принялось за постройку казарм. Уже в эпоху Лувуа казарменное строительство во Франции достигло такого размера, что значительная часть постоянной армии переместилась в казармы. В более бедных государствах этот процесс переселения в казармы, имевший огромное значение для внутренней жизни войсковой части, затянулся надолго. В России

---

[1]) Это было написано Фридрихом 13/IX 1745 г. из лагеря Семониц; король этим подчеркивал чувствительность ко всякому нажиму неприятеля на его тыловые сообщения при магазинной системе довольствия. Нужно иметь в виду тесную связь между магазинной системой и экономической политикой меркантилизма. Фридрих Великий, еще более развив собранные в магазинах запасы, пользовался ими для стабилизации хлебных цен во всем прусском королевстве, выпуская часть запасов на рынок, когда цена на хлеб поднималась до максимального предела. W. L a n g e b e c k. Geschichte des deutschen Handels seit dem Ausgange des Mittelalters, II Auflage. 1918 г. стр., 65.

только в начале XX века казарменный вопрос приближался к окончательному решению.

Казармы составили значительную часть континентальных европейских городов и обусловили начало их быстрого роста, столь характерного для последних полутора столетий. В Пруссии XVIII века количество солдат представляло 20—25% всего населения многих городов (1740 г.—Берлин 90 тыс. жителей, в том числе гарнизон—21 тыс.; Магдебург—19.580 жителей, 5—6 тыс. гарнизон, Штеттин—12.340 жителей, 4—5 тыс. гарнизон; Галле—14 тыс. жителей, 3—4 тыс. гарнизон и т. д.). Постоянная армия, являясь городообразующим фактором и могущественно влияя своими потребностями на создание рынка и увеличение обмена, явилась сильным рычагом, разрушавшим остатки натурального хозяйства и расчищавшим дорогу капитализму.

Артиллерия. Китай—страна, климат которой благоприятствует отложению селитры [1]), главной составной части пороха, явился и страной, в которой был изобретен порох. От китайцев это изобретение было перенято арабами и Византией, где получило довольно широкую известность под именем „греческого огня“. В XIII веке рецепт изготовления пороха был переведен с греческого на латинский язык и начал распространяться в Западной Европе.

Изобретение пороха и изобретение огнестрельного оружия представляют совершенно особые стадии развития техники. На Востоке порохом пользовались преимущественно в форме огня; китайцы и арабы применяли его в фейерверочной форме—„римская свеча“—для устройства пожаров внутри осажденного города [2]), греки—для поджигания неприятельских судов. Использование пороха для стрельбы, может быть, и самостоятельное изобретение европейской мысли. К 1300 году уже начались опыты конструирования огнестрельного оружия; первое использование его относится к 1327—1331 г.г. Немецкая изобретательность направилась немедленно на создание орудий огромного калибра; в начале XV века известность приобрела „ленивая Берта“ ландграфа Тюрингенского. Город Нюренберг в 1388 г. имел „Брунгильду“: вес орудия 135 пудов, вес каменного, окованного обручами ядра,—13,5 пуд.; орудие перевозилось 12-ю лошадьми, лафет—16, щит, заменявший бруствер осадной батареи,—на 6-ти лошадях (3 повозки). За „Брунгильдой“, отправлявшейся для осады, на 4 четверочных повозках везли 11 ядер и 150 фун-

---

[1]) На арабском языке селитра—„китайский снег“.

[2]) Такова была судьба пороха в Китае, по крайней мере, в течение первого тысячелетия после его изобретения. В XI веке источники говорят уже как будто и о стрельбе из орудий, а в XIII веке — об употреблении пороха для минных работ и о метании чугунных бомб, начиненных порохом.

тов пороха, и на 1 повозке следовало 8 человек прислуги в железных шапках и неметаллических кольчугах; вождем „Брунгильды“ был артиллерийский мастер, следовавший верхом.

Пушка — оружие не индивидуального бойца, и потому находящееся в противоречии со средневековым характером армий. Орудия представляли вначале собственность или коллективов—цехов и городов, или лиц командного состава и государей. Отбитые у неприятеля пушки и порох не шли в раздел добычи, а составляли собственность капитана. Вначале действие огнестрельного оружия было весьма ограничено; можно утверждать, что мортиры и пушки до XVII века представляли менее совершенную и могущественную машину, чем сложные орудия римлян и монголов, основанные на использовании силы раскручивающегося упругого тела. Последние представляли очень сложную механическую систему. В XIV веке искусство их постройки стало в Европе возрождаться, но, не смотря на техническое превосходство над пушками, они не выдержали конкуренции с огнестрельным оружием: последнее было окутано ореолом таинственного и чудесного, признано Петраркой адским изобретением, оглашено Лютером, как орудие сатаны и ада, и вошло в моду; главное преимущество огнестрельного оружия над другими видами метательного заключалось в устрашающем громе выстрела. Еще Макиавелли признавал, что пушки действуют, главным образом, страхом, вызываемым громом выстрела.

Орудия изготовлялись отдельными мастерами. Артиллерийское искусство вначале носило отпечаток средневековой алхимии и было окутано глубокой тайной, что серьезно затрудняло усовершенствование техники. Еще в 1420 г. написана была „фейерверкбух“, списки с коей передавались секретно по наследству адептами артиллерийского цеха; она была отпечатана только в 1529 г. и служила справочным руководством до последней четверти XVI века. Полтора века службы справочного технического пособия!—В наше время соответственные издания не выдерживают и 15 лет — темп эволюции техники ускорился более, чем в 10 раз.

Еще в 1494 г. известный кондотьер Тривульцио высказывал мысль, что пушки в бою бесполезны. Но как раз в этом году французская армия в итальянском походе дебютировала с многочисленными принципиальными усовершенствованиями артиллерийской техники: были изобретены цапфы, каменные ядра заменены железными или чугунными, изобретена бомба, канал орудия получил более строгое цилиндрическое очертание. Французы, приняв гораздо более действительный снаряд, усовершенствовав

технику изготовления орудия и стрельбы, смогли отказаться от калибров „царь-пушки“ и создали первое, действительно годное, боевое оружие [1]). Город Монте-Фортино был взят французами в течение одного часа, причем в этот период времени артиллерия успела сделать пролом в средневековой стене города и состоялся штурм.

В Италии было в обычае перевозить орудия воловьей запряжкой. Появление усовершенствованной французской артиллерии, с запряжкой лошадьми, почти поспевавшей на походе за полевой армией, произвело сильное впечатление. В 1512 году артиллерия сыграла уже решающую роль в сражении при Равенне. Отношение артиллерии к численности армии уже тогда колебалось около 4 пушек на 1000 бойцов, т.-е. достигло ступени, которой держалось, с известными колебаниями под влиянием маневренных или позиционных войн, почти до последней мировой войны.

Дальнейшим существенным этапом в развитии артиллерии явилось изобретение в 1640 г. масштаба калибров. До этого времени каждый экземпляр оружия носил на себе средневековый отпечаток индивидуальности изготовлявшего его мастера, и почти не было двух схожих между собой экземпляров. Идея однообразного изготовления предметов по форменному образцу—это идея новых веков; она открыла широкую дорогу капитализму в организации промышленности, она позволила рационализировать и механизировать производство. Уже ландскнехты поражали внимание воспитанного в средневековых условиях наблюдателя тем, что у них пики, по требованиям боевой работы в составе коллектива, были одинаковой длины. В конце XVI века внимание наблюдателя привлекла поставка аугсбургскими мастерами баварскому герцогу 900 ружей, необычайность коих состояла в том, что они все были на одну и ту же пулю. Во Франции вскоре установилось требование изготовлять орудия по нескольким (5—6) калибрам. Изготовление орудий, требующее сложного технического оборудования, быстро ушло из рук ремесленников и сосредоточилось в немногих пунктах; в эпоху Людовика XIV Кольбер, работавший параллельно с Летелье, основал и расширил государственные орудийные и оружейные заводы; меньше чем через полвека Петр Великий основал Тульский и Сестрорецкий заводы.

---

[1]) При Людовике XIV вновь нарождаются „Комингы“ — 18-дюймовые мортиры, получившие свое название по фамилии великана—королевского адъютанта; они стреляли бомбой, весом в 500 фунтов, несшей разрывной заряд в 48 фунтов. К осаждаемой крепости удавалось подвозить не более 3 таких чудищ, и немногие выпускаемые ими бомбы тонули, по своему действию, среди массы выпускаемых бомб мортир среднего калибра; Комминги явно не оправдывали трудов по их доставке и установке и после 1745 г. (осада Турнэ) были сданы в архив.

Лувуа упорно работал над милитаризацией артиллерии; надо было переработать артиллериста—цехового техника, в строевого начальника, командующего не только обозом, но и солдатами. На первое время обслуживание орудий в бою осталось на пехотных солдатах, но для этой цели в 1671 г. был создан особый фузилерный полк, специально обученный. Через 5 лет появились уже чисто артиллерийские части—бомбардирские роты.

Вся артиллерия армии образовывала общий армейский парк, который в дни боев выделял на различные участки бригады, включавшие неопределенное количество материальной части и патронных ящиков для пехоты. Строевая часть, организованная заблаговременно, появилась в артиллерии только при Грибовале, инспекторе французской артиллерии перед самой французской революцией (1777—1790 г.г.). Грибоваль установил понятие о батарее, как организационном целом—совокупности личного и конского состава и материальной части, обслуживающей определенное количество орудийных жерл. Представление о необходимости объединить в батарею орудия одного калибра еще отсутствовало, и батареи составлялись из пушек—тяжелого и легкого калибров, и единорогов (гаубиц XVIII столетия).

Боевые комплекты, которые брались в поход, не превышали, до Грибоваля, 100 выстрелов на орудие. При Наполеоне они увеличились до 200—400. В XVII веке порох для зарядов еще развешивался при орудиях во время стрельбы. В начале XVIII века весы были заменены меркой: из раскупоренного боченка порох набирался по объему, меркой для каждого выстрела. В 1741 г. заряды пороха начали развешивать заранее.

Фортификация. Усовершенствование артиллерии—оружия коллектива—отразилось на общем огосударствливании жизни. Эмблемой феодального дробления власти являлись не только стены и башни рыцарских замков, но и стены городов. Цивилизация эпохи императорского Рима не знала тесных средневековых городов, замурованных общей стеной—оборона империи была вынесена на ее границы. Средневековая городская стена выросла в период развала и бессилия центральной власти и представляла коллективную собственность горожан, уцелевших от погромов варваров и скучившихся в небольшом квартале просторной римской колонии. Теперь усилия даже коллектива собственников оказались явно недостаточными для обороны от располагавшего артиллерией неприятеля. Городские укрепления, возведенные муниципалитетом, потеряли боевое значение. Стены большей части городов начали срываться или остались в виде не имеющей значения декорации; вместо частно-владельческой заботы об обороне вы-

ступила задача государственной обороны; государство сосредоточило усилия на создании меньшего числа, но способных к более серьезному сопротивлению опорных пунктов. Стратегическая карта Европы в XVII веке резко меняется—с нее стирается плеяда укрепленных городов и наносится ряд городов-крепостей. В этом отношении пример подала Франция Людовика XIV, возведшая по государственной границе до 3-х линий крепостей. Ошибочное увлечение числом крепостей было ясно великому инженеру эпохи Вобану, которому пришлось самому строить и перестраивать 160 крепостей; в частном письме он высказал мысль, что большое число крепостей вредно, но „невыгоды их заметят только тогда, когда окажутся не в состоянии ни наступать, ни защищаться".

До Лувуа военных инженеров, как специалистов, не было. Функции военных инженеров выполняли строевые пехотные офицеры, имевшие склонность к строительству. Из пехоты вышел и Вобан. Широкий размер крепостного строительства заставил в 1677 г. образовать особый корпус военных инженеров.

Стратегия того времени указывала, как цель операций, для одной стороны—овладение крепостями в пограничной провинции соседа, для другой—препятствование неприятелю в разрешении этой задачи. Отсюда осадное искусство выдвинулось на первый план, и схема осадных работ, установленная Вобаном в соответствии с артиллерийской техникой XVII века (высшее достижение—рикошетный выстрел), держалась в консервативном цехе военных инженеров вплоть до конца XIX века.

Стратегия выдвигала цель—слабейшей стороне маневрировать вблизи неприятельской армии, чтобы препятствовать ее осадным успехам, и в то же время сохранять возможность уклониться от вступления в решительный бой. Такую возможность дает позиционное искусство—занятие и быстрое усиление укреплениями крепких позиций. Поэтому XVII и особенно XVIII век представляются эпохой расцвета позиционной войны; достигнутый уровень дисциплины позволил широко использовать войска для земляных работ, устройства засек, палисадов и т. д. Для прикрытия сообщений иногда устраивались позиции, длиной в десятки верст (Денненские линии Евгения Савойского); угрожаемая провинция обеспечивалась иногда позицией, запиравшей доступные проходы на протяжении сотни верст (Шварцвальдские линии 1713—1714 г.г.); армии устраивались иногда в „укрепленных лагерях", где, обеспечив себя укреплениями и наводнениями, они могли долгое время уклоняться от боя. Надо обратить, однако, внимание, что расцвет позиционной войны обычно приходился на конец

многолетних войн, когда мельчали оперативные цели, в соответствии с ослаблением моральной силы войск и энергии вождей.

Ручное огнестрельное оружие. Столетием позже артиллерийских орудий появляются первые образцы ручного огнестрельного оружия, поступающие на вооружение. Если германское влияние сказалось на увлечении большими калибрами пушек, то стремление использовать огнестрельное оружие в полевом бою получило сильный толчок в Чехии, в период гусситских войн. Повозки гусситского вагенбурга вооружались очень небольшими, наглухо закрепленными к ним пушками, и появились стрелки с огненным боем. Немецкие ополчения, выставляемые против гуситов, также должны были стать на тот же путь. Славянское влияние видно из того, что западные европейцы заимствовали из чешского языка слово „пистолет".

Если развитие артиллерии представляло творчество нового рода оружия, с новыми функциями и было чревато не только тактическими, но и стратегическими и политическими последствиями, то развитие ручного оружия являлось чисто техническим процессом постепенного перевооружения стрелков новым образцом метательного оружия. По мере усовершенствования ручного оружия, увеличивалось и число стрелков; последние, представлявшие вначале придаток—легко вооруженных—к тактической единице, к коллективу, вооруженному исключительно холодным оружием, росли в числе и значении, постепенно видоизменили тактические формы, поглотили массу пикинеров и сами, обратившись в основу армии, выстроили линейный боевой порядок.

Борьба огнестрельного оружия с арбалетом и луком продолжалась в течение длинного ряда лет. На спортивных стрельбах горожан в конце XV века мишени для аркебуз выставлялись на 230—260, а для арбалетов—на 110—135 шагов. Дальнобойность и убойность ружья была выше арбалета и подавно больше лука. Однако, надежность действия и скорострельность у арбалета и особенно у лука были много выше. Если стрела не могла быть метко пущена в ветряную погоду, то в дождливое время из тогдашних образцов ружей вовсе нельзя было стрелять [1]). В первой половине XV века число стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, не превосходило числа

---

[1]) Стрела из лука пробивала до 4 дюймовых досок, что вполне достаточно для нанесения тяжелого ранения; но для стрельбы необходима большая сила, и усталая пехота была неспособна дать хорошей стрельбы из лука. Боевые дистанции стрельбы были не слишком значительны, досягаемость лука являлась достаточной, а снятие, постепенно, армиями предохранительного вооружения открывало лучникам новые возможности.

арбалетчиков. К началу XVI века испанская пехота являлась наиболее передовой—в ней число бойцов с огнестрельным оружием достигало 1/3, тогда как в Германии оно было меньше вдвое, а во Франции—даже втрое. Император Максимилиан, создатель ландскнехтов, в 1507 году упразднил арбалет из вооружения пехоты, но в Англии лучники, сильные традициями, удерживались еще в течение 120 лет. Во французской литературе спор о преимуществе лука и аркебуза еще велся в 1559 г., а в Англии—даже в 1590 г. Последнее применение лука в европейских войнах отмечается в 1813 г., когда башкиры и калмыки, входившие в состав русской легкой конницы, имели еще лук и стрелы. В битве под Лейпцигом французский генерал Марбо был ранен русской стрелой.

Серьезные усовершенствования в ручном огнестрельном оружии относятся к началу XVI и концу XVII веков. С 1523 года на вооружении появляются мушкеты.

Пуля мушкета вначале весила 1/8 фунта; она могла поражать на расстоянии до 600 шагов и наносила чрезвычайно тяжелые ранения; но стрельба была возможна только с сошки, а заряжание—чрезвычайно сложно и кропотливо; требовалось до 95 приемов (еще в 1608 году). Замок—фитильный, действовал в сухую погоду без отказа, но стрелку приходилось оперировать с порохом, имея 2 зажженных фитиля—один в руке, другой—в курке, и преждевременные выстрелы и несчастные случаи бывали весьма часто.

Мушкет был очень тяжел, и пехотинцы, во второй половине XVI века, стремились обзаводиться не мушкетом, а более легким ружьем [1]), типа, принятого тогда охотниками, меньшего калибра (пуля весом 1/20 фунта), с кремневым замком; ружье легкое, обхождение с ним гораздо проще, но дальность выстрела сокращалась в полтора раза, убойность была более слабая, кремневый замок капризничал [2]) и давал значительный процент осечек. Эти качества кремневого ружья объясняют позицию Лувуа в вопросе перевооружения пехоты; кремневое ружье признавалось не боевым, а спортивным и охотничьим, не допускалось в войска; инспектора получали указание—уничтожать найденные на вооружении ружья и заставлять капитанов приобретать из складов вместо них мушкеты.

К концу XVII века кремневое ружье усовершенствовалось; в 1699 г. был изобретен штык, позволявший соединить в руках одного пехотинца холодное и огнестрельное оружие, был введен бумажный патрон (1670 г.), позволявший перестать размеривать количество пороха, необходимое для

---

[1]) Фузея; отсюда фузильеры—пехота, вооруженная легким ружьем.
[2]) Кремневый замок—на основах современных зажигалок.

заряжания, и несколько позже (1718 г.) был изобретен железный шомпол, что позволяло довести скорострельность до 2—3 залпов в минуту. В XVIII столетии мушкет был уже повсюду вытеснен кремневым ружьем, с которым велись конец войн Людовика XIV, войны Фридриха и Наполеона. Нормально количество осечек кремневого ружья в хорошую погоду достигало 15%.

Перевооружение европейских армий менее метким и менее дальнобойным кремневым ружьем отвечало общему характеру развития военного искусства в XVIII веке. Прицел и мушка были изобретены еще в XV веке, и городские милиции начали культивировать на своих спортивных стрельбах меткий индивидуальный выстрел. Медленность заряжания мушкета увеличивала значение тонкой стрельбы. Но в конце XVII и особенно XVIII веков на индивидуального меткого стрелка смотрели, как на пережиток средневековой анархичности; боевое действие должно было являться результатом работы солдатского коллектива; лозунги „все по команде“ и „шаг в ногу“—перешли и на организацию стрельбы; в XVIII веке тонкая индивидуальная стрельба подавлялась, солдаты обучались быстро заряжать и давать дружные залпы; стремление научить солдата производству меткого выстрела признавалось мирным ухищрением, бесцельным в бою. В бою солдат волнуется, и его пуля значительно уклоняется от того направления, которое он хотел бы дать; тщательное прицеливание только задерживает скорость стрельбы. Расчет при массовом огне в XVIII веке шел только на картечное, дробовое действие залпов плутонгов (взводов); не все ли равно, куда уклонится отдельная дробинка или картечь—масса выпущенных кусков металла создаст впереди поражаемое пространство. Ружейный огонь в XVIII веке получил автоматический, фабричный характер; монотонно-механическое действие ружейных залпов должно было увеличивать сомкнутость и коллективное чувство у пехотинцев, подверженных разлагающему влиянию боя. Кремневое, быстро, хотя и неверно, стрелявшее ружье являлось идеальным оружием для линейной тактики XVIII века. По данным Шарнгорста, процент попадания массового огня из кремневых ружей, пули коих далеко не улетали при изменении угла выстрела, был, несмотря на официальное подавление тонкого обучения стрельбе, довольно велик и достигал, по развернутому кавалерийскому строю: на 100 шагов—40,3%; на 300 шагов—14,9%; на 400 шагов—6,5%. Уставы настойчиво рекомендовали дистанцию в 100 шагов, как выгоднейшую для ведения решительного ружейного огня, и советовали, по возможности, раньше огня не открывать. Только французская революция и развившийся в цепях стрелковый бой нанесли

серьезный удар тенденциям коллективизма в огне, но даже и теперь, после мировой войны, они не во всех умах и уставах изжиты [1]).

Снабжение войск мушкетами первоначально лежало на обязанности капитанов: командир роты или вербовал наемника с исправным мушкетом, или давал ему свой мушкет и погашал стоимость его вычетами из жалованья. По мере того, как в XVII веке пришлось расширять вербовку вне круга профессиональных наемников, начальству приходилось все более и более брать на себя заботы о вооружении. На помощь капитанам пришли полковники, закупавшие партии пригодных мушкетов, на помощь пришло и государство, начав отпускать капитанам оружие по заготовительной цене из своих арсеналов и цейхгаузов. Последние получили свое начало из-за необходимости иметь мобилизационный запас мушкетов для вооружения милиции, так как с началом военных действий быстрое приобретение больших партий оружия было нелегко. Артиллерия и запасы мушкетов, пик, шпаг и т. д. начали накапливаться в государственных арсеналах и цейхгаузах. В конце XVI века во Франции было уже 13 арсеналов. Государство становилось все требовательнее к годности и однообразию состоявших на вооружении мушкетов.

В 1666 г. Летелье установил для всех мушкетов во французской армии единый калибр. С 1681 года государственная помощь в деле вооружения развилась и приняла форму снабжения войск ручным огнестрельным оружием, изготовляемым на государственных заводах. Производство холодного оружия сохранялось дольше в руках ремесленников и концентрировалось в определенных районах (Толедо, Льеж, Золинген, Златоуст).

Образец ружья, сложившийся в существенных чертах еще при Людовике XIV, существовал и при Наполеоне (улучшенный в деталях образец 1777 г.); он отличался своей прочностью: срок службы ружья был определен в 50 лет; кремневый замок его в дождь или сильный ветер давал, однако, беспрерывные осечки, и один кремень в курке не мог выдержать больше 50 выстрелов. Заряжалось ружье в 12 приемов; калибр равнялся 17,5 мм., следовательно, площадь поперечного разреза пули была в 5 раз больше, чем у нашей трехлинейки; 60 патронов, которые носил солдат, весили 6 1/2 фунтов. Тяжелая круглая пуля (27 грамм) получала очень большую начальную скорость—612 метр. в секунду—помощью громадного заряда пороха (12 грам.), что вызывало

---

[1]) Главным образом, этой тенденцией, направленной против индивидуального меткого огня, объясняется тот факт, что нарезное ружье, появившееся еще при Лувуа для вооружения отборных стрелков в коннице, получило массовое распространение лишь во второй половине XIX века.

мучительный удар при отдаче. Заряд пороха был рассчитан так сильно потому, что часть его солдат, откусивши зубами гильзу, должен был отсыпать на полку, а также потому, что при кремневом замке часть газов прорывалась через затравку: последнее производило очень неблагоприятное впечатление на стрелка. Чтобы уменьшить отдачу, солдаты старались просыпать побольше пороху на землю в тот момент, когда они подсыпали порох на полку замка; это просыпание пороха на землю было так распространено, что все военные радостно приветствовали переход от кремневого к пистонному замку, который в европейских армиях закончился в 1840 г. [1]).

Обмундирование. Как и в отношении оружия, так и в отношении обмундирования, государству, прежде всего, пришлось заботиться не о постоянной армии, жившей на жалованье, а о милиции. В XVI веке недостаточные милиционеры во Франции получали вещевое довольствие от общин. Но затем произошло разделение; основное обмундирование стало выдавать государство, а общины давали только дополнительное—шляпу, белье, обувь.

Капитан, принимая в роту ландскнехта, требовал, чтобы он имел суконный камзол ярких цветов и даже немного денег для непредвиденных случайностей. Впоследствии, когда вербовочный материал сильно ухудшился, заботы об обмундировании легли преимущественно на капитана, который выдавал недостаточным солдатам одежду. Каждый капитан был заинтересован в том, чтобы навербованная им рота выглядела лучше, и вскоре было замечено, как выигрывает вид войск от однообразной одежды. В XVII веке государство предоставило капитанам забирать в счет жалованья сукно с казенной фабрики. Суконная промышленность издавна работала преимущественно на военных. Суконное обмундирование считалось необходимым для похода.

Средние века знали „ливрею“. Каждый феодал имел излюбленные цвета, в которые одевал в парадных случаях свою челядь. Желающие почтить князя являлись чествовать его с частью одежды его цветов. В 1476 году при французском дворе лейб-гвардия носила уже „ливрею“, т.-е. одежду цветов французского короля.

---

[1]) С введением пистона уменьшилась зависимость пехоты от погоды. Преследование русской конницы после сражения под Кацбахом в 1813 г. было успешно, так как под дождем пехота Макдональда не могла добиться даже одиночных выстрелов по русской коннице. 27 августа 1813 г., под Дрезденом, Мюрат использовал момент проливного дождя для атаки левого крыла австрийцев, смял и порубил его, не будучи встречен ни одним выстрелом. 1 февраля 1814 г., в последние часы сражения под Ла-Ротьер, снег шел густыми хлопьями, пехота обеих сторон стрелять не могла и дралась только штыками.

Форменная одежда постоянных армий имеет, однако, корни не в феодальной ливрее, а в стремлении рационализировать обмундирование: необходимо иметь возможность в бою отличать своих от чужих; необходимо в мирное время сделать солдата ответственным за грабеж и обиду граждан, чего нельзя добиться, если по внешнему виду солдата не видно, к какой части он принадлежит; необходимо солдату затруднить дезертирство, что облегчается, если военное платье резко отличается от штатского костюма. Наконец, требования дисциплины, сомкнутость, установление общего духа в тактической единице, ее сколачивание—достигается гораздо скорее, когда она одета однообразно. Первым, в 1645 году, ввел форму—красные кафтаны—революционер Кромвель. На континенте форменная одежда распространялась медленнее. Лувуа полагал, что не следует разорять капитанов требованием полного однообразия в одежде их роты. При Людовике XIV полк короля сам оделся в синий цвет, полк королевы—в красный, дофина—в зеленый. Мода распространилась и в армии, и более состоятельные капитаны одели однообразно свои части. Декреты о формах были изданы во Франции на 50 лет позднее, чем форма была установлена властной модой. Окончательно понятие мундира, как чего-то неотъемлемого от военного звания, установлено декретом 1749 года [1]).

Армия Густава-Адольфа еще была одета в крестьянское платье. Но через сто лет после 30-тилетней войны стали уже отрицать самую возможность иметь сколько-нибудь дисциплинированную армию, не однообразно одетую. Фридрих Великий в 1767 году писал о прусской армии Великого курфюрста (вторая половина XVII века): „его кавалерия имела еще полностью старое вооружение; она отнюдь не могла быть дисциплинированной, т. к. каждый кавалерист сам добывал себе лошадь, платье и ружье, откуда в частях получалась удивительная пестрота [2])“. А „без формы—нет дисциплины“, полагал уже Фридрих Великий.

Государство, ограничиваясь в вопросах обмундирования сначала контролем его пригодности (Лувуа обращал особое внимание на то, чтобы обувь в походе была исправна), пришло затем на помощь войскам, а также отличившимся на войне частям, сукном и подарками; Лувуа посылал в виде подарка капитанам хорошо работавших полков по паре башмаков на солдата; и только в XVIII веке государство взяло на себя вещевое снабжение. В прусской армии солдатам пришлось считаться со скупостью и расчетливостью прусских коро-

---

[1]) Годом раньше в Англии было предъявлено первое требование ношения формы к морским офицерам.

[2]) Geschichte der Bekleidung und Ausrüstung der Königl. preussischen Armee. Weimar. Часть II, стр. 201.

лей; так, шинель выдавалась солдату только при расположении на зимних квартирах и отбиралась с выступлением в поход: солдату идти легче, на отдыхе он найдет укрытие в палатке, а шинель нигде так легко не утрачивается, как в бою—вместе с убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Солдаты других армий имели шинели и не дрожали так от непогоды, как победители Росбаха, Лейтена и Цорндорфа.

Необходимость обеспечения армии сукном вызвала на континенте обширное развитие суконной промышленности. Тогда как все потребление сукна Пруссией в начале XVIII века не превышало 50 тыс. кусков сукна в год, „русская компания в Берлине“ вывозила в Россию с 1725 по 1738 год в среднем по 20 тыс. кусков солдатского сукна в год, что достаточно для обмундирования 100 тыс. солдат, или, при двухлетнем сроке мундирной одежды, на 200 тыс. армию. Кроме того, большие партии сукна ввозились в Россию и из Англии; работала и русская промышленность по изготовлению солдатского сукна—основанные под давлением Петра Московская и Казанская суконные фабрики (Щеголева и Микляева), насчитывавшие в 1729 г. каждая свыше 700 рабочих и около 130 ткацких станков. Такая же военно-суконная промышленность, на пятьдесят лет ранее, была развита во Франции Кольбером.

Ремонтирование кавалерии не было реформировано Лувуа; лошади во французской кавалерии являлись собственностью капитана—командира эскадрона; он же из денег, отпускавшихся на кавалериста, кормил лошадей. В этих условиях интерес командира эскадрона заключался в том, чтобы лошади не находились в сильном движении, особенно на живых аллюрах, что требует увеличения дачи овса и скорее изнашивает лошадь. Поэтому французская конница, отличавшаяся в старину энергией и бурностью своих атак, в период постоянных армий почти изгнала из обихода галоп; только в крайних случаях французские эскадроны переходили в 200 шагах от неприятеля в короткий галоп. В этих условиях французская кавалерия, с ее жирными, нетренированными лошадьми, не была способна к энергичному напряжению сил, к быстрому маневрированию, к захвату инициативы при столкновении с противником. В течение Семилетней войны французская конница оказалась явно уступающей прусской кавалерии, лошади которой представляли не частную, а государственную собственность, довольствовались государством и тренировались такими вождями, как Зейдлиц, на атаки широким галопом с 1800 шагов. Только опыт Семилетней войны указал французам на необходимость покончить с этими пережитками частного предпринимательства в кавалерии. Военный министр Шу-

азель провел в семидесятых годах XVIII столетия реформу ремонтирования; последнее взяло на себя государство, и уже в 1776 г. могла состояться первая атака французской кавалерии с дальней дистанции, полным ходом, на казенных лошадях.

Офицерский корпус. В средние века, чтобы сделаться мастером и открыть ремесленное предприятие, надо было отбыть продолжительный ценз учеником и подмастерьем. Таким же путем, в течение XVI столетия, из солдатского звания получались мастера военного дела, капитаны ландскнехтов и наемных банд. Еще в 1629 году эдикт Ришелье гласил, что достойный солдат должен быть повышен до капитана и далее. Обер-офицерский состав в XVI веке, как и центурионы древнего Рима, был неразрывно спаян с солдатской массой, унтер-и обер-офицеры роты не разделялись какой-либо перегородкой, образуя одну массу „урядников", как называл начальствующих лиц наш устав „учение и хитрость ратного строения пехотных людей". Даже музыкант являлся „офицером", по понятиям XVI века.

Уже Мориц Оранский, для ограждения интересов службы от протекции имеющих власть политических кругов, ввел требование постепенного повышения офицера с одной должности на другую, с трехлетним стажем в каждой должности. Летелье окончательно создал военную иерархию, с разделением чинов на генеральские, не связанные непосредственно со службой в войсковой части, штаб-офицерские, не связанные с ротой или эскадроном, и на обер-офицерские; на последних лежал непосредственный контакт с солдатской массой. Со времен Морица Оранского, и особенно шведских королей Карла IX и Густава-Адольфа, офицерский корпус, к которому предъявлялись новые повышенные требования, начал терять свой интернациональный характер способных авантюристов и получил национальную окраску. Нельзя преувеличивать значение требований учености — латыни и геометрии, выдвинутых Морицем Оранским, но решающее значение получило постепенно растущее требование от офицеров иметь „des sentiments" [1] — сознание принадлежности к господствующему в государстве классу. Между офицерским и солдатским званиями, с основанием постоянных армий, начала постепенно расти глубокая пропасть. Западная Европа вступила на путь построения командного состава из господствующего класса, путь, которого не знали ни греки и римляне, ни швейцарцы и ландскнехты и который очень характерен для новых веков; Петр Великий заимствовал

---

[1]) Буквально „чувства".

с Запада не только технические идеи, но и только что сформировавшееся понятие дворянского офицерства. Одним из узников Бастилии была написана изданная в 1685 году в Голландии книга „как вести себя Марсу“ [1]), представляющая первый литературный памятник новых офицерских понятий; этот труд обосновывает понятие офицерской чести, переводя на звание офицера дворянско-рыцарские представления о морали; хороший офицер служит не за жалованье, он больше тратит, чем получает, недворянский административный состав, живущий службой, презрительно трактуется, как присосавшиеся к армии мошенники. Фридрих Вильгельм I, допуская в офицеры только дворян [2]) и загоняя их насильно в офицерское звание, посылал полицейские команды, которые отбирали у помещиков сыновей и сдавали их в „кадетский корпус“ — нечто в роде образцового полка, где проходился и курс наук в объеме современной школы 1-й ступени и где готовились офицеры. В 1726 г. для офицеров был написан отдельный устав; была введена отличная от солдатской особая офицерская присяга. Фридрих Великий продолжал политику своего отца, но ему приходилось уже насильно отнимать для офицерской службы только сыновей помещиков недавно присоединенной Силезии; в остальных частях Пруссии юнкерство уже пустило прочные корни. Юнкера дворянского происхождения зачислялись с 12—13 лет в армию и без труда производились в офицеры; но если кандидат в офицеры оказывался подозрительным по происхождению, Фридрих Великий вытаскивал его своей крючковатой палкой из строя и прогонял со скандалом. В 1806 г. на массу прусских офицеров, свыше 5 тыс., приходилось только 131 офицер из недворян, служивших преимущественно в гарнизонных батальонах.

Симплициссимус, сатирик XVIII века, изобразил военную иерархию в виде дерева, на нижних ветвях которого сидят солдаты, а несколько повыше—унтер-офицеры. Далее шел обнаженный ствол, совершенно гладкий и столь чудесный, что ни мужество, ни искусство, ни образование не позволяли пролезть по нему от нижних ветвей к верхним. Верхние ветви были заполнены обер и штаб-офицерами и генералами; попасть на вершину можно было лишь при условии, что сидящий там родственник опустит вниз лестницу

---

[1]) La conduite de Mars. lähns, Geschichte der Kriegswissenschaften, т. II, стр. 1254—1257.

[2]) А за два десятилетия до его царствования, лучший полководец, генерал-фельдмаршал Пруссии, лихой вождь кавалерии Великого курфюрста, Дерфлингер (1606—1695 г.—в его честь было названо перед мировой войной сильнейшее судно германского флота), был сыном беднейшего крестьянина, и, по упорной исторической традиции, портновским подмастерьем.

Тюренн. Из французских полководцев XVII века два наиболее знаменитых — принц Конде и Тюренн (1611—1675 г.г.) [1])— не изжили еще в себе феодальных черт; они еще считали возможным рассматривать себя, как государство в государстве, поднимали оружие против правительства, опирая свое восстание на военную интервенцию иностранцев— злейших врагов Франции; побежденные Мазарини, продолжавшим борьбу с Ришелье против феодалов, и поставленные во главе армии нового, централизованного государства, они, естественно, оказались в оппозиции к „тиранической" власти военного министра Лувуа, олицетворявшего единство государственной воли. Тюренн оставил очень поучительные мемуары; получив пуританское воспитание, он выделялся среди французской аристократии своей работоспособностью, скромностью и достоинством; тогда как придворные креатуры, в роде маршала Ла-Фельяд, действуя под командой другого генерала, спещили распространить весть, что командующий армией все напутал и прятался в решительную минуту, а победа выиграна исключительно благодаря ему—Ла-Фельяду, Тюренн, презиравший низменную интригу, говорил: „мы победили", „я разбит". Будучи врагом систем и рецептов в тактике и стратегии, Тюренн является представителем оппортунизма в военном искусстве: „а прежде всего я рекомендую вам здравый смысл". Значение Тюренна, как виднейшего деятеля при переходе к магазинной системе продовольствия, очерчено выше. С именем его во Франции связываются последние крупные успехи французского оружия, за которыми следовало столетие унизительных поражений. Его последние кампании 1674—75 г.г., с зимним походом против выдающегося полководца Монтекуколи, сохранившие за Францией Эльзас, сделали его национальным французским героем. Клаузевиц, поклонник грубых Наполеоновских методов войны, видит в Тюренне полководца, вооруженного не тяжелым рыцарским мечом, а тонкой придворной шпагой. Этим знаменитым сравнением Клаузевиц подчеркивает отличие стратегии XVII века от Наполеоновской: маневр занимал у Тюренна гораздо большее место, чем у Наполеона, бой являлся не единственным, а крайним средством для захвата территории; в разгроме неприятельской армии Тюренн не видел единственной цели военных действий. Но принципы Наполеоновской стратегии не являлись еще возможными для небольших армий предшествовавшей французской революции эпохи; попытка глубокого вторжения с армией в немногие десятки тысяч солдат могла привести Карла XII

---

[1]) В некоторых старинных трудах—например, у Бюлова, Тюренн именуется своим титулом: виконт де-ла-Тур д'Овернь.

только к Полтаве. Если Тюренн был великий мастер стратегии измора, то маневрирование его всегда было проникнуто уверенностью и решительностью, его легкая придворная шпага, если придерживаться терминологии Клаузевица, была остро отточена и умела наносить тяжелые удары.

Оборона Эльзаса в 1674 г. Во 2-й Нидерландской войне (1672—1678 г.г.) Людовик XIV встретил отпор со стороны Испании, Нидерландов и почти всех немецких государств. Первоначальные успехи французов в Нидерландах в 1763 г. были в значительной степени ликвидированы. В 1674 г. Франции надо было ожидать еще большего усиления противников. Людовик XIV, по совету Лувуа, решил выставить 4 армии: главная армия, во главе с королем, в апреле и мае вторглась в испанскую провинцию Франш-Контэ, осадила и взяла главный ее город Безансон и в течение июля закончила завоевание и присоединение к Франции этой провинции. Испанскую границу наблюдала армия маршала Шомберга; в Нидерландах, на нижнем Рейне, сильная армия принца Конде должна была вести наступательные операции. Тюренн, сначала с 10 тысячами, затем с 15 тысячами, должен был в Эльзасе прикрывать операцию, которую король вел в Франш-Контэ. По всем признакам, против Эльзаса неприятель сосредоточивал главный удар.

В Эльзасе Тюренн мог опереться на крепости Филипсбург, Бризах и несколько мелких укреплений. Страсбург и Мюльгаузен были нейтральными; в Страсбурге более сильной была немецкая партия. Противники Тюренна занимали весь правый берег Рейна и Пфальц на левом берегу. Коалиция не была готова к раннему началу военных действий: около 30 тыс. находилось на среднем Рейне, многие немецкие контингенты должны были прибыть только ко времени жатвы, непосредственно перед Тюренном находилось всего 6—10 тыс., преимущественно конницы.

Пока продолжались операции во Франш-Контэ, Тюренн занимал Эльзас, сосредоточив свой кулак в середине его, у Гагенау, и препятствовал попыткам конницы противника произвести налет во Франш-Контэ. В середине июня уничтожение неприятельского сопротивления во Франш-Контэ развязало руки Тюренну; с целью задержать подготовку неприятельской операции против Эльзаса, Тюренн немедленно перешел к активным действиям.

Первая его наступательная операция, с 12 по 20 июня, заключалась в переправе через Рейн у Филипсбурга и в нанесении поражения у Зинцгейма девятитысячному отряду ген. Капрары. Второе наступление (3—27 июля), в виду уклонения от боя неприятельских сил, свелось к широкой фуражировке на правом берегу Рейна, дабы по возможности

истощить местные средства области, на которую затем должны были базироваться неприятельские силы.

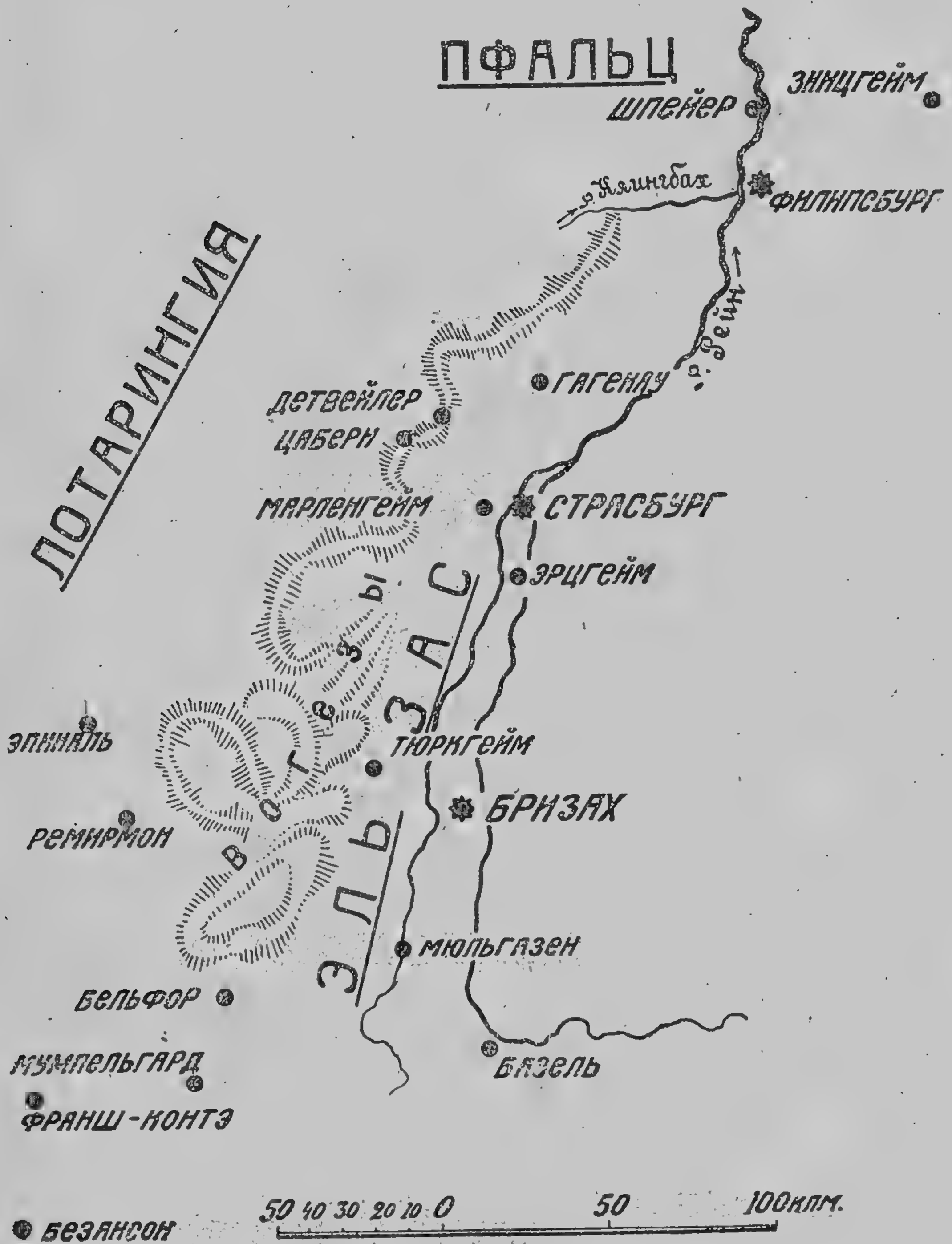
Коалиция начала операции только в конце августа, имея 35 тысяч солдат против 20 тыс. армии Тюренна. Немцы наступали с севера по левому берегу Рейна, но не рискнули атаковать Тюренна на сильной позиции за р. Клингбах. Им удалось скрытно переправиться близ Шпейера на правый берег Рейна и форсированным маршем пройти на юг; 25 сентября они перешли через Рейн по предоставленной им Страсбургом переправе. Попытка Тюренна остановить этот марш фланговым ударом через Филипсбург запоздала. Тюренн к концу сентября сосредоточил свои силы в полупереходе к северу от Страсбурга, фронтом на юг. Южная половина Эльзаса была очищена французами. Король, по совету Лувуа, опасаясь за слабые силы Тюренна, предложил ему вовсе отойти в Лотарингию, „обратив предварительно Эльзас в кучу пепла". После такой экзекуции Эльзас был бы навеки потерян для французского влияния. Тюренн отказался, так как считал, что самое дурное, что может случиться, это будет его вынужденный отход в Лотарингию.

Так как в середине октября неприятель должен был усилиться на 20 тыс. бранденбуржцев, то Тюренн решил 4 октября, под Эрцгеймом, атаковать с 22 тыс. неприятеля, насчитывавшего 35 тыс. Атака не дала решительных результатов (французы потеряли 2 тыс., немцы — 3 тыс. и 8 орудий). 7 октября Тюренн занял укрепленную позицию у Мариенгейма, на пути из Страсбурга в Цаберн, и удерживал ее до 18 октября; в момент, когда 50 тыс. немцев изготовились к атаке его на этой позиции, Тюренн отошел на укрепленную позицию к Детвейлеру. 29 октября Тюренн получил значительные подкрепления из состава фландрской армии, где военные действия уже прекратились на зиму, что заставило немцев отказаться от атаки и отойти к Страсбургу.

Непогода, трудности довольствия, болезни заставили обоих противников в течение ноября перейти к занятию зимних квартир. Тюренн, кавалерия коего совсем обезлошадилась, оставив авангарды в Цаберне и Гагенау, отвел главные силы в Лотарингию. Немцы разбросались по всему верхнему Эльзасу, от Страсбурга до Базеля и Мумпельгарда, с передовыми частями у Эпиналя и Ремирмона.

Так как надо было к началу весны отослать полученные подкрепления назад во фландрскую армию и так как высшая ступень французского хозяйства позволяла быстрее пополнить образовавшиеся в армии за кампанию недочеты, то Тюренн решил предпринять зимнюю кампанию: иначе Эльзас, где симпатии к французам были очень слабы, мог быть окончательно потерян для Франции.

Кампания Тюренна в Эльзасе в 1674 г. [1])



Чертеж № 15.

---

[1]) Читать: вместо Марленгейм—Мариенгейм; вместо Мюльгазен—Мюльгаузен.

4 декабря Тюренн снялся с зимних квартир; 14 декабря он занял авангардом Бельфор; здесь он оказался вынужденным задержаться на две недели, чтобы подтянуть тыл. Целый ряд демонстраций мелких частей на фронте Вогез развлекал внимание немцев, совершенно неготовых к зимней кампании. 28 декабря наступление Тюренна, на север вдоль Эльзаса, возобновилось. Немцы потерпели ряд небольших неудач; 5 января 1675 г. Тюренн, имея около 30 тыс., атаковал у Тюркгейма и вынудил к отступлению главные силы немцев. 14 января немцы отошли у Страсбурга на правый берег Рейна. Тюренн не препятствовал их отступлению от Тюркгейма („золотой мост“) [1]). Кампания закончилась, противники зазимовали, разъединенные Рейном.

В этой образцовой оборонительной кампании много поучительного. Свою ограниченную цель—отстоять Эльзас—Тюренн ни на минуту не упускал из виду. Оборона началась двукратным наступлением на правом берегу Рейна, чтобы выгадать время, средства и нанести урон неприятелю. Затем, оборонительную задачу Тюренн решает заграждением неприятелю входа в Эльзас с севера, занятием рубежа р. Клингбах; на обход Тюренн отвечает попыткой флангового удара через Филипсбург. Когда немцы переправились у Страсбурга, Тюренн не мог уже защищать весь Эльзас и временно ограничил преследуемую цель удержанием северной его части, откуда выбить немцев потом представляло бы большие трудности. В то же время здесь Тюренн занял положение, в котором он гораздо скорее мог быть поддержан за счет фландрской армии, чем в южном Эльзасе. Несмотря на отчаянное положение, он стремился под Эрцгеймом разрешить свою задачу наступательным образом. После подхода бранденбургских войск, перед лицом почти тройного превосходства, Тюренн не отчаялся и начал выгадывать время осторожной обороной. Как только обстановка изменилась, Тюренн отказался от временного ограничения своей задачи — удержания одного северного Эльзаса—и устремился вновь к своей основной цели в полном объеме—удержанию Эльзаса на всем его протяжении.

У немцев—полное шатание мысли; верховное командование крайне сомнительно—герцог Бурнонвальский, главнокомандующий, возбудил подозрение, не подкуплен ли он французами. Командование у него оспаривал курфюрст Бранденбургский и множество мелких немецких государей,

---

[1]) Особенно Тюренн опасался настолько расшатать немецкие войска, чтобы они не вздумали укрыться за валами нейтрального Страсбурга. Точно также Тюренн боялся, что Страсбург, опасаясь наказания за предоставление моста через Рейн немцам, перейдет окончательно на их сторону, и заранее обещал Страсбургу королевское прощение.

сопровождавших свои контингенты; решения предпринимались только после дискуссии в очень многочисленной и пестрой коллегии. Это, однако, не умаляет заслуг Тюренна, так как искусство и заключается в гениальном использовании всякой слабости врага.

На этом примере легко проследить, что если общие стратегические концепции Лувуа и были неудачны, то французская армия, благодаря созданной Лувуа лучшей организации, оказывалась в силах начинать операции гораздо раньше, а кончать их позже врага, что давало огромные оперативные преимущества.

Евгений Савойский. Опаснейшим врагом французских армий Людовика XIV был выдающийся полководец Австрии Евгений Савойский (1663—1736 г.г.). Сын племянницы Мазарини, он воспитывался при французском дворе; его родители были не в милости, и гордый умный мальчик являлся мишенью острот придворных, стремившихся понравиться королю. Его готовили к духовному званию; король, вследствие его невзрачности и слабости, отказал ему в просьбе поступить во французскую армию.

Под предлогом священной борьбы против турок, осаждавших Вену, Евгений эмигрировал из Франции, зачислился в австрийскую армию и, как эмигрант, сохранил горячую ненависть к Бурбонам.

Сражение при Гохштедте. В истории военного искусства заслуживает быть отмеченным сражение при Гохштедте, 13 августа 1704 г. Шел четвертый год войны за испанское наследство; перевес находился на стороне Людовика XIV; франко-баварская армия успешно теснила на Дунае имперскую армию под командой Людовика Баденского и могла поставить себе целью решительное вторжение в пределы Австрии. Стратегическое положение круто изменилось, вследствие смелого решения выдающегося английского полководца лорда Мальборо [1]): вопреки желанию английского и нидерландского правительств, он бросил вверенный ему голландский театр войны, оторвался от противостоящей ему французской армии бездарного Вилеруа, прошел пол Европы и в Баварии явился на помощь имперцам. Сюда же привел подкрепления и Евгений Савойский.

Против трех соединившихся неприятельских армий, силой в 62 тыс., французы и баварцы располагали только 47 тыс.; но так как Англия и Голландия настойчиво отзывали назад Мальборо, то французам было выгодно переждать, пока временное сосредоточение неприятельских сил рассосется. Они заняли укрепленную позицию под Аугсбургом. Чтобы вынудить франко-баварскую армию выйти из

---

[1]) Во французской народной поэзии—Мальбрук.

недоступного расположения, англичане и имперцы усиленно опустошали баварскую землю; когда же и это не помогло, они решились на последнее средство, чтобы попытаться выманить французов до ухода Мальборо: Людовик Баденский с 14 тыс. отделился, чтобы осадить важную баварскую крепость Ингольштадт. Франко-баварская армия, действительно, двинулась, чтобы маневром затруднить взятие Ингольштадта, и на дневке, недалеко от Гохштедта, была атакована коалиционной армией.

У атакующего 48 тыс. солдат составляли две армии, под командой Мальборо и Евгения Савойского; преимущество в коннице, 20 тыс. против 17 тысяч, находилось на их стороне; обороняющийся—47 тысяч—представлял собственно три армии: баварскую—курфюрста Макса Эммануэля и две французские—маршалов Марсена и Тальяра. Последний далеко не в полной степени объединял командование. Преимущесто в пехоте и артиллерии (90 орудий против 52) находилось на стороне франко-баварцев.

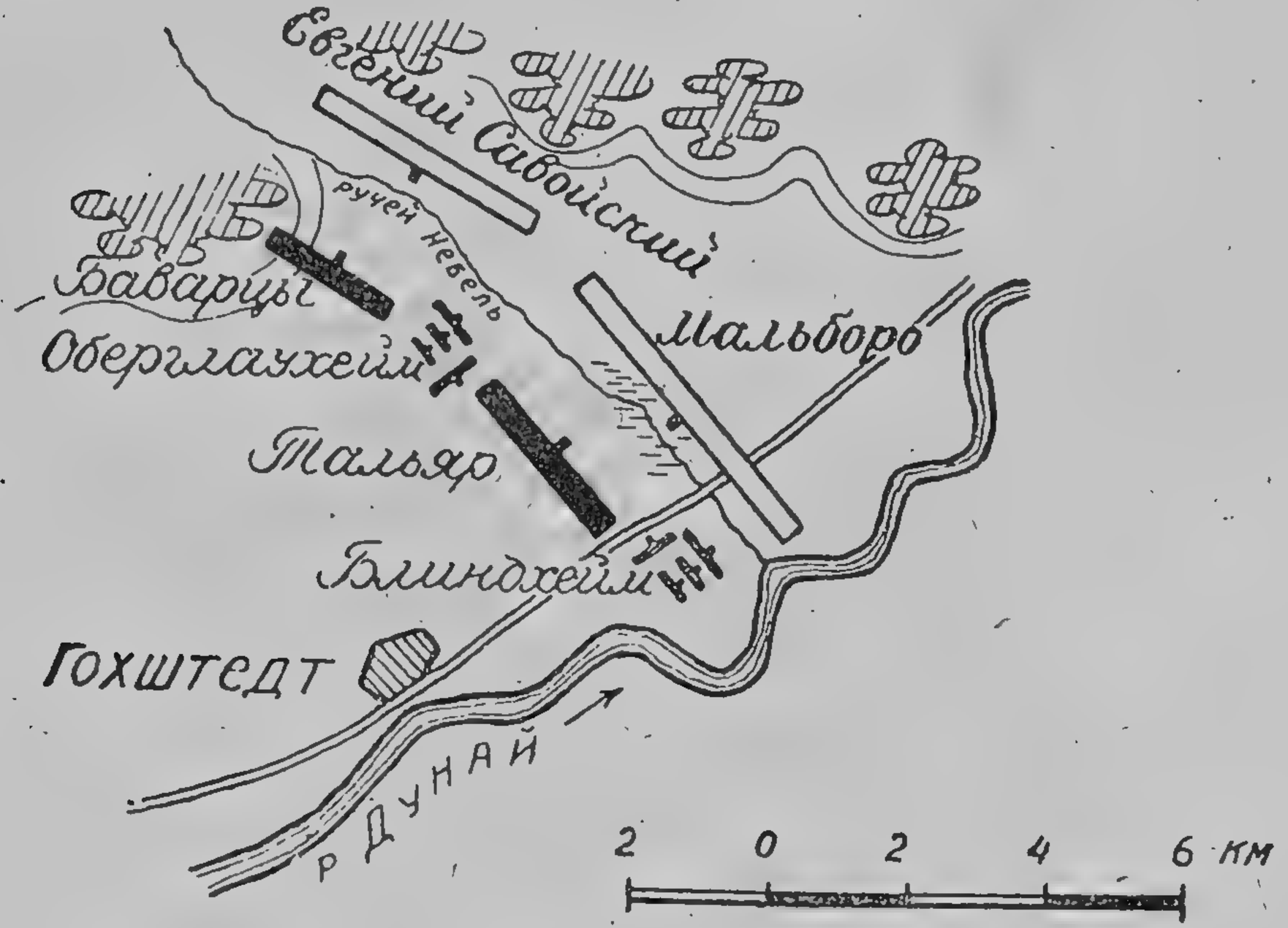
Раздробление командования на стороне франко-баварской армии затрудняло принятие какого-либо энергичного решения и привело к пассивной обороне. Самостоятельность трех частей армии мешала выделить общий резерв. Все силы франко-баварцев оказались сразу же распределенными, с пассивными задачами, на фронте, почти достигшем 6-ти верст. Правым флангом французы почти упирались в Дунай; фронт прикрывался ручьем Небель с трудно доступной, болотистой долиной; лучшие подступы через долину вели к обширным селениям Блиндхейм и Обер-Глаухейм. Охват с севера затруднялся лесами и пересеченной местностью.

Тальяр отказался от непосредственной обороны ручья Небель, чтобы не развертывать войска на болотистой местности. Большая часть пехоты Тальяра (27 батальонов) прочно заняла Блиндхейм; Марсен занял 14-ю батальонами Обер-Глаухейм; фронт между этими опорными пунктами был занят кавалерией Тальяра и Марсена; курфюрст баварский, с баварской конницей и с частью французской, образовал на холмах севернее Обер-Глаухейма оборонительный загиб.

Атакующий распорядился так: участок от Дуная до Обер-Глаухейма атакует левое крыло — Мальборо; охват с севера выполняет правое крыло Евгения Савойского (прусская пехота под командой Леопольда Дессау и многочисленная конница).

Развертывание Евгения Савойского сильно задержалось, и атака могла быть начата только после полудня; французы успели устроиться для обороны в селениях, забаррикадировать все входы, выжечь отдельные дома, мешавшие об-

стрелу с опушки селений, приспособить к обороне последнюю, протянуть линию заграждения из повозок от Блиндхейма до Дуная. Первые часы боя сложились чрезвычайно успешно для французов: все атаки англичан и голландцев на укрепленные селения отбивались с огромными потерями; обороняющий подпускал слабейшую в силах атакующую пехоту на тридцать шагов и сметал ее залпами; французская артил-



Чертеж № 16.

лерия с командующих позиций имела существенный перевес над слабейшей артиллерией атаки. 3 кавалерийские атаки Евгения Савойского были, после очень горячих схваток, отбиты курфюрстом Баварским. Евгений ясно видел недостаточность своих сил, но продолжал упорствовать в атаках, чтобы привлечь к себе внимание противника.

Около 4 часов лорд Мальборо вполне уяснил себе обстановку: он приостановил атаки на Блиндхейм, где англичане должны были лишь занимать французов перестрелкой, и сосредоточил все свободные силы против французского центра. Английская кавалерия здесь перебралась через Небель и тремя атаками успела истощить силы французской конницы. Тальяр видел недопустимую слабость своего центра, где кавалерия уже не имела достаточных сил держаться против перебравшихся через Небель войск, видел накапливаемые Мальборо резервы, просил помочь с севера Марсена, пытался набрать резерв в Блиндхейме—но напрасно: пехота, забравшаяся и устроившаяся в селениях, не выходила на равнину. Только 9 французских баталь-

онов пристроились к коннице, когда в пятом часу Мальборо повел удар всеми свободными силами на центр. Тальяр был почти мгновенно опрокинут, французская армия разрезана на две части. Левое крыло—Марсен и курфюрст Баварский—успело отойти. Гарнизон же Блиндхейма продолжал защищать селение, был окружен и ночью вынужден капитулировать. Потери победителя—25% (4.635 убитых и 7.676 раненых); потери франко-баварской армии убитыми и ранеными достигали того же размера; сверх того, 9 тыс. пленными (в том числе и раненый Тальяр) и 40 полевых орудий.

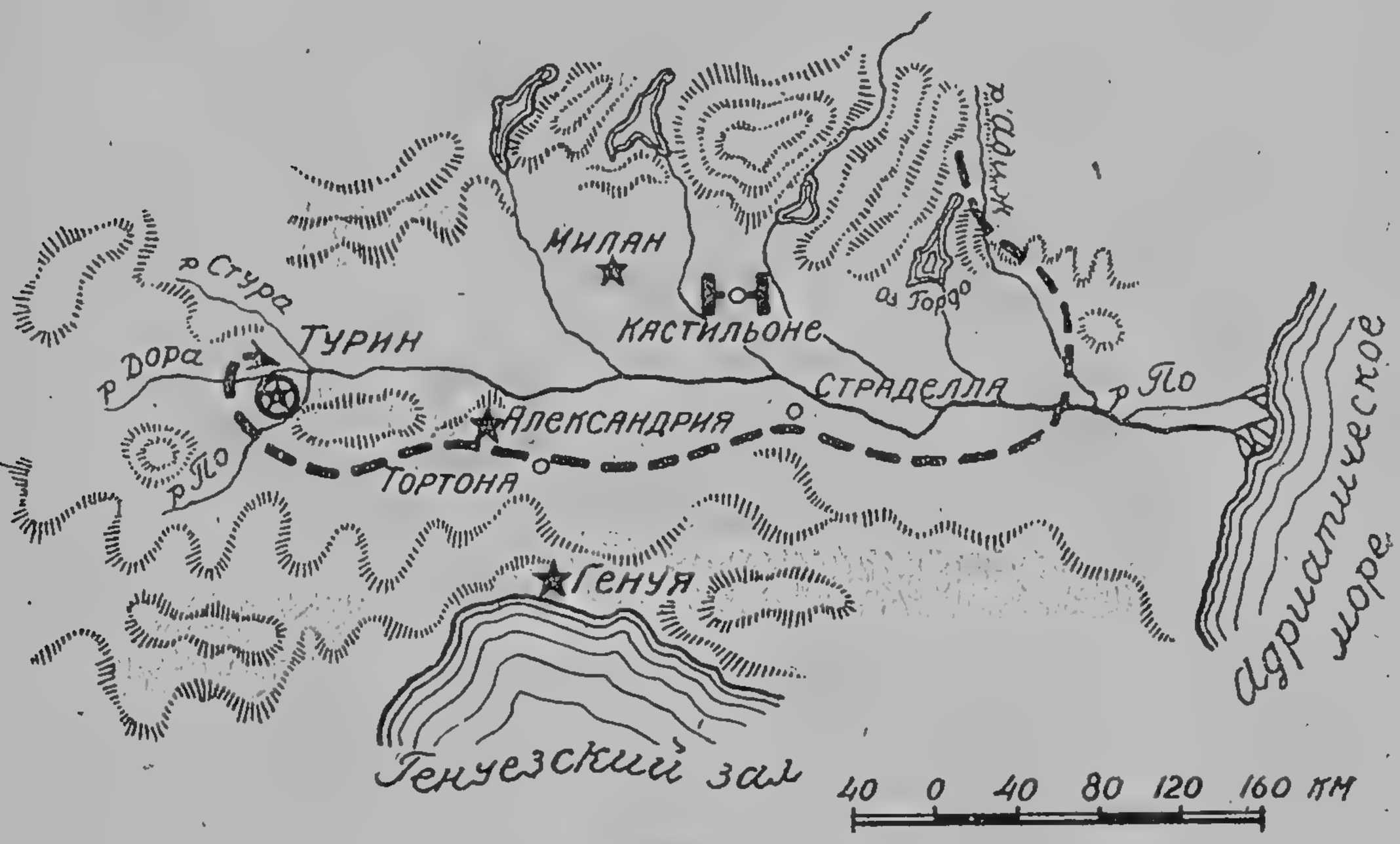
В этом сражении современников поразило бессилье Тальяра вытащить из селений забравшуюся туда пехоту для парирования новой группировки неприятеля. Проигрыш сражения был объяснен ошибкой Тальяра—надо по возможности не расходовать войск на занятие местных предметов, так как в последнем случае войска пропадают для маневра. С этого времени начинается боязнь местных предметов, поиски открытой равнины для боя, которые так характерны для тактики XVIII столетия. Только армии французской революции снова перестали бояться посылать целые части занимать селения и другие местные предметы. Но это изменение тактики базировалось на изменении морального облика пехоты, боевые успехи которой основывались не только на принуждении, на действиях по команде начальников, но и на добровольном желании солдата, на стремлении его отличиться, на революционном или бонапартистском энтузиазме. Если бы в Блиндхейме находилась более одушевленная—революционная или наполеоновская—французская пехота, она, может быть, не ограничилась бы одним обстрелом с фланга прорывающих центр частей Мальборо; начальникам удалось бы поднять из-за закрытия удобно и безопасно устроившихся стрелков и бросить их в контр-атаку против левого фланга ведших решительное наступление частей Мальборо.

Французы обнаружили здесь в весьма неудачной форме склонность к бою за местные предметы, к раздроблению общего поля сражения на отдельные очаги. Необъединенность командования привела их к пассивности и раздроблению сил, к отсутствию общего резерва.

Очень поучительны действия Евгения Савойского и Мальборо, уловивших момент дать решительное сражение, в виду грозившего ухудшения стратегической обстановки; Евгений Савойский из последних сил продолжал атаку—быть победителем на своем участке он не мог, но своим упорством связал и отвлек на север свободные силы противника; наконец, лорд Мальборо, ошибшийся в расчете без труда захватить Блиндхейм, чтобы обеспе-

чить себе переправу через Небель, выяснил слабые стороны расположения неприятеля, хладнокровно исправил группировку, прекратил атаки на Блиндхейм и нанес в новом направлении решительный удар. Евгений Савойский и Мальборо работали в тесном контакте и несмотря на раздвоение командования и на разноплеменность своих войск— австрийцы, пруссаки, датчане, ганноверцы, голландцы, англичане, гессенцы—добились полного единства действий.

Кампания 1706 г. в Италии. Высочайшим проявлением военного искусства и резким исключением для своей эпохи является поход Евгения Савойского в 1706 г. в Италии. Война за испанское наследство была в полном разгаре.



Чертеж № 17.

Французы, после успехов 1705 года, сосредоточили свое главное внимание на осаде Турина — столицы союзника Австрии, герцога Савойского. 20.000 гарнизон сильно укрепленного Турина был осажден двойными силами французов под командой бездарного генерала Ла-Фельяда, получившего в командование армию лишь благодаря придворным интригам. Герцог Савойский, до полного обложения Турина, с несколькими тысячами кавалерии вырвался из Турина и удалился в горы к югу от него. 30.000 французская армия прикрывала осаду, занимая тридцать крепостей Ломбардии и выдвинув сильные заслоны к озеру Гарда. Лучший французский полководец, маршал Вандом, оттеснивший австрийцев из Италии в Тироль, был отозван для командования на нидерландском театре, где дела фран-

цузов шли неудачно. Завоевание же Ломбардии казалось обеспеченным; последний опорный пункт коалиции—Турин—должен был пасть в августе, как рассчитывал Ла-Фельяд. Французским главнокомандующим вместо Вандома был назначен племянник короля, молодой принц Орлеанский, к которому был приставлен советник, угодливый и бесхарактерный генерал Марсен.

Евгений Савойский, получив в командование австрийскую армию в Тироле, располагал 34 тыс. Во что бы то ни стало, ему было необходимо освободить Турин, так как падение Турина вызвало бы подчинение Людовику XIV герцогства Савойского, что явилось бы началом развала образованной против Франции коалиции и сделало бы безнадежным продолжение австрийцами борьбы на итальянском театре. Для Евгения Савойского предоставлялось на выбор два операционных направления: первое, кратчайшее, шло по левому берегу реки По и пересекало ее многочисленные притоки, образующие сильные позиции. Французскому заслону движение австрийцев севернее реки По давало возможность использовать все эти позиции с разбросанными по ним крепостями. Евгений Савойский не подвергал при этом риску свои сообщения с Австрией, но не мог рассчитывать во время выручить Турин. Другое направление, на котором и остановился Евгений Савойский, шло от Риволийского плато, единственного выхода из гор Тироля, находившегося в руках австрицев, на юг, вдоль Адижа, пересекало его в нижнем течении, затем реку По и по правому ее берегу поворачивало на запад. Это направление явилось кружным и связывалось с огромным риском. Сообщения с тылом были совершенно не обеспечены; в случае неудачи армия обрекалась на гибель. Но зато здесь можно было рассчитывать проскользнуть в обход правого фланга французской армии и безостановочно достигнуть Турина. Довольствие армии во время марша взялся обеспечить дружественный Австрии герцог Моденский [1]). В течение июля Евгений Савойский постепенно протянулся к югу вдоль реки Адижа, а в августе приступил к стремительному выполнению своего плана. В течение семнадцати дней его армия прошла 270 верст и успела предупредить французов в теснине Страделлы. Французское командование на маневр Евгения Савойского ответило занятием ряда фланговых позиций и угрозой сообщениям австрийской армии, которые Евгений Савойский сам бросил. Французскому заслону тогда не осталось ни-

---

[1]) Перемена базирования! Политическая ориентировка нейтральных по видимости итальянских государств решительным образом определила операцию австрийцев.

чего другого, как следовать по северному берегу реки По вслед за австрийцами. Инициатива действий оказалась целиком захваченной австрийским полководцем. Евгений Савойский смело двинулся между занятыми французами и удаленными на расстояние меньше одного перехода крепостями Александрия и Тортона, не обратив на них внимания, соединился с конницей герцога Савойского и обратился против Турина. Французы ждали его у Турина за укреплениями циркум-валационной линии. Французские укрепления были, естественно, сильнее в секторах, обращенных к югу и востоку, и слабее в тыловом для французов направлении, к северо-западу от Турина, между реками Дора и Стура. Евгений Савойский увенчал свой рискованный маневр решительным боем; чтобы создать наивыгоднейшие условия для боя, он пошел на дальнейший риск, переправился через р. По выше Турина, врезался в район между французской границей и Турином и атаковал между реками Дора и Стура французские позиции. Получилось сражение с перевернутым фронтом. В тылу Евгения Савойского были снежные вершины Альп и французская граница.

В районе крепости Турин французы сосредоточили до 40 тыс., но большая часть этих сил являлась осадной армией Ла-Фельяда, который торопился покончить с крепостью, находившейся накануне падения; Ла-Фельяд усмотрел в действиях Евгения Савойского желание диверсией оттянуть на себя силы французов и помешать, таким образом, довести осаду до близкого конца. Поэтому, Ла-Фельяд возражал против всякого ослабления осадной армии, а Марсен, опасавшийся его парижских связей, не решился ему противоречить; предложение принца Орлеанского—атаковать армию Евгения Савойского всеми силами во время совершения ею флангового марша—было отклонено на военном совете. Демонстрации Евгения Савойского удержали часть французов на южном берегу р. По. Атака Евгения Савойского 7-го сентября 1706 года на трехверстном фронте между Дорой и Стурой велась 30 тыс. человек. Этот удар был встречен 12 тыс. принца Орлеанского. У французов не хватило сил занять весь фронт, недостаточно укрепленный. Прусская пехота Леопольда Дессаусского штурмовала с фронта французские окопы; бой был решен охватом, который выполнили савойцы по болотам Стуры. Французы начали отступать, и в этот момент комендант Турина Даун, три месяца упорно отстаивавший город, сменив гражданами гарнизон на валах, бросил все свободные силы из Турина на вылазку в тыл французам. Поражение войск принца Орлеанского было полное; армия Ла-Фельяда, не принимавшая участия в сражении, была охвачена паникой; однако,

французы, бросив осадный парк, ушли к французской границе, не тревожимые австрийцами. Через два дня после сражения под Турином французский заслон герцога Медави (13 тыс.), оставленный в районе реки Минчио, разбил под Кастильоне несколько слабейшие австрийские силы принца Гессенского, но это не изменило результата кампании: отрезанный Евгением Савойским от Франции генерал Медави, с разрешения Людовика XIV, заключил капитуляцию, по которой все ломбардские крепости были переданы австрийцам, ценою чего французские войска получили пропуск на родину.

Эта кампания очень поучительна. Современники сделали из нее вывод о невозможности для осадной армии отбивать выручку, подошедшую к крепости, на циркум-валационных позициях; и циркум-валационные линии, которыми так искусно воспользовался Юлий Цезарь при осаде Алезии и которые в новой истории воскресил Мориц Оранский,—вышли из употребления. По существу, в поражении французов виновата не столько циркум-валационная позиция, сколько отсутствие единого твердого руководства. Если бы Ла-Фельяд выдвинул хотя бы четвертую часть своих сил на поддержку принца Орлеанского, французам, быть может, удалось бы удержаться на своих позициях. Но центральный интерес этой кампании, конечно, представляет величественное решение Евгения Савойского—идти на риск потери сообщений с Австрией, ценой чего достигается полный захват им инициативы и подчинение воли противника. Французы считали завоевание Италии почти уже законченным, ослабили энергию руководства и ведения войны, надеялись одними угрозами сдержать противника до того момента, когда падение Турина сделает их полными хозяевами Ломбардии; а неприятель, находившийся почти в безвыходном положении, но имевший во главе великого полководца, пошел на любой риск и полным напряжением сил опрокинул одним ударом весь карточный домик французского господства в Италии. В политико-стратегическом отношении любопытна огромная роль, которую приобрела маленькая Савойя в войне, втянувшей в себя большую часть Европы; Савойя оказалась апельсинной коркой, на которой поскользнулся Людовик XIV.

Литература.

Ausgewählte Schriften des Raimund Fürsten Montecuccoli. Herausgegeben von der Direction des k. u k. Kriegs-Archivs. Wien und Leipzig. 1899–1901 г.

Австрийский генеральный штаб почтил своего великого вождя и великого мыслителя академическим изданием избранных его сочинений в четырех больших томах. Важнейший труд Монтекуколи—мемория о войне с турками в Венгрии—был в первый раз отпечатан в Кельне в 1704 году на итальян-

ском языке, на котором преимущественно и писал автор, русским военным советником Хуйссен. Этот труд имеется и в русском переводе с французского языка, изданный в Москве в 1760 г. на 452 стр. под заглавием: „Записки Раймунда графа Монтекуколи или главные правила военной науки вообще разделены на три части".

Camille Rousset. Histoire de Louvois. 7-e édition. Paris. 1881—1891, 4 тома (546+579+554+576 стр.).

Этот труд, написанный в шестидесятых годах, остается основным для изучения судеб французской армии в эпоху Людовика XIV. Существенные поправки вносит труд **Louis André:** Michel Le Tellier et l'organisation de l'armée monarchique (Paris, 1906), который выдвигает реформаторскую деятельность в военном министерстве отца Лувуа, Михаила Летелье, державшегося умышленно в тени и продолжателем деятельности которого явилась работа Лувуа. Труд Руссе основан на многолетнем изучении архивов военного ведомства. Особенно любопытны главы о военной реформе (т. I, стр. 163—256), о попытке использовать постоянную армию для трудовой повинности — по разбивке Версальского парка и проведению каналов для фонтанов за сотни верст (т. III, стр. 383—415), об участии армии в драгонадах (т. III, стр. 429—512) и в разрушении Палатината (т. IV, стр. 138—182).

Werner Sombart. Krieg und Kapitalismus. München. 1913. стр. 232.

Второй том этюдов профессора Зомбарта по истории развития современного капитализма посвящен вопросу о взаимоотношениях между войной и ростом капитализма. Постоянные армии являются не только разрушительным фактором в народном хозяйстве, но и фактором, обусловливающим его развитие. Армии явились первыми массовыми заказчиками. Хлебная торговля, суконная промышленность, металлургия, расцвет помещичьих хозяйств в XVII веке, рост городов в XVIII веке — являются непосредственным результатом удовлетворения потребностей армии. Рост дисциплины в армиях содействовал отживанию средневековых обычаев в производстве и подготовил переход от ремесленных предприятий к фабрикам.

Louis Tuetey. Les officiers sous l'ancien régime. Nobles et roturiers. Paris. 1908, VI+403 стр.

В этой монографии восстановлена картина борьбы французского дворянства с офицерами из разночинцев. Дворянство защищается запретительными постановлениями против вторгающейся на командные должности богатой буржуазии. Очерчен институт зауряд-офицеров (officiers de fortune), члены которого оказались одними из главных руководителей армии в период революции.

Maurice Sautai. Les milices provinciales sous Louvois et Barbezieux (1688—1697). Paris. 1909, стр. 367.

Работа военно-исторического отделения французского генерального штаба, рисующая попытку установления всеобщей воинской повинности за столетие до революции. Феодальные пережитки помешали полному успеху идеи Лувуа о создании вооруженной силы, основывающейся не на вербовке, а на воинской повинности. Драма мобилизованных восстанавливается по архивным данным в этом строго-научном труде.

Abtheilung für Kriegsgeschichte des k. u. k. Kriegs-Archivs. Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen.

В три последних десятилетия XIX века австрийский генеральный штаб издал большой труд в 22 томах, по 700—900 страниц, посвященный Евгению Савойскому, величайшему полководцу Габсбургских армий. Том I заключает капитальное политическое, статистическое и военно-географическое описание Европы на рубеже XVII и XVIII веков; IV том — сражение при Гохштедте, VIII том — Туринскую, XIV том — Денненскую операции. Суворову Россия не создала памятника, хотя бы сколько-нибудь приближающегося к этому образцовому академическому труду.

Каждый том представляет многолетнюю работу различных офицеров генерального штаба. Исторический стиль работ австрийского генерального

штаба довольно резко отличается от работ прусского генерального штаба. Труды австрийского генерального штаба гораздо объективнее, лишены тенденции и потому более живучи. Работы учеников Дельбрюка по войне за испанское наследство, написанные 30 лет спустя: Израэля (1913 г.)—о кампании 1704 года на германском театре и Шмоллера (1909 г.)—о Туринской операции, в сущности не поколебали картин событий, которые дает австрийское военно-историческое отделение, а только обострили некоторые характерные черты этих событий. Труды же прусского военно-исторического отделения более жгучи, преследуют более утилитарные цели, читаются с большим интересом, но через короткое время оказываются представляющими интерес, не столько по своему непосредственному содержанию, а как памятник стратегических и тактических тенденций года их издания. Труды австрийского генерального штаба гораздо скромнее по объему затрагиваемых научных вопросов, но более выдержаны, как строго исторические работы.

Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. Несколько устарелый труд.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Фридрих Великий.

Пруссия. Рост постоянной армии. Комплектование. Кантон-регламент. Дезертирство. Палочная дисциплина. Генеральный штаб. Тактика пехоты. Кавалерия. Гусары. Артиллерия. Стратегия. Росбах. Лейтен. Кунерсдорф. Берен-хорст. Литература.

Пруссия. Прусская армия XVIII века заслуживает отдельного рассмотрения. Армия Фридриха Великого представляет крайнюю точку развития, высшее достижение того направления, которое военное искусство приняло при Морице Оранском. В некоторых отношениях развитие военного искусства на этом пути было доведено до абсурда, и дальнейшая эволюция военного искусства стала возможной лишь после жесточайшего потрясения, внесенного французской революцией, и постановки эволюции на совершенно новый путь. Сама односторонность армии Фридриха Великого, с его презрением к массе, с непониманием моральных сил, очень поучительна, так как дает картину почти лабораторного опыта боевой работы из-под палки искусственных, бездушных солдат.

Поверхностные историки объясняли обнищание Германии в XVII и XVIII веках разорением ее в Тридцатилетнюю войну. В действительности, материальные убытки вовсе не были так значительны, чтобы отбросить цветущую страну, с чрезвычайно способным к организации и труду населением, на два века назад. Но в результате Тридцатилетней войны Германия была политически раздроблена искусством Ришелье и Мазарини на сотни мелких государств; немцы были лишены возможности принимать участие в торговле с колониями, так как мировые пути при буржуазном строе открыты лишь для купцов, поддерживаемых военными эскадрами. Голландия, владея устьем Рейна, взимала налог за судоходство по нем; то же делала Швеция относительно Одера; сотни таможень преграждали все пути; рынки поневоле имели почти исключительно местный характер.

На этой изуродованной французской политикой площади центральной Европы стало складываться и расти государство разбойничьего типа—Пруссия. Политика и все устройство

сурового хищного государства отвечали, прежде всего, военным требованиям.

К концу 30-летней войны, в 1640 г. на бранденбургский престол вступил Фридрих-Вильгельм, Великий Курфюрст; этот Гогенцоллерн получил наименование великого за то, что усвоил от Валленштейна его политику и приемы управления. Австрия получила в наследство от Валленштейна его армию, с ее антинациональными, антирелигиозными, вольными традициями XVI века, с ее внегосударственным, династическим характером. Гогенцоллерны же унаследовали от Валленштейна идею военной антрепризы; только теперь антрепренерами становятся не частные предприниматели, а бранденбургские курфюрсты, которые, вследствие мощи своей армии, к началу XVIII века возводятся в сан прусских королей. Война сделалась их специальностью, как доходная статья. Внутреннее управление организовалось на подобие оккупационного управления Валленштейна. Во главе уезда стоял ландрат, главная задача которого заключалась в наблюдении за тем, чтобы уезд исправно выполнял свои функции по обеспечению войсковых нужд; находившиеся при нем представители населения, как и в реквизиционных комиссиях Валленштейна, следили за равномерностью раскладки повинностей и, не в ущерб требованиям армии, соблюдали местные интересы. Такой же характер военного комиссариата имели и стоявшие в следующей инстанции над ландратами окружные коллегии, и характер главного интендантского управления безусловно имело вначале центральное управление—генерал-комиссариат; интендантство—мать прусской администрации; только со временем в центральном управлении из военно-административного управления выделялись ячейки чисто гражданской компетенции.

Рост постоянной армии. Доходы прусского королевства складывались из налогов, выжимавшихся из своего населения, как в неприятельской стране, из доходов с очень значительных и образцово управляемых королевских имений и с аренды за пользование прусской армией, как следует назвать субсидии богатых государств, преимущественно Голландии и Англии, за которые Пруссия соглашалась принимать участие в посторонних ее интересам войнах. Так, за период 1688—1697 г., Пруссия продается морским державам, для борьбы с Людовиком XIV, за 6545 тысяч талеров. Разбойничье государство зорко следило за недоразумениями между соседями, вмешивалось в чужие дела при каждом удобном случае и постепенно округляло свои пределы. Прусские города представляли на половину военные поселения, так как если численность гарнизона достигала в них четверти населения, то другую четверть обра-

зовывали или семьи офицеров или же она находила себе средства существования обслуживанием войсковых потребностей.

Вот многозначительная таблица роста прусской армии.

ГОД.	Численность армии.	Численность населения в миллионах.	Отношение армии к населению.	ЦАРСТВОВАНИЕ.
1630 . .	1.200	—	—	Георг-Вильгельм
1640 . .	4.650	—	—	Великий Курфюрст Фридрих Вильгельм
1688 . .	32.000	1	3%	Фридрих I, король Прусский
1713 . .	36.600	1,5	2,4%	Фридрих Вильгельм I.
1740 . .	83.500	2,2	4%	Фридрих II Великий
1783 . .	200.000 (143.000)	5,4	3,7% (2,65%)	

Римская империя держала постоянную армию не свыше 0,5% населения; современная Фридриху II Франция содержала в мирное время под ружьем 0,5—0,7% и во время войны, как до максимума, доходила до 1,2% населения в составе армии; в Европе перед мировой войной, в период тягчайшего напряжения вооружений, государства содержали в мирное время армии около 1% населения, а отец Фридриха Великого, Фридрих Вильгельм I — державный унтер-офицер — находил в бедной стране возможность и средства содержать под ружьем армию, достигавшую 4% населения. Фридрих Великий, если считать, что большую часть года в наличии он держал только 143 тысячи солдат, а остальное представляли отпускные, освобожденные от караульной службы (фрейвахтеры), содержал 2,65%. И такую армию держало одно из беднейших государств Европы, наиболее пострадавшее от 30-тилетней войны, с редким населением, с очень слабо развитой торговлей и промышленностью. Только крайняя экономия позволяла не только обеспечить эту армию всем необходимым, но и иметь в крепостных магазинах запас хлеба для армии на 1—2 года войны и, сверх того, скопить неприкосновенный серебряный фонд, чтобы иметь возможность начать

войну в любую минуту, не считаясь с финансовой конъюнктурой.

Комплектование. В 1660 году, когда при демобилизации армии после вмешательства Пруссии, в войну между Швецией и Польшей, из 14—18-тысячной армии решено было, сверх гарнизонных частей, сохранить полевые войска в числе 4 тысяч, принципиально вопрос о постоянной армии был решен, и она начала постепенно расти; комплектовалась она добровольной вербовкой. Но вербовка осталась только по названию добровольной в царствование Фридриха Вильгельма I, принявшегося энергично увеличивать армию. Его предшественник, Фридрих I, в 1701 году сделал попытку организовать, в дополнение к постоянной вербовочной армии, ландмилицию на началах обязательной повинности населения. Фридрих Вильгельм I, не терпевший самого слова „милиция“ и установивший даже крупный штраф за употребление его в официальной переписке, распустил ландмилицию, но принцип воинской повинности населения сохранил. С самого начала своего царствования (1713 г.) он установил, что солдат служит пожизненно, пока король не уволит его. Определение в прусскую армию стало равняться гражданской смерти. Состав прусской армии стал весьма зрелым—средний возраст унтер-офицеров равнялся 44 годам, большей половине солдат было за 30 лет, не мало было 50-тилетних, и встречались старики свыше 60-ти лет. Но, несмотря на это пожизненное задержание солдата в рядах армии, укомплектовывать ее было нелегко. Воинская повинность населения [1]) сначала осуществлялась в самых неупорядоченных, безобразных формах. Инструкция 1708 года указывала—хватать без огласки людей, незначительных по социальному положению, родные коих не в силах поднять большого шума, наблюдая при этом, чтобы они соответствовали требованиям военной службы, отводить их в крепость и там передавать в руки вербовщиков. Такие распоряжения вызвали охоту на людей. Крестьяне стали отказываться возить свои продукты на городские рынки, так как на дорогах им угрожали засады вербовщиков. Офицеры организовывали правильную торговлю людьми. Один офицер отпускал пойманных им людей за приличный выкуп и покупал у другого избыток удачного

---

[1]) Все же вопрос о воинской повинности в XVIII веке мог быть поставлен в Пруссии шире, чем во Франции, а в Англии вовсе не мог быть возбужден. Французские и в особенности английские войска часто участвовали в колониальных походах за далекими морями, мало интересовавшими широкие массы населения; такие задачи можно было ставить лишь укомплектованным добровольцами постоянным частям. Чисто континентальная политика Пруссии облегчала применение воинской повинности для комплектования войск.

улова. Особенно рьяные вербовщики вызывали эмиграцию и запустение их районов. Страдали при этом помещики; в других государствах протест помещиков против воинской повинности, которая их лишала необходимых для обработки полей рабочих рук, был достаточен, чтобы положить предел самоуправству агентов государства, но прусское правительство, действуя в своей стране, как в завоеванной области, могло менее считаться с нарушением интересов господствующего класса. В 1733 году все же явилась необходимость упорядочить отношение населения к воинской повинности, и издан был „кантон-регламент".

Кантон-регламент. Этим законом в значительной степени был стеснен произвол капитанов. Каждый капитан отныне имел право хватать людей не в пределах всего полкового округа, но только в отведенном роте районе укомплектования. Многочисленные группы людей были изъяты и в этом районе из усмотрения капитана. Не могли быть схвачены: всякое лицо, располагающее состоянием не меньше 10 тысяч талеров, служащие в хозяйстве помещика, сыновья духовных лиц, важнейшие категории ремесленников, рабочие всех предприятий промышленности, в насаждении которых было заинтересовано государство, наконец, один из сыновей крестьянина, имеющего свой двор и ведущего самостоятельное хозяйство. После Семилетней войны капитан стал выполнять вербовочные функции не единолично, а в составе комиссии. Город Берлин не образовывал вербовочного участка, но всем капитанам предоставлено было вербовать в нем людей ничтожного происхождения.

Кого же из числа неизъятых от воинской повинности брали в войска? XVIII век не знал жеребьевки при приеме на службу; роль жребия играл высокий рост. В прусской армии особенно подчеркивалось требование иметь высоких солдат. Мимо малорослых вербовщик проходил без всякого внимания, но человеку крупного роста нелегко было отделаться от вербовки, даже если он подлежал по закону изъятию. Сам закон подчеркивал, что если у крестьянина несколько сыновей, то двор и хозяйство переходят к сыну, имеющему наименьший рост, с тем, чтобы высокие сыновья не уклонялись от военной службы. Если рост мальчика обещал быть выдающимся, то уже с 10-летнего возраста капитан брал его на учет и выдавал ему удостоверение, обеспечивающее его от покушений соседей-вербовщиков.

На моральные качества вербуемого не обращалось никакого внимания. Прусская армия, с ее палочной дисциплиной, не боялась никакой духовной заразы. В 1780 году было издано распоряжение судам—приговаривать к воен-

ной службе, по отбытии наказания, всех нелегальных (подпольных) писателей и лиц, занимающихся бунтом и противоправительственной агитацией.

Несмотря на это напряжение вербовочной работы в Пруссии и на принудительный, а не добровольный характер вербовки, страна была в состоянии поставить только 1/3 рекрут, требуемых для армии. Остальное составляли иностранцы. Прусские вербовщики работали в имперских городах, в маленьких немецких княжествах, в Польше и в Швейцарии. В 1768 году в составе прусской армии было 90 тысяч иностранцев и 70 тысяч пруссаков; в другие периоды процент иностранцев был еще значительнее. Откуда брались эти иностранцы, как бы добровольно обрекавшие себя той пожизненной каторге, которой являлась служба в прусской армии? Ответ на этот вопрос дает сохранившийся список солдат полка Ретберг, относящийся к 1744 году. Из 111 иностранцев, служивших в одной роте, против 65 имеется отметка о предшествующей службе их „другому потентату“; в другой роте на 119 иностранцев число солдат, уже находившихся раньше на службе в других армиях, равнялось 92. На три четверти иностранцы были дезертиры или добровольные, или сманенные прусскими агентами! Во время войны количество иностранцев значительно увеличивалось от постановки в строй военнопленных. Фридрих Великий полагал, что прусская дисциплина может сделать из любого физически сильного человеческого материала исправных солдат, и презрение его к тому, что происходит в сердце солдата, доходило до того, что когда в 1756 г., в первый год Семилетней войны, под Пирной капитулировала саксонская армия, Фридрих Великий даже не позаботился распределить саксонских военно-пленных по прусским полкам, а просто сменил саксонских офицеров прусскими, не нарушая организации саксонских батальонов. За это Фридрих, правда был наказан бунтами, убийством офицеров и переходом целых батальонов на сторону неприятеля на поле сражения.

Прусский солдат в этих условиях не был духовно спаян с прусским государством; когда Бреславль в 1757 г. капитулировал, прусский комендант выговорил у австрийцев гарнизону право отойти в Пруссию. Но 9/10 прусского гарнизона не пожелали воспользоваться предоставленной льготой, а предпочли завербоваться в австрийскую армию, где служба была много привольнее.

Дезертирство. Насильственно завербованный и удерживаемый на службе прусский солдат стремился использовать каждый случай, чтобы дезертировать. Борьба с дезертирством представляла важнейшую заботу прусского командо-

вания[1]). Все 14 принципов, с которых начинается трактат Фридриха Великого о военном искусстве, гласят о мерах предупреждения и борьбы с дезертирством. Французский посол Валори в 1745 г. доносил, что в прусской армии не допускается удаление дозоров свыше 200 шагов от главных сил. Всякие наряды—за дровами, водой и т. д.—должны были высылаться командами, в сомкнутом строю, под начальством офицеров. В 1735 г., по совету фельдмаршала Леопольда Дессау, самого заслуженного прусского генерала, было решено даже изменить направление операций, чтобы обойти сильно пересеченную местность на р. Мозель, где армии угрожала большая утечка дезертирами. В 1763 г. Фридрих Великий издал инструкцию, требовавшую от командиров частей привлечь офицеров к изучению окрестностей их гарнизонов; но местность изучалась не под углом зрения требований тактики, а в целях выяснения местных данных, облегчающих ловлю дезертиров. Чересполосная Пруссия, по определению Вольтера, являлась королевством границ; почти все гарнизоны находились не далее двух переходов от рубежа, и борьба с дезертирством становилась возможной лишь при широких, планомерных мероприятиях.

Палочная дисциплина. Чем тверже в войсках дисциплина, тем меньше ценятся добрая воля и моральные достоинства рекрут. Палочная дисциплина прусской армии позволяла ей перерабатывать в солдат самый малосклонный к самопожертвованию материал. В свою очередь, отвратительный материал укомплектования прусской армии — дезертиры и преступники со всей Европы—только при условии непоколебимой дисциплины мог образовать боеспособное войско. Средств для поддержания в армии дисциплины было два. Во-первых строевое обучение и муштровка доводились до тонкости; тогда как во французской армии строевым обучением занимались только с рекрутами, а весь состав роты выводился на учение один раз в неделю,—в прусской армии солдат был занят с утра до ночи. В течение двух весенних месяцев, от апреля до июня, шли настойчивые строевые учения в полном составе частей. В остальное время года войска были заняты обширной караульной службой, на точность несения коей обращалось исключительное внимание. Часть солдат, около одной трети, освобождалась от караульной службы и снималась с жалованья и пайка. Если эти „фрейвахтеры“ происходили из состава населения участка, который комплектовал роту, то они увольнялись в 10-тимесячный отпуск; в их число попадали и иностранцы, знавшие

---

[1]) В кампанию 1744 года, когда Фридрих Великий вторгся в Богемию с 80 тыс. армией, австрийцы насчитывали 17 тыс. прусских перебежчиков.

ремесло; последние продолжали жить в казарме и содержали себя своим заработком.

Кроме непрестанного строевого обучения, доводимого до виртуозности [1]), основным средством поддержания дисциплины являлась палка, которой официально были вооружены унтер-офицеры. В жертву диспиплине были принесены все требования гуманности, права, частные интересы. Фридрих Великий часто повторял, что солдат должен бояться палки своего капрала больше, чем вражеской пули. Вначале в своих инструкциях Фридрих указывал, что обучают солдат не ударами, а терпением и методичностью, и что солдата следует отколотить палками, но с умеренностью, только если он начнет резонерствовать или если не обнаружит старания. Но после сражения при Цорндорфе, где он, под влиянием столкновения своей пехоты с русской, испытал разочарование, он прямо рекомендовал офицерам налечь на палку. Солдат был защищен от произвола капитана, который мог его заколотить палками на смерть, только тем, что защищает рабочий скот от калечения его погонщиком: капитан, который беспредельным применением палки калечил бы своих солдат или вызвал бы среди них усиленное дезертирство, оказался бы в убытке, так как рота должна была содержаться в комплекте, а вербовка новых солдат стоила денег. Мориц Саксонский настаивал на том, что вербовка солдат отнюдь не должна производиться государством, а должна по прежнему вестись капитаиами, так как если исключить частный интерес капитанов в сохранении попавших к ним в роту солдат, то все солдаты погибнут [2]). Действительно, в Пруссии палка особенно свирепствовала в гвардии, которая укомплектовывалась не капитанами, а попечением короля. Фридриху пришлось издать приказ по гвардии, которым он воспрещал ротным командирам во время наказания палками приговаривать,—„отправляйте его ко всем чертям, король на замену пришлет нам другого“. Для гвардейских офицеров пришлось ввести штраф—за лишение солдата побоями здоровья, препятствующее дальнейшему несению службы; офицер за такое увечье солдата уплачивал королю убыток—стоимость вербовки нового солдата, и приговаривался на 6 месяцев к заключению в кре-

---

[1]) Знаменитому инспектору пехоты Фридриха, Сальдерну, режиссеру потсдамских парадов и маневров, которыми восторгалась вся старая Европа, принадлежит изречение: „хотя предписано делать 75 шагов в минуту, но после зрелого размышления и многократных наблюдений я пришел к выводу, что 76 шагов в минуту—еще лучше“. В этих словах ярко отражается все ничтожество, мелочность, микрология виртуозности бездушных автоматов прусской пехоты.

[2]) Эту мысль вновь подтверждает военно-историческое отделение французского геннерального штаба в труде Морица Сотэ о провинциальных милициях, созданных Лувуа.

пости Магдебург. В армии, где капитан сам нес убытки от чрезмерного увлечения палкой, никаких ограничений не было.

Выходившие из прусских кадетских корпусов офицеры отличались грубостью и малообразованностью; до середины XIX века прусские офицеры говорили на простонародном, нелитературном языке.

Фридрих Великий относился к своим офицерам с едва переносимым презрением, окружал себя представителями несравненно более утонченной культуры, выписывал для своей „дворянской академии“ французских профессоров.

Генеральный штаб. Семилетняя война выдвинула во всех армиях вопрос о генеральном штабе. Каждый полководец еще в древности имел свой штаб, свой „дом“. По мере усложнения военного дела и роста необходимости принимать решения по данным, лежащим вне фактического кругозора полководца, значение сотрудников росло. В 1515 году под Мариньяно швейцарские начальники уже пользовались картами. Макиавелли уже называет географию и статистику театра военных действий „императорскими знаниями“, необходимыми полководцу; в помощь ему должен работать генеральный штаб из лиц разумных, знающих и с большим характером; этот штаб является докладчиком полководца и несет работу по разведывательной службе, по сбору и обеспечению картографическим материалом и по обеспечению продовольствием войск; разведывательная служба—войсковая и агентурная—должна быть организована уже в мирное время по отношению ко всем возможным противникам. Но передовые взгляды Макиавелли на сотни лет обгоняли действительный темп развития европейских армий. Офицеры генерального штаба почти не выделялись из общей массы адъютантов; фельдъегеря являлись колонновожатыми, инженеры рекогносцировали позиции и теснины и разбивали лагеря, топографы (инженер-географы) выполняли картографические работы; каждая армия имела, в общем, десять-двадцать специалистов этих категорий; на войне они и являлись ее генеральным штабом, но служба и подготовка их в мирное время вовсе не были упорядочены. Фридрих Великий, несмотря на те удобства, которые давала единоличному командованию линейная тактика, настолько остро почувствовал необходимость в надлежаще подготовленных помощниках, что после Семилетней войны взялся лично за их обучение; он сам выбрал 12 молодых, способных офицеров, имеющих некоторое представление о фортификации и съемке. Занятия—по два часа—происходили еженедельно во дворце (в Потсдаме или Сан-Суси); король начинал короткой лекцией, развивая какое-либо положение теории и иллюстрируя его военно-историческими примерами, и требовал вступления

офицеров в дискуссию, после чего каждому давал задачу. Сохранившаяся тетрадка Рюхеля заключает несколько задач по тактике на прикрытие и ведение обозной колонны, на укрепление позиции на полк для прикрытия деревни, проект укрепленного лагеря на армию, описание Силезских гор, сочинения на различные военные темы, работы, имеющие характер рефератов военно-научных—и далеко не первоклассных—сочинений [1]). В конце XVIII столетия прусский генеральный штаб состоял из 15 офицеров и 15 топографов.

Тактика пехоты Фридриха Великого колебалась между чистым огнепоклонством и полным отрицанием значения огня. Несмотря на сохранение сомкнутости строя и на ведение огня исключительно залпами, по команде начальников, очевидцы боев Семилетней войны (Беренхорст) утверждали, что пехотная часть, начавшая стрелять, быстро ускользала из рук командования; солдата, начавшего стрелять, только чрезвычайными усилиями можно было заставить прекратить огонь и двинуться вперед. В действительном бою только первые залпы были дружными; затем они вырождались в беспорядочный вольный огонь. С другой стороны, решительные дистанции огневого боя были коротки; австрийский устав требовал, чтобы при обороне огонь открывался, когда неприятель подойдет на 100 шагов. Имелся большой соблазн—не ввязываться с неприятелем в огневой бой на такой короткой дистанции. Мориц Саксонский поэтому настаивал на производстве атаки без выстрела. К началу Семилетней войны Фридрих Великий склонился к этой же идее. Пехоте внушалось, что собственный ее интерес диктует не задерживаться под огнем неприятеля, а лезть на врага; „король берет на себя ответственность перед каждым солдатом, что неприятель не пустит свои штыки в дело, а побежит". Действительно, штыковая атака, встреченная штыками, представляет чрезвычайно редкое явление в военной истории—одна из сторон побеждает прежде, чем скрестятся клинки; принц де-Линь, участник многих походов, свидетельствует, что лишь однажды за всю жизнь, в 1757 г., он слышал лязг удара штыка о штык.

Начало Семилетней войны застало прусскую пехоту обученной, но далеко не воспитанной в этой тактике, известнейшим представителем которой в истории является Суворов. В сражениях 1757 года под Прагой и Колином прусская пехота пыталась атаковать почти без выстрела, прикрывая наступление только огнем легких батальонных орудий. Результаты были неутешительны: в одном случае

---

[1]) Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften, т. III, стр. 2464—65.

пруссаки победили с трудом, благодаря кавалерийскому охвату, в другом — были разбиты; развить удар прусская пехота не могла, так как озабоченный сохранением сомкнутости и порядка Фридрих даже запрещал пехоте преследовать бегом неприятеля, дрогнувшего и начавшего убегать при надвижении вплотную пруссаков. Неприятель нес сравнительно небольшие потери, не был потрясен боем; даже в тех случаях, когда атака без выстрела опрокидывала противника, себя она без преследования не окупала—так как наступающие части несли тяжелые потери, особенно в начальниках, и не годились для дальнейшего развития боя. В конеце кампании 1757 года—в сражениях под Росбахом и Лейтеном—прусская пехота наступала уже со стрельбой, а в начале следующего года Фридрих Великий воспретил производство атак без стрельбы. Требования борьбы на измор против превосходных сил коалиции заставляли и стратегию и тактику эволюционировать в сторону более экономного ведения войны.

Прусский солдат давал до 4 залпов на стрельбище; боевая скорострельность достигала 2—3 залпов в минуту. Батальон был разделен на 8 плутонгов [1]), и огонь вели плутонги по очереди. В течение 20-ти секунд следовали один за другим залпы всех 8 плутонгов, начиная с правофлангового, и в момент залпа левофлангового плутонга правофланговый уже готов был к новому залпу. Такая организация огня являлась своего рода требованием идти в ногу при стрельбе, заставляла подравнивать огонь, напрягать внимание, дисциплинировала войска. Хотя в бою этот искусственный огонь редко удавалось сохранить, все же другие армии стремились подражать прусской в этом кунстштюке.

Пехота образовывала две линии. В теории в эту эпоху царствовала идея косого боевого порядка. Уже Монтекукколи указывал на выгоды устремления сил против одного неприятельского фланга, с возможным его охватом, и оставления пассивного заслона против другого. Фолар, фанатик идеи колонны, блестяще реконструировал косой боевой порядок Эпаминонда в сражениях при Мантинее и Левктрах, а Пюи-Сегюр возвел его в доктрину. Фридрих Великий, большой поклонник Фолара и Пюи-Сегюра, в течение десяти лет перед Семилетней войной упорно разрабатывал на учениях технику атаки косым боевым порядком. Последний может быть охарактеризован, как стремление произвести охват, не принося последнему в жертву ни непре-

---

[1]) Т.-е. взводов. Строевой расчет производился не по-ротно, а по-батальонно; ротная организация в бою вовсе исчезала; ее приносили в жертву для того, чтобы иметь одно и то же число рядов во всех взводах батальона, что казалось необходимым для чистоты перестроений.

рывности фронта, ни наступления по параллельным направлениям. В конце концов, техника косого порядка Фридриха вылилась в наступление в уступной форме, причем каждый следующий батальон двигался, отстав на 50 шагов от своего соседа. Эта форма наступления облегчала сохранение порядка при маневрировании, сравнительно с наступлением общим фронтом, тянувшимся на две версты; но сама по себе, конечно, она не давала преимуществ и даже позволяла противнику бить подходящих пруссаков по частям. Решительное значение она приобретала у Фридриха лишь вследствие концентрации сил на ударном фланге, где король развертывал свой резерв в виде третьей линии и иногда устраивал и четвертую линию из гусар, а, главным образом, вследствие внезапности, с которой Фридрих развертывал свой косой боевой порядок против фланга противника. Вероятно, прусская пехота под Лейтеном, выведенная внезапно на продолжение фланга противника, одержала бы равный успех и простым фронтальным ударом, но все современники усматривали какую-то таинственную силу в „косом" маневрировании прусского фронта; соседи стремились копировать его.

Прусская линейная пехота была приспособлена только к бою на открытой равнине, где солдат не ускользал из-под наблюдения офицера и где возможно было сохранять до конца сомкнутый строй. Перелески, селения были крайне неблагоприятны для прусской армии; Фридрих, даже если приходилось обороняться в деревне, воспрещал занимать солдатами дома. Главный же противник Пруссии—Австрия—располагал хорошей и многочисленной легкой пехотой—кроаты (сербы), пандуры и т. п. австрийские граничары, т.-е. род поселенного войска, казаков, которые прикрывали австро-турецкую границу. Австрийская легкая пехота, укомплектованная воинственными полу-варварами, не задавленная возбуждающей стремление дезертировать дисциплиной, дралась очень искусно в рассыпном строю, искусно пользовалась местностью и могла бы быть еще шире использована, если бы общее тяготение всех армий старого режима не толкало их на проторенный прусской армией путь муштровки. Пандуры и кроаты, которым начали подражать батальоны легкой пехоты и егеря в других армиях, являлись предтечей воспитанной в других условиях и проникнутой энтузиазмом французской революционной пехоты, которая заставила признать право гражданства за боем в рассыпном строю [1]).

---

[1]) Столкновение прусской пехоты на полях сражения под Ловозицем (1756) и под Колином (1757) с легкой австрийской пехотой, на трудной для сомкнутых строев местности, и беспомощность залповой тактики прусских линий против рассыпанных и применившихся к местности стрелков, явля-

В виду необходимости борьбы с партизанскими действиями, которые широко развивались австрийскими легкими войсками, Фридрих должен был увеличить с 4 до 26 число батальонов легкой пехоты; они получали такое же укомплектование, как линейная прусская пехота; чтобы этот дрянной состав не разбегался, он не подвергался палочной дисциплине, находился на положении полусвободной челяди, и на его проступки на войне смотрели сквозь пальцы. В результате получились у пруссаков только разбойничьи банды, которых презирали свои и чужие и которые грабили население [1]). Только егерские роты, укомплектованные лесниками, показали себя на большой высоте и оказали серьезные услуги. Но и в других государствах, где легкая пехота была удачнее организована, она еще являлась не реформированной пехотой, а вспомогательным родом оружия.

Кавалерия играла существенную роль в армии Фридриха Великого. В начале XVI века, когда в пехоте солдаты уже склеивались в тактические единицы, а конница еще сохраняла рыцарский характер, процент конных бойцов сильно уменьшился, армии и их боевые действия получили ярко выраженный пехотный характер. Но переход всей конницы, вслед за рейтарами, к организации в тактические единицы, демократизировавшей тип кавалерийского солдата, позволил сильно увеличить процент конницы, и в первой половине XVII века армии часто состоят из равного числа пехотинцев и кавалеристов. Увеличение размеров армий в 3—4 раза при переходе к постоянным войскам во вторую половину XVII века выдвинуло на первый план требования экономии; увеличивался преимущественно наиболее дешевый род войск—пехота, а кавалерии, в процентном отношении, в составе армий стало меньше. При возникновении прусской постоянной армии, в войсках Великого Курфюрста, кавалерия составляла только $^1/_7$ часть армии. Ухудшение моральных качеств пехоты XVIII века, неспособность ее к бою за местные предметы, поиски открытых пространств для боя, механические основы линей-

---

ются как бы этюдами к картине пехотного боя революционных армий, развернутой историей через 40 лет. В кампанию 1758 г., когда Фридрих начал осаду Ольмюца, кроаты Лаудона, засев на границе в Моравско-Силезских горах, перехватили обоз из 3000 повозок с продовольствием и инженерным осадным парком и вынудили прусскую армию, умиравшую с голода, к поспешному отступлению.

[1]) Это заключение относится к легкой пехоте эпохи Семилетней войны. Прусский устав для легкой пехоты 1787 г. требовал равнения, отличался духом формализма, подчеркивал палочную дисциплину и, таким образом, сводил легкую пехоту к линейным формам. В легкую пехоту назначались неказистые, малорослые солдаты, которые, по прусским понятиям, портили бы вид линейной пехоты.

ного боевого порядка, — все это открыло в XVIII веке обширное поприще для деятельности кавалерии, создало „золотой век конницы“. Фридрих Великий увеличил кавалерию в составе своей армии до 25%; в мирное время на каждых 100—200 человек населения Пруссии приходился один кавалерист—максимум, который могла содержать страна.

Фридрих унаследовал от своего отца хорошо дисциплинированную, обученную фельдмаршалом Леопольдом Дессау пехоту, в развитие пехоты не вложил ничего нового, так что слова Беренхорста (сына Леопольда Дессау), что Фридрих умеет тратить войска, но не воспитывать их, вполне оправдываются по отношению к пехоте. Но по отношению к кавалерии Фридрих явился реформатором. В первом же сражении, которое дал Фридрих под Мольвицем в 1741 г., его кавалерия была побита австрийской и увлекла его самого с поля сражения, но оставшаяся пехота, одна, своими силами, вышла победительницей из боя. Фридрих принялся за переработку своей кавалерии: 400 офицеров было удалено в отставку, во главе поставлены выдающиеся начальники, от кавалерии была потребована атака широкими аллюрами, сначала с 700 шагов, а затем и с 1800 шагов. Под угрозой бесчестия, кавалерийские начальники обязаны были всегда сохранять за собой инициативу атаки и первыми бросаться на неприятеля. Всякая стрельба из пистолетов была во время атаки отменена. На широком аллюре эскадроны должны были держаться возможно сомкнуто—стремя к стремени. Исход кавалерийского столкновения предрешался не действием оружия, хотя бы холодного, а ударом на врага сомкнутой, слитой в одно целое массы всадников. Родилось представление о шоке—натиске конной лавины, наскакивающей полным карьером и своей живой силой опрокидывающей все на своем пути. Если у сербов создалась поговорка, что сражение выигрывается не оружием, а сердцем героя, то знаменитейшему кавалерийскому вождю Фридриха, Зейдлицу, принадлежит мысль: кавалерийская атака выигрывается не столько саблями, сколько хлыстами. На учениях кавалерийские массы тренировались Зейдлицем чрезвычайно энергично. По прусскому уставу 1743 г. все перестроения, имеющие целью развертывание фронта, а также и атака, должны были обязательно производиться на галопе. Когда Фридрих обращал внимание Зейдлица на большое количество увечий, которые получают кавалеристы при падениях на учениях и на усложнение этим вопроса о комплектовании, Зейдлиц просил короля не обращать внимания на такие пустяки.

С переносом центра тяжести на шок, боевые действия конницы Фридриха отлились, в общем, в ту форму, кото-

рая сохранилась для действий кавалерийских масс на всем протяжении XIX века. Боевой порядок конницы — трехлинейный; линейное начало в тактике конницы держалось долго после перехода пехоты к глубокой, перпендикулярной тактике, вследствие предпочтительности поддержки кавалерии не сзади, а из уступа, в виду значения флангов в кавалерийском бою; поддержка сзади или опоздает к решительному моменту, или, в случае неудачи, будет даже смята хлынувшей назад первой линией. Только развитие спешенного боя и применение техники в чисто кавалерийском бою (пулеметы, полковая артиллерия, броневики) заставили ныне и конницу отказаться от Фридриховской линейной тактики.

Так как вся Фридриховская армия представляла на поле сражения один корпус, одно совместно работающее коллективное тело, то вся кавалерия объединялась в две массы на флангах армии, где кавалерийским вождям открывался большой простор для действий и где кавалерия до момента атаки не страдала от огня. Этот обычай сильных кавалерийских крыльев удержался до эпохи Наполеона.

Гусары. Кавалерия Фридриха Великого была укомплектована несколько лучшими элементами, чем пехота. Однако, палочная дисциплина в кирасирских и драгунских полках была столь же беспощадна, как и в пехоте, и благонадежность кавалеристов в отношении дезертирства не стояла на достаточной высоте, чтобы можно было высылать на значительное удаление малые кавалерийские части—разъезды. Поэтому, разведка в армии Фридриха Великого стояла весьма неважно, и бывали моменты (напр., при вторжении в Богемию 1744 г.), когда австрийские легкие войска совершенно отрезывали пруссаков от всяких источников осведомления, и приходилось действовать положительно вслепую. Фридрих Великий искал выхода в организации легкой конницы, которая воспитывалась бы в духе авантюризма, получала бы ряд поблажек и не была бы подчинена общей суровой дисциплине армии. С этой целью Фридрих начал развивать гусар [1]); число их было увеличено с 9 до 80 эскадронов; их обучению и воспитанию Фридрих уделял много внимания. Нерегулярные и полурегулярные части удаются, как мы уже видели на примере начала средних веков, в коннице гораздо легче, чем в пехоте, и гусары Фридриха оказались гораздо полезнее для армии, чем его легкая пехота. Вначале гусары относились к пехоте и только после Семилетней войны были

---

[1]) Гусар — означает по венгерски — двадцатый; так была названа венгерская конная милиция вследствие повинности выставлять одного конного милиционера с каждых двадцати дворов.

отнесены к кавалерии. Конский состав был много мельче, чем в других кавалерийских частях; гусарским офицерам воспрещалось жениться, чтобы не угашать в них духа предприимчивых партизан.

Таким образом, в конце XVIII века, несовершенство комплектования и устройства насильно вербованных армий заставило установить в пехоте и кавалерии деление на линейные и легкие войска. Линейные пехота и конница—это войска поля сражения, беспомощные на театре войны; легкая пехота и конница—это войска театра войны, недостаточно дисциплинированные для регулярных действий, своего рода партизаны. Такое деление вызывало острую критику выдающихся писателей, но только французской революции удалось уничтожить противоречия, мешавшие в одних и тех же частях соединить достоинства легких и линейных частей.

Артиллерия. В отношении артиллерии тактика Фридриха Великого характерна стремлением образовать перед ударным крылом боевого порядка крупную батарею из орудий тяжелого калибра (Мольвиц, Цорндорф и друг. сражения), которые своим огнем подготовляли решительную атаку. Немцы восходят с традицией использования тяжелых пушек в полевых боях к Фридриху Великому. Позиционный характер, который приняла Семилетняя война, существенно отразился на увеличении артиллерии в составе армий. Инициатива увеличения принадлежала, однако, не пруссакам, а австрийцам и отчасти русским, которые стремились занимать укрепленные позиции, обеспечиваемые могущественной артиллерией. Насколько позиционная борьба отразилась на численности артиллерии, видно из следующего сопоставления: под Мольвицем (1741 г.) на 1000 штыков у пруссаков 2,5 орудия, у австрийцев 1 орудие; под Торгау (1760 г.)—у пруссаков 6 орудий, у австрийцев 7 орудий. В том же направлении в XX веке уклонилось и развитие европейских армий под влиянием позиционного опыта мировой войны.

Стратегия. Фридрих Великий со своей, сравнительно с масштабом XIX века, небольшой армией, с вынужденным перерывом в военных действиях на зиму, когда приходилось, в виду невозможности бивакировать в поле и равной невозможности располагать солдат, стремящихся дезертировать, по обывательским домам, обязательно занимать зимние квартиры—не мог задаваться обширными планами глубокого вторжения на неприятельскую территорию, для нанесения противнику смертельного удара. Сражения эпохи Фридриха Великого были связаны с тяжелыми потерями для победителя, а также и для побежденного. Победа над австрийцами и саксонцами при Сооре (1745 г.) была куплена

прусской пехотой ценой 25% потерь; успех над русскими при Цорндорфе стоил прусской пехоте половины состава убитыми и ранеными. Преследованию мешал состав армии, в которой после успешного боя необходимо было установить полный и строгий порядок; в этих условиях даже победа не всегда окупала потери; современных средств для быстрого укомплектования армии не было — каждый полк, в течение периода зимних квартир, сам выполнял для себя роль запасного батальона. Фридрих Великий говорил, что со своими войсками он мог бы завоевать весь свет, если бы победа для них не была столь же гибельной, как для противников—поражение. Магазинное довольствие делало армию крайне чувствительной к тыловым сообщениям. Один лишь раз в 1744 г. Фридрих Великий глубоко вторгся в пределы Богемии; австрийский фельдмаршал Траун, занимая труднодоступные позиции и перерезывая легкими войсками тыл пруссаков, без боя вынудил на половину поредевшую прусскую армию к отступлению. Фридрих Великий называл после этого похода Трауна своим учителем. В начале войны, когда Фридрих располагал свежей, обученной армией с энергичными офицерами, с полными рядами в батальонах, он охотно шел на риск боя. Но общее отношение Прусского короля, когда он созрел в военном отношении (1750 г.), выражается следующей мыслью из его „Военного Искусства", написанного французскими стихами [1]): „Не вступайте никогда без серьезных оснований в бой, где смерть собирает такую ужасную жатву". Эта мысль очень характерна для стратегии XVI—XVIII веков и резко противоречит вытекающему из Наполеоновских войн учению, которое видит на войне только одну цель — уничтожение живой силы неприятеля, и знает только одно средство к тому — решительное сражение. Только когда французская революция открыла в народных массах неисчерпаемый запас для пополнения армии, мысль полководца перестала бояться потерь, и создалась ударная Наполеоновская стратегия сокрушения. До тех же пор полководец, работавший с ограниченным человеческим материалом, должен был не забывать о „Пирровых победах", после которых может не остаться армии, долженствующей продолжать победное шествие. Для Фридриха Великого, как и для других полководцев до Наполеоновского периода, сражение являлось только одним из средств для достижения цели: выдержка до конца, о которой вспомнил Гинденбург во время миро-

[1]) Et n'engagez jamais sans de fortes raisons ces combats, où la mort fait d'affreuses moissons.

Фридрих по-немецки был плохо грамотен, писал всегда по-французски, а стихи его исправляли Вольтер и другие.

вой войны („победит тот, у кого нервы выдержат до конца“[1]), заботила полководцев в первую очередь; надо было стремиться, чтобы каждый месяц войны наносил противнику в его экономических рессурсах [2]) и политическом сознании более тяжелые раны, чем нам — вот основания стратегии измора, отнюдь не отказывающейся, когда в том возникает необходимость, от принятия решительного сражения, но видящей в бою только одно из средств для достижения победы. Фридрих Великий — величайший мастер стратегии измора; в Семилетней войне он добился своей цели — не возвратить Австрии захваченной у нее Силезии—в борьбе против могущественной коалиции Австрии, России и Франции.

Стратегии измора, правильно учитывающей все политические и экономические условия войны, идущей к разложению мощи врага не только путем боевых операций армий, но знающей и другие средства (экономическая блокада, политическая агитация, дипломатическая интервенция и. т. д.), грозит всегда опасность вырождения в противоположность Наполеоновской стратегии — в стратегию бессилья, в стратегию искусственного маневра, пустой угрозы противнику, за которой не следует удара. Такой лающей, но не кусающей стратегией явилась стратегия Фридриха, когда он, имея уже 66 лет от роду, предпринял войну за баварское наследство (1778—79 г.). Вся кампания протекла в бесплодном маневрировании; австрийский полководец Ласси оказался достойным партнером для выдохшегося прусского короля; Фридрих Великий в эту эпоху, „уже уставший царствовать над рабами“, несомненно потерял веру в моральные силы своей армии, понимая лучше всей восторгавшейся Европы ее слабости, и боялся рисковать. Война обратилась в вооруженную демонстрацию; противники разошлись без единого боя. Тогда как русский генерал Суворов, с неукротимым порывом к решению военных задач боем, желчно критиковал „ученый Лассиев кордон“, многие писатели увлекались этим новым видом бескровной войны, видели в нем знамение прогресса человечества и его гуманности (напр., будущий прусский военный министр Бойен); а солдаты, с их непосредственным чутьем, прозвали эту войну — посмешище — „картофельной войной“, так как пострадавшими оказались только картофельные посевы.

Войны XVII и XVIII веков часто характеризуются, как кабинетные. Термин „кабинетная война“ употребляется,

---

[1]) Перифраза Куропаткинской мысли в начале русско-японской войны: „терпение, терпение и терпение“.

[2]) В конце Семилетней войны австрийская армия начала таять не от потерь в боях, а вследствие расформирования по приказу центральной власти, не находившей больше средств на содержание большой армии.

как понятие, противоположное народной войне. Война представляла дело только правительства, „кабинета“, а не нации, не широких масс. Отсюда, однако, было бы ошибочно сделать вывод, что в то время, наряду с вооруженной борьбой, не существовало вовсе агитационного фронта борьбы. Бумажная война всегда сопровождала военные действия. Фридрих Великий не презирал фабрикацию фальшивых документов, которые позволили бы ему воспользоваться какими-либо национальными или религиозными козырями. Однако, фронт борьбы, обращенный к массам, являлся в XVIII веке еще чисто вспомогательным. Правительство шло своим путем, а какой-нибудь „прилежный правовед“ выступал в роли его адвоката перед массами. Поведение армии в отношении населения имело решающее значение на агитационном фронте. Со своей циничной откровенностью, Фридрих Великий так инструктировал своих генералов: „надо обрисовывать неприятеля в самом неприглядном виде и возводить на него обвинения во всевозможных замыслах против страны. В протестантских странах, как Саксония, надо играть роль защитников лютеранской религии, в католической стране мы должны постоянно твердить о веротерпимости“. Следует „заставить себе служить небо и ад“.

Росбах. Примеры тактического искусства Фридриха Великого из эпохи Силезских и Семилетней войны многочисленны и ярки. Под Росбахом, поздней осенью 1757 г., на второй год войны, соединенная франко-имперская армия, в составе около 50 тыс. плохо дисциплинированных солдат, стояла против 25 тыс. отборных прусских войск. Союзниками командовали принц Субиз (французами) и герцог Гильдбургаузен (имперцами). На другом, важнейшем для Пруссии театре австрийцы, разбив оставленный против них заслон, заканчивали завоевание Силезии, которая и являлась целью войны, и располагались там на зиму. Фридриху Великому необходимо было скорее покончить с французами, чтобы до наступления зимы выгнать австрийцев из Силезии, без экономических рессурсов которой он не мог продолжать войну. Но союзники стояли на укрепленной позиции, атаковать на которой двойные силы неприятеля Фридрих не мог. Положение его уже становилось безвыходным, когда неприятель, вопреки обстановке, толкаемый своим численным перевесом, перешел в наступление. Принц Субиз решил вынудить пруссаков к отступлению, обойдя их с юга и угрожая перехватить пути отхода прусской армии. 5-го ноября, оставив $^1/_6$ своих сил под начальством Сен-Жермена для демонстрации на фронте, Субиз двинулся в трех колоннах. Марш происходил по открытой местности; днем был сделан большой привал. Спереди движение прикрывалось выдвинувшейся конницей.

Фридрих Великий с Росбахской колокольни наблюдал движение союзников и утром получил представление, что под прикрытием оставленного арьергарда французы начали отступление; но после полудня ему ясно обрисовалось обходное движение неприятеля. Тогда Фридрих принял решение—встретить французский маневр контр-маневром, обрушившись на голову походных колонн. Против С.-Жермена был оставлен незначительный арьергард. 5 эскадронов гусар на гребне холмов маскировали совершающееся за ними передвижение армии. Конница Зейдлица одним ударом опрокинула и прогнала с поля сражения французскую кавалерию. В то же время на холме Янус развернулась 18-орудийная батарея, начавшая обстрел французской пехоты, пытавшейся развернуться в сторону движения; прусская пехота перевалила через гребень и, наступая, открыла огонь залпами; в бою успели принять участие только 7 головных прусских батальонов, которые выпустили по 15 патронов. К этому моменту Зейдлиц успел, после первой атаки на конницу, собрать свои эскадроны и бросил их на многочисленный штаб принца Субиза и на толпящуюся в беспорядке французскую пехоту. Почти мгновенно все было кончено—французская армия в полном беспорядке бежала. Опасность на этом фронте была устранена, Фридрих получил возможность обратиться со своими лучшими полками на Силезский театр.

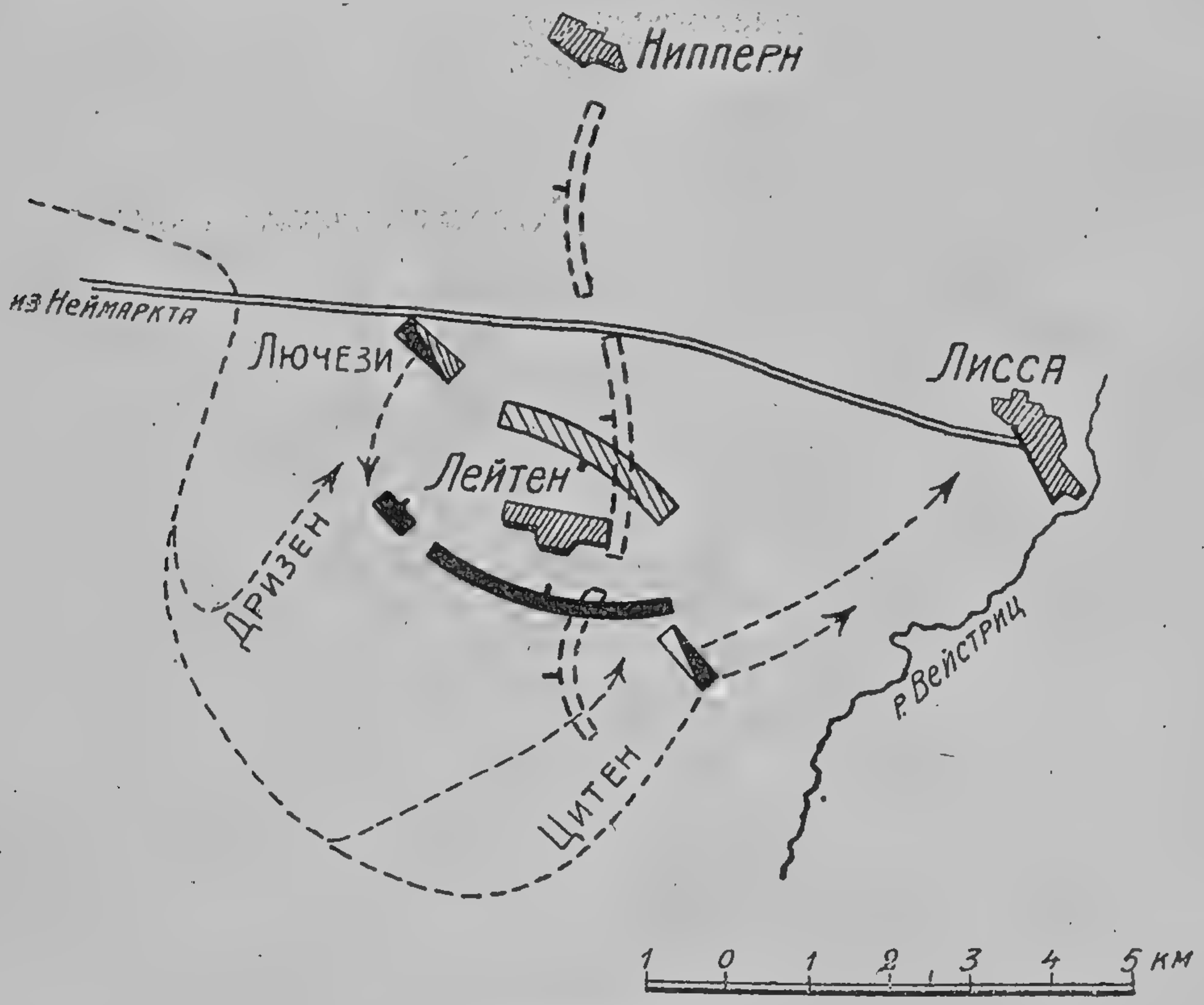
Успех обходного маневра вообще связан с пассивностью противника, с отсутствием рипоста. По нашим современным понятиям, чтобы обойти противника, нужно прежде всего сделать его неподвижным, связать его, пригвоздить к месту боем. С этой точки зрения заслон Сен-Жермена должен был быть крупнее; задача этого заслона должна была бы заключаться не в простом демонстрировании, а в ведении энергичного фронтального боя, который сковал бы маневроспособность противника, а затем уже потерявшего подвижность врага можно охватывать или обходить, с целью дать решительный оборот бою. Фланговое же передвижение неуклюжей армии Субиза перед нескованным, гибким, особенно способным к быстрому маневрированию врагом являлось неоправдываемым риском.

Лейтен. Форсированным маршем (300 клм. в 15 дней) Фридрих перебросил армию от Росбаха в Силезию. Австрийская армия, овладевшая важнейшими крепостями Силезии—Швейдницем и Бреславлем, совершившая конный набег на Берлин, считала кампанию 1757 года уже законченной и располагалась на зимних квартирах в отвоеванной области. Приближение прусской армии заставило сосредоточить впереди Бреславля 65 тыс. войск. Австрийцы заняли позицию; чтобы упереть фланги в местные пред-

меты, пришлось растянуть фронт на 7 верст. 5-го декабря Фридрих Великий с 40 тыс. армией атаковал австрийцев.

Кусты скрывали местность перед фронтом. Впереди находились только австрийские гусары. Как только прусская конница оттеснила их, Карл Лотарингский, австрийский командующий армией, оказался в неведении о том, что делают пруссаки. Последние показались на дороге, шедшей к центру австрийского расположения, затем исчезли. Австрийцы, не предполагая, что пруссаки решатся на атаку сильнейшей армии, стремясь исключительно к пассивной цели и ожидая отступления пруссаков, не пред-

Сражение при Лейтене 5/XII—1757 года.



Чертеж № 18.

приняли никаких мер и остались на месте. Между тем пруссаки, совершив в 2 верстах перед австрийским фронтом фланговый марш, внезапно появились против оконечности левого фланга австрийцев, занимавшего селение Лейтен, и с молниеносной быстротой выстроили фронт в перпендикулярном направлении к австрийской позиции. Австрийцам пришлось вступить в бой одновременно с переменой фронта; подходившие с запозданием, с растянутого фронта, войска не успели развернуться и нагромоздились в беспорядке в глубину, образуя свыше 10 линий. Фридрих сосредоточил против селения Лейтен, куда на-

правлялся главный удар, 4 линии войск и сверх того получил возможность охватить неприятеля обоими крыльями. На правом фланге пруссакам удался только огневой охват, на левом фланге прусская конница Дризена, выждав удобную минуту, опрокинула австрийскую конницу Лучези и навалилась на правый фланг австрийской пехоты. У австрийцев, на их несчастье, в сел. Лейтене не оказалось легкой пехоты, столь пригодной для обороны местных предметов, и их пехота так же неуклюже обороняла селение, как прусская атаковала его. Несмотря на полное истощение прусской пехоты, события на фланге вынудили австрийцев к отступлению, которое выродилось в панику. Фридрих организовал преследование только конницей; оно велось не слишком энергично, но австрийцы поспешили увести в свои пределы остатки армии.

В сражении при Лейтене Фридрих повторил Росбахский маневр Субиза, но выполнил его уверенно, быстро, молниеносно, так что сражение получило характер внезапного нападения на фланг противника. Если маневр Фридриха удался, то это объясняется не столько искусством исполнения, сколько пассивностью австрийцев, которые достигли всего, чего хотели, у которых не было никакой воли к победе и которые лишь с нетерпением ждали, когда от них отвяжется беспокойный неприятель и можно будет с удобством разместиться на хороших завоеванных зимних квартирах. Вялый всегда оказывается побитым решительным. Если бы австрийцы имели перед фронтом позиции авангард и сторожевые части, которые выгадали бы время и пространство для последующего маневра главных сил, или, еще лучше, если бы австрийцы, заметив уклонение в сторону голов прусских колонн, перешли в решительное наступление, не загадывая, маневрируют ли пруссаки или просто уклоняются от боя—прусскую армию, вероятно, постиг бы такой же разгром, как французскую при Росбахе [1]). Косой боевой порядок Фридриха, примененный при атаке сел. Лейтена, в котором современники видели какую-то магическую силу, в Лейтенской победе на самом деле роли не играл.

Сражение при Кунерсдорфе. Типичным для характеристики тактики прусской и русской армий является сражение под

---

[1]) Ценной критикой операций Фридриха, Наполеона и Мольтке является труд начальника прусского генерального штаба графа Шлиффена—„Канны". Сражения при Лейтене, Цорндорфе и Кунерсдорфе—стр. 30—35. Необходимо иметь в виду основную тенденцию графа Шлиффена—прославление начала окружения; под этим углом зрения развивается все историческое описание. В охваты эпохи Фридриха и Наполеона недостаточно считающийся с эволюцией Шлиффен вкладывает современные идеи. „Канны" являются, несмотря на свою тенденциозность, одним из значительнейших военно-исторических трудов XX века. Русский перевод „Канн" издан В. В. Р. С. в 1923 г.

Кунерсдорфом 12-го авг. 1759 г. Русская армия Салтыкова, к которой присоединился австрийский корпус Лаудона, всего 53 тысячи, плюс 16 тысяч нерегулярных войск, в первых числах августа собралась у Франкфурта, на правом берегу Одера, и расположилась здесь укрепленным лагерем. Правый фланг был на холме с еврейским кладбищем, центр—на Шпитцберге, левый фланг—на Мюльберге. Мюльберг отделялся от Шпитцберга оврагом Кугрунд. 8 дней находились русские на этой позиции и прикрыли свой фронт ретраншаментом, усиленным засеками, который образовывал загиб на Мюльберге. Австрийцы стояли в резерве за правым крылом. Тыл прикрывали болота, шедшие к Одеру.

Фридрих сосредоточил к Мюльрозе 37 тысяч пехоты и 13 тысяч кавалерии—силы почти равные русско-австрийской регулярной армии. Наполеон, который имел в виду исключительно сражение и искал только в решительной победе успешного конца войны, обеспечил бы себе, вероятно, численное превосходство, притянув заслоны, оставленные отстаивать Силезию и Саксонию. Но Фридрих вел борьбу на измор; потеря провинции для него была опаснее тактической неудачи; только однажды, под Прагой в 1757 г., он находился в более выгодных численных условиях, чем теперь; он решил атаковать. Нанесение решительного удара возможно было бы, если бы удалось отрезать сообщения русской армии и атаковать ее с востока. Фридрих Великий произвел личную рекогносцировку с высот левого берега Одера, у Лебуса; сколько-нибудь удовлетворительной карты у него не было; он спутался в определении местных предметов, на которые открывался его кругозор, доверился показаниям местного жителя и пришел к убеждению, что русская армия стоит фронтом на северо-запад, к болотам Одера [1]).

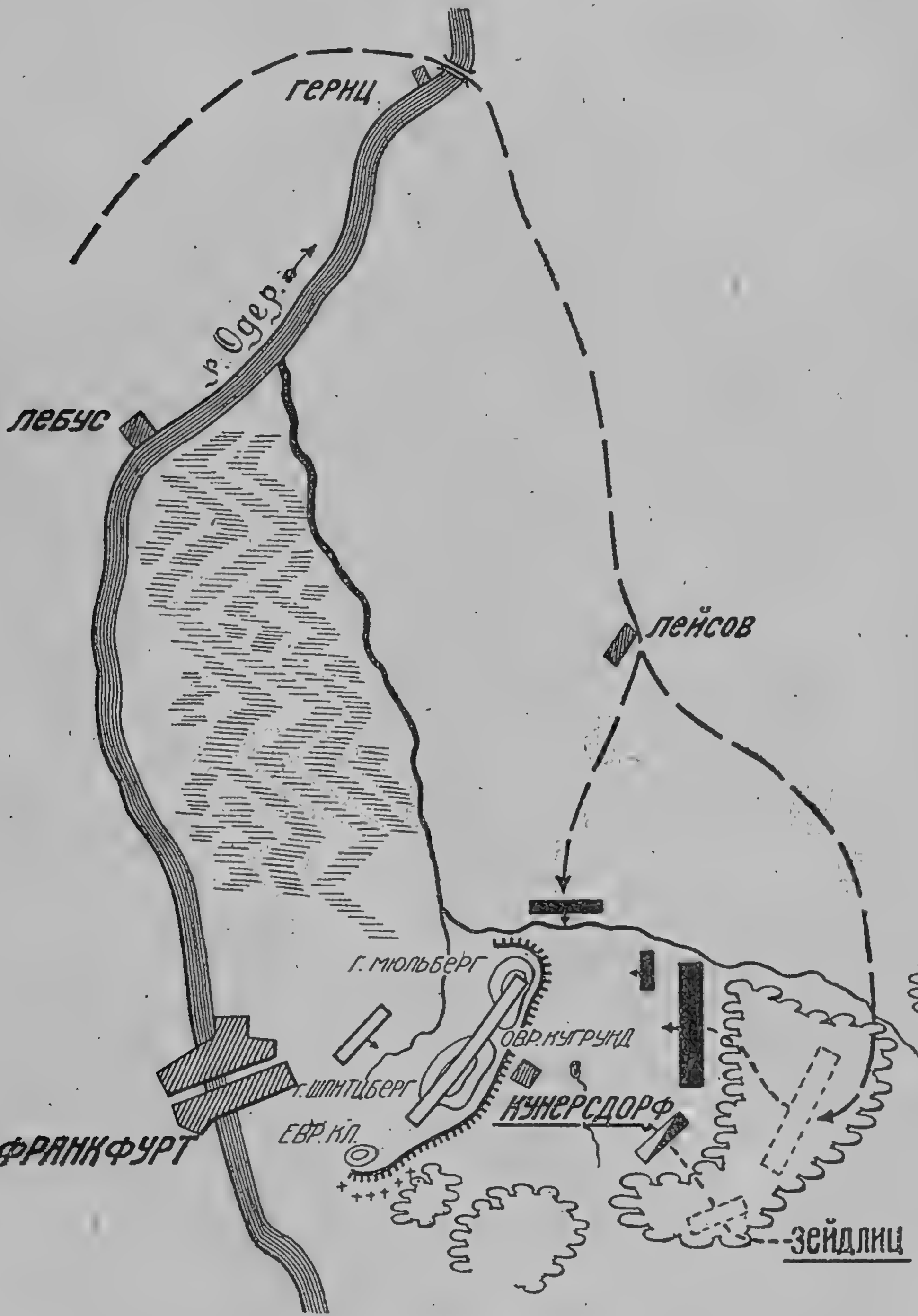
Фридрих Великий решил переправить армию через Одер у Герица, в переходе ниже Франкфурта обойти русских с востока, ударить на них с тыла и опрокинуть в Одер. Выполнение этого плана вывело прусскую армию, описавшую почти полный круг, на фронт неподвижно стоявших русских. Так как пруды и буераки грозили разорвать наступление пруссаков на две части и создать два очага боев, что было противно стремлению Фридриха маневрировать всей армией совокупно, то он решил сосредоточить все силы на атаке Мюльберга—севернее полосы прудов, тянущейся от Кунерсдорфа. Против остального русского фронта не направлялось какого-либо связывающего наступления. Молодые полки русского обсервационного корпуса,

---

[1]) Это выяснено автором по архивным данным в полемике с А. Байовым в 1909 г. Русский Инвалид, №№ 166, 167, 213, 219, 229.

занимавшие Мюльберг, оказались не в состоянии выдержать решительной атаки пруссаков [1]). Мюльберг был взят пруссаками, и Фридрих стремился, как и под Лейтеном,

Сражение при Кунерсдорфе 12/VIII--1759 года.



Чертеж № 19.

---

[1]) На левом фланге—наименее почетном участке боевого порядка—по традициям XVIII века располагали более молодые по старшинству пехотные полки.

развить свой успех, прокатив свои войска вдоль русского фронта. Но у Салтыкова центр и правое крыло, никем не связанные, представляли огромный резерв. Упорный бой за Кугрунд пруссакам не удался: атака на Шпитцберг была отбита, русская артиллерия жестоко косила столпившуюся на Мюльберге прусскую армию, началась контр-атака русских, паника охватила прусские ряды. В отчаянии, Фридрих приказал Зейдлицу вести в атаку массу конницы. Зейдлиц видел безнадежность атаки по пересеченной местности на расположенного за укреплениями врага, но по повторному приказу бросил свои эскадроны в атаку. Они были отбиты огнем, русская и австрийская кавалерии перешли в контр-атаку; прусская армия, бросив артиллерию и обозы, в полном беспорядке бежала и рассеялась. Вечером Фридрих из 50-тысячной армии смог собрать только 10 тысяч, считая в том числе 7 тысяч, оставленных у Герица на мостах через Одер; через несколько дней удалось собрать до 31 тысячи. Потери пруссаков, таким образом, около 19 тысяч, русских и австрийцев—до 17 тысяч.

Пруссаки понесли решительное поражение. По замечанию Клаузевица, Фридрих Великий под Кунерсдорфом запутался в сетях собственного косого боевого порядка. Удар на левый русский фланг в одну точку, поскольку он не вызвал крушения всего русского боевого порядка, поставил пруссаков в очень трудное положение, скомкав их фронт, сосредоточив всю пехоту на тесном пространстве Мюльберга и лишив их маневроспособности.

В этом сражении обращает на себя внимание сверхфилософское равнодушие Салтыкова к кружащейся около него прусской армии, пассивное сидение русских на удобно (сразу тылом к неприятелю) выбранной позиции, крепкая их тактическая выдержка, ошибка столь опытного полководца, как Фридрих, при рекогносцировке неприятельского расположения, наконец, крайняя зависимость линейного боевого порядка от местных условий, заставившая Фридриха сузить участок атаки.

Беренхорст—сын Леопольда Дессау, знаменитого воспитателя и вождя прусской пехоты, адъютант Фридриха Великого—бросил военную службу, так как не смог вытерпеть презрительного отношения короля к своей свите. Ему принадлежит глубокая критика Фридриховского военного искусства.

Беренхорст совершенно игнорировал геометрическую часть военного искусства и сосредоточил все внимание на моральных силах, на человеческом сердце. Ему принадлежит самая строгая критика парадной стороны прусской армии, которая ослепляла столь многих. Маневренное искусство пруссаков иллюзорно—в нем нет ничего, применимого для

серьезной боевой работы, оно развивает крохоборчество (микрологию), боязливость, служебное рабство и военную грубость. Мелочность, лихорадка деталей владеют прусской армией. Здесь ценят ничтожные подробности обучения, если только они даются с большим трудом. Оберманевристы играют в тактические загадки. Фридрих Великий не только не поднял, но принизил моральные силы армии, не счел важным озаботиться состоянием духа, мужества и внутренних достоинств солдата; этот полководец умел лучше расходовать, чем воспитывать солдат. Сколько мысли, прилежания, трудов и сил тратится на учение прусской армии— и большей частью совершенно бесполезно, а отчасти даже и ко вреду. О, суета всех искусственностей... В прусской армии человек дрессируется скорее, чем четырехногий воин, иронизирует Беренхорст, так как прусский солдат от побоев становится гибче и ученее, а лошадь брыкается при каждом ударе. И как раз то, над чем более всего ломают свою голову искусники, что стоит офицеру грубейших замечаний, а солдату достается самыми тяжелыми ударами—все это не применимо в действительном бою. Как чувствует себя опытный, храбрый офицер, привыкший встречаться с неприятелем и хладнокровно распоряжаться во время атаки, когда на смотру он потеряет дистанцию— отстанет или налезет на 10 шагов...

Литература.

Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Herausgegeben vom Grossen Generalstabe. Heft 27. Friedrich des Grossen Anschauungen vom Kriege in ihrer Entwickelung von 1745 bis 1751. Berlin. 1899 г., стр. 160.

27-й выпуск военно-исторических монографий прусского генерального штаба дает очень сжатое и выпуклое резюме развития стратегических и тактических взглядов Фридриха Великого; многочисленные, приведенные в систему выдержки из его трудов позволяют ознакомиться со всем его идейным наследством. Эта брошюра является путешествием в Каноссу прусского генерального штаба, так как здесь очерчивается Фридрих, как полководец XVIII века, а не Фридрих, воюющий по принципам Наполеона. Этим признается правильность точки зрения Дельбрюка в его многолетней полемике с прусским генеральным штабом. Однако, десятки томов капитальной истории Фридриха Великого, до и после указанной брошюры, изданные прусским генеральным штабом, проникнуты противоположным воззрением.

Сухотин. Фридрих Великий. Лекции по истории военного искусства. 1882 г. Автор рассматривает Фридриха, как представителя Наполеоновской стратегии. Мало научный труд.

Lloyd. Mémoires militaires et politiques. Автор, первый мыслитель в области стратегии, приступил к составлению истории Семилетней войны. Первый его том – критика стратегических и тактических представлений, составляющая занятие исходной позиции для военно-исторического исследования. Труд, в части своей, скептически оценивающей мощь вербованных армий, исходит из замечаний Ллойда, сделанных им над прусской армией. Труд его также очень ценен для историка русской армии XVIII столетия, вследствие близости Ллойда к реформаторской деятельности Потемкина. Краткие извлечения из Ллойда—в т. I, „Стратегия в трудах военных классиков".

Georg Heinrich von Berenhorst. Betrachtungen über die Kriegskunst, über ihre Fortschritte, ihre Widersprüche und ihre Zuverlässigkeit. Leipzig. III издание, 1827 г., стр. 562. В заглавии автор замечает, что его труд понятен и для неспециалистов, если только они знакомы с историей. XVII глава озаглавлена: осенние маневры и Анахарсис. Беренхорст обращается к образу молодого скифа, попавшего в цивилизованную Грецию, Солона, и смотрящего удивленными глазами на окружающее. Следующая глава, трактующая о тактике и огне пехоты, названа „Энезидем", по имени греческого философа, знаменитого своей теорией скептицизма. Этот скептицизм действительно бьет из каждой строчки великого современника французской революции, и он обрушивает чисто скифские удары на утонченное военное искусство XVIII века. XIX и XX главы посвящены очерку русского военного искусства в XVIII столетии, очень любопытному, но, кажется, оставшемуся неизвестным русским историкам.

Литература о Беренхорсте: **W. Rüstow.** Feldherrnkunst des neunzehnten Jahrhunderts. Zürich. 1867, стр. 181. Hans Rothfels. Carl von Clausewitz. Berlin. 1920, стр. 44. Meerheimb. Bernhorst und Bülow. Histor. Zeitschrift VI, стр. 76. 3-й том истории военных знаний Макса Иенса и „От Росбаха к Иене" фон-дер-Гольца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Судьбы военного искусства в России.

Киевская Русь. Татарские уроки. Поместная система. Столкновение с наемными войсками Запада. Комсостав. Необходимые реформы. Постоянная армия Петра Великого. Заимствования с Запада. Стратегическая конница. Полтавская кампания. Командный состав русской армии XVIII века. Потемкин. Сраж. на р. Треббии. Литература.

Киевская Русь. В удельно-вечевой период все элементы вооруженной силы русских группировались в городе. Каменная архитектура рыцарских замков чужда русскому средневековью; русский феодал чувствовал бы себя беззащитным и одиноким в небольшом бревенчатом острожке, вне города; но при громадных русских пространствах и возможности ухода крестьян на новые места, подальше от феодального замка, вероятно, если бы и нашелся оригинал, построивший себе каменный замок, около него скоро образовалась бы пустыня и исчезли бы материальные предпосылки возможности содержания замка. Древний русский город, как и средневековый итальянский город, хотя и на других основаниях, являлся пунктом оседлости военного класса и крупных землевладельцев. Дружина князя имела серьезные стимулы не расселяться по деревням, как это делалось во Франции и Германии. Отсюда — населенность древнего русского города, представлявшего значительный рынок потребления. Натиск арабов, прервавший в IX—XII веках связь и торговлю Запада и Востока через Средиземное море, придал первоклассное значение торговому пути „из варяг в греки“, проходившему через Новгород и Киев. Мелочной характер средневековой торговли втягивал в свой оборот громадные массы русского городского населения. Горожанин представлял в себе соединение триединых талантов — воина, торговца и разбойника.

Княжеские дружины были образованы самыми боеспособными элементами средневековья, норманнами востока, получившими наименование варягов. За этими Карлами, Инегельдами, Фарлафами, Руальдами, Фостами, Труанами тянулись, в отношении военной доблести, и русские торговые гости. И все же, военная мощь древней Руси была не ве-

лика, и не столько от раздробления ее на уделы, как вследствие полного отсутствия смычки города и деревни. Деревня в военном отношении не представляла никакой силы и хищнически эксплоатировалась городом—не столько сбором упорядоченной дани, как разбойными налетами. Один князь заступался за свои деревни против налета другого князя тем, что производил в свою очередь налет на его деревни. В этих условиях русская деревня отступала перед городом — с богатого чернозема юга на бедный суглинок севера, который она расчищала от дремучего леса. Но город преследовал ее.

Татарские уроки. Древняя русская государственность не сумела оказать серьезного сопротивления нашествию монголо-татар. Дикие кочевники, с которыми сталкивались раньше русские князья, были бессильны против городских стен. Теперь же азиатский враг оказался располагающим гораздо более высокой военной техникой, чем русские, и легко брал русские города; в поле же нельзя было ему противостоять, так как организованность татар была несравненно выше; впечатление бесчисленного множества оставляли азиатские армии—ополчение всего народа — при столкновении с русскими ополчениями одних городов.

Азиатский натиск на равнины восточной Европы начался в начале XIII века, в результате чрезвычайного подъема военно-политического искусства, связанного с Чингиз-ханом. Однако, экономика кочевого быта стояла на очень низком уровне. Завоеватели всюду беспощадно расправлялись с городами, в особенности с русскими, являвшимися сосредоточением военной мощи и единственными возможными очагами сопротивления. Несмотря на стремление их спасти ремесленную часть населения и использовать их в других центрах, завоевания азиатских полководцев связывались с катастрофическим понижением уровня экономической жизни и поэтому были обречены на скорое распадение. Господство Золотой Орды было обречено на уничтожение. Удар Тамерлана по Золотой Орде в 1391 г. ускорил этот процесс, обеспечив на много столетий безопасность восточной границы России. Натиск Азии продолжался лишь на более южном направлении, в пределах малой Азии, где недобитые Тамерланом турки сумели утвердиться на Балканском полуострове.

Если Валленштейн явился учителем прусских королей, то русские князья научились у татарского сборщика податей правильной эксплоатации сельского населения посредством учета и обложения его. Татарский нажим весьма содействовал усилению центральной власти; Москва многому научилась в области политики у монголо-татар.

И очень многим обязано татарам русское военное искусство. Вспомогательные русские отряды входили в состав татарских армий. Историк отмечает их присутствие у берегов Аральского моря при начале столкновения Тохтамыша с Тамерланом. Мы усвоили у Востока глубокое уважение к метательному бою, ведение боя из глубины, расчленение армий на большой полк, полк правой и левой руки, авангард и резерв (передовой и засадный полки), организацию легкой конницы, дравшейся как в конном, так и в пешем строю—своего рода иррегулярных драгун, большое внимание к разведывательной и сторожевой службе, своеобразную восточную дисциплину и методы управления, далеко превосходившие феодальный масштаб средневековья. Оперативное искусство и тактика Димитрия Донского во время похода, приведшего к сражению на Куликовом поле, могут служить иллюстрацией военных достижений монгольской школы. Первые казаки, черкасы, очень может быть, являлись русскими вспомогательными отрядами, отделившимися от Орды и ушедшими на Днепр.

Поместная система. Однако, широкий размах монгольского военного искусства, использовавшего все неизжитые варварские инстинкты кочевых племен, должен был быстро переродиться и измельчать на почве экономики земледельческого народа, хозяйство которого оставалось еще преимущественно натуральным. Татарское нашествие достаточно убедительно показало бессилие вооруженной силы одних городов, лишенных какой-либо смычки с деревней. Необходимость толкала на использование для строительства армии экономических рессурсов деревни, а в обстановке натурального хозяйства для этого имелся только путь ленной системы — отвода воину населенного крестьянами участка земли, с которого ленник мог бы кормиться и покрывать издержки по сбору в поход.

Русские феодалы-бояре жили в центральных городах; связи их с их земельными владениями были не слишком сильны; они являлись почти беззащитными перед лицом великокняжеской и царской власти. Города были значительны; имелись грамотные дьяки, что позволяло учесть в приказах всю землю и все население для разложения на них тягот по содержанию вооруженной силы. Вследствие этого, в русской действительности [1]), организующим ленников элементом выступили не бояре, а эту задачу смогло взять на себя само государство. Русская история в этом отношении не пошла по примеру франков и германцев; русский дьяк выступил в той же роли, как и английский шериф, как чиновники Византии и Турции. Уже при Иване

---

[1]) Как в Византии, Турции и отчасти Англии.

Грозном русское боярство оказалось столь слабым по сравнению с царской властью, что удалось провести „черный передел“ боярских, а также казенных земель для широкого распространения поместной системы.

Пригодный к военной службе—„боярский сын“, казак, выходец из Литвы или татарин „новокрещен“—испомещался в населенном крестьянами поместьи, размером в 200—400 десятин; доходы с этого имения обеспечивали содержание его семьи; по распоряжению московского приказа, он должен был выезжать на сборный пункт — „люден, конен и оружен“—т.-е. верхом с наступательным и предохранительным вооружением, с 2—3 вооруженными слугами и запасом продовольствия на вьюках или телеге.

Особенно много мелких поместий было нарезано вдоль Оки, так как с юга беспрерывно грозили нападения крымских татар, и все летнее время, пока имелся в полях подножный корм, от Троицы до Покрова дня, приходилось содержать стражу — сначала на берегах Оки, а впоследствии далее к югу, на засечных укрепленных линиях, выносившихся вперед с каждым успехом колонизации.

С этими задачами, в непосредственной близости от своих поместий, наша дворянская милиция справлялась весьма сносно; но для дальних походов организация являлась малоудовлетворительной. Личные заботы о снабжении оказывались несостоятельными. Несмотря на помощь государства, поместное ополчение начинало голодать. Заботы о покинутом хозяйстве отягчали сознание призванного, число „нетчиков“ — не являвшихся на призыв — было велико; в случае войны на западной и северо-западной границах, угроза татарского набега заставляла ополчение бросать „полки“ и спешить на защиту своих усадеб. Военное искусство стеснялось заботами каждого дворянина о своем личном тыле—имуществе, которое возили вооруженные слуги. При установлении соприкосновения с неприятелем, первой заботой являлось сооружение безопасного убежища для тыла—острожка, укрепленного лагеря. Идеи чехов—Яна Жижки—о бое за повозками, используемыми, как остов боевого порядка, нашли у нас широкое применение. Древнее русское слово „стан“ заменяется типично чешским „табором“. Идея боевых возов развивается русской техникой в виде „гуляй-города“, образуемого сцеплением больших деревянных щитов на колесах; конечно, для больших походов такая подвижная деревянная крепость не годилась, но „гуляй-город“ использовался, повидимому, как подвижное позиционное имущество для обороны от татар ближайших окрестностей Москвы.

Наша поместная конница представляла „нестройное“ войско, которое могло успешно разрешать свои задачи

лишь при столкновении с такими же нестройными ополчениями.

Столкновение с наемными войсками Запада. Москва XV века превосходила своими размерами современный ей Лондон. Вследствие значительности внутренних рынков, денежное обращение у нас никогда не падало так низко, как на Западе. Денежные рессурсы московских царей не были так значительны, чтобы содержать на них сотню тысяч бойцов, необходимых для охраны границ; однако, рессурсы городов, являвшихся представителями денежного капитала, можно было использовать, чтобы поддерживать жалованием испомещенных воинов.

Татарское нашествие, с одной стороны, захват крестоносцами Константинополя, с другой, и последовавший расцвет Венецианской торговли заставили в XIII—XV веках запустеть торговый путь „из варяг в греки". После захвата Константинополя турками, вследствие длительных враждебных отношений, установившихся между католическим и мусульманским миром, для русских людей вновь улыбнулась возможность взять на себя часть выгодного посредничества в торговле между Западом и Востоком. Захват московским государством всего течения Волги давал материальный базис для развития обмена с Азией; но Астрахань [1]) требовала себе естественного дополнения в виде гавани на берегу Балтийского моря. Русская экономика XVI века требовала наступательной политики.

Однако, если московское государство, уделяя максимальное внимание развитию своих вооруженных сил, могло смело померяться с любой западной средневековой армией, то оно должно было оказаться несостоятельным при столкновении с профессиональными армиями, знавшими уже сомкнутый строй возродившейся пехоты, которые в том же XVI веке повсюду распространялись на Западе.

Уже во второй половине этого века, в Ливонской войне Ивана Грозного, нам пришлось иметь дело с польской армией Стефана Батория, включавшей не только феодальные элементы, но и организованные части пехоты и кавалерии. Московские люди оказывались против них совершенно бессильными. Польша и Швеция уже успели подняться на уровень военного искусства ландскнехтов и

---

[1]) Московское государство стремилось монополизировать в своих руках торговлю персидским шелком. Для оценки последней надо помнить, что при высоком фрахте средних веков внешняя торговля могла вестись только товарами высокой ценности, в среднем около 80 рублей пуд, и что потребление высших классов первое освободилось от тисков натурального хозяйства, от которых беднейшее крестьянство не освободилось и в начале XX века. Шелковая промышленность, по своему удельному весу в товарной экономике начала новых веков, имела значение большее, чем в современной экономике вся текстильная и металлообрабатывающая промышленность, вместе взятые.

рейтар, а мы оставались еще в русле средневековых традиций. Эпоха смутного времени являлась периодом наибольшего кризиса. Даже не регулярная армия польского государства, а польские жолнеры, навербованные частными предпринимателями, Лисовским и Рожинским, спокойно устраивались в нескольких километрах от Москвы—в с. Тушино, и эта горсть представителей нового военного искусства чувствовала себя совершенно неуязвимой на огромной территории, организованной, однако, почти исключительно под углом военных требований.

Двести лет развития военного искусства в России, начиная с Ивана Грозного и до Елизаветы Петровны включительно, надо рассматривать под углом борьбы с нашей отсталостью; азиатская армия отчетливо уяснила свою слабость и стремилась стать европейской. „Народ российский паче о бранях, нежели о книгах, паче об обучении воинском, неже об обучении школьном, тщание имеяше". Вначале, однако, для этого нехватало экономических предпосылок и в стихии натурального хозяйства тонули все реформаторские попытки. Стрельцы—упорядоченная пехота Ивана Грозного—получали вознаграждение не столько жалованием, как торговыми привилегиями и быстро сложились в особую вооруженную часть мелкой буржуазии, весьма мало способную усвоить новое военное искусство. Русские стрельцы до такой степени были мало способны к сомкнутому удару, что в Смутное время, когда мы нашли себе союзника в лице Делагарди, „стравились со шведами", нас поражало, как шведы „пешие пойдоша наперед, отыкався копиями, а конныя сташа позади них". „Ересь военная", естественно, первая открыла себе путь в Московское государство, которое еще стремилось замкнутостью сохранить свою самобытность. Тогда как общая тенденция политики заключалась еще в том, „чтобы торговые и иные никакие люди в Киеве и иных порубежных городах никаких книг литовския печати не покупали", мы к концу Смутного времени составляем „устав ратных, пушечных и других дел... выбран из иностранных военных книг Онисимом Михайловым", а в половине XVII века издаем перевод труда Вальдгаузена под заглавием „хитрости ратного строения пеших людей", получающий уже характер официального устава.

Иностранцы вызывались уже в начале XV века; но они становятся лишь при Борисе Годунове заметными в нашей военной организации. Естественно, что Россия, получившая в начале XVII века такие тяжелые удары от Польши, наученной иноземцами, захотела при первой возможности отквитаться, опираясь на тех же иноземцев. Густав-Адольф начал закупать в России значительное количество хлеба.

На вырученные деньги мы захотели нанять до 5 тысяч иностранцев, при помощи которых рассчитывали отбить у поляков Смоленск — угрожающую по отношению к Москве позицию, захваченную поляками в Смутное время [1]). „Немецкие“ полковники – Александр Лесли и Пецнер— приступили к набору наемников за границей. Перед московским правительством открылась „пропасть, всегда зиявшая своей ужасной пастью“ — расходов на наемников. Последние, в момент 30-летней войны, были в цене, особенно в отъезд в Московию. Месячные оклады иностранных офицеров колебались в кавалерии от 420 рублей (прапорщик) до 5.600 рублей (полковник), в пехоте от 245 рублей до 3.500 рублей (в довоенной ценности рублей). Московская казна смогла, с крайним напряжением, выделить до 2 миллионов довоенных рублей, но этого было далеко не достаточно. „Кто гроши дает, тому служит“ наемник. Не даром Мориц Оранский ставил в центр тяжести своей реформы аккуратную выплату жалованья. Последнее было непосильно для Москвы XVII века. Начались побеги и развал дисциплины в иноземных полках; боевая ценность последних быстро понизилась. „Выезжий немчин“, англичанин Ричард Стивенс, несколько раз менял службу—2 раза служил Швеции, 3 раза России. Попавшиеся в плен полякам иноземцы спокойно писались к ним на службу. После неудачного Смоленского похода, иноземцев пришлось поспешно рассчитать, часть уехала домой, а часть осела в России и была поверстана местным окладом. Но иноземный офицер, ставший русским помещиком, конечно, терял много драгоценных европейских черт; это хорошо понимало русское правительство, отказавшееся в дальнейшем платить иноземцам старых выездов полный иноземческий оклад жалованья; „ибо иные яко фозалы (вассалы. А. С.) Царского Величества суть [2])“. Они также бегали от службы, бывали в нетчиках, приговаривались за то к наказанию кнутом, сажались в тюрьму, „чтобы впредь иным неповадно было“.

Очевидно, вооруженную силу следовало строить не на иноземцах, а на обучении русских людей иноземному строю. Уже в 1630 г. для пополнения 1 рейтарского и 6 пехотных иноземных полков, принимавших участие в Смоленском по-

---

[1]) Исторические права Польши на территорию в максимальных польских границах, таким образом, сводятся к тому, что Польша усвоила себе на столетие раньше, чем Московия, возродившуюся на Западе пехоту и находилась ближе к тем биржам, на которых можно было вербовать наемников; Польша обогнала также Россию в производстве хлеба, как экспортного товара.

[2]) Из „предложения Квашнину-Самарину“—сборник комиссарских распоряжений 1712 года. Сб. В. Ист. Матер. (В. Уч. Комитета Гл. Шт., т. IX, стр. 102. Петерб. 1894 г.

ходе, призывались и русские люди, которые должны были служить под командой иноземцев и учиться у них. Однако, в русском населении крайне трудно было найти элементы, социально-близкие к тем, которые на Западе шли в наемники. Как на Западе формирование рейтарских полков являлось возможным только путем набора слоев населения, стоявших не слишком высоко на феодальной лестнице, так как усвоение новой дисциплины являлось безнадежным для рыцарей-баронов, у каждого из которых была своя фантазия, так и у нас пришлось обратиться к использованию наименее обеспеченного слоя „беспоместных детей боярских“ с обещанием им „дать по 5 рублей для бедности“ (75 довоенных рублей) и с предоставлением права возвратиться на службу на старых основаниях. В дальнейшем, русские полки иноземного строя размножились. К концу XVII столетия у нас насчитывалось уже 48 солдатских и 26 копейных и рейтарских полков.

Это были своеобразные территориальные части; разбросанные по деревням, они получали небольшое жалованье и жили в несколько худших условиях, чем поместное ополчение [1]); осенью, на 1 месяц в году, они собирались для обучения. Полки делились на роты; по западному образцу, командный состав представлял определенную лестницу военной иерархии — прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник.

Комсостав XVII века. Однако, господствовавшее в государстве начало местничества не позволяло организовать надлежащий подбор командного состава. В феодальном ополчении командный авторитет опирался на имущественный ценз начальника, на его положение в рядах господствующего класса, а не на знание ратного дела и мудрость. Московское государство знало лишь придворную иерархию—боярин, окольничий, стольник, стряпчий, жилец—эти придворные чины представляли конкретную действительность и связывались с определенным социальным положением. В военном деле московские люди знали только должности; назначение сотником, головой или полковником—это было возложение на мобилизованного помещика временных обязанностей, связанных с большими хлопотами и ответственностью—лишняя, но неизбежная тягота. Бытность сотником или даже головой—командование полком—не включалось в записи Разряда и ничего не меняло в положении демобилизованного помещика. Точно также, как крестьяне иногда смотрели на назначение старостой, как на отбытие

---

[1]) В иноземных частях служили преимущественно беспомесные и худопоместные дворяне, а также „даточные люди“, т.-е. крестьяне, которые выставлялись поместьем в случае малолетства или дряхлости владельца поместья, а также монастырскими именьями.

неприятной повинности, так и помещики отбывали повинность на различных военных должностях. Награда, в виде повышения в должности за отличие на войне, естественно, отсутствовала. Награда могла быть дана лишь в виде демобилизации, отпуска на льготу: действительно, если поместные люди получали лишь 1/5 часть своего содержания денежным жалованьем, а остальное—землей, то логично было требовать смены, если пребывание с мобилизованным полком затягивалось на целые годы, как это было в Азовском гарнизоне. Но воеводы, возглавлявшие армии, вообще были бессильны выдать какую-либо награду: никакое повышение расходов из государственного бюджета нельзя было производить без разрешения московских дьяков; перевести служилого человека на высший оклад воевода был бессилен. Понятно, что московская армия не отличалась ни служебным рвением, ни честолюбием, ни интересом к военному делу.

Эта психология, возникшая из натурального хозяйства и рассматривавшая военные чины почти как недоразумение, распространялась и на иноземные полки. Русская действительность реформировала на свой лад понятие о чинах, возникшее на Западе всего лишь при Морице Оранском, на пороге XVII века. Мы встречаем такие назначения (докладные разрядные выписки), как производство в 1677 г. в прапорщики „вора“ Андрея Калугина за взятый им язык (пленного). Хотя „вор“ на жаргоне московских приказов часто означал понятие революционера, бунтовщика, все же редакция наводит на размышление об уважении, связанном с званием командира. Никаких знаний или подготовки к офицерскому званию не требовалось, оно передавалось по наследству даже в первые годы царствования Петра Великого. В 1696 году, например, новокрещену Никите Гадомскому велено быть в прапорщиках „за смерть отца его Якова“, а иноземному сыну Ульяму Шульцу — только „для того, что брат его родной служил в начальных людях иноземцах и в Азове умер“.

Необходимость реформы. При таких обстоятельствах, русские полки иноземного строя значительно уступали в боеспособности западно-европейским. Жестокая участь выпала в 1660 г. на долю армии Шереметева, выдвинувшегося из Киева к Любару, столкнувшегося с поляками, поддержанными крымскими татарами, к которым перешли во время войны и казаки Юрия Хмельницкого. От Любара через Чуднов армия пробивалась назад к Кодне, где погибла полностью [1]). Основной причиной неудачи являлось

---

[1]) Интересное описание этого похода—в V томе труда: Б. Барсуков. Род Шереметевых. Петербург. 1888 г.

наличие у поляков 7000 дисциплинированной пехоты генерал-майора Вольфа. Наши войска легко справлялись с казаками, с татарами, с польским ополчением, но регулярная пехота представляла для нас неодолимое сопротивление. Дальнейшие неудачи в борьбе с турками выдвинули необходимость в коренной военной реформе. В 1681 году было собрано особое совещание служилых людей, задача которого была поставлена так: „в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с государевыми ратными людьми, его государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы,—для тех новомышленных неприятельских хитростей учинити в государских ратях рассмотрение и лучшее устроение, чтобы тем в воинские времена имети противу неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтобы прежде бывшее воинское устроение, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее".

Совещание выдвинуло необходимость уничтожения местничества (отставка отеческих случаев) и распространения европейских чинов на все виды русских вооруженных сил. Одновременно началось сокращение стрельцов и поместных войск в пользу войск иноземного строя. Совещание 1681 г. справедливо поставило в основу военной реформы решительную борьбу с главным пережитком феодализма. Председатель совещания, князь Вас. Васил. Голицин, как нам кажется, находился под сильным воздействием тех реформ, которые в это время уже проводил во Франции Лувуа [1]). Петр Великий постарался перенести их почти буквально на русскую почву.

Мы не должны обманываться, что переименование головы в полковника, а сотника в ротмистра представляет пустую игру слов. Старые слова являлись и символами старого феодального быта, который считал иноземный чин, не связанный с земельными отношениями, себе и своему роду в бесчестие. Центральная власть это понимала и грозила раздавить всякую оппозицию—„и впредь прежними чинами не именовать; а которые упрямством своим в том чине быть не похотят и станут себе ставить то в бесчестие, и тем людям от Великого Государя за то быть в наказании и разорении без всякой пощады". С опаской входили служилые люди в новую колею: в 1683 г. полковники Стремянного полка (гвардия) Никита Данилов, сын Глебов, и Акинфий Иванов, сын Данилов, бьют челом в Разряд; взяты они в полковники по неволе и потому просят,

---

[1]) Ломка феодального строя во Франции основывалась на призыве нового класса—буржуазии—к заведыванию государственными финансами и контролю над расходами (интенданты). В России в 1681 г., одновременно с проектом военной реформы, появляется и проект—отобрать от воевод и приказов финансовые вопросы и передать их в руки московского купечества.

чтобы „нынешняя полковничья служба им и детям их, и сродникам была не в упрек, и не в укоризну, а с ровной братью не в случай". И Разряд внял этой просьбе и успокаивал: „того чину, в который взят, впредь никому в упрек и в укоризну ставить и тем никому никогда бесчестят не велят". Т.-е. главный штаб Московии воспретил употребление понятия полковник, как бранного слова.

Постоянная армия Петра Великого. Эпоха наемных армий связана с рядом тяжелых поражений русского оружия, так как социальные и экономические условия на Руси гнали на окраины и в казаки все те социальные элементы, из коих можно было бы вербовать наемную армию. Зато век постоянных армий — XVIII столетие — связан с быстрым расцветом военного дела на Руси. Русские условия жизни оказались прекрасно приспособленными к созданию постоянной армии.

На Западе задача устройства постоянной армии заключалась в том, чтобы огосударствить военный аппарат, и содержать его не только временно, в течение войны, но и в мирное время. В России армия и до Петра Великого содержалась уже в мирное время и являлась государственной. Задача заключалась только в том, чтобы милиционные полки, собиравшиеся на один месяц в году, сохранять под знаменами круглый год. Великая Северная война, растянувшаяся на 20 лет, позволила этой реформе совершиться незаметно, без какого-либо правительственного акта.

Далекие походы Петра Великого требовали значительное количество людского материала, требовали профессиональных солдат, которые разорвали бы хозяйственные связи со своими домами, со своими обычными способами труда и добывания средств к жизни. Очевидно, прежний помещик, хотя бы и худопоместный, не мог образовать солдатское ядро новой армии.

Первоначально Петр Великий стремился устроить комплектование русской армии по западно-европейскому образцу — вербовкой преимущественно безработного, экономически бесполезного элемента, слонявшегося „симо и офамо".

Взбунтовавшаяся во время Нарвского сражения против своих иноземных офицеров и наголову разбитая Карлом XII русская армия и представляла преимущественно переодетый в солдатское платье люмпен-пролетариат. После этого неудачного опыта Петр Великий отказался от пути подражания и, вместо вербовки, обратился к воинской повинности, установление которой было подготовлено предшествовавшим ходом русской истории. Эта воинская повинность распространялась почти исключительно на крестьянство; до Петра Великого в армию входили даточные люди, кресть-

яне, поставляемые поместьем за малолетством или болезнью помещика и с монастырских имений. Теперь этот дополнительный элемент стал основным. Вплоть до французской революции русская армия владела монополией на прекрасный элемент комплектования—крестьянство [1]).

Заимствования с Запада. Большинство военных законов, изданных Петром Великим, почти с фотографической точностью отражают современное ему законодательство Запада. Мы иллюстрировали быт наемных армий на Западе выдержками из нашего переводного устава о хитростях ратного строения пеших людей и мы могли бы точно также иллюстрировать творчество Лувуа регламентами Петра Великого. Всеми ясно понимается, что в уставе эпохи Алексея Михайловича отражается не русская, а иностранная действительность. Такой же характер имеет законодательство Петра Великого. Мы знаем, например, что развитие торгового капитализма на Западе позволило Лувуа ввести в феодальную армию буржуазный контроль в лице интендантов. В „регуламентах Кригс-Комиссариату“, данных Петром (1711 г.), мы читаем:

Ст. 1. „Над определенными полками, которые будут у обер-кригс-комиссара, надлежит иметь осмотрение такое, чтоб командиры подавали ведомости к даче жалованья истинныя и умерших, беглых и отлучных в наличное число не писали. И по тем ведомостям полки должно осмотреть в парате, и по осмотру дать указ комиссару, присланному из губернии, дабы на положенные ему полки давали заплаты“.

Ст. 3. „Господин обер-кригс-комиссар должен прежде заплаты“ поверить снаряжение, и если окажется, что одна из частей против других „во всех тех вещах худое состояние имеет, а в услугах и в фатигах были в равенстве, и о том должно разыскать и жалованье у несохраняющих офицеров удержать по валеру учиненного убытка“.

Ст. 24. „Обер-кригс-комиссары и протчие им подчиненные ни у кого должны быть под командою, ктоб какой высокой шаржи не был, кроме Его Сиятельства Генерала Пленипотенциара — Кригс-Комиссара князя Долгорукого и генерал-маиора и Обер-Штер-Кригс-Комиссара Чирикова, и имеют такой авторитет, что всех генералов, штаб и обер, и ундер-офицеров, и рядовых могут в казне Царского Величества или на квартирах в порционах и рационах, кто за кого зайдет, считать и начтенныя в жалованье зачитать“...

---

[1]) Сопротивление помещиков захвату государством их рабочей силы, теория меркантилизма, опасавшаяся понижения экономического уровня при использовании государством для армии производительных элементов, и обстановка колониальных походов (во Франции) препятствовали на Западе в XVIII веке комплектованию армий крестьянством, по повинности.

В „Уставе прежних лет“ (1702—1711 г.г.) в воинских статьях мы находим:

Глава 87. „Никоторый полковник от полку, такоже и иные начальные люди от батальонов и рот да не дерзают противитись себе и людям своим смотр учинить и оные досмотрети позволят в кое время и час с ведома вышшаго командора в поле, в становищах и осадах, как то от воинского комиссара нас ради прошено и желанно будет, под извержением чина их“.

Глава 89. „Никто на смотре ложным именем записыватись да не дерзает или с нанятой лошадью и оружием на том явится, или оное иным в заем на смотр давать, под отнятием в заем данной сбруи и под телесным и чести наказанием по судному приговору“ [1]).

Такими цитатами можно было бы заполнить целую книгу. Из них можно заключить лишь о приемах, которыми насаждал Лувуа во Франции комиссаров. Петр Великий принадлежа лк следующему за Лувуа поколению, списывал его инструкции, но, конечно, Долгорукий не был Лувуа, русское купечество не было французской буржуазией; если Преображенские унтер-офицеры имели право заковывать губернаторов в цепи, если Меншиков отказывался даже сенату представить какой-либо отчет в произведенных по военному ведомству расходах, то занятен был бы комиссар, устроивший действительно петровским полкам придирчивый смотр и обложивший начальство начетами. Дьяки московских приказов, вероятно, были много авторитетнее петровских комиссаров и лучше защищали интересы государственного фиска...

Доверчивое отношение к оставленным Петром Великим законодательным памятникам приводит иногда русских историков к оценке его царствования, как эпохи господства на Руси торгового капитализма, которое рождается и умирает вместе с Петром Великим. Эти заключения отчасти справедливы лишь по отношению к оригиналу нашего законодательства—Западу во второй половине XVII века.

Гораздо важнее петровских законов мы считаем петровскую реформу быта; если до Петра немецкая слобода тонула в русской жизни, если в XVII веке инерция нашего быта переделывала на свой лад все навыки и обычаи, приносимые с Запада, то, начиная с Петра, мы становимся гораздо восприимчивее к урокам, получаемым с Запада, так как противодействующие силы были разгромлены.

Стратегическая конница. Начало Северной войны (Нарва) ясно подчеркнуло тактическое превосходство шведов. Но

[1]) Цитировано по IX выпуску Сборн. Военно-Ист. Матер., изд. В. Ученого Комитета Главного Штаба (Петербург, 1894 г.), стр. 33—34, 85—96.

уже на следующий год Шереметев с нашей поместной конницей одержал целый ряд успехов в небольших операциях, разоряя занятые шведами области и уничтожая небольшие их отряды. Обширность наших пространств открывала широкий простор для действий подвижных отрядов на неприятельских сообщениях, а также на его границах. От монголов мы заимствовали стратегическую конницу, способную сражаться в конном и спешенном строю. Такие конные отряды, в ту эпоху, когда еще не было железных дорог, могли легче перебрасываться с одной окраины русской империи на другую, угрожаемую. Петр Великий постарался распространить начало регулярной армии на нашу стратегическую конницу и создал драгун. Он придавал огромное значение действиям на сообщениях неприятеля, для чего формировал „кор-волант", т.-е. летучий отряд, в состав которого вводил, кроме конницы, несколько отборных пехотных полков.

Полтавская кампания. Еще до Нарвы, Карл XII успел в течение нескольких месяцев покончить с Данией. После поражения русских при Нарве в 1700 г., Карл XII обратился против союзной России Польши, а русские получили возможность завоевать Ингерманландию и утвердиться на Неве. В 1705 г., чтобы подать помощь Польше, Петр выдвинул русскую армию к Гродне. В начале 1706 г. русская армия была обложена Карлом XII, который, однако, не решился штурмовать сильные укрепления города; отойдя к востоку, на сообщения русских, шведы наблюдали, чтобы броситься на русскую армию, когда голод заставит ее выйти из Гродны. Однако, русская армия, воспользовавшись ледоходом на Немане, который снес временный мост Карла XII, форсированным маршем, в распутицу, на Брест-Литовск и далее на Ковель—Киев, ускользнула от шведов. В 1706 г. Карлу XII движением к Дрездену, в наследственные владения (курфюршество Саксонское) польского короля Августа, удалось принудить его отказаться от польской короны и заключить мир.

К 1708 году Карл XII изготовился к нанесению удара против единственного противника, оставшегося из образованной против Швеции коалиции—России. С тридцатитысячной армией двинулся Карл XII из Гродны на Сморгонь, Минск, Могилев. Действия русских руководились мыслью Петра: „искание генерального боя суть опасно,—в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард".—Мы стремились уклоняться от боя и опустошать местность по пути движения шведов, задерживая их на крепких рубежах. А Карл XII, получив известие о бунте Булавина на Дону, волнениях среди башкир и договорившись с Мазепой об

отложении Украины от России [1]), считал возможным продолжить и против России применение той же стратегии сокрушения, которая удалась ему уже по отношению к Дании и Польше.

Июль 1708 года Карл XII простоял в Могилеве, ожидая подхода из Риги генерала Левенгаупта с 15 тыс. войск и транспортом снаряжения. Русская стратегическая конница нарушила всякую связь с Левенгауптом. Так как на помощь Польши в 1708 г. для похода на Москву еще нельзя было рассчитывать, то Карл XII, для действий против Петра, решил опереться на Мазепу и колеблющуюся Украину. После диверсии в направлении к Смоленску, в тщетной надежде дождаться Левенгаупта или принудить русскую армию к бою, Карл XII 14 сентября повернул на юг и двинулся на Украину. Еще две недели, и он дождался бы Левенгаупта...

В этот момент Левенгаупт двигался уже через Черею на Шклов, к Днепру. Петр Великий двинул главные силы русских — свыше 40 тыс. — параллельно шведам на юг, а с 12 тыс. лучших войск (7 тыс. конницы, 5 тыс. пехоты, в том числе Преображенский и Семеновский полки, посаженные на лошадей) решил броситься на Левенгаупта. „Корволант" Петра Великого вышел на дорогу Шклов—Пропойск уже после прохода Левенгаупта. Из авангарда главной армии 2 драгунских полка были брошены к Пропойску, чтобы занять переправы на пути следования шведов, а 8 драгунских полков Боура были двинуты на присоединение к корволанту.

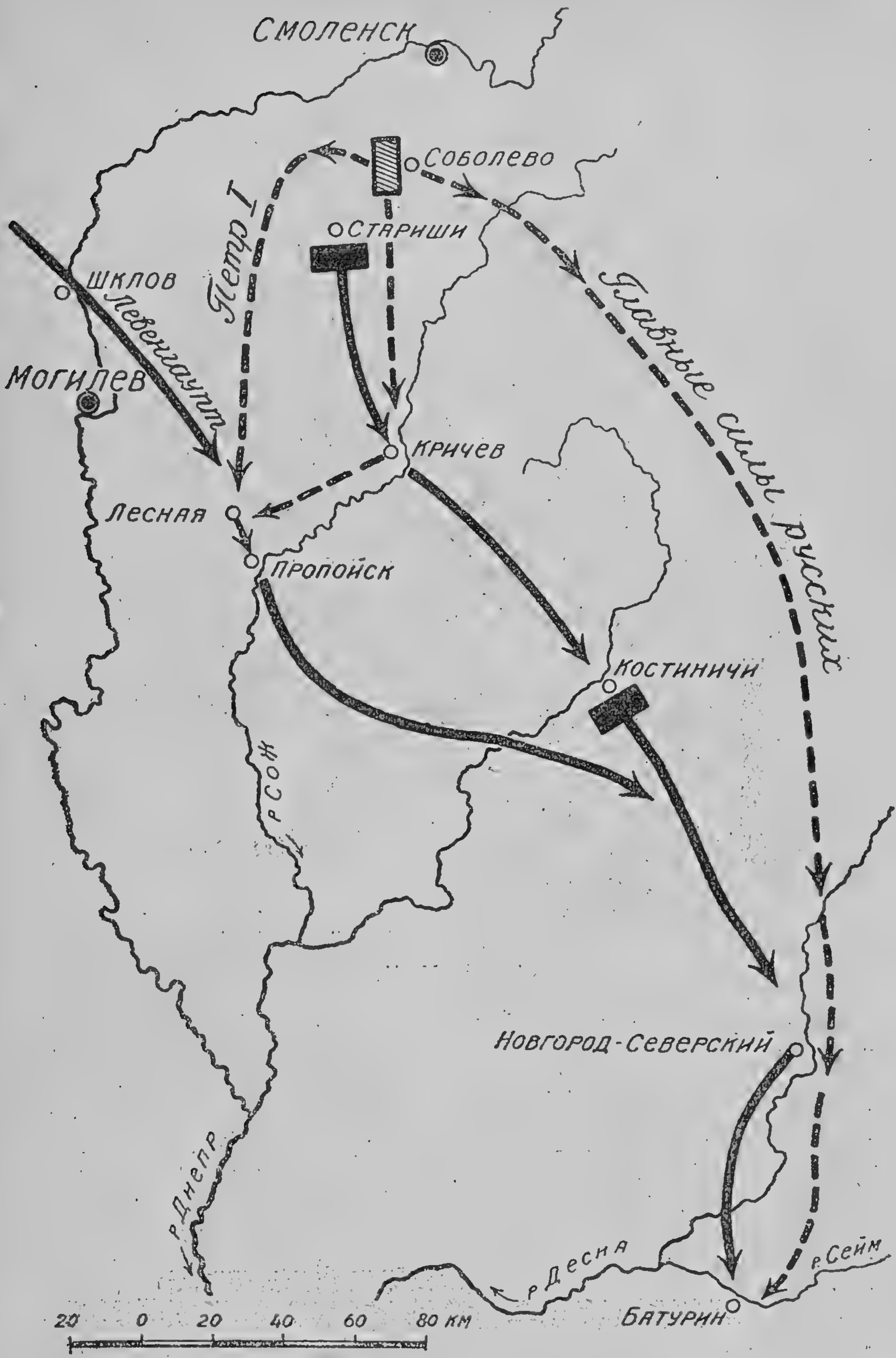
В бою 28 сентября (ст. стиль) у д. Лесной Левенгаупт был потеснен, вынужден бросить артиллерию и обоз; с трудом одна треть сил Левенгаупта, кружными дорогами, пробилась к Карлу XII. Уничтожен Левенгаупт был всего в 100 километрах от с. Костеничи, где находилась армия Карла XII. Но связи между ними не было — на всех дорогах господствовала русская конница. Стратегическому успеху Петра во многом помогла неудачная организация Карлом XII своих сообщений: подкрепления и запасы для шведской армии, направлявшейся в Украину, должны были бы следовать не кратчайшим путем из Риги, на многие сотни верст вдоль русской границы, а через Варшаву — Львов — Киев.

Русская армия, тем временем, успела восточными путями обогнать шведов; Батурин, столица Мазепы, вышедшего на встречу Карлу XII, был взят и сожжен Меншиковым перед самым подходом шведов. Стратегическая конница окружала шведскую армию.

---

[1]) Расчет Карла XII на „базу впереди".

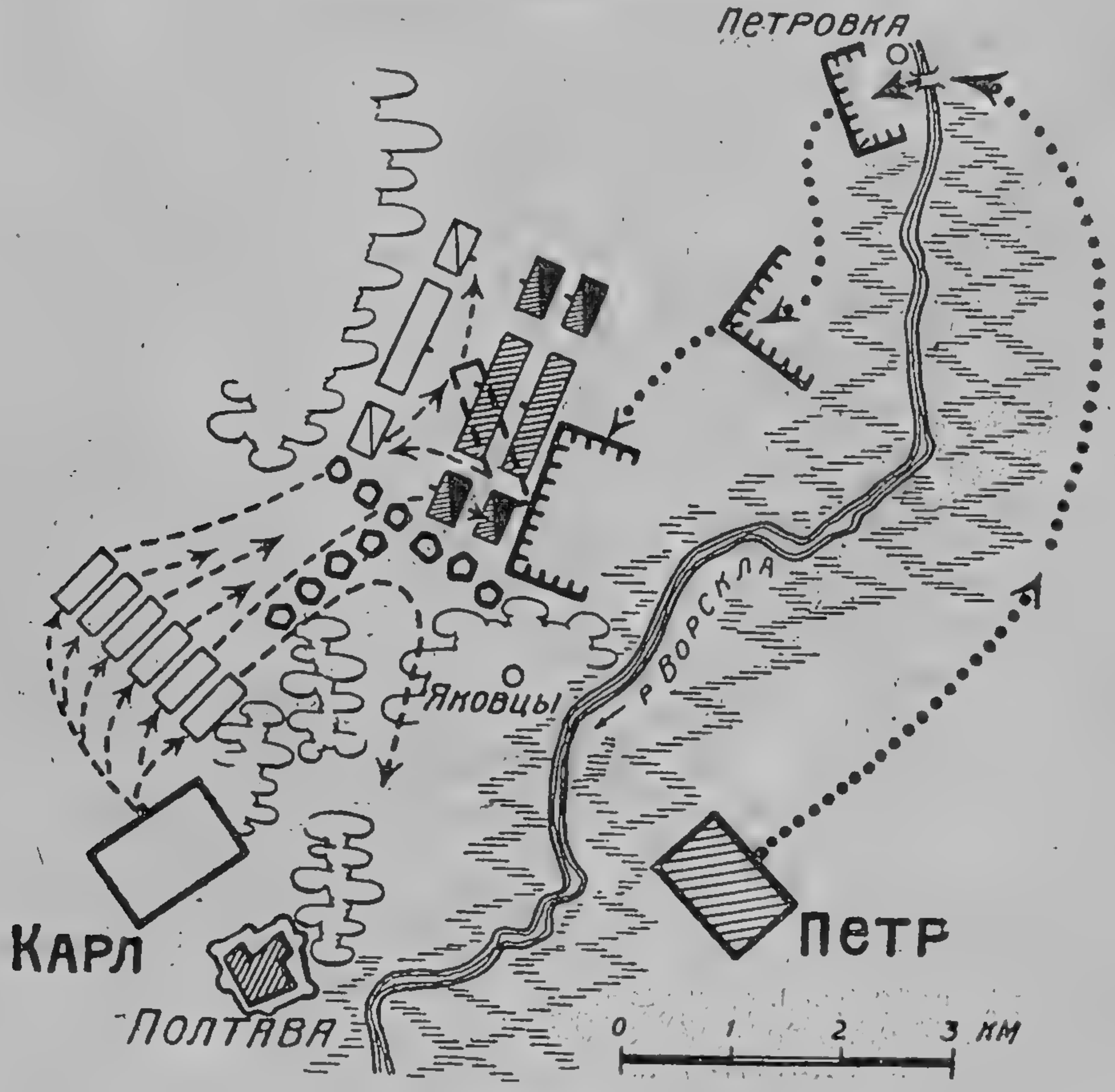
Маневр и бой у дер. Лесной.



Чертеж № 20.

Зиму 1708—9 г.г. шведская армия провела на зимних квартирах, сдвинув их во второй половине зимы к Ворскле. В ожидании присоединения к войне с Россией турок и поляков и для производства политического воздействия на украинское население, весной 1709 г. Карл XII обложил Полтаву. Осада подвигалась туго, так как у шведов почти не было артиллерии и пороху.

Сражение под Полтавой.



Чертеж № 21.

Численность шведской армии упала до 17 тыс. Численность русских превосходила ее втрое (50 тыс.). Кроме того, на сообщениях Карла XII работали казаки Скоропадского и калмыки. Для спасения города Полтавы, обороноспособность коего в июне начала падать, Петр Великий решил вступить в бой с Карлом XII. Противников разделяла река Ворскла. У с. Петровки, в 11 километрах выше Полтавы, русские заблаговременно устроили мост и прикрыли его предмостным укреплением. 20 июня русская армия переправилась здесь через Ворсклу и, продвинувшись еще на 3 километра дальше к шведам, к д. Семеновке, окопалась. 4 суток русская армия усиливала здесь свой укрепленный лагерь, но Карл XII, находившийся в 8 километрах, спокойно

продолжал осаду. Тогда Петр Великий решил приблизиться еще на 3 километра. 25 июня русская армия стала укрепляться у сел. Яковцы. Так как шведы продолжали игнорировать русскую армию, несмотря на ее 5 километров, удаление, а Петр Великий, повидимому, твердо решил дать оборонительное сражение, то он начал подготовлять перенос укрепленного лагеря на следующие 2 километра ближе к шведам. На поляне между лесами начали возводить пересекавшую ее линию из 6 редутов, удаленных на ружейный выстрел друг от друга, и еще 4 редута впереди.

Шведская армия, после неудачного штурма Полтавы 22 июня, 27 июня утром изготовилась для атаки русских. Против 72 русских пушек шведы имели 4. Только бесконечная уверенность в тактическом превосходстве шведов могла толкнуть Карла XII на атаку тройных сил на укрепленной позиции.

Шведы в 5 час. утра начали кавалерийский бой на линии редутов. Наша конница задержала шведскую до подхода шведской пехоты, после чего отошла. Прорвавшись между редутами, шведская армия попала правым крылом под сильный картечный огонь из нашего укрепленного лагеря. Она отхлынула влево, где приведение ее в порядок и построение фронтом на восток, почти под прямым углом к первоначальному, задержало шведов; правофланговая шведская колонна вовсе не прошла через редуты и была одновременно атакована Меншиковым с фронта и гарнизоном Полтавы (до 6 тыс.) с тыла.

Благоприятное течение сражения позволило Петру рискнуть выйти из укреплений и на фронте главных сил шведов. Русская армия построилась в две линии, имея драгун на флангах. Шведы могли противопоставить всего 1 линию, при том уже выдохшуюся, предводимую раненым королем в коляске. Успех русской конницы на обоих флангах решил бой.

Карл XII, с остатками армии, бежал к Переволочне. Драгуны и гвардейская пехота, посаженная на коней, были двинуты для преследования только вечером в день боя. 12 дорогих часов были потеряны. В ночь на 30 июня Карл XII, с 2 тысячами шведов и казаков, успел переправиться через Днепр. Остатки его армии 30 июня сдались нашей коннице.

В этой операции нас поражает, с одной стороны, дерзость Карла XII, переходящая почти в неразумие, ослепление своим тактическим превосходством, приводящее к преследованию сокрушительной стратегии при совершенно неотвечающей обстановке, а с другой стороны—стратегическая умелость русских. Русское командование видит всю карту театра военных действий в целом, выдержанно преследует свой план измора шведов, режет их сообщения

и образует вокруг шведов кольцо из конных частей. Но параллельно с этими блестящими стратегическими достижениями, русская армия и ее вожди, напуганные победами шведов, помнящие Нарву, действуют тактически крайне неуверенно, несмотря на свое тройное превосходство. Укрепления—наша важнейшая надежда. Наступление русского укрепленного лагеря вниз по Ворскле напоминает еще маневрирование Шереметевского вагенбурга в 1660 году или московский гуляй-город. Если бы превосходство в легкой коннице имелось не на нашей стороне, а у шведов, русская армия, конечно, была бы блокирована и обречена на уничтожение, несмотря на большое фортификационное искусство. Блестящая победа увенчала действия русских под Полтавой, но этой победе мы обязаны стратегии больше, чем тактике. Тактически Петровская армия под Полтавой еще не научилась маневрировать в поле; вагенбург поместного московского ополчения еще выглядывает на этом поле сражения сквозь оболочку нового линейного боевого порядка. С тем же отсутствием способности к тактическому маневру мы встретимся и позднее, на полях Семилетней войны, под Цорндорфом и Кунерсдорфом. Русская армия стоит на месте и только поворачивается, чтобы встретить лицом кружащуюся около нее армию Фридриха Великого. Но параллельно с этим, ко времени Семилетней войны, стойкость и надежность русской пехоты становятся уже первоклассными, а наша конница сохраняет свое старое умение работать в стратегическом масштабе.

Командный состав русской армии в XVIII веке. Вся тяжесть солдатской службы была перенесена Петром Великим на крестьян. Дворянство было обязано государственной службой—на командных постах, в военном или гражданских ведомствах. Такая же принудительная подготовка дворянских недорослей была установлена и в Пруссии. Петр Великий провел резкую черту между солдатом и офицером, которой не знала допетровская армия. Это было подлинное заимствование с Запада.

Как и на Западе, военную подготовку дворянские недоросли получали прямо на практике, на военной службе. Главная масса будущих офицеров воспитывалась в рядах гвардейских полков. Это были настоящие дворянские школы. Вот цифры, относящиеся к 1795 году и типичные для всего XVIII столетия: в Преображенском полку 3308 рядовых и 6317 унтер-офицеров; в Семеновском полку—2305 рядовых и 1551 унтер-офиц.; в Измайловском—2111 рядовых, 2162 унтер-офицеров; в лейб-гвардии Конном—757 рядовых, 2527 унт.-офиц. Итого, в четырех перечисленных полках было 8481 рядовых и 12557 унт.-офицеров. По штату же последних должно было быть в 40 раз меньше (320). Если

мы будем иметь в виду, что в унтер-офицеры гвардии производились только дворяне, и часть дворян, только начинавшая службу, числилась и рядовыми, то мы будем иметь в гвардии отношение 2 дворян к 1 рядовому-крестьянину. Правда, около половины всех дворян, служивших в гвардии, были еще несовершеннолетними, а частью и малолетними: однако, это не колеблет общей картины гвардии, как гигантской дворянско-юнкерской школы, опираясь на которую, дворянство диктовало монархам свою волю. Так развились потешные — первая опора Петра Великого.

Такая подготовка дворянства могла давать хороших офицеров только при той предпосылке, что некоторое образование и воспитание кандидат в офицеры получал уже в своей семье. Запад мог довольствоваться полковой подготовкой офицеров, но бедная культурой Россия—нет. Сознание необходимости побороть свою культурную отсталость пробудилось еще до Петра. „Язык наш есть пребеден и ко всему ниспособен; историй и всяких давнин мы есьмо не сведомы; никаких политических похвальных разговоров чинить не можем; для ради тех причин' народы нас в безценению держат".

Таковы были предпосылки того явления, что в России были сделаны первые крупные шаги в создании военной школы. В насаждении военного образования мы пошли впереди Запада. Тогда как на Западе кадетские части являлись почти простым строевым соединением, где дворянская молодежь получала только строевую подготовку, в России в 1766 г. Шляхетский корпус (впоследствии 1-й кадетский), основанный еще в 1732 г., был переделан, как широкое общеобразовательное учреждение. Кадетский корпус должен был выпускать „не только исправных офицеров, но и знатных граждан", чтобы его воспитанники „отечеству сугубую бы пользу приносили". По идеям реформатора И. И. Бецкого, корпус должен был конкурировать с Московским университетом: тогда как последний предназначался выпускать только учителей, кадетский корпус должен был подготавливать для жизни практических деятелей „каким образом теми науками пользоваться". В корпусе изучались „необходимые к познанию прочих наук" — логика, начальные основания математики, красноречие, физика, история священная и светская, языки и механика—и науки „для военных полезные"—генеральная и экспериментальная физика, астрономия, география, навтика (сведения о мореплавании), военное искусство, фортификация, артиллерия, химия,—а также и „художества" — рисование, гравирование, ваяние, танцы, фехтование, верховая езда. Обращает на

себя внимание в программе Бецкого скромное место, отведенное военным наукам, и стремление создать широкий фундамент общего образования. Бецкий мотивировал это решение так: „преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими науками, какие нужны и законодателю, и победителю... Александр Великий, Цезарь и множество других в наши дни видимых примеров свидетельствуют, что к произведению войны со славой надлежит быть весьма искусным и в прочих знаниях... Римляне, хотя не имели ни школ ни университетов для военного искусства, превосходили, однако, прочие народы в сем важном знании. Частое обхождение наполняет сей недостаток". Практика позволит овладеть деталями службы, и нечего тратить на них дорогое время в школе. Параллельно с развитием общей подготовки командного состава, гр. П. Шувалов уже в 1753 году предлагал основать военную академию для развития военных наук—у нас очень мало лиц, которые бы трактовали военную науку,—а последняя нужна русской армии „как разумная душа телу". „Нам не достает теории... Вместо профессоров искусных и довольно знающих важное дело, военнослужащих определить, которым лекции давать, диссертации делать, экзаменировать и пр.". Военная академия не осуществилась, но мысли Шувалова легли в основание устройства Артиллерийского и Инженерного шляхетского корпуса (впоследствии 2-го кадетского), основанного в 1762—1763 г.г. Уклон общеобразовательный Бецкого и уклон технический Шувалова, представленные программами 1-го и 2-го кадетских корпусов, и посейчас еще защищают свои позиции в программах наших военно-учебных заведений.

В общем, к концу XVIII века офицеры представляли наиболее образованную часть дворянского класса; значительная часть нашего командного состава по своей общей подготовке серьезно превосходила малограмотную массу не только русских, но и других западно-европейских офицеров.

В XVIII веке русская армия продолжала пользоваться услугами иноземных офицеров; но от приглашения в наши ряды массы иноземцев мы постепенно перешли к приглашению отдельных лиц, известных своими талантами и высокой квалификацией (Баур, Ллойд, Готце и другие). В основной же своей массе наш офицерский корпус получил ярко выраженный национальный характер.

Потемкин [1]). Князь Потемкин-Таврический (1739—1791 г.г.), воспитанник смоленской семинарии и московского универ-

---

[1]) Мы опускаем гр. Румянцева-Задунайского, перед которым преклоняется большинство русских военных историков. Румянцев, опиравшийся на советы Баура, был крупным тактиком. Но в военном искусстве он являлся слепым поклонником Фридриха Великого, вербовки и кантонной системы,

ситета, фаворит Екатерины II, руководил с 1774 г. военной коллегией. Возглавление Потемкиным военного ведомства совпало с концом Пугачевского восстания. В борьбе с крестьянским революционным движением русская армия и царствовавшая в ней немецкая палочная дисциплина далеко не всегда оказывались на высоте; офицеры оказывались слишком оторванными от солдатской массы. Потемкин решил учесть уроки Пугачевского восстания, бросить образцы Запада и использовать полностью то преимущество, которое давало русской армии ее национальное крестьянское укомплектование. Разгар крепостного права в России толкал на установление разумной дисциплины в армии. Центр тяжести дисциплины, с муштры и палок, Потемкин перенес на воспитание солдата. От стойки солдата в строю Потемкин требовал простоты и свободы, а „не окостеневши, как прежде было в моде"; вместо муштровки в ружейных приемах Потемкин указывал обучать „скорому заряду и верному прикладу" и „вихрем" ходить в атаку; побои и жестокие наказания преследовались, офицеры должны были выступать, как защитники и друзья солдат, следить за удовлетворением всех их материальных потребностей в пище, одежде и помещении, развивать их моральные силы, сближаться с ними во всем жизненном обиходе, воспитывать в части определенные традиции. Военный бюджет был относительно упорядочен. Общая демократическая линия реформы была внешне подчеркнута изменением форм одежды: букли и парики были уничтожены, вооружение и снаряжение облегчено, покрой мундиров рационализирован. „Я употребил всю свою возможность к избежанию излишества, облегча человека, дал, однако же, все, что может служить к сохранению здоровья и к защите от непогоды... солдат будет здоровее и, лишась

строгой внешней дисциплины, института фрейвахтеров; оригинальность взглядов Румянцев была столь незначительна, что он рекомендовал обмундировать северную половину русской армии по прусскому образцу, а южную—по австрийскому (нечто из немецкого и венгерского). Если можно видеть в Румянцеве последователя Петра Великого, то лишь в стремлении слепо копировать западные образцы. Мы не можем придавать значение фразам, которыми Румянцев прикрывал это списывание и которые так нравились патриотическим историкам. „Мы, по своей великой обширности, разнообразному и большей части дикому соседству и в самых обывателях разноверию и разнонравию, меньше всего сходствуя с другими, должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распространяться и в приличном только оных подражать, а соразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать на источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы несоразмерным и бесповоротным взиманием оный не оскудить, и браться за средства такия, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь, и силы наши нечувствительно для самих умножать мы могли". Эта декламация также заимствована частью, быть может, даже у Ж. Ж. Руссо.

щегольских оков, поворотливее и храбрее... Туалет солдата должен быть таков, что встал, то и готов“ [1]).

Потемкин ввел двухшереножный строй, увеличил в огромной степени количество егерской пехоты, приспособленной к действиям в рассыпном строю и к работе не только на поле сражения, но и на театре войны, и стремился приблизить всю массу линейной пехоты к идеалу легкой пехоты. Наша маневренная способность в течение XVIII века неуклонно росла в связи с повышением моральных достоинств пехоты. При столкновении с сильным сомкнутостью европейским противником, как Петр Великий под Полтавой, так и русская армия под Цорндорфом и Кунерсдорфом еще жмутся в один укрепленный лагерь, напоминающий старый русский вагенбург. Но при столкновении с турками, слабыми строевой выучкой, уже Миних в 1739 г. под Ставучанами раздробил общее каре (квадрат) русской армии на 3 отдельных каре; пехота имела дополнительное вооружение ввиде рогаток, которые быстро составлялись и образовывали вокруг каждого каре сплошное искусственное препятствие, из-за которого наша пехота отбивала стремительный натиск турецкой конницы; в кампании 1770 г. Румянцев уже строит каре по дивизиям, от 3 до 11 тысяч пехотинцев, и эти небольшие каре под Ларгой и Кагулом в достаточной степени засвидетельствовали свою стойкость; Потемкин сделал следующий шаг—совершенно изгнал рогатку из вооружения пехоты; возросшие моральные силы русского пехотинца позволили уже отбивать атаку конницы без опоры из искусственных сооружений; правильность линии, взятой Потемкиным, демонстрировал Суворов, перешедший к маленьким, подвижным баталионным каре, поддерживающим друг друга огнем и весьма пригодным для стремительного наступления.

Особое внимание Потемкин уделял вопросу развития легкой конницы, приспособленной к стратегической работе на огромных наших пространствах. До Потемкина усилия наших копировщиков Запада были направлены на то, чтобы возможно большую часть кавалерии взгромоздить на тя-

---

[1]) Многие идеи Потемкина имеют чрезвычайно общие черты с идеями Ллойда.. (Стратегия в трудах военных классиков, т. I.). Таковы мысли о рационализации обучения и обмундирования, о выгодности действий на сообщения европейских армий, привязанных к магазинам, об огромной мощи легкой конницы, действующей на необъятных польско-русских равнинах. Реформы Потемкина, большей частью, предшествовали появлению труда Ллойда. Но Ллойд служил в русской армии при Потемкине и подавал многочисленные записки с указанием желательных реформ. Указывая на сродство, мы оставляем, впредь до специального архивного исследования, открытым вопрос вдохновлял ли Ллойд Потемкина или сам был вдохновлен службой в русской армии. Близость работы Потемкина к материалистической мысли сенсуалистов, столь характерной для Ллойда, во всяком случае очевидна.

желых и дорогих немецких лошадей, более способных „для держания строя, алинированья и вообще делаемых эволюций“. Русские—украинские, донские, низовые—лошади, на которых все же фактически сидела большая часть наших кирассир, имели „всю способность“ к этого рода службе „весьма умеренную“, но зато были как нельзя более пригодны „для принужденных (т.-е. форсированных — А. С.) маршей, погони и шармицелев (т.-е. схваток—А. С.)“. Потемкин отменил кирассы, облегчил снаряжение кавалериста вдвое (вес седла—с 65 фунт. до 35, палаша—с $9^1/_2$ ф. до $4^1/_2$, шляпы—с $3^3/_4$ ф. до $^3/_4$ ф., карабина—с $8^3/_4$ до $6^3/_4$ ф.; лядунки—с $3^1/_2$ ф. до $2^1/_2$), удешевив его на 13 рублей. Конница наша осталась лишь на $^1/_4$ линейной (и то без кирасс), а на $^1/_2$ становится легкоконной и драгунской; последнюю четверть представляли казаки.

Потемкин является настоящим творцом русской казачьей конницы; до Потемкина русская поселенная конница—гусары—формировалась по австрийскому образцу, и в значительном числе даже непосредственно австрийскими славянами с австрийско-турецкой границы—„сербами“. Потемкин обратил на наши казачьи области самое существенное внимание и повысил вдвое как добротность, так и количество выставляемых ими формирований. Современники, привыкшие к подражанию другим европейским армиям, находили эту страсть Потемкина к развитию казачества „странной“, какой-то необъяснимой прихотью. Но эта страсть вполне укладывалась в гармонизацию Потемкиным подготовки русского государства к войне. В своем плане войны с Пруссией 1785 г., чрезвычайно близком к стратегическим идеям Ллойда, Потемкин требовал от главнокомандования особой предусмотрительности, „убегая, как можно, давать баталию, ибо с ним (Фридрихом Великим—А. С.) они весьма кровопролитны“, и умения пользоваться легкой конницей,—„паче же употребляя казаков, которыми, изноровя время, срывать конвой, а паче, если удастся отрезать пекарей хлебных, то сим новым ударом в один день армию разрушить можно“. „Главное, уметь пользоваться легкой конницей... такие можно делать извороты, что транспорты его будут безнадежны, или принудят его прикрывать их большими силами, а через то отнимется скорость его движения, что прежде всего было его силой“. Это уже не подражание магазинной системе Фридриха Великого, а глубокое понимание ее слабостей и подготовка русской армии к широкой деятельности на театре войны для использования слабой стороны противника.

Благодаря урокам, извлеченным Потемкиным из Пугачевского крестьянского восстания, русская армия к концу XVIII века являлась первой в Европе; несмотря на всю ту

порчу, которую в нее внесли Павел I и впоследствии Аракчеевщина, русская армия, благодаря полученной прививке, явилась единственной, располагавшей моральной силой и способной дать какой-нибудь отпор сокрушительному натиску армий, вышедших из французской революции. Успехи наших казаков и действия на сообщениях Наполеона в 1812 году были планомерно подготовлены Потемкиным. Школа демократического воспитания армии, намеченная гениальным организатором Потемкиным, получила реальное осуществление и твердый облик в руках великого тактика, Суворова, каждым своим жестом стремившегося подчеркнуть демократическую линию и полное родство полководца со своими чудо-богатырями.

Сражение на р. Треббии При образовании в 1799 г. второй коалиции против Франции, Суворов, находившийся в опале в царствсвание Павла I вследствие своей оппозиции реставрации прусских порядков в русской армии, по просьбе австрийцев получил командование соединенными силами австро-русских войск в северной Италии. Разбив в конце апреля, слабейшую армию Моро на р. Адде Суворов оказался стесненным австрийскими инструкциями, которые указывали целью его действий овладение всеми ломбардскими и савойскими крепостями, так как Австрия не хотела восстанавливать Савойю, а стремилась аннексировать всю северную Италию. Поэтому Суворов уделил мало внимания преследованию Моро, которому удалось с 25 тыс. ускользнуть в Геную, и занял всю Ломбардию. Суворову было необходимо оставить много войск для защиты своих сообщений, которым французы угрожали как с севера, из Швейцарии, так и с юга; армия Макдональда—до 37 тыс.—была в движении из Неаполя в Тоскану. Против 52 тыс. обеих французских армий и сверх того французских гарнизонов в Мантуе, Александрии и Турине, Суворов располагал 80 тыс. австро-русских войск, не считая выставленных против Швейцарии заслонов.

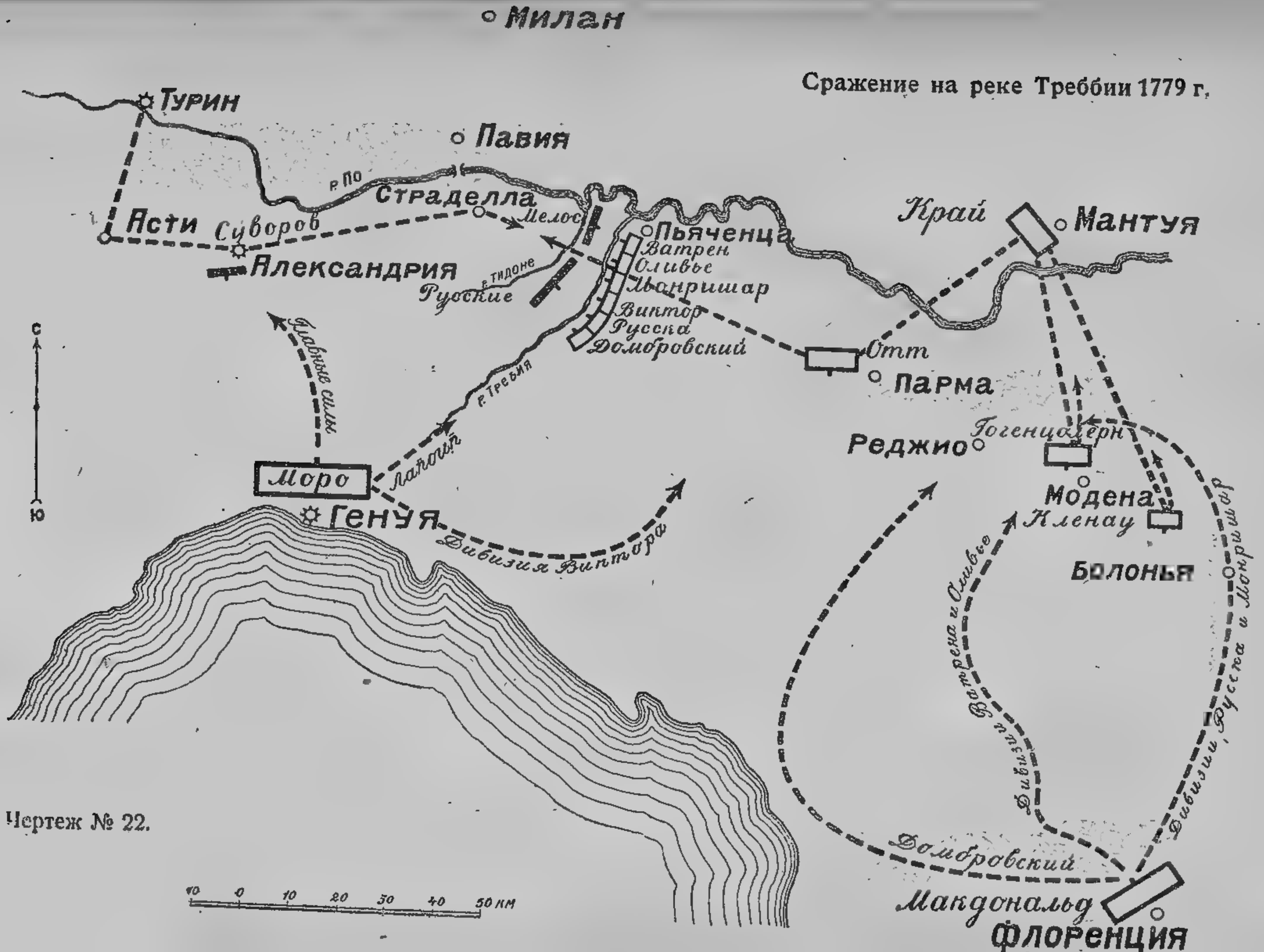
Союзные войска представляли к 11 июня [1]) две группы: осадный корпус Края—30 тыс.—осаждал Мантую, выдвинув на южный берег По авангарды Отта, Гогенцоллерна и Кленау; и главные силы—до 50 тыс.—в районе Турина и Александрии; сам Суворов с ядром находился в Турине.

Моро и Макдональд составили план—ударить на группу Края, захватить русские сообщения и заставить потом Суворова вступить в бой с перевернутым фронтом. Соединение французских армий намечалось на южном берегу р. По, в районе города Парма, против Мантуи.

---

[1]) Все даты по новому стилю.

Сражение на реке Треббии 1779 г.



Чертеж № 22.

Макдональд со слабой артиллерией и кавалерией выступил из Флоренции 4 июня, форсированным маршем, четырьмя колоннами, перешел Аппенины, 13 июня разбил авангарды Гогенцоллерна и Кленау близ Модены и 15 занял Парму. Левофланговая дивизия Виктора потеснила авангард Отта за Треббию и заняла Пьяченцу. Но Моро счел свой маневр чересчур опасным и выслал через Аппенины в верховья долины Треббии, по условленному направлению, только 5-тыс. отряд Лапоипа, а сам с главными силами (около 15 тыс.) решил сделать диверсию к Александрии, чтобы помешать Суворову поддержать Края.

11 июня, получив донесения об угрозе со стороны Макдональда, Суворов бросился из Турина к Александрии, прошел в трудных условиях 90 километров в 58 часов и 13 июня сосредоточил здесь до 33 тыс. Прочие силы находились еще в пути. Установив разделение сил французов на две группы, Суворов решил оставить до 12 тыс. против Моро, а с остальными силами броситься на Макдональда. Неготовность мостов заставила Суворова задержаться у Александрии до вечера 15 июня. Выступив в 10 час. вечера 15 июня, Суворов с 21 тысячью солдат прошел в 36 часов 65 километров; прибыв в Страделлу, он узнал, что дивизия Отта атакована на р. Тидоне Макдональдом. Несмотря на массу отсталых, Суворов приказал продолжать марш под палящим итальянским солнцем, и сам двинулся с конницей на помощь Отту.

Макдональд, в создавшихся условиях, решил обратиться не против Края, а на запад, против Суворова, что позволяло ему сблизиться с Моро. Последний мог обрушиться на тыл Суворова. 17 июня Макдональд располагал на р. Треббии только тремя из своих пяти дивизий. Он атаковал австрийцев Отта и довольно успешно потеснил их на 5 верст к западу от р. Тидоне, когда увидел подходящую конницу Суворова, которая сейчас же бросилась в яростную атаку на обходившие крылья французов. В этих условиях Макдональд решился прервать бой, чтобы подтянуть остальные две дивизии и подождать подхода Моро. Главные силы французов отошли за р. Треббию, авангарды остались между р.р. Тидоне и Треббия. Суворов, заставив Макдональда перейти к обороне, достиг первого успеха. Сам он не ждал для вступления в бой сосредоточения: „голова хвоста не ждет".

В течение дальнейших боев 18 и 19 июня силы Макдональда постепенно возросли до 35 тыс., а Суворова—до 42 тыс. Но мы располагали 62 пушками против 28 французских, к тому же почти не имевших огнеприпасов, и огромным перевесом в кавалерии, что заставляло французов жаться к пересеченным берегам реки Треббии и к на-

селенным пунктам и передавало господство на равнине в наши руки.

И 18 и 19 июня Суворов стремился охватить левое крыло французов, чтобы оттеснить их от Аппенин и окружить, прижав к р. По. С этой целью на правом русском крыле атаковали ударные русские дивизии Багратиона и Повало-Швейковского. Макдональд отвечал ударами по нашему левому крылу, где развернулись австрийцы Меласа; французы грозили отрезать нас от переправы на р. По и отбросить в горы. В этих условиях сражение должно было бы получить самый решительный характер; французская армия должна была бы занять положение тылом к р. По, а русская—тылом к горам, с совершенным отказом обеих сторон от сообщений; но австрийский генерал Мелас ставил много выше обеспечение своих сообщений перед перерывом неприятельских и потому систематически не исполнял приказов Суворова о передвижении резервов с левого крыла к правому. Таким образом, сражение сохранило параллельный характер.

Бои 18 и 19 июня характеризуются также поздним началом боевых действий; в виду крайней усталости обеих сторон, подтягивавшихся 60-километровыми маршами,—французы также покрыли в одну неделю 240 километров,—приказы о начале наступательных движений в 10 час. утра оставались неисполненными; лишь после полудня, к часу дня, удается поднять с биваков и построить пехоту обеих сторон; ожесточенные бои продолжались до одиннадцатого часа вечера. Только неугомонная энергия Суворова толкала усталые войска вперед.

В бою 18 июня русско-австрийским войскам удалось оттеснить французов за р. Треббию; Макдональд, в общем, оборонялся, но произвел энергичную диверсию против австрийцев. Часть русских, перешедших через Треббию, ночью отошла обратно. 19 Макдональд решил перейти в общее наступление, но понесенные потери были уже велики. На южном крыле Багратион быстро расправился с дивизией Домбровского, но оторвался от соседней русской дивизии Повало-Швейковского, которая была полуокружена французскими дивизиями Виктора и Руска. Французские стрелки облепили на удалении 50 шагов наш фронт и расстреливали его. Суворов лично повел освободившиеся части Багратиона и отбросил французов за Треббию. На левом крыле Лихтенштейн, лихой вождь 10 австрийских эскадронов, фланговыми ударами поочередно опрокинул вышедшие на равнину дивизии Монришара и Оливье. На 20 июня не знавший ни физической, ни моральной усталости Суворов готовил окончательный удар. Но после очень тяжелого трехдневного боевого состязания измучен-

ные форсированными маршами французские войска начали сдавать. Макдональд, отчаявшись дождаться Моро, решил отступить; более 12 тысяч потеряли французы на берегах Треббии; в одной Пьяченце нами было захвачено свыше 7 тыс. раненых. В ночь на 20 июня началось отступление французов; последние еще сохранили достаточно моральных сил для оказания сопротивления арьергардами. Через три недели Макдональд кружными путями привел в Геную 17 тыс. французов—был ипотеряны 20 тыс. человек—большая половина—и весь Аппенинский полуостров. Наполеон, правда, находил, что этого мало, и что ни один солдат из армии Макдональда не должен был бы спастись [1]).

Суворов преследовал французов главными силами только на один переход, а для дальнейшего преследования оставил австрийцев Отта; сам же он крупными ночными маршами, в виду жары, двинулся к Александрии, навстречу Моро. Последний 18 июня достиг Александрии и 20 июня собирался начать наступление в тыл Суворова, но, узнав о поражении Макдональда, поспешил уйти за горы в Геную. Потери союзников на р. Треббии превышали 6 тыс., а во всей операции вероятно превышали 12 тыс.

Крепость Мантуя с десятитысячным французским гарнизоном, которую Макдональду не удалось выручить, сдалась лишь 30 июля. Макдональд, после столкновения с Суворовым, на долгие годы ушел от военного дела.

В Италии обстановка не слишком благоприятствовала революционным французским войскам, так как крестьянское население, возмущенное их грабежами, повсюду восставало против них и приветствовало русских (до более основательного знакомства с последними). В условиях 1799 г. русские войска, под руководством Суворова, сумели выдержать экзамен в борьбе с лучшими французскими генералами и лучшими революционными бойцами. Маневренная Треббия очень далека от Полтавы и Кунерсдорфа—прежних позиционных русских успехов.

Литература.

По истории военного искусства в России характер капитальной научной работы имеют труды **Д. Ф. Масловского,** крупного военного ученого: Записки по истории военного искусства в России. 3 тома. 1891—1894 г.г., а также его исследования: Строевая и полевая служба русских войск императора Петра Великого и императрицы Елизаветы (1883 г.); Русская армия в Семилетнюю войну (1886 г.); Материалы к истории военного искусства в России, выпуски 1-й, 2-й, 3-й (1888—1890 г.г.); Русско-

---

[1]) Имелась возможность усилить Гогенцоллерна и Кленау войсками Края от Мантуи и преградить Макдональду путь отступления. Край скорее обозначил этот маневр, чем взялся за него серьезно.

Австрийский союз 1759 года (1887 г.); Реляция генерал-поручика Фролова-Багреева 1759 г. (1888 г.). Масловский опирался исключительно на личные исследования архивов; наша история обязана ему многими открытиями. В то же время необходимо иметь в виду, что острие мысли Д. Ф. Масловского всегда было направлено против немцев, и основная германофобская тенденция пронизывает его работу. Масловскому принадлежит также много ценных статей в „Энциклопедии" Леера.

Серьезный источник для изучения военного искусства в России представляют „Сборники военно-исторических материалов". (Изд. Уч. Ком. Гл. Штаба); начало издания было положено в 1892 г. Масловским; со смертью Масловского (1894 г.) над изданием продолжал работать А. З. Мышлаевский; оно включает много данных по Северной войне, а также по Суворовским операциям. **А. З. Мышлаевский,** преемник Масловского по кафедре, дал: „Война в Финляндии 1712—14 г.г." (1896 г.) и „Северная война 1708 г." (1901 г.), а также несколько небольших, но очень интересных работ, например: „Офицерский вопрос в России в XVII веке".

Труды сороковых годов **Беляева** „о русском войске", „о сторожевой, станичной и полевой службе" представляют и теперь еще крупный интерес. Работы **Михайловского-Данилевского, Богдановича** и **Дубровина** решительно устарели, но содержат много ценных данных. Интересен труд **Брикса.** Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen von den frühesten Zeiten bis den vom Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. 1867 года. **Брикнер.** Потемкин. 1891 г.

Отметим еще: Столетие военного министерства. IV. Главный Штаб, ч. I, кн. 1-я, отд. I. **А. К. Ильенко.** Комплектование вооруженных сил в России до 1802 года (1902 г.). Военно-Статистическое обозрение России. Изд. военного министерства. 1871 г. (4 тома), где содержатся интересные историко-статистические данные; **П. О. Бобровский.** Военное право в России при Петре Великом. Коллективный труд, под редакцией **Н. А. Петрова.** Русская вооруженная сила (I изд. 1891 г., II изд. 1897 г.) имеет характер спешной и случайной компиляции. Не лучше „История армии и флота" в 1910—1912 г.г., под редакцией **А. С. Гришинского,** в которой участвовал и автор этих строк. **Н. П. Михневич** также написал в 1898 г. „основы русского военного искусства". Весьма добросовестный, но сырой характер имеют исследования **А. Байова,** относящиеся к эпохе Миниха. Мы не касаемся здесь отдельных монографий (например, **Петрушевский.** Генералиссимус князь Суворов) и истории войн, начиная с классического, хотя и несколько устаревшего, сочинения: **Милютин.** История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. (1852—53 г.г.).

Составление перечня даже более видных военно-исторических трудов далеко бы вышло за пределы наших указателей литературы. Много труда, и большей частью непроизводительно, было истрачено на полковые истории. В трудах гражданских русских историков — **Соловьева, Ключевского, Милюкова, Покровского**—особенно много ценных данных для историка русского военного искусства. Отметим первую работу **Н. Павлова-Сильванского:** Государевы служилые люди. Петербург. 1898 г., впрочем довольно бледную, а также работы **Сторожева.**

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Французская революция.

Военное строительство революции. Экономическое развитие Франции. Французская армия старого режима. Классовая борьба в офицерском корпусе. Дисциплина. Милиция. Линейный порядок и колонна. Переход армии на сторону революции. Вальми. Воинская повинность. Комитет Общественного Спасения и высший комсостав. Амальгама. Военная промышленность. Новый офицер и солдат. Рассыпной строй и колонна. Артиллерия. Напряженность боя. Дивизии. Снабжение. Бюлов. Литература.

Военное строительство революции. Изучение судеб военного искусства в период французской революции, как и в другие революционные периоды, представляет затруднения в том отношении, что в революционной борьбе мы вступаем в царство эмпирии. У Морица Оранского, у Густава-Адольфа, у Лувуа, у прусских королей—мы видим определенную цель, определенную планомерность действий, известную программность реформы. В революционной же борьбе господствует страшная воля к победе, повелевает необходимость—и в результате приказы, уставы, отчеты, реформы обдумываются и пишутся еще в старой плоскости мышления, а действительность—жизнь пробивает себе новое русло. Между тем, что пишется на бумаге, что мыслится на верхах и тем, что совершается в действительности, оказывается глубокая пропасть. Французские революционеры не понимали, что они открывают новую эпоху в военном искусстве. Как некогда готы поднесли корону воевавшему с ними Велизарию, так и жирондисты носились с мыслью предложить главнокомандование революционными армиями известнейшему в Европе старому военному специалисту, генералу школы Фридриха Великого, Фердинанду Брауншвейгскому. Воображение французских революционеров приковывалось к ничтожным, на наш взгляд, усовершенствованиям техники, рожденным революцией—улучшению третьестепенных деталей ружья [1]), качества пороха, введению оптического телеграфа, применению привязного воздушного шара для рекогносцировки—

---

[1]) Цилиндрический шомпол, воронкообразное отверстие для более быстрого вкладывания его на место.

и в то же время новая тактика, совершенно незаметно для современников, в корне изменила методы боевых действий французских армий. Французский устав 1791 г., написанный под влиянием Гибера, поклонника школы Фридриха Великого, проводил последовательно и планомерно идеи линейной тактики. Руководясь этим уставом, революционные полки вели занятия на учебных плацах и совершенно по иному работали на полях сражений. Устав оставался в силе во Франции до 1831 г., так как для многих он казался освященным опытом побед революции и Наполеона. Почти все генералы революционной армии видели свой идеал в войсках контр-революционной коалиции, подчиненных палочной дисциплине, закорузлых в идеях прусской тактики XVIII века, и мощный поток революции нес их по новому пути против их воли. Первая оценка революционных завоеваний в области военного искусства была сделана не борцами за революцию, а ее противниками, испытавшими тяжелые удары революционных армий, глубоко прочувствовавшими бессилие армий старого режима перед натиском новых сил [1]), и если бы мы руководились только официальными инструкциями, мы должны были бы придти к выводу, что австрийцы, а не революционные войска, изобрели переход от линейной тактики к бою в рассыпном строю и к атаке в колоннах.

Экономическое развитие Франции. При Людовике XIV Франция мерилась силами с коалицией всех важнейших западноевропейских государств; перед революцией французская армия занимала четвертое место, уступая Пруссии, Австрии, России. Однако, Франция осталась населеннейшей, богатейшей и культурнейшей страной Европы. Население в четыре раза превосходило по числу население первой военной державы- Пруссии—и представляло однородное национальное целое. Государственные доходы равнялись доходам Австрии, Пруссии и России, вместе взятым; военный бюджет (по данным Гибера) был в четыре раза больше русского и в два раза больше прусского. Единственной страной Европы, изрезанной уже мощеными дорогами, была Франция; остальная Европа пользовалась исключительно грунтовыми дорогами. Таким образом, материальные предпо-

---

[1]) Статья Шарнгорста о причинах успехов французов в революционных войнах помещена в 1797 г. в „Новом военном журнале“. Основы высшего военного искусства—наставление, данное эрц-герцогом Карлом в 1803 году (Стратегия в трудах воен. классиков, т. II, стр. 80—83). Брошюра Федора Фабера, впоследствии русского статского советника, бывш. революционера: Bemerkungen über die französische Armee von 1792 bis 1807. [Königsberg 1808], легла в основу изложения описания революционной тактики Рюстовым и Иенсом. Наконец, австрийский устав 1808 г., составленный по указаниям эрцгерцога Карла. У французов первый труд—Duhesme: Essai sur l'infanterie légère. 1814 г.

сылки для успешной борьбы с коалицией европейских государств были налицо. В отношении культурного развития Франция далеко обогнала остальные континентальные государства. Несмотря на самые унизительные поражения, которые терпели французские армии в Семилетнюю войну, в Европе господствовала не только французская философская мысль, в лице энциклопедистов Вольтера, Монтескье и Руссо, но и французская военная мысль. Военная литература других государств сохраняла характер переводов с французского. Фридрих Великий в свою дворянскую академию приглашал французских профессоров, сам писал по французски свои военные труды, популяризировал труды Фекьера и Фолара среди прусских офицеров, заимствовал у Пюи-Сегюра идею косого боевого порядка.

Французская армия старого режима, так плачевно дебютировавшая на полях сражений, имела целый ряд огромных плюсов. Она обладала прекрасной артиллерией, усовершенствованной Грибовалем; у нее был самый совершенный и богато оборудованный тыл. Целая система прекрасных крепостей прикрывала границы. Военные инженеры и генеральный штаб, где служили на офицерских должностях лица не обязательно дворянского происхождения, были превосходны; революция получила в наследство от старого режима хорошие карты, рекогносцировки, военно-географические описания. Королевские полки вербовались почти исключительно из городской бедноты, так как в деревнях вербовщики никаким успехом не пользовались. Французского солдата не били палками, как прусского; он был развитее и требовательнее, у него имелось свое понятие о чести; солдаты дрались на дуэлях между собой; солдата оскорбляла надпись в аристократических общественных местах, что сюда вход лакеям и солдатам воспрещается; его приводила в отчаяние мысль, что венцом его военной карьеры может быть должность младшего офицера, а верхи военной иерархии закрыты для него. Иностранцы не смешивались с уроженцами страны в тех же полках в один безыдейный конгломерат, как в Пруссии, а образовывали особые части; иностранцев было не $^2/_3$, как в Пруссии, а только $^1/_6$. Французского солдата обижали те материальные преимущества, которыми пользовались швейцарские и другие иностранные полки. У него было определенное национальное сознание, известная связь со своим народом, которые отсутствовали у пруссаков. Тот минимум человеческих прав, который имелся у французского солдата старого режима, был недостаточен, чтобы дать ему сознание, что он дерется на войне за свое дело, чтобы вдохнуть в него рвение и энтузиазм, дающие победу, но он являлся уже достаточной базой для критики, для того, чтобы острее

чувствовать свое неполное равноправие, чтобы надеяться и добиваться лучшего будущего.

Классовая борьба в офицерском корпусе. Обычай покупать роты за крупные суммы денег отрезал младшим офицерам без средств, произведенным за отличие из солдат, возможность дальнейшей карьеры. Офицеры из солдат скоро стали неполноправными членами, зауряд-офицерами.

Эти зауряд-офицеры сохранились во французской армии вплоть до революции, так как в каждом полку, особенно кавалерийском, много черной офицерской работы, от которой уклонялось дворянское офицерство и которая ложилась на зауряд-офицеров (в кавалерии—по 1 на эскадрон); из рядов зауряд-офицеров вышли талантливые вожди революционных войск, напр. Бернадот, будущий шведский король, Пишегрю, Массена, Серюрье, Ожеро.

Эта деловая, черновая часть офицерства, стесненная в своих правах, связанная с солдатской массой, не могла явиться опорой старого режима против революции.

Офицерский корпус, в течение XVII и XVIII веков, постепенно аристократизировался. Еще в начале XVIII века буржуазия имела доступ в офицеры; подгнивание старого режима ярко характеризуется тем обстоятельством, что по мере роста политической и экономической силы буржуазии, феодальные элементы проявляли все большее высокомерие и пред самой революцией вовсе воспретили доступ буржуазии к военной службе.

Буржуазия, как класс, занята была борьбой по сохранению за собой других прав и привилегий и выступила с открытым требованием предоставить ей доступ к офицерским должностям только в начале революции в наказах депутатам третьего сословия генеральных штатов Но ее многочисленные сыновья, часто более талантливые и располагавшие большими материальными средствами, чем оскудевшее дворянство, проникали в армию. Особенно силен был приток буржуазных элементов во время войн, когда нужно было найти состоятельных командиров для формирования новых рот. Когда начиналась демобилизация и связанное с ней сокращение штатов, из армии изгоняли офицеров буржуазного происхождения [1]), несмотря на полученные ими раны и имевшиеся заслуги. Масса бедного дворянства, служившая офицерами, с раздражением смотрела на богатых буржуа, проскакивавших в офицеры, опасных конкурентов при покупке очищавшейся должности командира роты или полка. Дело доходило до коллектив-

---

[1]) Освещению этой борьбы посвящен целиком ценный исторический труд Louis Tuetey. Les officiers sous l'ancien régime. Nobles et roturiers. Paris. 1908 г. VI+408 стр.

ной жалобы всех офицеров полка на представление к производству в следующий чин офицера недворянского происхождения или даже до избиения палками укрывающегося в палатке командира полка офицера, происхождение которого было заподозрено. В 1755 году командир полка Бери потребовал удаления из полка за недворянское происхождение офицера, дважды раненого, участника 4-х войн, богатого и не жалевшего своих средств на содержание в образцовом порядке роты, исправно несшего службу и тактичного в обращении с другими офицерами. В 1764 году большое возмущение среди марсельских купцов вызвало удаление из полка Иль-де-Франс сына богатого оптового комерсанта, ведшего экспортную торговлю, поручика Лантье. Командир полка, маркиз де-Креноль, писал находившемуся в отпуску поручику: „так как командир полка имеет в виду, чтобы в армию принимались только люди общества, и так как это существенный для службы вопрос и слишком важный, чтобы образовать добротный состав части, то я должен Вас предупредить, что Вы несоответствуете полку Иль-де-Франс. Ваша должность вакантна, и я представлю для замещения ее дворянина. Мне, милостивый государь, очень досадно высказывать Вам столь резкую истину, но не я Вас принимал в полк; у Вас есть средства, Вы молоды, Вы не останетесь без дела, если только захотите посвятить себя образу жизни, которому следовали Ваши предки; этот жизненный путь очень почтенен, когда честно идут по нему; но на службе Вы вне Вашей сферы, вернитесь в нее, и Вы будете счастливы. Я знаю, милостивый государь, что рождение дело случая, и нет основания хвалиться тем, которые хорошо рождены. Но у рождения есть привилегии, есть права, которые нельзя нарушать, не смутив общих основ. Самое реальное, что осталось дворянству—это военная служба; дворянство создано для нее, и если подданные, созданные для другого предназначения, займут место дворян, то это будет существенно противоречить установленному государем порядку. Вот мотивы моего образа действий, и хотя я не обязан давать отчет в них, меня удовлетворяет известить Вас, что я руковожусь только пользой службы, без всяких побуждений личного порядка, на которые я не способен“. Марсельский торговый мир протестовал против феодального высокомерия этого изгнания Лантье; епископ Орлеанский обращал внимание военного министра на бурю надвигающегося негодования; у Лантье оказалась сильная поддержка при дворе. На запрос военного министра, командир полка продолжал развивать ту идеологию французского дворянства XVIII века, которая неизбежно толкала страну на путь революции: „как бы честна ни была бур-

жуазная семья, в ней не будут смотреть, как на фамильное пятно, на трусость одного из ее членов. Человек, плохо ведший себя на войне, вернется к родным продолжать занятия своих отцов. Ему не вменят в вину отсутствие добродетели, не являющейся в их глазах заслугой... До меня не дошло ни одной жалобы на храбрость господина Лантье [1]); но как ни нужно это качество, оно не принадлежит к числу важнейших, требующихся от военных. Можно быть честным человеком и плохим офицером". Лантье остался исключенным из военной службы.

Постепенно доступ буржуазии в ряды французского офицерства становился все труднее и труднее. Еще в 1750 году военный министр граф д'Аржансон провел закон, которым права пожизненного (личного) дворянства предоставлялись кавалерам ордена Св. Людовика, прослужившим 30 лет в офицерских чинах, и которым всем генералам предоставлялось потомственное дворянство. Но уже в 1781 году твердо было установлено требование—доказать принадлежность к дворянству 4-х поколений предков, чтобы быть произведенным в офицеры: плотина, которую должна была разрушить французская революция, становилась все выше и неустойчивее. Не дворяне оказывались на военной службе только в должностях, требовавших больших знаний и работоспособности—напр., среди офицеров генерального штаба и военных инженеров. Робеспьеру приходилось умерять ненависть к офицерам—дворянам военного инженера Карно, руководившего военными делами в период революции.

Французский корпус офицеров жестоко страдал от того, что само дворянство подразделялось на две группы—представленных ко двору, доказавших свое дворянское происхождение, начиная с XIV века, и на менее искушенное в родословных вопросах сельское дворянство. Вся тяжесть службы ложилась на провинциальное дворянство, а все лучшие должности и быстрая карьера были обеспечены только придворным, не знавшим военного дела и не интересовавшимся им; французский командующий армией XVIII века обязательно поддерживал переписку с королевской фавориткой, французские генералы продолжали на войне начатую при дворе друг против друга интригу—на верхах войсковой организации не было никакой дисциплины, никакого военного духа, и французская армия, прекрасно организованная, многочисленная, неизмеримо лучше снабженная, с прекрасным национальным укомплектованием, с мягким отношением к солдату, который не был забит, как его немецкие противники,—терпела одно поражение за

---

[1]) Письмо писалось после окончания Семилетней войны.

другим. Чтобы открыть дорогу к победе французской армии после позорных поражений Семилетней войны, нужно было смести феодальные предрассудки—это сделала французская революция.

Дисциплина. Молодые люди, аристократы, приезжавшие командовать полками, плохо знавшие службу и ведшие утонченный образ жизни, не имели никакого веса в глазах солдат. Авторитет генералов подорвали унизительные поражения, постоянные раздоры и интриги между генералами и, наконец, их бесчисленность: в Пруссии на 200-тысячную армию имелось всего 87 генералов, а во Франции на 150-тыс. армию—1044 генерала[1]). Вообще, количество офицеров во французской армии было огромно и иногда доходило до 1 офицера на 12 солдат, превышая в два раза количество офицеров в Пруссии; плохо оплачиваемые офицерские должности, иногда за счет сокращения штата солдат, создавались под давлением господствующего класса, так как от молодых дворян общество требовало, чтобы они имели право на офицерский мундир. При этом падении авторитета начальников, дисциплина во французской армии, при сохранении старого режима, могла бы быть восстановлена лишь путем муштровки и применения палки по прусскому образцу. Военный министр граф Сен-Жермен сделал в 1775—77 г.г. энергичную попытку в направлении переделать французскую армию на прусский лад и ввел телесные наказания; но он вызвал против себя бурю негодования со стороны защитников старых французских традиций, которым подали руку очень многочисленные среди офицеров сторонники просветительных идей XVIII века; армия перешла в оппозицию к военному министру, он не нашел исполнителей для своих распоряжений и был вынужден уйти — преемник его отменил все его распоряжения.

А дисциплина французской армии, подвергшаяся тяжелому удару еще при отмене Нантского эдикта, когда солдаты были призваны организовывать религиозные гонения, получила многочисленные трещины и далее, когда в течение XVIII века правительство, при борьбе с парламентами,

---

[1]) Данные обстоятельнейшей экономическо-технологической энциклопедии Крюпица (изд. 1773—1798 г.г.) дают цифры, близкие к приведенным (по Гиберу и Бутарику). Именно, в прусской армии на 207 тыс. офицеров и солдат—114 генералов, во французской армии на 173 тысячи офицеров и солдат—1159 генералов. Население Франции—25.300.000, Пруссии—6.000.000; государственные доходы Франции—100 мил. талеров, Пруссии — 23 мил. талеров. Расход на французскую армию, по Неккеру, 125 мил. ливров, на прусскую—52 мил. ливров (по Мирабо). И при этом прусский капитан получал жалованье в 2—3 раза большее, чем французский капитан.

Цитировано по отзыву о 50—53 томах энциклопедии Крюпица у Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften., стр. 1791.

часто обращалось к вооруженной силе для воздействия на судебные учреждения.

Милиция. Кроме вербовки, во Франции существовала и воинская повинность, по которой комплектовались „провинциальные“ (в отличие от „королевских“—постоянной армии) батальоны—106 батальонов, в которые развилась основанная Лувуа милиция; 24 провинциальных батальона предназначались для обслуживания на войне артиллерии. Эта милиция, в отличие от постоянной армии из горожан, представляла чисто крестьянские войска. Как видно из многочисленных переформирований, которые переживала милиция во Франции в XVIII веке, принцип комплектования на началах воинской повинности постепенно пускал в стране корни; однако, воинская повинность при старом режиме ни в коем случае не могла быть популярна, вследствие многочисленных льгот, охватывавших все сколько-нибудь влиятельные элементы; поэтому та часть населения, среди которой государство собирало „налог крови“, очень остро ощущала свое бесправие; даже лакеи и слуги духовенства, дворянства и крупного чиновничества, по своей лакейской должности, освобождались от воинской повинности декретом 1 декабря 1774 г. [1]).

Линейный порядок и колонны. Вопросы устройства армии и тактики разбирались во французской военной литературе с необыкновенным жаром. Основное значение для последующего развития тактики во Франции получил труд (изд. 1727—1730 г.) генерал-майора Фолара—перевод истории Полибия с комментариями. Комментарии Фолара глубоко взволновали общественную мысль; труд остался незаконченным, вследствие запрещения, наложенного двором, так как военно-исторические примеры Фолара глубоко задевали высший командный состав. Тенденция Фолара и его последователя Мениль-Дюрана заключалась в критике линейного порядка, созданного реформацией и так пышно расцветшего в Пруссии. Фолар—враг тонкого боевого порядка; решительное значение в бою имеет атака, а ударную силу тонкого развернутого строя нельзя и сравнивать с ударной силой колонны. Мениль-Дюран поставил этот спор колонны с линией на национальную почву: французы терпели неудачи в Семилетнюю войну из-за того, что в тактике они отказались от национальных основ и стали на путь подражания. Энергия и живость французского характера растратились в размеренном наступлении равняющейся линии; французы могут выявить свою сильную сторону только в страстном, бешеном порыве собранных в массу, в колонну людей. В парижских салонах XVIII века

---

[1]) Edgard Boutaric. Institutions militaires de la France. Paris. 1863, стр 461.

споры о глубокой и линейной тактике велись чрезвычайно оживленно; между поклонниками Фридриха и французскими националистами дело доходило до дуэлей, дамы занимали определенную позицию — за или против колонны. Мирабо, будущий трибун национального собрания, подвергал резкой критике защитника прусских идей в тактике—Гибера [1]). Защитники колонны ссылались на сражение при Фонтенуа (близ Турнэ, 1745 г.), в котором французский фронт, опиравшийся на укрепленную деревню Фонтенуа и группу редутов, был прорван англичанами; последним не удалось расширить прорыв, и их боевой порядок образовал длинный язык, как бы колонну, которая разрезала французов на две части; некоторое время было не ясно, кто победитель, кто побежденный; наконец, маршалу Морицу Саксонскому [2]), командовавшему французами, удалось организовать последними силами контр-атаку и опрокинуть английскую колонну. Из этого примера действий импровизированной колонны, которой почти улыбнулась победа, сторонники Фолара делали заключение в пользу возможности, при существующей силе артиллерийского огня, использовать ударную силу хорошо организованной колонны; но другие делали противоположный вывод: принц де-Линь утверждал, что стремление, присущее человеку, — уклоняться от опасной зоны и идти по линии наименьшего сопротивления — приводит всюду, где дисциплина недостаточно крепка, к образованию таких ко-

---

[1]) Труд Гибера, главного защитника идей линейного боевого порядка,— „опыт тактики“ — заслуживает глубокого внимания. Издание (1770 г.) пришлось анонимно отпечатать за пределами Франции. Автор начинает с анализа современного состояния политики и военной науки; необходима известная гармония между политикой и военным делом, а его в Европе нет. Защита отечества всюду передана в руки низших, наиболее бесправных классов, и эти парии, собранные под знаменами, и здесь находят себе одно презрение. Гегемония в Европе будет принадлежать тому государству, которое первым откажется от существующей системы и сильное правительство коего выставит народную армию. Но это окажется возможным, если король откажется от абсолютной власти и, собрав представителей народа, передаст им законодательство, оставив себе исполнительные функции и диктатуру в случае войны. Гибер — поклонник гения Фридриха Великого, его умения маневрировать, но в организации прусской армии он видит крупные дефекты; поэтому, когда центр тяжести операций с маневра переносится на бой, пруссаки терпят неудачу. Гибер — сторонник энергичной маневренности; Семилетняя война, с ее последними годами позиционных операций, сделала армии слишком неподвижными, обременила их слишком многочисленной, чисто позиционной артиллерией, от которой надо отказаться. В пехоте явилось деление на линейную и легкую, что представляет уродство: нужна единая пехота, но иначе комплектованная и совершенно иначе обученная. Магазинная система довольствия должна быть сохранена, как норма, но войска следует воспитывать в мысли, что можно на время прекращать довольствие подвозом с тыла и жить в моменты охватывающего маневра тем, что дадут местные средства.

[2]) Маршал Мориц Саксонский (1696—1750), командовавший в этом сражении французами, один из знаменитейших военных писателей XVIII века.

лонн—столплений на более безопасных подступах. Командование и выучка войск, твердая рамка сомкнутого развернутого строя линейного порядка, крепкая дисциплина призваны бороться как раз с этими проявлениями человеческой слабости. Идея равнения противопоставлялась идее применения к местности.

Новые идеи тактики находили сторонников не только между теоретиками, но и между людьми практики. После Росбаха начались поиски са́мостоятельного пути в тактике. Лучший французский генерал Бролье уже применял стрелков и колоннообразные построения в заключительный период сражения при Бергене (1759 г. [1]), представляющего редкий случай успеха французов в Семилетнюю войну. Опыт войны Соединенных Штатов за независимость дал новый материал критикам линейной тактики пехоты, выяснив, что действия легкой пехоты в рассыпных строях имеют существенное значение не только для малой войны на театре военных действий, но и на самом поле сражения. Перед и после пруссофильского министерства Сен-Жермена, в 1774 г. в лагерном сборе под Мецем [2]) и в 1778 г в лагере Васье, герцог Бролье, при участии Мениль-Дюрана, организовал маневры, на которых атака сильной позиции противника велась в колоннах после предварительной подготовки огнем развернутой пехоты.

Таково было состояние французской армии перед революцией. Французская армия, как и французская нация, переросли формы, в которые еще успешно укладывалась военная и государственная жизнь отсталых в экономическом, политическом и культурном отношениях государств.

Ученик Фолара, аристократ, умерший от водянки со словами „я прожил чудный сон“, Мориц Саксонский в военной науке является редким примером гениального дилетанта. Когда болезнь оторвала его на время от светских развлечений Парижа, в 13 бессонных ночей Мориц Саксонский набросал свои знаменитые „мечтания“ (Mes réveries) (изд. с поправками через 24 года после составления, в 1756 г.). Отдавая должное Монтекуколи и Фолару, Мориц Саксонский первый говорит, что самое важное на войне — это бессмысленное сердце, и ставит во весь рост проблему учета моральных сил бойца; это внимание к психологии со стороны легкомысленного светского человека удивительно. Автор находит, что при отступлении труднее перейти через реку, чем при наступлении, когда ее обороняет противник; автор выдвигает все значение внезапности и видит главное объяснение успеха или поражения в человеческом сердце. Ему принадлежит роскошное мечтание о всеобщей воинской повинности, без каких-либо изъятий, о соединении колонны с действием рассыпного строя, как он толкует современный идеал легиона; в фортификационном отношении Мориц Саксонский пропагандирует Петровскую идею отдельных редутов (Полтава).

[1]) Von-Caemmerer. Die Entwickelung der Strategischen Wissenchaft, стр. 9—10. Уже тогда герцог Бролье придал каждому батальону роту легкой пехоты и требовал обучения всей пехоты бою в рассыпном строю.

[2]) Большие лагерные сборы, как важнейший способ повысить тактическую подготовку войск, были заимствованы французами у Фридриха.

Поражения французской армии XVIII века—это болезненные явления роста; каркас старых государственных и военных форм не соответствовал могучему потоку новой жизни; чудо революции—рождение богатырской армии—объясняется жестоким потрясением, разорвавшим дряхлую, обветшалую оболочку и открывшим простор для отчасти имевшейся уже налицо, мощи.

Переход армии на сторону революции. Французская армия, комплектованная городской беднотой, с разрушенным в ней авторитетом, сразу стала на сторону революции и тем определила ее дальнейшее развитие. Попытки толкнуть французского солдата на путь контр-революции, предпринятые талантливыми и энергичными генералами—Булье, Лафайетом и Дюмурье—остались безуспешными. Когда в 1793 г. на границах гремели пушки, а из 84 департаментов Франции 60 департаментов подняли восстание против якобинской диктатуры, исход тяжелой гражданской войны в пользу революции опять-таки был решен тем, что армия осталась верна новому строю; и когда в стране революционный энтузиазм уже значительно остыл, армия явилась вэпоху Директории оплотом республики и завоеваний революции в стране с преобладавшим контр-революционным настроением.

Несмотря на огромную идейную подготовку, начало революции ознаменовалось острым процессом разложения в армии. Сигнал дал штурм Бастилии, произведенный парижским населением, совместно с распропагандированными солдатами французской гвардии. В провинции началось расхищение денежных ящиков, распродажа обмундирования и оружия, организованная и прикрытая вооруженной силой контрабанда спирта и избиение офицеров, пытавшихся поддержать какой-либо внешний порядок. В Нанси вспыхнул открытый бунт трех полков; мобилизовав все контр-революционные военные силы, генерал Булье сумел подавить его; это затормозило начавшийся процесс, но не надолго. Положение в армии осложнилось ярко-классовой позицией, которую занял офицерский дворянский корпус. Падение королевского авторитета перед революцией вызвало возрождение оппозиции в рядах феодалов; перед революцией масса французских офицеров была на стороне просветительных идей XVIII века; но революционная действительность, погромы дворянских имений, атака классовых привиллегий дворянства, враждебное отношение солдат к офицеру-дворянину быстро заставили облететь с офицеров налет либерализма и бросили их в объятия контр-революции. Положение офицера-дворянина в армии стало нестерпимым, и началась массовая эмиграция—из 9 тысяч офицеров эмигрировало 6 тысяч. В ме-

муарах оставшихся и сделавших при революции карьеру офицеров—Мармона, Дюрока, Домартэна—подчеркивается, что ни с какими убеждениями оставаться во Франции в эту эпоху офицеру не приходилось, и если они остались, то только по случайности судьбы и личных дел.

Тот размах, то углубление, которое приняла революция внутри и вне пределов Франции, были вызваны внешней войной, интервенцией, которую накликали эмигранты. Без интервенции, без эмигрантской угрозы, умеренное направление, вероятно, взяло бы верх. Среди огромного развития явлений разложения, преимущественно в полках, комплектованных иностранцами, в которых до революции поддерживалась более строгая дисциплина, обращает на себя внимание достойное и сознательное поведение многих французских солдат.

Положение в армии сразу приковало внимание Национального Собрания к военному законодательству. Принцип воинской повинности, как учреждения деспотического, посягающего на свободу гражданина, был отвергнут. Руководясь нежизненными идеями Монтескье о разделении властей, Собрание сохранило подчинение армии королю, как главе исполнительной власти; были введены известные ограничения—в районе, очерченном радиусом в 60 километр. вокруг Законодательного Собрания, король мог располагать только 1800 солдатами гвардии; часть офицеров назначалась помимо короля; иностранные полки, к которым сторонники революции относились с недоверием, должны были быть распущены.

Одновременно была сформирована вооруженная сила, независимая от королевской власти—национальная гвардия. Это была милиция, в которую зачислялись все граждане, пользующиеся избирательным правом, под командой лиц, назначаемых городскими самоуправлениями. Национальная гвардия была сформирована сначала в Париже, затем в других городах.

Национальные гвардейцы почти не являлись на занятия и если играли известную роль в политической борьбе внутри страны, то не принимали непосредственного участия в отражении нависшей над Францией угрозы внешнего врага.

Вальми. Внешняя война, начатая министерством жирондистов с целью аннексии Бельгии, война, от которой ожидали усиления умеренных партий, дала неожиданные результаты. Вторжение французской армии на бельгийскую территорию, для защиты которой австрийских войск почти не было, окончилось плачевно: в разложившихся французских полках, при встрече с одиночными неприятельскими эскадронами и даже при одном слухе о появлении не-

приятеля, поднималась паника, и войска бежали, обвиняя начальников в измене и бросая пушки и обоз.

Через три месяца началось вторжение сосредоточившихся против Франции австрийских и прусских войск. Австрия и Пруссия не были способны к энергичному нападению на Францию: в это время на востоке шел дележ Польши между Пруссией, Австрией и Россией, и из-за Кракова и Варшавы могли вспыхнуть в любой момент военные действия между пруссаками и австрийцами; король прусский, получая от Англии субсидии за участие в борьбе против революции, давал своему полководцу указания— армией не рисковать и не трепать ее, так как она, может быть, скоро понадобится для защиты прусских интересов против Австрии.

Численность войск, назначенных для вторжения во Францию под командой герцога Брауншвейгского,—40 тыс. австрийцев, 82 тыс. пруссаков—была значительно меньше, чем численность армий, которые выставляла коалиция против Франции Людовика XIV. Вторжение организовывалось в расчете на поддержку широких кругов населения французских провинций, которое, по уверению эмигрантов, обрадуется случаю свергнуть диктатуру революционного Парижа. Герцог Брауншвейгский опубликовал написанный эмигрантом манифест, переполненный обидными для французских патриотов выражениями и содержавший угрозу смертной казни для всех лиц, находящихся на службе революционной Франции. Французов, как бы нарочно, предварительно раздражали, чтобы они лучше дрались.

Предполагавшаяся военная прогулка союзников в Париж скоро привела к крупным разочарованиям. Крепости Лонгви и Верден были взяты пруссаками, но этот удар вызвал в революционной Франции взрыв энергии. Другие крепости упорно сопротивлялись и оттянули на себя часть наступавших сил. Население не только не приветствовало пруссаков, как избавителей, но его поведение заставляло серьезно озаботиться обеспечением тыла и сообщений. Под Вальми, 20 сентября 1792 года, ослабленная до 46 тыс. армия пруссаков встретилась с 60 тыс. армией Дюмурье. Пруссаки, обойдя Дюмурье с севера, вышли на его сообщения с Парижем; бой должен был получить характер сражения с перевернутым фронтом, так как маневр пруссаков не побудил Дюмурье начать отступление. Началась канонада; французская артиллерия энергично отвечала; у Дюмурье не было пехоты, способной перейти в атаку, ему с трудом удавалось удерживать на поле сражения свои недисциплинированные части. А у прусского полководца, неожиданно наткнувшегося на отпор, открылись глаза на самообман эмигрантов; военная прогулка в Париж была немыслима,

предстояла трудная, упорная борьба, к которой союзники еще не подготовили всех средств, победа над французами при Вальми ничего не могла решить, а между тем поражение повело бы к гибели прусской армии. Вследствие этих соображений, завязавшийся бой был прерван пруссаками, и начался отход их из пределов Франции. Канонада при Вальми стоила обоим противникам только по 200 убитых и раненых; но, по выражению сопровождавшего прусскую армию Гете, в этот день и на этом месте началась новая эра всемирной истории.

Однако, если неудача вторжения союзников в 1792 г. объясняется, прежде всего, политическими мотивами и враждебным отношением населения пограничных областей к иностранной интервенции, то в чисто военном отношении оно было отражено не рожденными революцией силами, а остатками старого военного строя Франции — крепостями, артиллерией, сохранившими какую-либо степень пригодности полуразложенными полками королевской армии. Правда, в это время существовали уже около года революционные волонтерные батальоны — 100 тыс. добровольцев, собранных в конце 1791 года и охваченных наибольшим энтузиазмом по сравнению с последующими принудительными наборами. Тем не менее, не имея никаких кадров, никакой дисциплины, не будучи обстреляны, эти революционные формирования в начале войны не играли существенной роли на полях сражений. В общем, в 1792 году слабому наступлению отвечала равно слабая оборона.

Воинская повинность. Принцип добровольчества оказался несоответственным для пополнения революционных армий; число добровольцев было недостаточно, они набирались на год, и зимой 1792 года, в тот момент, когда французская армия Дюмурье, после победы при Жемаппе, вносила в Бельгию „революцию извне“, начался их массовый уход по домам. 24 февраля 1793 года Конвент перешел от добровольной вербовки к принудительному набору 300 тыс. (в действительности было мобилизовано только 180 тыс.), так как потребности государственной обороны исчислялись в 500 тыс., под ружьем же находилось только 200 тыс.; а через полгода, 23 августа 1793 года, Конвент декретировал общую воинскую повинность — Levèe en masse: призывалось все холостые от 18 до 25 лет, фактически пригодных без права заместительства. Набор дал около 450 тыс. Кампанию 1794 года французская армия начала в составе 770 тыс., из них 500 тыс. находились на внешних фронтах.

Эта массовая мобилизация определила ход революции. Внутри страны образовались массы дезертиров, уклонившихся от призыва, перешедших на нелегальное положение „зеленых“, наличие коих дало огромный козырь вынужден-

ным до того к бездействию роялистам. Духовенство и дворяне, опираясь на сопротивление крестьян установлению воинской повинности, подняли восстание на $^3/_4$ территории Франции. Революции остались верны только ближайший к Парижу район да области пограничных театров борьбы, где действовали республиканские армии. Весь юг и запад Франции оказался в руках контр-революции. Разгорелась ожесточенная гражданская война; роялисты питались поддержкой со стороны Англии, которая, однако, преследовала эгоистические цели—в 1793 году была занята захватом и разрушением морской базы Франции в Средиземном море—Тулона, вместо того, чтобы помогать Вандее, где контр-революционное движение развивалось наиболее мощно. Верность армии республике решила эту тяжелую, кровавую борьбу в пользу республики; однако, банды шуанов и просто разбойников, под политическим флагом, держались во Франции вплоть до Наполеона.

На внешнем фронте массовое пополнение сказалось в том, что революционным армиям был обеспечен огромный численный перевес над армиями старого режима, который не мог, без существенных перемен в государственном строе, идти на потрясения, связанные с установлением воинской повинности, и, ограниченный количеством людей, которых можно завербовать, оставался при относительно малых армиях. Под Жемаппой, 6 сентября 1792 года, Дюмурье с 40 тыс. и 100 пушками бьет 13 тыс. австрийцев с 50 орудиями; в этом сражении королевские полки были поддержаны волонтерами. Под Неервинденом, 18 марта 1793 года, принудительный призыв еще не успел сказаться, и 42 тыс. австрийцев разбили 45 тыс. французов; заставив их очистить Бельгию. Важнейшие сражения 1793 года—Хондшоте, 8 сентября, и Ватиньи, 16 октября,—представляют скромные успехи числа: в первом случае 60 тыс. французов бьют в трехдневном бою 15 тыс. англичан, во втором—в двухдневном бою 45 тыс. французов бьют 18 тыс. австрийцев.

В 1793 году революционные армии, несмотря на численный перевес, успевали относительно мало, так как организация их не стояла на достаточной высоте. Несмотря на эмиграцию монархически настроенных офицеров, Конвент не вполне доверял старым королевским полкам и не желал рассматривать их, как кадры, которые надо развивать и расширять новыми призывами; тогда как старые полки легко пополняли из своего унтер-офицерского состава убыль офицеров-эмигрантов и имели избыток опытных и достойных кандидатов на командные должности, новые призывы продолжали группироваться в самостоятельные волонтерные батальоны, в составе которых часто не оказы-

валось ни одного лица, знакомого с военным делом; они избирали себе начальство из своей среды и затем не слушались его уже потому, что, по своей военной безграмотности (а иногда и буквальной), оно не могло иметь никакого авторитета.

Страшное зло представляла беспрерывная смена лиц командного состава. За один 1792 год сменилось 8 военных министров. За 1792 – 1793 г.г. в северной армии переменилось 16 командующих; а в арденской, мозельской и рейнской — по 11.

Комитет Общественного Спасения и высший комсостав. Тяжелый кризис, который переживало высшее командование революционными армиями в 1793—1794 г.г., объясняется приложением на практике идеи крайнего якобинца, военного министра полковника Бушота, который 9 августа 1793 г. писал: „надо во что бы то ни стало назначить на все должности, без исключения, санкюлотов, если хотят, чтобы революция санкюлотов восторжествовала“ [1]). Вопрос о способностях и подготовке к занятию высших командных должностей отпадал. Рассказы о гениальности молодых людей, оказавшихся неожиданно революционными генералами, принадлежат к области легенд. Несмотря на сравнительную несложность техники командования в XVIII веке, потребовались целые годы, чтобы из человеческого материала, выдвинутого революцией, подобрались и выработались опытные вожди. Назначенные без всякого выбора, почти всегда против собственного желания, под угрозой гильотины, солдаты и унтер-офицеры старой армии, неожиданно оказавшиеся революционными генералами, в большинстве случаев обнаруживали растерянность и тщетно стремились уменьшить лежавшую на них ответственность. Вопросы об организации армии и о планах операций перешли из ведения генералов к компетенции Комитета Общественного Спасения. Но и вопрос об исполнении, о действительном проведении этих планов в жизнь наполовину ушел из рук неопытного высшего командного состава в руки энергичных „представителей народа“, комиссаров французской революции. Последние, прежде всего, очень мало считались с мнением выдвинутых ими пешек-начальников, которых они все время держали под угрозой революционного трибунала. Если справедливо, как утверждал Вашингтон, что „армия, чтобы быть победительницей, должна управляться абсолютно деспотически“, то нужно признать, что заслуга побед революции должна быть отнесена на счет неумолимой революционной диктатуры якобинского правительства, а не на счет терроризованных ею молодых

---

[1]) V. Dupuis. De Valenciennes à Hondschoote, стр. 93.

военных начальников. Часто и потом раздавался лозунг „молодых генералов“, но при этом иногда забывали существенное для них—Робеспьера и Комитет Общественного Спасения.

Террор был вызван к жизни неудачами на внешнем фронте. Победы, которыми Франция обязана Робеспьеру и якобинцам, ослабили внешнюю угрозу. Громадный успех под Флерюсом, добытый энергией Сен-Жюста, устранив необходимость в диктатуре и в терроре, явился одной из причин падения якобинцев 9 термидора [1]).

Амальгама. С августа 1793 года в состав Комитета Общественного Спасения был включен Карно, военный инженер с выдающимися организаторскими способностями. Главные заслуги Карно заключались в установлении самого скромного порядка в хаосе дел военного ведомства, в ограничении злоупотреблений, в организации нового офицерского корпуса, при чем 23 тыс. выборных офицеров были ликвидированы, и, самое существенное, в проведении в жизнь амальгамы, т.-е. слияния частей старой королевской армии с революционными батальонами волонтеров, вопреки предубеждению якобинцев против такого слияния. Сверх того Карно организовал войска в дивизии, которые представляли уже не временное подразделение боевого порядка армии, а постоянно существующую группировку трех родов оружия.

Закон об амальгаме, принятый еще за полгода до вступления Карно в Комитет Общественного Спасения, потребовал 6 лет для окончательного осуществления на практике. Согласно ему, вместо прежних полков, устанавливалась новая единица—полубригада; в ее состав входил один старый королевский батальон и два волонтерных батальона, что должно было обеспечить перевес вышедшим из революции частям. Выборное начало, против которого тщетно протестовали генералы, было сильно ограничено под влиянием политических условий; контр-революционно настроенные мобилизованные выбирали офицеров, политически неблагонадежных. Теперь в полубригаде разрешалось выбирать на очистившуюся вакансию только офицеров, занимавших должность одною степенью ниже, причем избирать себе офицеров каждая рота могла из всего командного состава полубригады. Таким образом, на очистившуюся вакансию капитана бывшая волонтерная рота могла выбирать

---

[1]) Конечно, необходимо различать отдельные периоды французской революции. Сказанное нами о высшем комсоставе справедливо только для эпохи якобинской диктатуры. Революционная война начала вырабатывать постепенно все более талантливый и опытный комсостав; положение генералов и их авторитет к концу 1794 г. стали устойчивее, комиссары постепенно начали отходить на второй план.

поручиков старого батальона, а младшими офицерами — любых унтер-офицеров. Введено было правило, что выбираются солдатами три кандидата, а начальству принадлежит право утверждения одного из них. Эта система дала сразу повышение качества командного состава, а дальнейшими ограничениями выборное начало было сведено на нет.

Среди начавших военную карьеру по выборам можно отметить очень даровитых начальников—Ней, Сульт, Лан, Мюрат, Хош, Дезе, Массена, Журдан, Моро, Сен-Сир, Даву, Груши, Лефевр,—но масса выборного офицерства не пользовалась авторитетом у солдат и не удовлетворяла самым скромным требованиям.

Военная промышленность. Комитет Общественного Спасения, захвативший всю исполнительную власть, воплощал в себе истинную полководческую власть во вторую половину 1793 года. Ему пришлось не только реорганизовывать армию, составлять планы операций и наблюдать за проведением их в жизнь; ему пришлось затратить массу усилий на то, чтобы вооружить собранные им массы. Военная промышленность Франции была рассчитана лишь на 200-тысячную армию; она была разрушена частью неприятельским вторжением (север Франции, Тулон), частью оказалась в районах, охваченных контр-революцией (Сент-Этьен, Лион и др.); она сильно пострадала от общего развала хозяйственной жизни, отмены старых монополий (например, на добычу государством в частных помещениях селитры), от прекращения ввоза во Францию стали, меди, селитры и т. д. Врагом революции являлась Англия; отсюда следовало, что революционной Франции приходилось действовать в кольце блокады; английские эскадры тщательно наблюдали за тем, чтобы во Францию не ввозились какие-либо предметы, которые могли бы помочь вооружению народа. Если в этих условиях Франция не осталась безоружной, и если, с некоторыми ограничениями, она все же провела в жизнь поголовный призыв холостой молодежи в армию, то этим она обязана огромной революционной работе, проделанной Комитетом Общественного Спасения на фронте военной промышленности.

В сентябре 1793 г. в Парижском арсенале имелось только 9 тысяч ломанных ружей, а нужно было вооружать сотни тысяч людей. Годовая добыча селитры достигала всего 50 тысяч пудов, а требовался миллион пудов. Были применены революционные методы: трудовая повинность на всех металлистов, оружейников, часовщиков, ювелиров и т. д., создание новых мастерских, организация кустарной работы и т. д. Были открыты школы по производству селитры; ученики командировались революционными клубами; был организован революционный праздник селитры,

в честь первой добычи селитры — один из самых удачных праздников революции; была написана селитряная марсельеза; каждый дом, чтобы получить репутацию благонадежного, должен был вывесить на воротах объявление, что он промыл землю в своих конюшнях и погребах и сдал в район селитру. Одним этим путем Париж передал за полгода в арсеналы 20 тысяч пудов селитры.

Новый офицер и солдат. В кампанию 1794 года упорядоченные и до известной степени устроенные французские армии достигли перевеса уже не только числом, но и применением новых приемов в тактике и стратегии. Сражение при Флерюсе (26-го июня 1794 г.) было выиграно Журданом против сильнейшей армии Кобурга — 80 тыс. против 100 тыс. [1]). Новое устройство армии, новый солдат создали и новую тактику.

Тогда как офицер старого режима отделялся как бы пропастью от солдатской массы, революционный офицер почти не выделялся из нее ни по социальному происхождению, ни по образованию, ни по образу жизни на походе; офицерского обоза в армиях революции не было, и офицер, как и рядовой, тащил на себе в ранце свои вещи. Между тем, наиболее скромная в отношении офицерского комфорта прусская армия все же допускала, чтобы командир роты, кроме верховой лошади, имел до 5 вьючных лошадей для перевозки своего багажа, а младшие офицеры в пехоте—1 верховую и 1 вьючную лошадь. Дальнейшее уменьшение офицерского багажа в Пруссии представлялось связанным с потерей офицерского достоинства; революционных французских офицеров с ранцами за плечами они искренне считали унтер-офицерами на офицерских должностях [2]). И если подразумевать под унтер-офицер-

---

[1]) Таково исчисление французских историков. Colonel E. Bourdeau Campagnes modernes. Paris. Том I-й, стр. 136—137. Немецкие историки (Даниельс) полагают, что и здесь значительное численное превосходство было на стороне французов.

[2]) В XVII и XVIII веке офицерский обоз был очень значителен. Рядовые гвардейские мушкетеры, например, оставивший чрезвычайно любопытные записки Сен-Симон, имели 30 лошадей и мулов. В Семилетнюю войну обоз наиболее привилегированного эскадрона французской гвардии насчитывал 1200 лошадей. И это несмотря на кипы распоряжений, ограничивавших и регламентировавших право иметь с собой слуг и повозки. Молодые офицеры имели в походе кареты или по крайней мере шарабаны. В захваченном под Росбахом обозе принца Субиза пруссаки нашли труппу актеров, целые парфюмерные склады, массу прислуги, обезьян и попугаев. Французская революция покончила на континенте Европы с этими феодальными замашками. Но существует, помимо феодальных пережитков, и другая причина роста офицерского обоза, а именно победа и грабеж. Громадные французские обозы XVIII века имеют свой исторический корень в разграблении Голландии в 1672 году и Палатината в 1689 г. В Семилетнюю войну, отступая из Ганновера, французская армия бросила понтоны и взятые в бою пушки, чтобы вывезти награбленное. Революционные походы были начаты офицерами

ством ту крепкую связь с солдатской массой, которая была у офицеров революции и которая находилась вне представлений прусских офицеров, то они были правы.

Еще большее различие было между совершенно индиферентным к ходу боевых действий солдатом старого режима и солдатом революции. Волонтеры 1791 года, совершая массу бесчинств, все же шли со своей идеей: это были защитники отечества, апостолы свободы, равенства и братства с винтовкой в руках. Слово патриот стало синонимом революционера. И действенная сила революционных идей не утратилась при переходе от волонтерства к принудительным наборам. Враждебно настроенные к революции новобранцы или дезертировали, или духовно переваривались армейским организмом и приобщались к революционной семье. Постоянная армия, с ее естественным влечением к традиции, оказалась постоянна и в революции и начала вырабатывать революционную традицию. На смену безразличного и безучастного солдата-автомата старого режима вырос новый солдат, горячо принимавший к сердцу успех и неудачу, желавший отличиться, выделиться, быть замеченным, двинуться по открытой для него революцией дороге к высшим чинам. Народилась новая грозная моральная сила, которая позволила применять недопустимые при старом строе тактические приемы.

Рассыпной строй и колонна. Выдающиеся качества нового военного материала не сразу привлекли внимание. Еще Мориц Саксонский заметил, что по своему характеру французский солдат более подходит для малой войны (т.-е. для роли легкой пехоты), чем для действий в линейном строю. Теперь совершенно невозможно было удержать французских солдат в развернутом строю под огнем — вся французская пехота обратилась в легкую, немедленно рассыпа-

---

с ранцем за плечами, но скоро имущество многих значительно возросло Бедная итальянская армия, в командование которой в 1796 году, вступил Бонапарт через месяц оказалась обремененной таким количеством повозок, которое вынудило Бонапарта начать энергичную борьбу с этим злоупотреблением. Бедняк Ожеро, начальник дивизии этой армии, получив в командование Рейнскую армию, в 1797 году произвел в Страсбурге скандал своей безумной роскошью. Дивизия Барбу (корпус Дюпона), сдаваясь в 1808 году, испанцам в Байлене имела на 6000 солдат 500 повозок, преимущественно с вещами, награбленными при взятии испанского города Кордовы. В 1812 году размеры катастрофы, постигшей французскую армию, объясняются в значительной степени несметным обозом с награбленным в Москве имуществом; самые резкие требования Наполеона жечь эти повозки, чтобы освободившимися лошадьми запрячь пушки, не исполнялись. У императора Наполеона его личный багаж помещался на 30 повозках, всего с 200 лошадьми. Адъютанты имели нормально четверочную повозку, 6 вьючных лошадей и 12 верховых. Маршалы старались не отставать от императора. Поскольку эвакуация награбленного в тыл не вполне разрешается железными дорогами, грабеж и ныне является существенным элементом увеличения длины походных колонн и потери боеспособности.

лась, применялась к укрытиям, широко и искусно пользовалась местными предметами, забиралась в селения и дома, чего все начальники XVIII века избегали после неудачного опыта в сражении при Гохштедте.

Вопрос о степени допустимости пользоваться укрытием в бою—один из наиболее трудно поддающихся общему решению, так как существенное значение имеют те моральные силы в солдате, в зависимости от которых укрытие приносит в бою или большой плюс, или огромный минус. Несомненно, прав был генерал Мак, докладывавший осенью 1796 года о нежелательном явлении: австрийские солдаты, копируя французов на пересеченном фландрском театре войны, начали применять тактику рассыпного строя и пользоваться укрытиями, из которых их затем было невозможно бросить в атаку, так как укрытие морально расслабляло бойцов. Каждый начальник, сохраняя солдатскую жизнь укрытием его за кочкой, ценой разрушения принудительной силы строя, умаления значения тактического коллектива, должен отдавать себе ясный отчет, насколько он может положиться на индивидуальное сознание бойца.

Авторитет офицеров был сильно подорван в первые годы революции; понятия о дисциплине сохранялись, правда, во французской армии, так как почти все старшие начальники служили офицерами и солдатами при старом режиме, но, пока солдатская масса снова не была взята в руки и строевые занятия не возобновились (1797 г.), — в революционных частях, несмотря на частое применение высшей меры наказания—расстрела,—дисциплина оставляла желать многого [1]). В рассыпном строю солдаты совершенно выходили из рук начальников, и когда боевой порядок представлял несколько рассыпанных одна за другой цепей, революционные войска часто постигала катастрофа: шли в бой с революционными песнями, с криком „да здравствует гора“, „да здравствует республика“, но когда попадали под пули, брало верх малодушие, и поле покрывалось беглецами.

Чтобы удержать солдат в своих руках, начальникам оставалось одно средство—все, что находилось позади первой рассыпанной цепи, собирать в колонны. Колонна, по сравнению с рассыпным строем, имеет обратные свойства. Коллектив чувствуется сильнее, задние шеренги подпирают передние, человек в колонне духовно растворяется, теряет свою ин-

---

[1]) Самые опасные проявления недисциплинированности не в солдатской массе, а на вершинах командного состава. Революция, подчеркнув гильотиной жесточайшую ответственность старших начальников за невыполнение поставленных им задач, сразу покончила с отсутствием дисциплины среди французских генералов, губившим в Семилетнюю войну все операции, и, начав оздоровление сверху, создала предпосылку для постепенного нароще-ния порядка в армии.

дивидуальность, легче поддается управлению, точнее выполняет команду, легче дисциплинируется. Французские офицеры, бывшие не в силах удержать солдат в развернутом строю, вскоре, как только явился некоторый авторитет, оказались в силах поддерживать в колонне порядок, вести колонну в сфере неприятельского огня и бросать ее в атаку.

Революционный энтузиазм нашел новые формы для боя: стрелковую цепь, в которой можно было предоставить стрелку самостоятельность, использовать его заинтересованность в успехе боя, делавшую его дерзким и находчивым; в роты было роздано некоторое количество нарезных ружей, у которых скорострельность, по сравнению с гладкоствольными, была ничтожна, но которые допускали возможность производства меткого выстрела, избиения неприятельских начальников в линейном строю на выбор; и за этой стрелковой цепью маневрировали, собирались и бросались в атаку колонны. Те же солдаты, которые, рассыпавшись, не выдерживали угрозы неприятельской атаки, в колонне могли с огромным духовным подъемом доводить атаку до конца.

Колонна явилась прекрасным средством для получения численного перевеса в пункте удара в 4, 6 и 10 раз. В эпоху линейной тактики вопрос о численном перевесе не привлекал к себе особого внимания; и в тактике, по примеру Лейтена и Росбаха, отдавалось, преимущество небольшой, подвижной и гибкой армии, способной к быстрому маневру, перед большой, но неуклюжей армией; и сами полководцы часто не учитывали значения сосредоточения всех сил на поле сражения. Начиная же с французской революции и в теории, и на практике количественному перевесу на решающем участке поля сражения начинают придавать исключительное значение. Особенно важная задача управления состояла теперь в том, чтобы обеспечить этот численный перевес. Когда колонна воскресила яростную атаку ландскнехтов, начали учитывать и моральное давление на противника, которое производила сомкнутая глубокая масса пехоты, неудержимо продвигавшаяся вперед; зародилась ударная тактика. Провозглашение значения числа явилось логичным выводом из перехода революции к массовым армиям.

Если комбинация стрелковой цепи и колонны органически вылилась из нового солдатского материала, наполнившего полки республики, то надо признать, что процесс усвоения новой тактики в значительной степени был подготовлен и руководился предшествующими достижениями французской военной мысли—трудами Фолара и его школы и развившейся около них полемикой. Даже устав 1791 года,

при всем своем линейном направлении, в угоду противной стороне, включил построение одной батальонной сомкнутой двух-взводной колонны из середины [1]), без обозначения смысла этого построения. Это построение было широко использовано армиями революции и Наполеоном, как колонна для атаки.

Артиллерия. Колоссальное увеличение численности революционных армий шло почти исключительно путем увеличения пехоты; процент кавалерии и артиллерии в армии резко понизился. В конце Семилетней войны на 1.000 штыков приходилось 6 или 7 пушек, в революционных же армиях—всего 1 пушка, редко 2. Зато артиллерия подверглась коренной реорганизации. Раньше тяжелая материальная часть вывозилась в бой обывательскими запряжками, не могла маневрировать и действовала все время с одной позиции, за исключением полковых пушек, которые пехота таскала со времен Густава-Адольфа на руках. Грибоваль облегчил систему (орудие, лафет, передок) 8-ми фунтового орудия с 90 пудов до 73 пудов, 4-х фунтового—с 60 до 46 пудов[2]); были сформированы запряжки — четверочные из артиллерийских лошадей с солдатами-ездовыми. Батареи получили возможность двигаться полем, вне дорог. Каждая дивизия Карно получила две батареи, а полковые орудия были изъяты. Новые батареи маневрировали на коротком расстоянии галопом, с посадкой части прислуги на подручных лошадей орудия и следовавшего за ним зарядного ящика. Явилась возможность сосредоточивать батареи к пункту, где намечались благоприятные условия для нанесения удара; артиллерия в широкой мере стала пользоваться внезапностью, выскакивая на дистанцию картечного выстрела против неприятельских флангов или свернувшейся в каре, для отражения кавалерийской атаки, пехоты. Только с французской революции артиллерия стала в полном смысле слова родом оружия, совершенно милитаризовалась. Наполеон прекрасно использовал эту подвижность артиллерии и развил тактику сосредоточения артиллерийских средств к пункту удара, для чего обеспечивал себе сохранение достаточного артиллерийского резерва. При борьбе в Западной Европе Наполеон ограничивался 1½—2 орудиями на 1.000 штыков (Ваграм 1809 г.—395

---

[1]) Линейный боевой порядок широко пользовался для эволюций взводной разомкнутой колонной, а сомкнутую колонну допускал только как переходную форму, при развертывании фронта к голове движения.

[2]) Liskenne et Sauvan. Bibliothèque militaire, том V, труд Гибера об артиллерии 1770 г. Дальность действительного огня определялась Гибером (стр. 446): ядром 4 фунт.—350—400 сажен, 8 фунт.—400—450 сажен, картечью—до 150 сажен 4 фунт. пушки и до 200 сажен—8 фунт. пушки. При применении более крупной картечи, сторонником коей был Наполеон, дальность картечного выстрела еще возрастала.

орудий на 180 тысяч—максимум артиллерии), но, предпринимая поход в Россию, в виду многочисленности и организованности русской артиллерии, а также упорства русской пехоты, увеличил количество орудий до 3—3½ на 1.000 штыков.

Таким образом, революционная эпоха сильно сократила число орудийных жерл в армии, но дала им несравненно более сильную организацию. Подвижная артиллерия эпохи революции и Наполеона мало обременяла маневрирование армий и много существеннее влияла на результат боя, чем раньше. Из позиционного оборонительного средства артиллерия переродилась в могучее орудие атаки.

Напряженность боя. Бои революционной эпохи отличались значительно меньшей кровопролитностью, чем бои периода господства линейной тактики. Центр тяжести боя был перенесен на действия рассыпного строя. Рабы и парии, в твердых рамках сомкнутого строя армии Фридриха Великого, были способны перенести сильнейшую опасность, выдержать больший процент потерь, чем проникнутые энтузиазмом борцы за революцию, не имевшие опоры в могучей воле коллектива, в „чувстве локтя“, в жестокой дисциплине, в традициях постоянной армии: тогда как в Семилетнюю войну у пруссаков и русских, иногда и у австрийцев, части, потерявшие 50% убитыми и ранеными, при благоприятных обстоятельствах продолжали сохранять строй и выполнять свою задачу, у революционных частей только в отдельных случаях можно констатировать действительные (без пленных) потери свыше 10%. Вообще же, сражения выигрывались и проигрывались при 2—6% потерь для всей армии. Если под Цорндорфом и Кунерсдорфом в течение нескольких часов выбывало с обеих сторон до 35 тысяч убитых и раненых, то этой цифры достигали потери французской армии только за несколько десятков боев целого года революционной войны. Обстановка изменилась, когда во французской армии народился крупный авторитет—генерал Бонапарт, сумевший потребовать от войск большего напряжения.

Это различие напряженности боя революционных армий и армий старого порядка станет еще более разительным, если мы обратим внимание на то, что страшные кровопускания Семилетней войны были сконцентрированы в пространстве и времени. Столкновение двух армий в эпоху линейной тактики занимало 1—2 часа времени и происходило на тесном участке 2—3 квадратных верст. В эпоху революции боевая операция растягивалась часто даже на 2—3 дня; нормально развитие мощи натиска революционной армии до решения требовало 5—6 часов. Бой стал в 3—4 раза продолжительнее. И одновременно сражение

растянулось на значительно большем фронте, достигавшем 10—20 верст; участки местности, считавшиеся по своей пересеченности или закрытости недоступными для линейного порядка, теперь стали особенно охотно использоваться для боя и обходов французскими войсками.

Рассрочка усилий во времени и пространстве отражает, между прочим, слабость командования. Расплывчатость революционной тактики объяснялась отчасти недостаточной уверенностью и авторитетностью начальников, а отчасти вызывалась к жизни и новыми данными военного искусства—ведением боя из глубины и появлением самостоятельных дивизий.

Дивизии. В тактике переход к новым формам диктовался, в окончательном результате, не соображениями теоретиков, а необходимостью; точно также революционные армии, толкаемые нуждой, сделали новый шаг вперед и в стратегии. Массовые армии, выставленные революцией, получили только очень скромный обоз. Революция была богата только людьми. Даже при Наполеоне, когда к 1806 году количество повозок в частях было усилено, французский полк все же располагал в 6 раз меньшим обозом, чем прусский. Это уменьшение было произведено отнюдь не только за счет сокращения офицерского комфорта: приносилось в жертву многое ценное и для солдата. За прусским пехотным полком на 60 вьюках возились палатки для всех солдат. У французов не было палаток, не было и на чем их возить. В этих условиях бивакирование под открытым небом являлось допустимым для французских войск только в исключительных случаях, по боевым условиям. Нормально же революционная армия имела ночлег не в общем выравненном лагере, как армии старого режима, а квартировала по селениям, рассредоточиваясь по дивизиям.

Деление армии на дивизии до революции могло иметь только второстепенное значение, так как вся армия располагалась на ночлег совокупно: только для затруднения поисков неприятельских мелких партий на путь коммуникации, от значительных сил влево и вправо выделялось по боковому отряду. Теперь вся армия стала собираться только к бою, на походе же и на ночлеге она расползалась по дивизиям, и это подразделение, а также введенная впоследствии группировка в армейские корпуса, получила очень большое значение. Новая армия на отдыхе располагалась на значительном фронте, но это не был кордон, опиравшийся на укрепленное расположение отдельных разбросанных частей, к которому иногда обращался старый режим. Отдельная дивизия, в случае неприятельской атаки, должна была или выдерживать бой до подхода других частей, или своевременно с боем отойти к другим частям.

Эту тактику, примененную революцией, уже предвидел Гибер, усматривавший в разделении сил и внезапном их сосредоточении перед боем благодарную задачу для полководца. Новая тактика, с отделением фланговых дивизий и корпусов от центра армии иногда на целый переход, потребовала, разумеется, гораздо более ответственных и самостоятельных лиц на постах начальников дивизий, бывших до того лишь передатчиками распоряжений командующего армией. Эти частные начальники, доросшие до самостоятельной работы в области тактики, способные к проявлению тактического почина, не были известны войскам старого режима и родились с революционными армиями.

Снабжение. Расположение на ночлег квартирным порядком, неприемлемое для ищущего случая дезертировать солдата вербованных армий, вполне допускалось моральными качествами революционного солдата, которого не было оснований изолировать от гражданского населения; оно являлось необходимым, чтобы разрешить задачу его прокормления. Вследствие беспорядка в администрации тыла, продовольственные магазины у французов часто оказывались пустыми, не хватало транспорта, полевое хлебопечение не налаживалось. Поэтому, принципиально не посягая на магазинную систему, пришлось в широкой степени использовать местные средства. Полк, получивший участок селения, распределял на ночлег по домам офицеров и солдат; к квартирохозяину предъявлялось требование—не только уложить на ночь своих постояльцев, но и накормить их. При быстром маневрировании, особенно в неразоренной войной местности, эта система давала удовлетворительные результаты; в период же остановок необходимо было налаживать подвоз хотя бы части хлеба. Солдат революции получал белый хлеб, но довольно часто ему приходилось и голодать. Система использования местных средств требовала бо́льшой сознательности от солдат и, при слабых начальниках, часто представляла искушение для дисциплины, обращало целые полки и даже армии в толпы ма́родеров и грабителей. Поражение французских армий Журдана и Моро, вторгнувшихся в 1796 году в Баварию, и отход их на Рейн были отчасти вызваны потерей ими боеспособности, вследствие слишком усердного обращения к грабежу местного населе́ния [1]).

[1]) Командующие армиями германского театра доносили в 1796 году о невероятном росте грабительства среди солдат, живших исключительно местными средствами и не получавших жалованья: солдаты угрожали и даже стреляли в офицеров, пытавшихся пресекать грабеж. То же происходило и в Италии, в геройской армии Бонапарта; Милан, встретивший французов с ликованием, через неделю был уже в отчаянии. Бонапарт писал Директории: „мне стыдно командовать такой шайкой разбойников“.

Армия старого режима совершенно не затрагивала интересов населения театра войны: борьба шла между правительствами, но не между народами. С революцией положение населения в районе маневрирования армий ухудшилось. У революционного солдата в его отношениях к населению проявились черты наемника XVI столетия; но тогда как последний брал исключительно по праву силы, революционная идеология, которая вела войну путем общей воинской повинности, признавала, что мобилизованным защитникам отечества гражданское население обязано дать все необходимое для существования. Война переставала быть делом власти и ложилась на все классы.

Принятые по нужде, новые методы снабжения радикально сократили обозы революционных армий, сделали последние несравненно более подвижными, менее чувствительными к потере своих сообщений, очень способными выходить в неприятельский тыл и открыли возможность вовсе отказаться от пятипереходной системы. С этого момента задача снабжения армии решалась уже не по трафарету, а в зависимости от обстановки. Обширные речные системы Германии открыли Наполеону возможность быстро сосредоточивать и перебрасывать магазины, сформированные им транспорты—поднимать в нужных случаях значительные подвижные запасы; увеличившиеся к началу XIX века местные средства Европы, в связи с переходом к многополью и посеву картофеля, позволили обходиться без подвоза с тыла во время стремительных маршей. И скомбинированное в соответствии с данным частным случаем взаимодействие всех этих трех способов снабжения позволяло вышедшим из революции армиям Империи действовать, отходя не на 125 верст от базисных магазинов, как при пятипереходной системе, а наносить сокрушающие королевства и империи удары по операционным линиям почти в 1.000 верст длиной, от Майна до Нарева.

Бюлов. Революционные методы войны оставались монополией Франции с 1794 года по 1806 год, когда эрцгерцог Карл начал, по образцу французов, переучивать австрийскую армию. Этой монополии в значительной степени обязаны своими успехами революция и Наполеон. Как мог так долго сохраняться недоступным для иностранцев столь важный скачок военного искусства? Масса прусских офицеров, гордых традициями побед Фридриха Великого, стояла за величественную атаку в развернутом строю: по их мнению, „только природные с..... дети рассыпаются и ведут стрелковый бой в цепи“. Но и выдающиеся умы не разбирались в новых явлениях военного искусства.

Самым широким и блестящим военным мыслителем эпохи революции был Генрих Дитрих Бюлов (1760—1806 г.), зна-

менитое сочинение коего „дух новейшей военной системы“ появилось в 1799 г. Друг Бюлова, Беренхорст, сквозь призму классовых и профессиональных предрассудков не мог различить новых положительных явлений в военном искусстве революционных армий и не мог признать военного понимания и талантов за революционными генералами—студентом Моро, фехтовальным инструктором Ожеро, типографщиком Брюнном, хирургом Журданом, художником Сен-Сиром, конюхом Гошем, сыном сапожника Неем,—и пришел к полному отрицанию военного искусства, к объяснению военного успеха только случайностью, к сохранению единственного правила — ломи вперед, напролом! Бюлов же сумел подняться над этим скептицизмом и создал положительное учение. В основу теории Бюлова легло утверждение Руссо, что причины поражений в поле надо искать у себя дома, что война является только надстройкой над мирной жизнью государства и что политика является понятием охватывающим по отношению к стратегии. Самым словом стратегия, в современном понимании, мы обязаны Бюлову. В военный язык он ввел понятие базиса, т.-е. той пограничной, заблаговременно оборудованной крепостями и магазинами полосы, непосредственной надстройкой над которой является маневрирование армий, а также понятие стратегического развертывания масс—акта, предшествующего началу крупных операций. Бюлову удалось понять многие новые явления военного искусства—например, значение масс, количества солдат и материальных средств, а также уяснить и новую тактику; но он переоценил значение магазинной системы, не заметил обращения к широкому использованию местных средств; рассматривая военные действия, как надстройку, он недооценил значение боя и моральных сил. Он склонен был думать, что в будущем войны будут решаться только маневром и в 1805 г., в эпоху расцвета Наполеоновского сокрушения, провозгласил, что сражения больше даваться не будут.

Литература.

V. Dupuis. La campagne de 1793 à l'armée du Nor et des Ardennes. Tome I. De Valenciennes à Hondschoote 1906 r. Tome II. D'Hondschoote á Wattignies. 1909 r. Того же автора. Les opérations militaires sur la Sambre en 1794. Bataille de Fleurus. 1907.

Из большого числа трудов военно-исторического отделения французского генерального штаба, мы обращаем внимание на работы майора Дюпюи, представителя крайней левой французской мысли, не только вследствие их позднейшего выхода в свет, но и их глубокой научности: Дюпюи не стремится собрать воедино все сопутствующие революции отрицательные явления в армии, а пытается охватить и понять революцию так, как она есть.

Отметим еще следующие труды по революционной эпохе: изобилующий точным фактическим материалом, интересно разработанный, современный многотомный труд **A. Chuquet.** Les guerres de la Revolution. Далее: **Mention.** L'armée de l'ancien régime; le comte de Saint-Germain et ses réformes. Классическая работа **Camille Rousset**. Les volontaires (1791—1794). Colin. La Tactique et la Discipline dans les armées de la Revolution. Труд капитана **H. Bourdeau**. Les armées du Rhin au début du Directoire очень интересен, но проникнут далеким от революции скептицизмом. Мы не касаемся здесь Вандейской войны, по которой имеется очень много трудов. Кроме того, для изучения революционных войн важны мемуары Дюмурье, Сен-Сира, Сульта и Журдана.

Camille Richard. Le comité du salut public et les brications de guerre sous la Terreur. Paris. 1922 г., стр. 835.

Мировая война выдвинула на первый план вопросы военной промышленности о которых раньше историки часто забывали; она дала толчок историческому исследованию под новым углом зрения. Указанный здесь капитальный труд дает приведенный в систему колоссальный материал по организационной работе Комитета Общественного Спасения в военной промышленности, и интересно освещает его хозяйственно-революционные приемы.

Militärische und vermischte Schriften von Heinrich Dietrich von Bülow. Leipzig. 1835 г., стр. 503. Труды Бюлова представляют библиографическую редкость. Мы указываем неполное собрание его сочинений под редакцией Рюстова. Подробности о Бюлове—в „Стратегии в трудах военных классиков", т. II.

Essai général de Tactique, précédé d'un discours sur l'état actuel de la politique et de la science militaire en Europe. Londres. 1772 г., 161+133 стр.

Знаменитый труд Гибера, появившийся, по цензурным условиям, без подписи автора в Лондоне.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Наполеон.

Комплектование. Дезертирство. Дисциплина. Условия управления. Характер стратегии Наполеона. Тактика. Политика и стратегия. Жомини. Кампания 1796 г. в Италии. Кампания 1800 г. Ульмская операция. Сражение под Аустерлицем. Иенская операция. Пятидневная операция под Регенсбургом. Сражение под Ваграмом. Поход 1812 года. Борьба за массы. Березинская операция. Литература.

Комплектование. Революционная карьера Бонапарта характеризуется полным, бесповоротным разрывом с политическими силами старого мира; в военном отношении генерал Бонапарт отличался от других революционных генералов тем, что он не цеплялся, как другие, за уплывавшие в прошлое, недоступные для революционных войск формы линейной тактики.

Бонапартистская армия сохранила существенные завоевания революции в военном искусстве—привлечение в армию масс путем воинской повинности, уничтожение классового различия между офицерским и солдатским составом, бой в рассыпном строю, использование местных средств. Общая воинская повинность давалась французам нелегко. Подтвержденная в 1798 году Директорией, она вызывала многочисленные протесты; в 1800 году она претерпела существенное ограничение: состоятельные классы получили право выставлять заместителей. Воинская повинность распространялась на мужчин в возрасте от 20 до 25 лет. Солдат, достигший 25-тилетнего возраста, мог или демобилизоваться, или остаться на сверхсрочную службу. Число молодых людей, достигавших призывного возраста, равнялось во Франции 190 тыс.; в период мира, с 1801 по 1804 год, Бонапарт установил весьма умеренную цифру набора—30 тысяч призывалось ежегодно на действительную службу, и, сверх того, 30 тыс. зачислялось в резерв; резервисты получали двухнедельное обучение и затем созывались для занятий на одно воскресенье каждый месяц. Несмотря на то, что призыв, таким образом, охватывал менее 1/6 части призываемых, все же и в течение мира число уклонявшихся от воинской повинности и дезертировавших

после набора было значительно. Когда же с 1805 года начался период беспрерывных войн, и пришлось прибегнуть к чрезвычайным наборам, сопротивление населения воинской повинности стало расти. Кампании 1805—1807 г.г. потребовали мобилизации 420 тыс. человек, а за 1813 и первую четверть 1814 года набор достиг 1.250.000 человек. Истощение и утомление населения наборами выражалось в растущем числе „зеленых“, уклонившихся от повинности, на которых большие отряды жандармерии устраивали постоянные облавы. В 1813 году, когда в армии не оставалось кадров старых солдат, а в строю находился неудовлетворительный последний призыв, на пять раненых французов один являлся самострелом; 2.000 „пальчиков“ запротоколены в сражении под Бауценом.

Дезертирство. Если Фридрих Великий для борьбы с дезертирством в армии опирался только на глубоко продуманный цикл полицейских приемов, внутреннее охранение, ночлег только биваком, высылку каждой команды за водой или дровами в сомкнутом строю, под командой офицера и т. д., то Наполеон обращался к моральным силам самой армии, к остававшимся в рядах солдатам, которые должны были повлиять на непринимающих участия в трудах, опасностях и победах. Дезертирство—преступление против оставшегося товарища, на которого дезертир спихивает свою долю боевой работы. После Ульмской операции большое количество „отсталых“, занявшихся мародерством, было собрано в Браунау и возвращено по полкам. В ротах солдаты прежде всего отобрали у них все награбленное и поделили между собой. После каждого сражения взводы обращались в суды присяжных; солдат, уклонившийся от боя или отсиживавшийся в бою за кустом, судился товарищами, которые выслушивали его объяснения; взвод или оправдывал, или приговаривал к братской порке, которая немедленно и приводилась в исполнение [1]).

Институт заместительства привел к тому, что буржуазия и интеллигенция—классы, в которых особенно развито критическое отношение,—откупались от военной службы, и солдатская масса получала однородный характер, который легче подвергался обработке в желательном Наполеону направлении. Бонапартистская организация искала сильные руки, но не гналась за культурными людьми. Находясь в Египте, отрезанный английским флотом от возможности получения пополнений с родины, Наполеон 22 июня 1799 года писал Дезе: „я могу купить две—три тысячи негров возрастом старше 16 лет и поставить в строй каждого батальона по сотне негров“.

---

[1]) Colonel Vachée. Napoléon en campagne. стр. 159. Paris. 1913.

Дисциплина бонапартистской армии прежде всего основывалась на том, чтобы солдат не видел в офицере ставленника господствующих классов—дворянства, буржуазии, интеллигенции; в солдатской среде, в которой революция крепко запечатлела начала равенства, ни знатность, ни богатство, ни высокое образование не могли являться базой для создания авторитета. Офицеры и генералы должны были быть такими же солдатами, но более старыми, более опытными, более способными разбираться в боевой обстановке, надежным примером солдатских добродетелей. Каждый солдат должен был чувствовать возможность вознестись на верхи военной иерархии; поэтому Наполеон демонстративно подчеркивал, что и для безграмотного офицерские чины не закрыты. В мемуарах Меневаля описывается сцена, когда, при распределении наград, командир полка указал на своего лучшего в боевом отношении унтер-офицера, которого нельзя, к сожалению, представить к производству в офицеры, вследствие крупного недостатка—он не умел ни читать, ни писать; Наполеон тут же произвел его в офицерский чин.

В бонапартистской армии не было места герою-интеллигенту. Подчеркнутые солдатские добродетели, солдатский облик, родство с солдатской массой были необходимы для бонапартистских вождей. Таков был герой Первой Империи—маршал Ней, и таков же был герой Второй Империи—маршал Базен. Большинство обер-офицеров выходило из солдатской среды и было зрелых лет; только генералы были молоды.

Целый ряд мер применялся Наполеоном, чтобы овладеть солдатскими сердцами. Он иногда вступал в переписку с отличившимся солдатом, обращавшимся к нему с просьбой; при производстве в офицеры, перед строем, он браковал безусых молодых кандидатов и требовал, чтобы ему представляли „его террористов“, т.-е. старых республиканских солдат 1793 года; на дворцовых обедах, по случаю распределения наград, солдаты рассаживались вперемешку с генералами и чинами двора, и лакеи имели инструкцию особенно почтительно относиться к солдатам. Заслуги, достоинства и мощь старого солдата прославлялись в литературе, в искусстве и на подмостках театра; создался целый культ старого солдата, который впоследствии явился серьезным препятствием к переходу французской армии к кратким срокам службы. Помимо „дома инвалидов“, которому уделялось большое внимание, государство предоставляло отставным военным значительное число должностей. Живым олицетворением культа старого солдата являлась императорская гвардия, комплектовавшаяся отличившимися в боях солдатами и названная старой в отличие от молодой,

комплектовавшейся по набору. Обаяние Наполеона в гвардии было бесконечно; даже после Лейпцигской катастрофы гвардия бешено приветствовала Наполеона.

Авторитетный голос старых солдат, получавших лучшее материальное обеспечение и сохранявшихся на войне, как резерв, на самый крайний случай, действовал заразительно на новичков, пробуждая в них молодую энергию. В кампанию 1813 года войска, переполненные новобранцами, дрались успешно только тогда, когда поблизости находилась какая-нибудь гвардейская дивизия—присутствие гвардейцев производило моральный перелом.

Наполеон отнюдь не стремился к идеалу вооруженного народа. Ему даже желательно было изолировать армию от нации, образовать из армии особое государство в государстве. С 1805 г. прекратились увольнения из армии солдат за выслугой лет. Постоянные походы не позволяли войскам пускать корни в занимаемых ими гарнизонах. В период мира (1802—1805 г.г.) Наполеон не оставлял войска разбросанными по городам, а собирал их на пустынных берегах Атлантического океана, в лагерях близ Булони, где подготовлялся десант в Англию. За этот период крестьянин, насильно оторванный от земли, враждебно относившийся к воинской повинности, был совершенно переработан. Лагерь, казарма стали его родиной, понятие отечества начало олицетворяться Бонапартом, патриотизм переродился в шовинизм, стремление к славе и отличиям заглушило идею свободы.

Чтобы солдат в полку перестал тосковать о родном доме, нужно было, чтобы казарма потеряла характер моральной костоправки. Дисциплина получила своеобразный характер: солдат в своих начальниках, до маршала включительно, видел равных себе, стоящих выше только в порядке отдачи приказов. Муштра была изгнана вовсе; от воспитания чувства долга путем требовательности в повседневных мелочах пришлось отказаться. „Не будьте придирчивы“—не раз повторял Наполеон, и сам закрывал глаза на многое. Наказания, и очень строгие—расстрел—имели место, преимущественно, чтобы показать пример, подтвердить, что власть, награждающая достойных, налагает кару на виновных; но, в общем, случаи наказания носили почти единичный характер и далеко не охватывали массы мародеров, грабителей и насильников в рядах армии. Дисциплина базировалась на страшном авторитете, которым пользовался в армии Наполеон, и на умении пользоваться каждым случаем для того, чтобы спаять солдат в одно моральное целое.

Наполеон почерпал свою силу в убеждении солдат, что первая его забота—солдатское счастье. Когда в 1807 году,

после окончания войны французский пехотинец мечтал о том, чтобы скорее вернуться во Францию из пустынной Восточной Пруссии, целые корпуса были перевезены на перекладных, хотя для этого значительную часть немцев пришлось обратить в подводчиков [1]). Наполеон не забывал, что он получил в армии и в народе популярность в 1797 году не столько своими блестящими победами, сколько тем миром в Кампо-Формио, который он заключил. Наполеон, втянувший Францию в бесконечную войну, добился власти, как миротворец, и понимал, что даже у ветеранов, среди трудов и опасностей похода, мелькает мысль о прелестях тихой, спокойной, мирной жизни — и этой тягой к миру император пользовался, требуя в своих приказах перед большими сражениями энергичного усилия, чтобы разом сломить врага и получить возможность вкусить мирный отдых.

Наполеон напоминал солдатам победы, одержанные, благодаря его искусству, с малой кровью — Ульм, где Мак был вынужден сдаться без боя, или Аустерлиц, где потери французов были в 8 раз меньше потерь русско-австрийской армии.

Условия управления. Прежде чем перейти к изучению стратегии и тактики Наполеона, необходимо обратить внимание на условия управления войсками его эпохи. Единственным средством связи являлась посылка конных ординарцев; оптический телеграф хотя и был уже изобретен, но представлял средство, требующее значительного времени для налаживания и не применимое в условиях маневренной войны. Таким образом, быстрая доставка боевых приказов была обеспечена только в том случае, если корпуса армии находились на расстоянии пробега хорошего ординарческого коня [2]). Карты, находившиеся в распоряжении Наполеона, не выдерживают самой скромной современной критики; на них проведены только очень большие дороги, рельеф почти вовсе не выражен, даже крупные селения подписаны не полностью [3]). Характер карт напоминал со-

---

[1]) Бонапартистские методы воздействия на массы хорошо вырисовываются в мемуарах маршала Второй Империи Кастелана, усвоившего уроки Наполеона I.

[2]) Когда Наполеону приходилось посылать из Парижа приказы Массене в Испанию, то приказы иногда доходили только через 2 месяца, в виду необходимости курьеру следовать с солидным военным прикрытием.

[3]) Сказанное относится даже к лучшей карте (Петри) Саксонии — очень культурной и густозаселенной страны, театра многочисленных походов. Как приходилось распоряжаться по такой карте, видно из следующего приказания (Иенская операция), написанного начальником штаба императора, Бертье, маршалу Сульту: „бивак у Кестрица 13 ок. 1806 г. 11 ч. 30 м. утра. Господин маршал, Император приказывает двум вашим дивизиям расположиться на ночлег в селении Кестриц, довольно значительном населенном пункте, на дороге в Иену, где ответвляется другая дорога на Наумбург.

временную, небрежно составленную схему. По таким картам заглазно распоряжаться было весьма опасно; пользование ими требовало производства многочисленных добавочных рекогносцировок. Пословица Наполеоновской эпохи гласила: самый скверный проводник лучше самой хорошей карты [1]).

Но характер Наполеона был таков, что его подчиненным предоставлялась минимальная доля творческой инициативы; маршалы являлись не сотрудниками, а исполнителями приказаний императора. Самостоятельность свою они могли проявлять только в способах исполнения; творческая часть оставалась целиком в руках Наполеона. В лице своего начальника штаба, Бертье, Наполеон имел не помощника по оперативной части, а только начальника связи, который добросовестно обеспечивал рассылку по назначению приказов Наполеона и мог всегда доложить справку о расположении частей армии по последним сведениям. Наполеон диктовал ему распоряжения, но не посвящал его в ход своей мысли. Неразлучно с Наполеоном в его кабинете на походе был топограф Баклер д'Альб, расставлявший на карте императора флажки, обозначавшие данные о своих и неприятельских войсках, и помогавший разбираться по карте в донесениях. Хороший рисовальщик, Баклер д'Альб был лишен какого бы то ни было военного образования и был далек от того, чтобы выйти из роли механического помощника и стать настоящим офицером генерального штаба. Таким образом, управление было до чрезвычайности централизовано, и Наполеон обходился без оперативных помощников, без настоящего генерального штаба [2]). В присутствии его подавляющей личности сотрудники обращались в писарей [3]). Он входил в мелочи, был сам своим начальником военных сообщений, не только ставил тылу

Селение Кестриц находится в 3-х лье от Геры, между ними лежит Лангенбург. Я должен обратить Ваше внимание, что это селение нанесено на карту Саксонии, но не подписано, оно находится в 3-х лье по дороге из Геры в Иену, по которой следует Император". Затруднение Бертье объясняется тем, что на карте нет дороги, по которой Сульт и император двигаются в Иену, а найти Кестриц на карте даже после этого длинного описания очень нелегко. Vaschée. Napoléon en campagne, стр. 214—215 и приложение—карта.

[1]) Giehrl. Der Feldherr Napoleon als Organisator, стр. 106.

[2]) О генеральном штабе во Франции XVIII в. исчерпывающий труд, по архивным данным: Léon Hennet. Regards en Arrière. L'etat major. Paris. 1911, стр. 299. Генеральный штаб составил в 1766 г., когда он был основан, военно-географические описания пограничных районов, следил за иностранными армиями, вел в мирное время тайную разведку, даже занимался чем-то в роде военной игры в армейском масштабе. Однако, представления об оперативном сотрудничестве с начальником не выработалось.

[3]) Презрение Наполеона к генеральному штабу видно хотя бы из его приказа от 2 июня 1812 года, в гор. Вильне: офицерам генерального штаба и жандармам наблюдать за зарытием трупов павших лошадей и нечистот

задачи, но сам выбирал пункты для расположения крупных этапов и определял, какие запасы, в каком размере и где сосредоточить.

Наполеон не был наставником. Только на Даву можно указать, как на его ученика в оперативном искусстве. При энергии Наполеона, в расцвете его физических и умственных сил, когда приходилось распоряжаться относительно малыми армиями, на тесных театрах войны, ему удавались гениальные операции, на которых ложился отпечаток единства мысли и воли, проникавшего все распоряжения. Но когда, приближаясь к 40 годам, непрестанным нервным напряжением он расшатал свой организм, когда состав армии начал приближаться к полумиллиону, а театр военных действий расширился до огромных размеров (1812—1813 г.г.), невыгодные стороны чрезмерной централизации управления начали ярко сказываться и в результате привели Империю к гибели.

Характер стратегии Наполеона обусловливается, во-первых, доставшимися ему в наследство от французской революции огромными моральными и материальными силами; революция уничтожила все феодальные перегородки между гражданином и государством и предоставила в распоряжение последнего и всю кровь, и все платежные способности населения; и, во-вторых, необходимостью для Наполеона централизовать управление, в виду плохих средств связи.

Будучи материально и морально гораздо сильнее своих противников, Наполеон порвал с методом ведения пограничной войны, со стратегией измора, столь характерной для XVIII века, и перешел от ограниченных целей к постановке решительных целей: никогда Наполеон не думал о том, чтобы отобрать у противника интересующую его провинцию и удержаться в ней. Задачей каждой кампании он ставил полное сокрушение врага, лишение его возможности оказывать какое-либо сопротивление, подчинение его полностью своей воле. Путь к этому всегда был тот же—полный разгром его вооруженной силы и затем захват его столицы. Сражение, которое, при войнах XVIII века на выдержку, имело значение только одного из методов для достижения окончательного успеха, у Наполеона получило исключительное значение в стратегии: как только война объявлена, войска сосредоточиваются и двигаются с единственною целью—достичь и разгромить неприятеля. С резким движением Наполеоновской армии для нанесения противнику удара в сердце, война утратила характер утон-

---

как в самом городе Вильне, так и в окружности на 8 верст от города. Такая задача в момент начала величественной кампании, требовавшей серьезнейшей оперативной работы! Бонналь. Виленская операция, русск. перевод. 1909 г., стр. 54.

ченного фехтования. Стратегия Наполеона, невозможная в XVIII веке, стала осуществимой только после французской революции, так как только теперь армии стали численно и морально достаточно сильны, чтобы задаваться нанесением врагу смертельного удара. Предшественником Наполеона, по смелости и обширности стратегического замысла, был Карл XII, но в обстановке малых армий XVIII века шведский король, естественно, должен был найти свою Полтаву. Политические, социальные и организационные предпосылки войн до-революционной эпохи ставили огромные препятствия размаху, быстроте и свободному выбору направления операций. Нельзя покушаться на подчинение себе государства с десятками миллионов населения, при здоровых началах его государственной жизни, с армией в два десятка тысяч солдат. Даже шестисоттысячная масса людей, организованная Наполеоном для похода в Россию, оказалась недостаточной для проведения его стратегии при гигантском масштабе русской обороны. Военная теория, отдавая себе недостаточный отчет в исторических условиях, провозгласила уродством и заблуждением стратегические достижения XVII и XVIII веков и единственно правильной, отвечающей вечным и незыблемым законам военного искусства, стратегию Наполеона. Последняя мировая война, в которой Германия, по отношению к ее противникам, не располагала преимуществами Наполеоновской Франции—богатой, обновленной революцией—по отношению к государствам старого режима, вновь поставила под сомнение начала Наполеоновской стратегии, как единственно верную теорию, так как победу дали не смертельные оперативные удары, а выдержка в борьбе на измор.

Решительное сражение—это та единственная цель, которую ставил перед собой Наполеон. Его противники, как и французские армии в период революции, для лучшего прикрытия границы, для обеспечения своей базы, для более удобного снабжения войск, обыкновенно разделялись на несколько групп, а при расположении в горах и вовсе переходили к кордонному расположению. У Наполеона доминировала мысль—не разбрасывать, не выделять далеко крупных частей, которыми при тогдашних средствах управления он не в силах был бы непосредственно руководить. Наполеон стремился собрать все, что можно, в кулак, образовать, по его выражению во время Иенской операции, „батальонное каре в 200 тысяч человек“ и искать с собранной массой боя в таких условиях,, чтобы, по возможности, кончить всю кампанию одним ударом. Если предстояла война на нескольких театрах — напр., германском и итальянском, отделенных друг от друга мас-

сивом Швейцарских Альп, то все внимание, весь центр тяжести действий Наполеона оказывается перенесенным на тот театр военных действий, где руководить операциями будет он сам. Наполеон не остановился перед тем, чтобы в 1805 г. противопоставить австрийцам в Италии меньшие силы, с целью обеспечить себе больше, чем тройное численное превосходство в Ульмской операции против Мака.

Против разбросавшегося, разделившегося на части неприятеля Наполеон применял стратегический прорыв, ударяя собранной массой на центр неприятельского расположения, как только его армия разделяла неприятеля на части, Наполеон обнаруживал удивительное мастерство в действиях по внутренним операционным линиям, обрушиваясь всей массой по-очереди на отдельные неприятельские колонны. При небольшой численности армии (1796, 1814 г.г.) операции по внутренним линиям приводили к блестящим успехам; но при тяжелых, многочисленных и невысокой боеспособности армиях (1813 г.) Наполеону не удавалось развить необходимой быстроты и энергии, и внутренние операционные линии явились отчасти причиной Лейпцигской катастрофы.

Если противник держал свои силы сосредоточенно, то Наполеон стремился избежать ординарного сражения; он ставил борьбу в такие условия, чтобы победа и поражение были полными, чтобы все стояло на карте этого сражения—и прибегал к методу, который Жомини называет „стратегическим Лейтеном": масса ведется не на неприятеля, а мимо него; миновав противника, Наполеон сворачивает армию на сообщения неприятеля, перерезывает ему путь отступления; происходит сражение с перевернутыми фронтами, наиболее рискованное для обеих сторон, так как пути отступления нет, и самая незначительная тактическая неудача является стратегической катастрофой (Маренго). Такое „экстраординарное" сражение—цель всей Наполеоновской стратегии.

Стратегия XVIII века, рассчитывавшая взять противника измором, представлялась чрезвычайно сложной; к цели можно было подойти несколькими путями, и нелегко было остановить выбор на одном из них. Наполеон, ориентируя все свое мышление, все свои силы и средства на предстоящее решительное сражение, внес в стратегию необычайную простоту и ясность: нанести противнику полное поражение и затем преследовать и добивать, пока он не подчинится нашей воле.

Ясная, прозрачная основная мысль похода вела к тому, что вся техническая работа по налаживанию колесиков сложного механизма армии и ее тыла складывалась рационально, прямолинейно, величественно.

Центр тяжести стратегии Наполеона был настолько перенесен на операцию против живой силы врага, что за всю свою длинную военную карьеру, начатую взятием Тулона, он осаждал только две крепости—Мантую—в 1796 г. и Данциг—в 1807 г., и то вследствие вынужденной в эти периоды остановки в развитии военных действий и временного перехода к обороне.

Тактика. Этой стратегии, построенной так, чтобы открыть полный простор господству над операцией единой воли полководца, отвечала и соответственная тактика. Тактическая мысль Наполеона являлась непосредственным продолжением его стратегического мышления, и план боя вытекал из плана кампании.

На походе приходилось огромные массы войск перебрасывать на узком фронте, преследуя и быстроту движения, и быстроту развертывания. Войска Наполеона умели двигаться, не растягиваясь в глубину. При расчетах, на корпус в 30 тыс. человек отводилось часто не более 8 километр. глубины походной колонны: при подходе к полю сражения один корпус двигался за другим через два часа времени. Такая глубина являлась возможной потому, что, в случаях концентрированного подхода к полю сражения, по дороге вытягивалась только артиллерия, а пехота и кавалерия, во взводных сомкнутых колоннах, двигались, если не было крупных препятствий, по сторонам дороги [1]).

Перед сражением, чтобы твердо взять в руки управление, Наполеон подтягивал и сосредоточивал всю армию; все корпуса, в резервных порядках, должны были быть под рукой у Наполеона. При отсутствии телеграфа и телефона и невозможности быстро сноситься с отдаленным корпусным командиром, Наполеон избегал направления колонн по сходящимся направлениям прямо на поле сражения. Этот ныне излюбленный прием для достижения охвата и окружения представлялся Наполеону опасным, так как при плохой связи открывал широкий простор случайности и ограничивал сферу его непосредственного воздействия. Конечно, все средства для Наполеона, чтобы достигнуть победы, были хороши, и Наполеон не был таким доктринером, чтобы не включить в план сражения удачно образовавшуюся на марше группу войск на фланге противника. Во время Экмюльского сражения (1809 г.) в таком положении, на фланге

---

[1]) Наполеон придавал подвижности войск огромное значение. Фридрих Великий строил каналы, чтобы облегчить подвоз продовольствия войскам, а Наполеон проводил подобные римским дорогам шоссе, чтобы во всякое время года обеспечить быструю переброску войск. Ускорение маршей вдали от противника достигалось частичной посадкой пехоты на подводы; для гвардии это был почти нормальный способ передвижения в район развертывания.

неприятеля, оказался сам Наполеон с главными силами, и, разумеется, форсированным 40-верстным переходом он не подтянулся к другим своим войскам, а сразу бросился на неприятельский фланг. То же самое имело место в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807 г.): на марше корпус Даву оказался в выгодном исходном положении для удара в охват левого русского фланга, и, конечно, Наполеон не проявил такого педантизма, чтобы сначала подтянуть его к армии, а потом выслать вновь в охват. Под Бауценом (1813 г.) такая же задача, в более широких рамках, выпала на группу Нея, которому на походе была поставлена задача — обрушиться на русский тыл и фланг. Однако, эти случаи представляют только исключения; основное же правило, которым руководился Наполеон, было предварительное сосредоточение всех сил перед сражением.

Если сражение велось не с перевернутым фронтом, то Наполеон стремился наверстать охватом тот удар по сообщениям, который не удался стратегии; господство над неприятельским тылом нужно было Наполеону, чтобы возможно раньше подорвать моральные силы неприятеля и шире использовать успех в бою. Но, сосредоточив до боя перед неприятельским фронтом на тесном протяжении свои главные силы, Наполеон, разумеется, должен был перенести центр тяжести действий в бой на фронте и часто ставил целью боя — прорыв неприятельского центра, против которого оказывались нагромождёнными французские войска.

Значение численного превосходства было вполне осознано Наполеоном, и его тактика открыла путь приложения сил этого численного превосходства. Свой перевес в числе Наполеон использовал не для того, чтобы занимать более широкий фронт и обволакивать, окружать неприятеля, а чтобы сконцентрировать силы на узком участке и здесь обрушиться на неприятеля подавляющим превосходством. То различие, которое в стратегии Наполеон делает между главным и второстепенным театрами, проводится и на поле сражения между участками главной и второстепенных атак. Минимум расхода сил на второстепенные участки и максимум сосредоточения на главный участок. Это сосредоточение сил реализируется в виде подавляющего артиллерийского огня (стопушечная батарея под Ваграмом) и в виде атаки крупных, массивных колонн; 8—10 батальонов назначенной для атаки дивизии ставились развернутым фронтом, каждый батальон в 3 шеренги, один за другим, и после хорошей артиллерийской и стрелковой подготовки эта масса в 25—30 шеренг бросалась вперед. Под Ваграмом увлечение Наполеона массированием пехоты дошло до построения знаменитой колонны Макдональда: 5 дивизий, всего 56 батальонов (30 тыс. штыков), были расположены,

имея в голове 2 развернутых батальона и образуя три массы, почти вплотную примыкавших одна в затылок другой; эти 80—100 шеренг — построение, равного по массивности коему военная история не знает примеров — при движении в атаку понесли, конечно, много лишних потерь. Массовые удары Наполеона производили огромное моральное впечатление на противника, атака шла с большим подъемом, но сами колонны, в случае энергичного огня неприятеля, попадали в беспомощное положение: солдаты не имели возможности использовать своих ружей. В сражении при Ватерлоо корпус Эрлона наступал на англичан в 4 таких колоннах и растаял под огнем. Даже Жомини видел в огромных дивизионных колоннах Наполеона увлечение, погоню за эффектом и рекомендовал более практическую линию батальонных колонн. Однако, Наполеоновское построение колонн дивизий представляло логическое развитие стремления использовать на главном участке возможно больший численный перевес.

Из сделанного очерка явствует резкая грань между приемами Наполеона и Фридриха Великого. В тактике, на поле сражения, вся армия Фридриха представляла как бы один корпус; подчиненные Фридриху генералы только передавали войскам команды полководца, подавали пример храбрости и стремились водворить порядок в расстроенных частях. Наполеон получил от революции армию, расчлененную на дивизии; с ростом количества войск он продолжил эту группировку, создав корпуса (2—5 пехотных дивизий, 1 кавалерийская бригада); его корпусные командиры и начальники дивизий, как они ни были подавлены авторитетом Наполеона, все же не вынуждались наступать, равняясь налево и направо, а имели свои самостоятельные участки поля сражения, могли на них прикладывать свое суждение, оценивать обстановку, имели случай применить свой военный опыт. У Фридриха Великого развертывание всей армии и атака развивались по определенной идее полководца, а у Наполеона каждый корпусной командир являлся хозяином на своем участке. Боевые действия корпуса велись по указаниям его командира; Наполеон часто не имел готового плана сражения при его завязке; бой завязывался армией Наполеона на всем фронте, и этот бой ориентировал окончательно полководца и давал ему необходимые для решения данные. Тогда как Фридрих Великий почти не имел резерва, и самый сильный удар, который была способна нанести его армия, был первый удар, — у Наполеона сразу откладывался очень сильный резерв; Наполеон оставался глухим к просьбам о подкреплениях, доносившимся до него с различных участков боя, и самый сильный удар, который наносила французская

армия,— это был последний удар, удар общего резерва на важнейшем участке на уже замотанного, изморенного, истощившего свои резервы в нескольчасовом бою на фронте противника. Тогда как в армии Фридриха Великого была чрезвычайно слаба упругость боевого порядка, и случай играл в бою колоссальную роль,— в сражениях Наполеона случай значил много, однако, он не уравновешивал превосходства в числе, организованности и управлении.

Изменилась группировка конницы: в армии Фридриха пехота представляла, по существу, один корпус, а конница группировалась на два крыла. В армии же Наполеона корпусов было много, имелись внутренние фланги, открывалась широкая возможность использования конницы не только на флангах, но и на фронте, когда действия артиллерии и пехоты расстроят неприятельский боевой порядок. Поэтому Наполеоновская конница собиралась в особые резервные корпуса; конница на поле сражения массировалась не шаблонным образом — по флангам,— а в зависимости от обстановки, причем главной задачей кавалерии являлся бой во взаимодействии с другими родами войск, защита своей пехоты от неприятельских кавалерийских атак, использование всякого расстройства в неприятельских рядах, за которыми кавалерийские вожди могли спокойно наблюдать с удаления в 1000 шагов, развитие успеха главной атаки и преследование — жестокое, неотвязчивое,— разбитого противника — тактическое и стратегическое; от Иены и Ауэрштедта преследование ведется за Эльбу и до берегов Балтийского моря; все части прусской армии, уцелевшие в бою, оказались захваченными в плен при этой, растянувшейся на много сотен верст, погоне.

Политика и стратегия. Наполеон, в не меньшей степени, чем полководец, был и великий политик. Его кампании, его сражения — это апофеоз грубого насилия в стратегии и тактике, но, как только он оказывался перед задачей, которую не могло бы решить оружие, Наполеон становился тонким политиком. Уже в кампании 1796 года, когда он начал операцию ударом по стыку между сардинскими и австрийскими войсками, разделил их и вынудил Сардинию к заключению сепаратного мира, ощущалось соединение в одном лице политика и полководца. В 1797 году ни один дипломат, на месте Наполеона, не справился бы с задачей заключения мира — он нарушил все инструкции Директории, сделал все возможные уступки, чтобы склонить Австрию к миру: побежденная империя, из рук Бонапарта, стоявшего с победоносной армией в нескольких переходах от Вены, получила в подарок Венецию. Умеренность Наполеона явно отвечала стратегическому положению армии и политическому — Франции. В 1805 году Аустерлицкая победа и за-

ключение мира с Австрией, необходимые Наполеону в виду готовящегося выступления Пруссии, были достигнуты очень тонкой политикой: Талейран получил инструкцию — предложить Австрии самые умеренные, почетные условия мира; Наполеон одновременно вносил в коалицию трещину, провоцировал русскую армию итти на развязку, которая в целях русской стратегии была вовсе не своевременна, и своей умеренностью вводил в заблуждение неприятеля о действительном состоянии своих сил. В 1807 году, несмотря на Фридландскую победу, оружием нельзя было принудить Россию к заключению мира, и Наполеон пустил в ход целый арсенал политических ухищрений, чтобы сделать из недобитого противника — Александра I — хотя бы притворного союзника. После 1809 года политические способности Наполеона ослабевают еще раньше и скорее, чем стратегические и тактические; катастрофы 1812, 1813 и 1814 г.г. вызваны прежде всего ошибками в политическом, а затем уже в стратегическом расчете.

Большое политическое искусство нужно было Наполеону еще и потому, что народные массы, в течение великой военной эпопеи на рубеже XVIII и XIX веков, начали принимать крайне активное участие в событиях. Весь XIX век, по сравнению с Наполеоновской эпохой, в отношении активности масс является реакционным периодом, и только в XX веке русско-японская и мировая войны еще сильнее захватили массы и дали им возможность еще решительнее повлиять на результаты войны.

Уже военный писатель Бюлов в 1803 году пророчествовал, что „если когда-нибудь суждено пасть императору французов, то это может только случиться вследствие окончательного разрыва между ним и республиканской партией“. Это действительно имело место в 1813 и 1814 г.г., когда Наполеон даже упрекал Александра I в том, что он возбуждает против него анархию и революцию.

Жомини — генерал сначала французской, затем русской службы, знаменитый военный писатель первой половины XIX века, является авторитетнейшим истолкователем опыта революционных и Наполеоновских войн и первым их историком. Его труды по военной истории, стратегии и „большой тактике“ популяризуют основной принцип, формулированный им, как сосредоточение превосходных сил на решительном пункте театра войны и поля сражения в решительный момент и одновременное производство ими усилия. Труды Жомини толкнули военную мысль на признание Наполеоновской стратегии сокрушения единственно правильной и на осуждение других полководцев, поскольку они не стояли на почве сокрушения. Сам Жомини, впрочем, воздержался от такого грубого заблуждения. Труды

Жомини вплоть до начала мировой войны составляли значительную часть стратегического багажа всех генеральных штабов.

Кампания 1796 г. в Италии. Весной 1796 г. Бонапарту было впервые вверено командование армией, состоявшей из 4 дивизий, всего 41 тыс., занимавшей узкую полосу между гребнем Приморских Альп и Средиземным морем. Левый фланг его по Альпам, вплоть до Малого С. Бернара, при-

Прорыв у Монтеноте 11—15 апреля 1796 г.

Чертеж № 23.

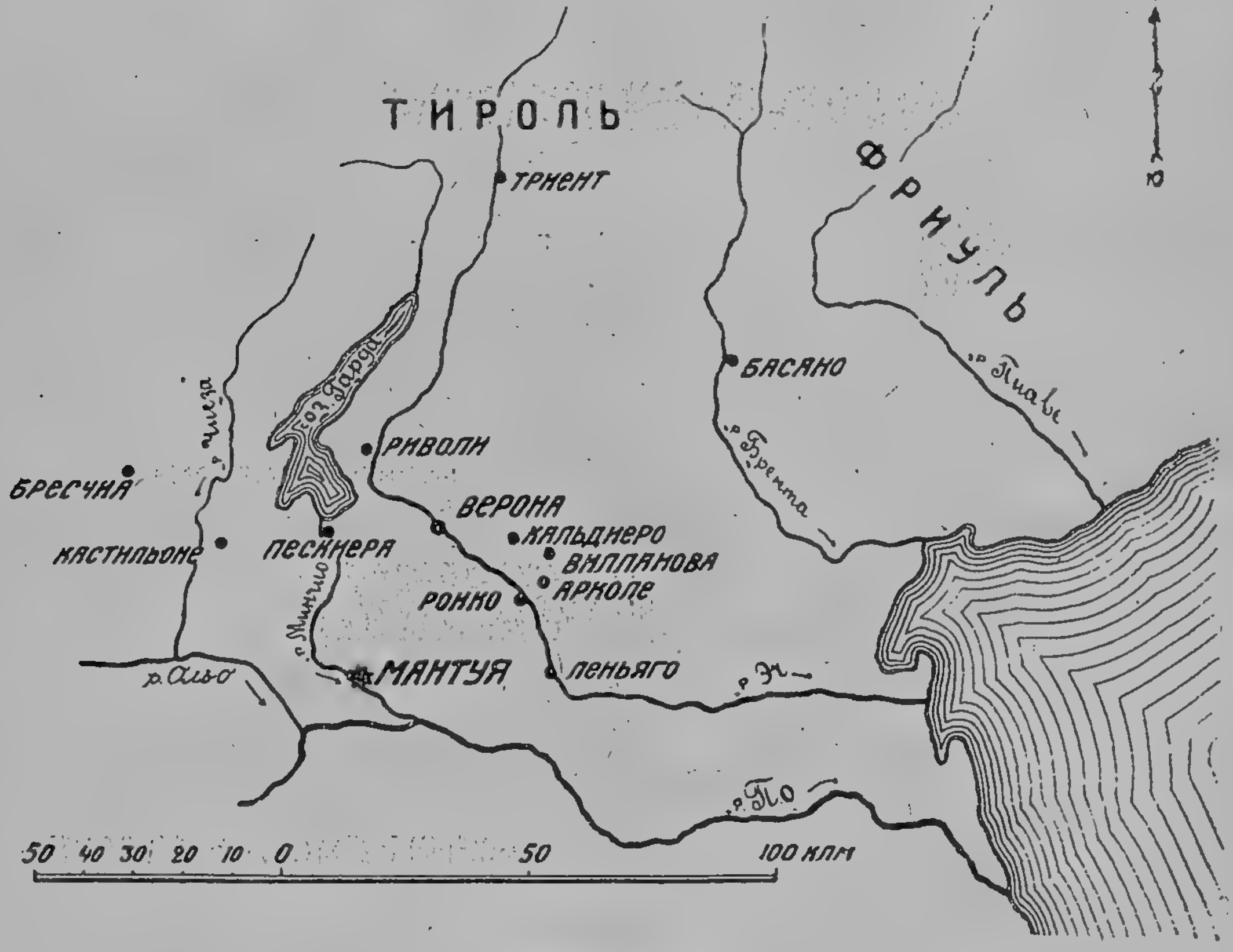
крывала французская альпийская армия Келлермана (18 тыс.). Противник располагался в горах кордоном и представлял две группы: пьемонтцы—25 тыс. под командой Колли—базировались на Турин и протягивались левым своим крылом до истоков р. Бормиды; австрийцы—30 тыс. под командой Болье—базировались на Ломбардию и протягивались от Бормиды до меридиана Генуи, с резервом в районе Александрии.

Бонапарт решил воспользоваться щелью, имеющейся всегда между двумя союзными армиями; так как коммуникационные линии пьемонтцев и австрийцев расходились под прямым углом, то можно было рассчитывать, что в слу-

чае отступления союзники разойдутся в разные стороны. Первый удар Бонапарт решил нанести пьемонтской армии, охватив ее через Монтеноте слева. Дивизия Серюрье должна была наблюдать пьемонтцев с фронта, а дивизии Лагарпа, Массены и Ожеро—устремиться в стык между пьемонтской и австрийской армиями.

Так как 10 апреля австрийцы перешли в частное наступление, то Бонапарту, вопреки его расчетам, пришлось

Район операций во время блокады Мантуи в 1796 г.



Чертеж № 24.

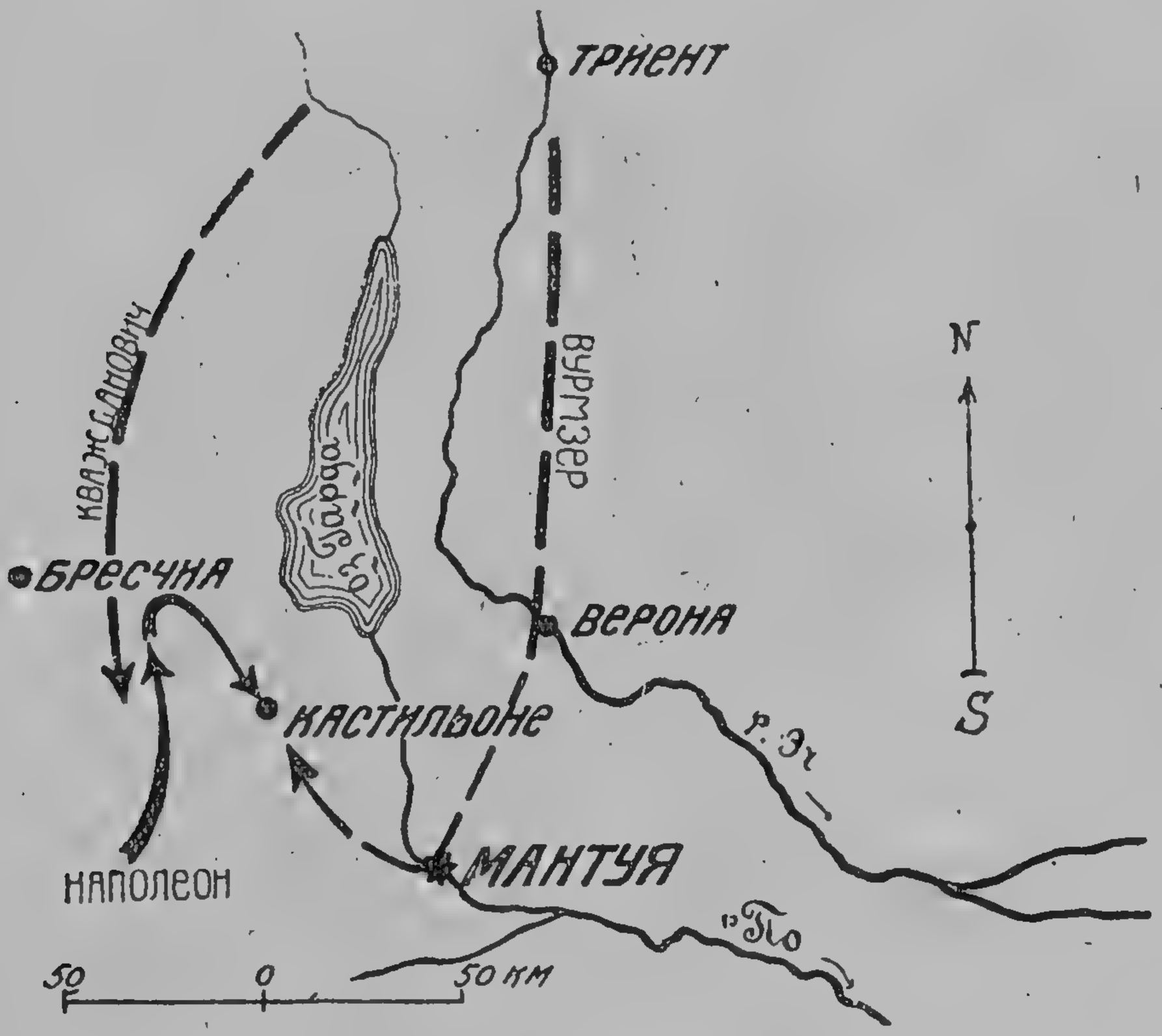
вначале операции направить главные усилия против австрийцев.

12 апреля Бонапарт главными силами атаковал у Монтеноте 4-тысячный австрийский отряд Аржанто и достиг скромного тактического успеха, отбросив неприятеля; но трещина была уже сделана. 13 апреля у Коссерии Бонапарт расширил прорыв, окружив здесь двухтысячный отряд Проверы—крайний фланг австрийцев. 14 апреля Бонапарт еще не мог развить действий против пьемонтцев, так как с тыла на него надвигались отряды Аржанто и Вукасовича, каждый не свыше 3 тысяч. 14 апреля Бонапарт разбил при Дего Аржанто, а 15 апреля—Вукасовича, который не поспел накануне, а затем атаковал один—и сначала весьма успешно—дивизию Массены.

Теперь Бонапарт повернулся против пьемонтцев; 21 апреля он одержал над ними небольшой успех при Мондови; через неделю в Хераско ему удалось заключить с Пьемонтом перемирие, по которому Пьемонт прекратил военные действия. Австрийская армия спешно отступила.

Преодолев в течение 10 дней сопротивление австро-пьемонтского кордона, и выведя из войны слабейшего союзника, Бонапарт овладел в мае и июне богатой Лом-

1-ое наступление Вурмзера для деблокады Мантуи (июль 1796 г.).



Чертеж № 25.

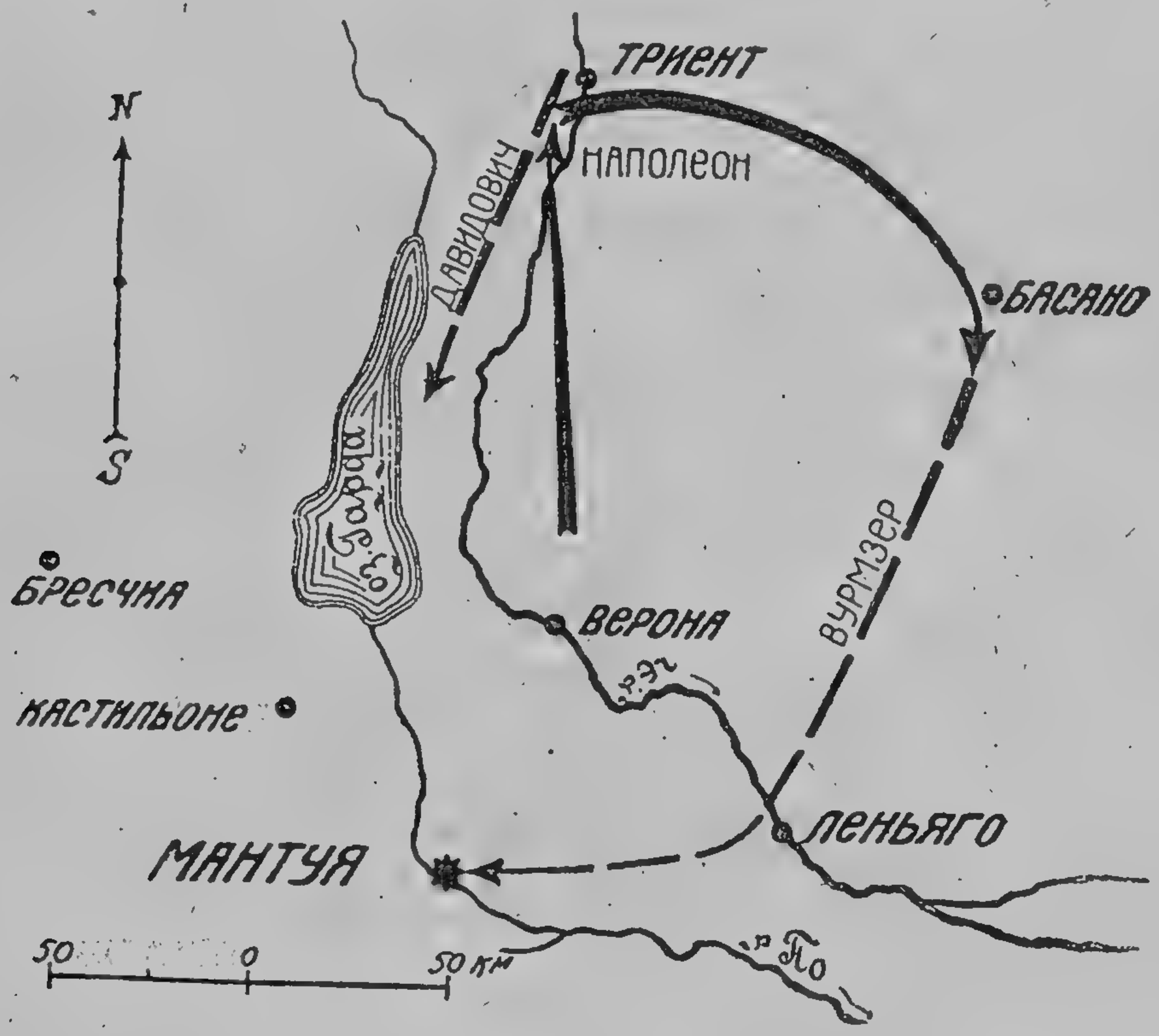
бардией; австрийцы, потерпев неудачу при Лоди и Боргето, отступили в Тироль. 4 июня Бонапарт обложил сильную крепость Мантую. Только в июле французам удалось сформировать из артиллерии других захваченных крепостей осадный парк. Австрийцы 4 раза пытались выручить Мантую. Отражение этих попыток дало Бонапарту возможность проявить высшую ступень искусства маневрирования по внутренним линиям.

1-ое наступление. Бонапарт имел около 32 тыс. для операций в поле и, сверх того, 10 тыс. Серюрье осаждали Мантую. 20 тыс. французов были растянуты по р. Эч, 5 тыс.—к западу от оз. Гарда, 7 тыс.—в резерве к югу от оз. Гарда. Австрийский полководец, 70-тилетний Вурмзер,

располагал 46 тыс.; из них он выделил 17 тыс. Кваждановича для выхода на сообщения Наполеона через Бресчию, к западу от оз. Гарда; главные силы Вурмзера, 24 тыс., наступали с севера долиной Эча; 5 тыс. Мессароша — демонстрация—наступали с востока на Верону.

В течение 28, 29, 30 июля австрийцы на всем фронте достигли значительных успехов. Бонапарт принял решение: снять осаду Мантуи; дивизии Серюрье—брросить против-

2-ое наступление Вурмзера для деблокады Мантуи (сентябрь 1796 г.)



Чертеж № 26.

нику всю осадную материальную часть и действовать в поле; главным силам французов — сосредоточиться между Кваждановичем и Вурмзером, чтобы не позволить им соединиться; первый удар направить на опаснейшего и наступающего более дерзко Кваждановича.

31 июля, 1, 2, 3 августа Бонапарту удалось одержать ряд небольших успехов над Кваждановичем. Вурмзер, вместо того, чтобы спешить ему на помощь, сначала устроил торжественный вход в Мантую, усилил ее гарнизон до 15 тыс., пополнил крепостные магазины и только 4 августа обратился против Бонапарта. За это время Кваждановичем успел разочароваться в возможности пробиться сквозь превосходные силы французов к Вурмзеру и, не преследуемый, ушел

4 августа обратно в Тироль. 5 августа Вурмзеру пришлось с 20 тыс. вступить в сражение при Кастильоне против почти всех сил Наполеона. После упорного боя, угрожаемый охватом с двух сторон Вурмзер был вынужден к постепенному отступлению, которое закончилось 12 августа.

2-ое наступление. К началу сентября Вурмзер усилился в Тироле до 40 тыс. и предполагал наступать двумя группами равной силы: Давидович — долиной Эча, притягивая к себе внимание французов; Вурмзер — от верхней Бренты должен был двигаться прямо на Мантую, в обход французов.

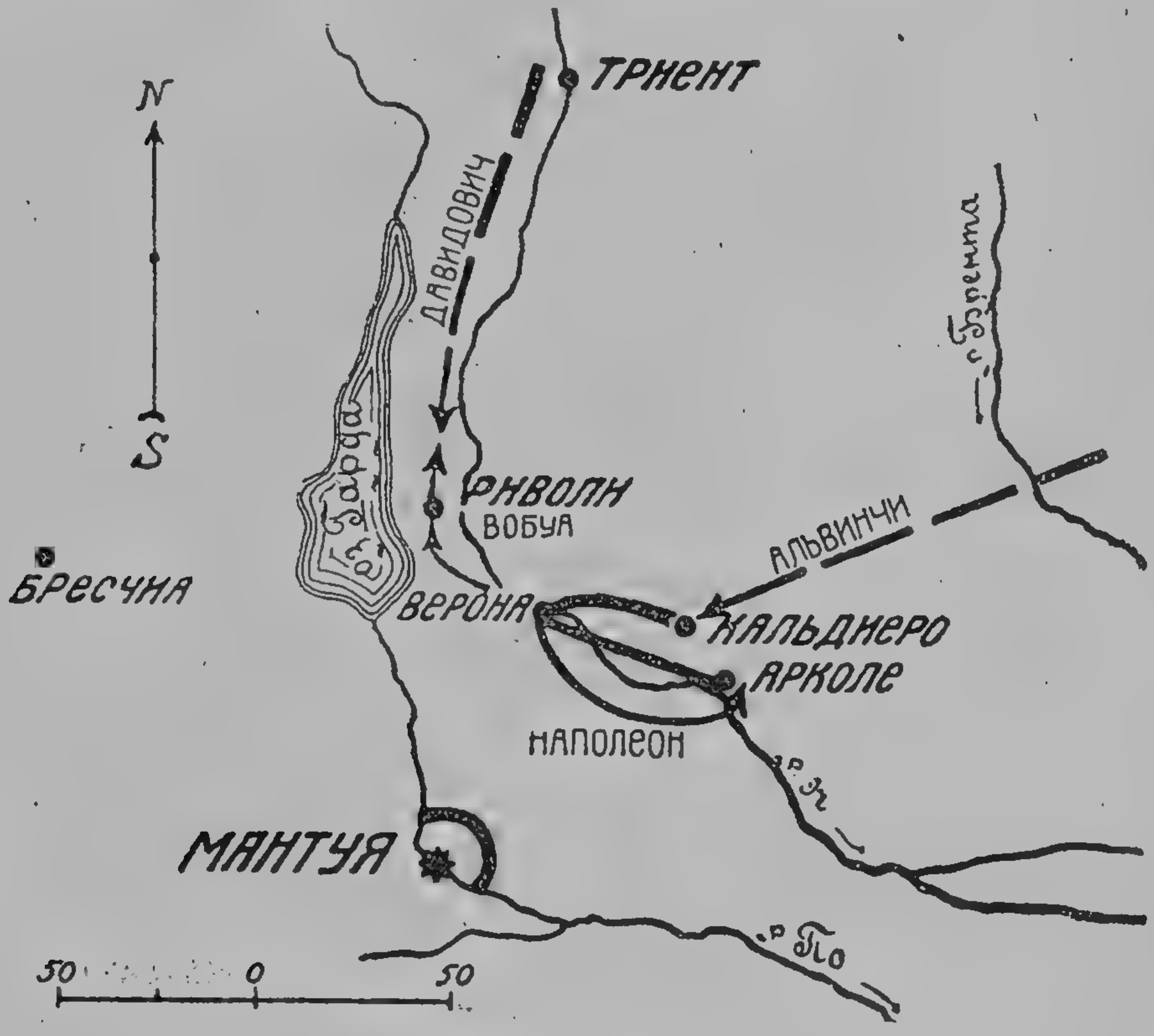
Бонапарт, осведомленный об этом плане своей тайной разведкой и располагавший 30 тыс. для активных операций, бросился на Давидовича, 2—5 сентября нанес ему поражение и захватил Триент; затем он поспешил вслед за двигавшимся к Мантуе Вурмзером, У Басано Бонапарт догнал хвост австрийской колонны, заставил 8 тыс австрийцев вступить в сражение с перевернутым фронтом и нанес им поражение. Вурмзер продолжал выполнять свой план пробиться к Мантуе; но это уже явилось не освобождением крепости, а бегством в нее остатков армии. Благодаря счастливым случайностям, 12 тыс. Вурмзера 11 сентября успели проскочить в Мантую; гарнизон крепости, которую могли оборонять 2 т., возрос до 28 тыс., осажденных начали косить болезни.

3-ье наступление. Так как французские армии Журдана и Моро, действовавшие на германском театре, были разбиты эрц-герцогом Карлом, то к началу ноября австрийцы оказались в силах выставить для спасения Мантуи новую (47 тыс.) армию Альвинчи. У Бонапарта, кроме 9 тыс., блокировавших Мантую, имелось 32 тыс. Альвинчи полагал главными силами (29 т.), сосредоточенными в Фриуле, наступать на Верону с востока, а отрядом Давидовича (18 тыс.)—из Тироля по долине Эча. В Вероне колонны должны были соединиться. Начало операции сложилось в пользу австрийцев: с 1 по 7 ноября Давидович успешно теснил в Тироле дивизию Вобуа (10 тыс.), которая с потерями была отброшена к Риволи; Бонапарту пришлось усилить Вобуа 5 тыс. Жубера. Между тем, положение самого Бонапарта было нелегкое; он дважды пытался броситься навстречу Альвинчи, но 6 ноября был отбит на р. Бренте с потерей 5 тыс., а 12 ноября у Кальдиеро с потерей 2 тыс.

Численное превосходство австрийцев делалось все ощутительнее. Бонапарт, находившийся в Вероне, был теперь так стеснен австрийцами, что стратегические щипцы последних грозили обратиться в тактические. Тогда Наполеон

воспользовался тем обстоятельством, что путь Альвинчи из Кальдиеро в Верону лежал по дефиле между отрогами гор и болотами левого берега р. Эча и образовывал очень трудные для маневрирования условия. Бонапарт оставил в Вероне только 3 тыс., усилился за счет Вобуа и блокировавшего Мантую корпуса и решил перенести бой в болота, переправившись через Эч у Ронко и атакуя армию Альвинчи на марше в ее левый фланг.

3-ье наступление Альвинчи для деблокады Мантуи (ноябрь 1796 г.).



Чертеж № 27.

15, 16, 17 ноября развивалась эта операция, названная Аркольской, по имени моста у Арколе, овладеть которым французам не удалось, несмотря на попытку Бонапарта лично увлечь солдат в атаку. Бои, протекавшие среди болот [1]), по существу своему не могли иметь решительного характера; австрийцы не могли использовать своего численного перевеса. В то же время Альвинчи не мог продолжать марша на Верону, под риском быть запертым в тупике между Вероной и болотами в тылу. На третий

---

[1]) Это был перевод Бонапартом боевых действий с количества на качество. Вследствие громадных потерь в командном составе при столкновениях на гатях последние были названы „офицерскими сражениями“.

день операции Бонапарт грозил распространить свой обход вправо и выйти на сообщения Альвинчи. Последний, попав в положение, в котором он не мог задаться никакой положительной целью, 17 ноября решил начать отход [1]). Как раз в этот момент Давидович, бездействовавший 10 дней, перешел в наступление и опрокинул Вобуа. Но Бонапарт набросился теперь на Давидовича главными силами и погнал его в глубь Тироля. К моменту, когда Давидович был побит, Альвинчи снова захотел продвинуться вперед, но, будучи предоставлен своим силам, был вынужден отойти. 23 ноября Наполеон возвратил блокадному корпусу позаимствованные из него части—и как раз в этот момент бездействовавший до того Вурмзер попытался сделать вылазку из Мантуи; он был отбит подошедшими подкреплениями.

4-ое наступление. В январе 1797 г. австрийцы сделали последнюю попытку спасти Мантую. У Бонапарта имелось 36 тыс. для активных действий, и 9 тыс. блокировало крепость. Альвинчи решил главными силами (28 тыс.) из Тироля вести операцию вдоль р. Эч, 6 тыс. — демонстрировать с востока на Верону, 9 тыс. Проверы направить из Фриуля прямо на Мантую для непосредственной выручки и снабжения крепости.

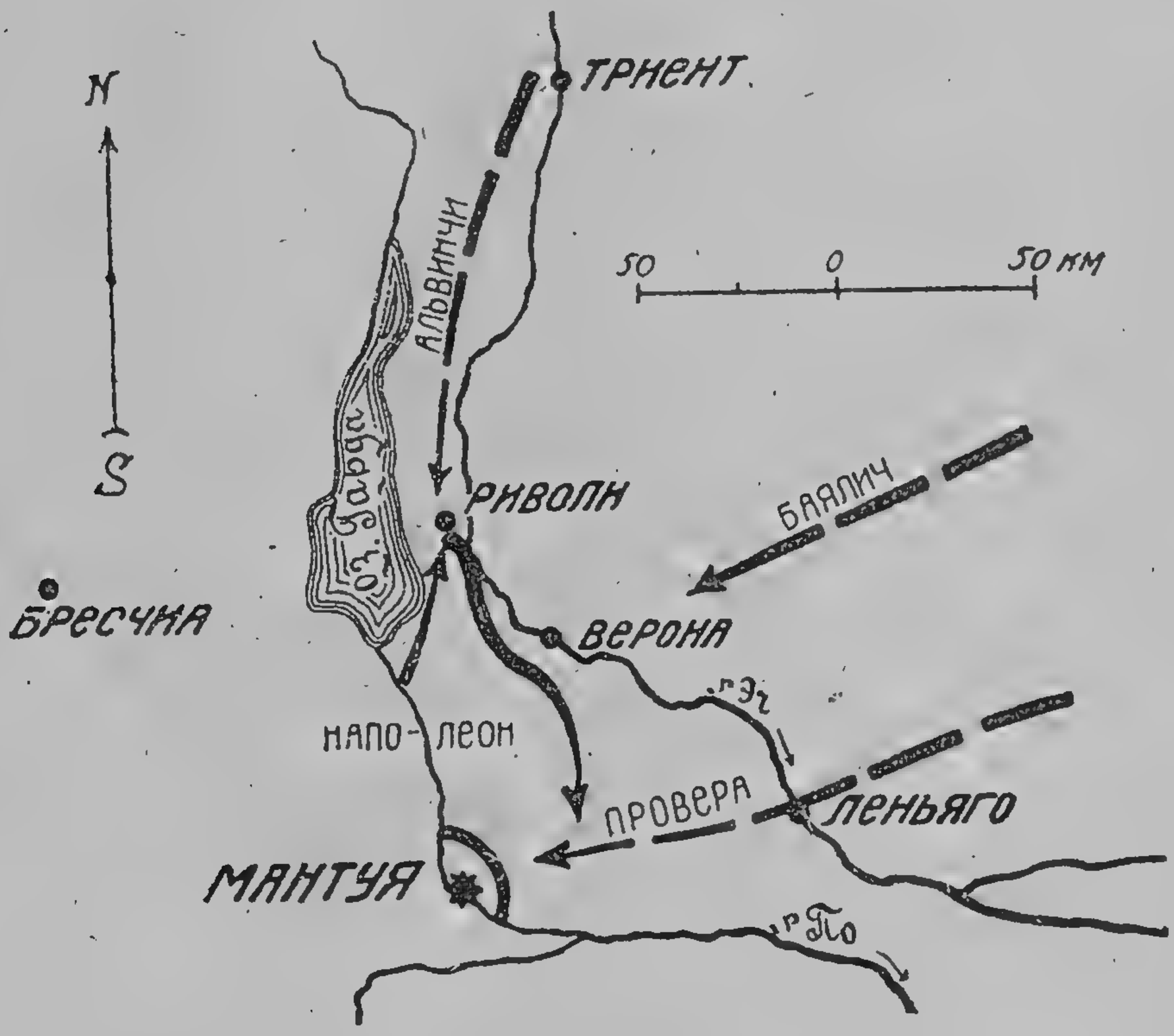
Бонапарт опять оказался во внутреннем положении по отношению к австрийским колоннам. 13 января он узнал о движении Альвинчи и спешно начал сосредоточивать все силы к Риволи, где 14 января произошло решительное сражение. Французы занимали плато, на котором могли маневрировать. Австрийцам было необычайно трудно развернуться, так как кавалерия и артиллерия зимой в этих горах могли следовать только по дороге, идущей в долине Эча, откуда им было крайне трудно подняться и выбраться на Риволийское плато. Поэтому Альвинчи был вынужден выделить 5 чисто пехотных колонн, которые направлялись горными тропами, чтобы выйти с разных сторон на Риволийское плато и помочь основной колонне развернуться на нем. Силы Бонапарта сосредоточивались во время самого сражения, причем ему удалось, действуя тремя родами войск, опрокидывать отдельные пехотные колонны, пытавшиеся выйти из гор на плато. Крайней обходной колонне Лузиньяна (правое крыло австрийцев) удалось спуститься с хребта Монте-Бальдо в тыл Бонапарта, но так как другие колонны были отбиты, то ей осталось только сдаться.

---

[1]) Такое отсутствие положительной цели в бою является нормальным у всякой колонны, атакованной на фланговом марше, и Бонапарт этим гениально воспользовался. Альвинчи, желавший пройти на запад в Верону, на соединение с Давидовичем, и вынужденный драться в болотах фронтом на юг, играл безвыигрышную партию.

Предоставив Жуберу преследовать Альвинчи, понесшего 60 процентов потерь, Бонапарт бросился на выручку блокирующей Мантую дивизии Серюрье. 15 января Провера подошел вплотную к Серюрье, который оказался стиснутым между крепостью и выручкой. Но Вурмзер нашел необходимым подготовить удар на Серюрье с двух сторон и отложил вылазку и бой с ним на 16 января. Но 16 января в 10 час. утра, когда австрийцы взяли Серюрье

4-ое наступление Альвинчи для деблокады Мантуи (январь 1797 г.).



Чертеж № 28.

в тиски, уже подошел Наполеон с резервами от Риволи, и Провера был вынужден сдаться, не пробившись в Мантую.

Мантуя, которую Бонапарт, после потери своего осадного парка, мог взять только голодом, сдалась 2 февраля; французы захватили 16 тысяч пленных и 1500 пушек. Остальная часть австрийского гарнизона вымерла от болезней.

Все действия австрийцев (за исключением 3-го наступления) пронизывает общая ошибка: задача их может быть разрешена только победой над Бонапартом в поле; но бой у них не на первом плане; они каждый раз больше думаю то географическом пункте—Мантуе, чем о победе над

французами, и только загромождают крепостные госпиталя и кладбища. Трудность развертывания при наступлении одной горной дорогой заставляла их дробить свои силы на несколько колонн. При существовавших в конце XVIII века средствах связи добиться их взаимодействия оказывалось невозможным. Наполеон принципиально занимал внутреннее положение между австрийскими колоннами, временами терпел неудачи, но выжидал момент, когда ему удастся нанести поражение изолированной колонне или, как под Арколе, хотя бы отогнать назойливыми действиями одну колонну, чтобы иметь возможность всеми силами обрушиться на другую.

Действия Наполеона в 1796 году представляют высочайшее проявление военного искусства, однако в той форме операций по внутренним линиям на небольшом театре, которая в настоящее время, при наличии телеграфа, едва ли уже применима. Когда сам Наполеон перешел к действиям более крупными силами, и ему действия по внутренним линиям удавались далеко не столь блестяще. Но на рубеже XVIII и XIX века европейская военная мысль была поражена этим новым проявлением военного искусства; необычайная энергия, подвижность, стремительные прыжки на небольшом пятачке в окрестностях Вероны, град ударов, которые обрушивались с молниеносной быстротой на отделившуюся часть неприятеля — все это дало Жомини основание построить теорию стратегии, как искусства внедряться между отдельными частями неприятеля и бить их порознь; самое военное искусство начало формулироваться, как искусство сосредоточения превосходных сил на решительном пункте, в решительную минуту.

Кампания 1800 года. Австрийцы, оставшиеся единственными хозяевами в Италии после того, как им удалось добиться удаления Суворова с русскими войсками, обложили остатки французской армии Массены в Генуе 24-тысячным корпусом Отта; австрийский главнокомандующий Мелас с корпусом в 28 тысяч прикрывал блокаду, расположившись на реке Вар против 12-тысячного отряда французов Сюшэ. Остальные силы австрийцев, 35 тысяч, были разбросаны мелкими отрядами и наблюдали альпийские проходы от Ниццы до Белинцоны.

Бонапарт тайно собрал у Дижона резервную армию, силой в 36 тысяч, и через Швейцарию [1]) решил обойти правый австрийский фланг, „совершить стратегический Лейтен“. Сюшэ демонстрировал на фронте, и такую же

---

[1]) Выбор итальянского театра сделан потому, что на германском театре командовал Моро, который вышел бы в отставку, если бы у него отняли главнокомандование, что, по политическим соображениям, было нежелательно.

демонстрацию через перевал Мон-Сенис должен был вести генерал Тюро с 6300 человек. Главные силы направлялись через Женеву, Лозанну и перевал Большой Сен-Бернар, причем этому движению содействовала дивизия Шабрана, направленная через перевал Малый Сен-Бернар. Преодолев большие трудности, французская армия спустилась к Аосте и у Ивреи вторглась в Ломбардию. Мелас, узнав об этом

Кампания 1800 года в Италии.

Чертеж № 29.

движении, оставил 17 тысяч против Сюшэ, а сам с 11 тысячами бросился к Турину, стремясь продолжать прикрывать блокаду Генуи, которая была накануне падения. Если бы Бонапарт свернул от Ивреи на Турин, он, вероятно, достиг бы успеха, но не решения, так как австрийцы могли бы ускользнуть на восток. Но Бонапарт, выдвинув боковой авангард на Чевассо, Трино, Верцели и Павию, двинулся через Верцели и Турбиго на Милан, где усилился 15-тысячным отрядом, который привел генерал Монсей через Сен-Готтардский и Симплонский перевалы. Бонапарт оттеснил мелкие австрийские отряды за р. Минчио, установил свои сообщения через Сен-Готтардский перевал на Цюрих и, захватив у Страделлы переправу через р. По, сосредоточил здесь свои главные силы, всего 26 тысяч

человек; остальные 43 тысячи были израсходованы на прикрытие флангов и тыла армии, стоявшей с повернутым к западу фронтом. Мелас сосредоточил у Александрии навстречу Бонапарту 30 тысяч человек, причем, однако, по его пятам продвигался от Ниццы Сюшэ. Мелас мог или нанести удар по левому берегу р. По, по сообщениям Бонапарта, или же укрепиться в Генуе, где армия Массены только что капитулировала на почетных условиях.

Предполагая австрийцев за р. Бормидой, 14 июня Бонапарт направил главные силы на Александрию, выделив для прикрытия левого фланга и для пресечения дороги в Генную генерала Дезэ с 6 тысячами к Ривалте. Мелас в тот же день перешел в наступление к Страделле. Произошло встречное сражение при Маренго. Подавленные превосходством австрийцев и застигнутые врасплох, французы начали отступать. Несмотря на введение в бой даже личного конвоя Бонапарта, отступление переходило уже в бегство, когда на поле сражения появился Дезэ и внезапно атаковал австрийцев, вытянувшихся уже для преследования в две походных колонны. Одновременно Бонапарт вновь бросил в атаку драгунскую бригаду Келлермана, и австрийцы в беспорядке отхлынули в Александрию.

Тактический успех при Маренго был не очень значителен, но так как сражение обеими сторонами велось с перевернутым фронтом и над Меласом висели Сюшэ у Акви, Тюро у Сузы, Шабран у Трино, Лапоип у Павии,—сражение при Маренго поставило его в безвыходное положение,—только решительная победа могла бы его выручить. Мелас вынужден был пойти на соглашение, по которому его армия получила пропуск за р. Минчио ценой передачи всей северной Италии Бонапарту и непринятия войсками Меласа дальнейшего участия в войне.

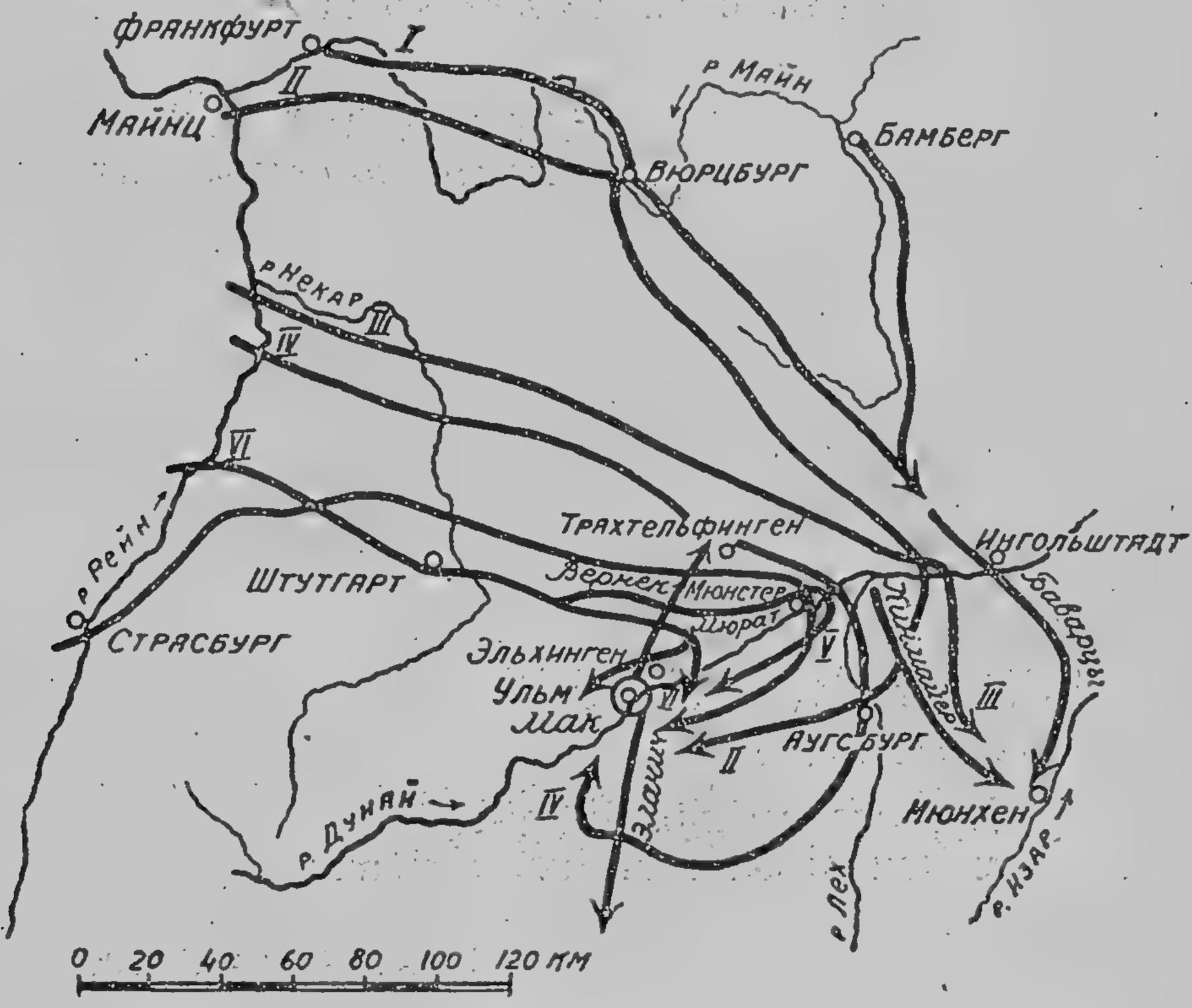
Ульмская операция. Наполеон, находясь в войне с Англией, готовился перебросить сосредоточенную близ Булони армию в пределы Британских островов. Англия, чтобы отвратить опасность, добилась вооруженного выступления Австрии, России, а впоследствии и Пруссии.

Фридрих Великий, вынужденный бороться против европейской коалиции, держался стратегии измора и не покушался сокрушать в розницу государства, собиравшиеся против него в коалицию. Наполеон же в октябре 1805 г. уничтожил под Ульмом австрийскую армию Мака, прежде чем успели подойти русские; в декабре того же года под Аустерлицем заставил Австрию заключить мир и разбил русских, прежде чем Пруссия собралась объявить войну. В 1806 году Наполеон разбил пруссаков, прежде чем успели подойти на помощь русские, а в 1807 г. нанес поражение русским войскам и искусной политикой добился заключе-

ния Тильзитского мира с Россией, прежде чем Австрия успела оправиться от разгрома 1805 г. и вновь выступить против него (1809 г.).

В предшествовавшие войны 1796—1797 г. г. и 1800 г. Наполеон наносил главные удары Австрии в Ломбардии; поэтому в 1805 г. австрийцы более сильную армию с лучшим полководцем, эрцгерцогом Карлом, выставили на итальянском театре; в Тироле сосредоточился корпус эрц-

Ульмская операция 1805 года.



Чертеж № 30.

герцога Иоанна, а на германском театре австрийцы собрали 60-тысячную армию, номинально эрцгерцога Фердинанда, фактически управляемую генералом Маком [1]). Мак вторгся в Баварию, чтобы принудить последнюю к союзу с Австрией, но баварские войска отошли на север. Выдвинувшись к Ульму на р. Иллер, Мак выжидал соединения со спешившей к нему русской армией Кутузова. Не имея точных данных о громадном превосходстве сил Наполеона, Мак предполагал упорно оборонять сильные

---

[1]) Эрцгерцог Карл считал военную подготовку Австрии недостаточной и потому противился объявлению войны. Мак и раньше зарекомендовал себя неудачным генералом. В 1805 г. он высказался за возможность успешной борьбы с Наполеоном, и потому оказался поддержанным английским влиянием и партией войны, и получил, несмотря на свою засвидетельствованную неспособность, самый ответственный пост.

позиции по правым притокам Дуная. В виду угрозы правому флангу, переправы через Дунай были заняты 16 тыс. Кинмайера, и, кроме коммуникационной линии по Дунаю, была подготовлена коммуникационная линия от Ульма через Меминген (вдоль Швейцарии). Наполеон выставил в Италии против эрцгерцога Карла слабую армию Массены, а против Мака сосредоточил армию в 210 тыс.—более чем тройное превосходство сил, и решил обойти правый фланг австрийцев и стать между ними и армией Кутузова. Четыре французских корпуса перешли реку Неккар ниже Штутгарта, а два корпуса направились от Майнца и Франкфурта на Вюрцбург; баварцы двинулись от Бамберга на Ингольштадт. Только 7 октября Маку открылись глаза на то, „что Наполеон, кажется, вновь хочет повторить Маренгский маневр", но в это время уже почти вся французская армия переправилась через Дунай между Мюнстером и Ингольштадтом; Кинмайер был отброшен к Мюнхену.

Мак, располагая 44 тыс. и имея в тылу 210 тыс. французов и баварцев, перешел на левый берег Дуная и 11—13 октября сделал попытку пробиться на северо-восток. Так как центр тяжести операции, по мнению Наполеона, заключался в занятии центрального положения у Аугсбурга, между Маком и Кутузовым, и в действиях по внутренним операционным линиям, то Наполеон оставил на левом берегу Дуная только одну дивизию из корпуса Нея. Поэтому, головным частям Мака—16 тыс. генерала Вернека—действительно удалось пробиться, но главные силы Мака, действовавшие вяло, были перехвачены Неем, возвратившимся с боем у Эльхингена на левый берег Дуная. Мак был отброшен к Ульму. Наполеон, оставив против Кинмайера и подходивших русских частей два корпуса и баварцев, с четырьмя корпусами начал обложение Ульма. Отряду Елачича (5 тыс.) удалось ускользнуть в Форальберг. 17 октября Мак капитулировал в Ульме с 23 тыс. войск. Вернек, первоначально ускользнувший из Ульма, задержался у Трахтельфингена, чтобы помочь Маку, и здесь был застигнут Мюратом и частью корпуса Нея. Только номинальному командующему армией, эрцгерцогу Фердинанду, с 2000 конницы удалось пробиться [1]).

Сражение под Аустерлицем. После уничтожения армии Мака, Наполеон занял Вену и преследовал отходившую армию Кутузова. Вследствие потерь отсталыми и выделения сильных частей для оккупации австрийской территории, первоначальная численность французской армии уменьшилась

---

[1]) Вопросам о характере управления Наполеона в Ульмской операции посвящена статья Леера „Безыдейность" — Стратегия в трудах военных классиков, т. II, стр. 280—284.

более чем втрое — до 65 тыс. Несмотря на то, что Наполеону нужно было добиться быстрого решения, так как Пруссия готова была объявить войну, а к русским подходили подкрепления, и армия эрцгерцога Карла приближалась из Италии, Наполеон решил не ослаблять себя дальнейшим наступлением, что привело бы к растяжке сообщений, и остановился на дороге Брюнн — Ольмюц, за ручьем Гольдбах. Передовые части получили приказание отходить при столкновениях с мелкими русскими частями; Наполеон предложил установить перемирие, и Талейрану в Вену были даны указания — завязать переговоры с Австрией, несшей на себе всю тяжесть войны, на самых умеренных условиях. Это стратегическое самоограничение, на помощь которому пришла мудрая политика, принесло плоды: у австрийцев появилась серьезная тяга к миру, русские же переоценили свои силы, и решительная наступательная операция стала для них неизбежной, чтобы поддержать изнемогавшую и заколебавшуюся Австрию. Александр I, фактически распоряжавшийся русско-австрийской армией, находившейся под номинальным командованием Кутузова, решил 2 декабря атаковать французов. Принятый план Вейротера, австрийского офицера генерального штаба[1]), заключался в том, чтобы, выделив 1/4 всех сил (25 тыс.) для удержания французов на фронте, главными силами (60 тыс.) обойти правое крыло французов и перерезать их сообщения с Веной. Между тем, Наполеон, кроме имевшихся сообщений на Вену вверх по Дунаю, подготовил себе и сообщения на Брюнн и далее прямо на запад. Союзники повторяли маневр принца Субиза под Росбахом. Багратион, Вел. князь Константин и Лихтенштейн оставались против фронта, а 5 колонн — Коловрата, Пржибышевского, Ланжерона, Кинмайера и Дохтурова — направлялись к ручью Гольдбах между селениями Кобельниц и Тельниц, чтобы затем переменить фронт на северо-запад для наступления на участок Шлапаниц — Турас.

Наполеон, прочно заняв Праценские высоты перед своим правым флангом, мог бы до крайности затруднить маневр Вейротера, который он разгадал. Но в таком случае получилось бы обыкновенное оборонительное сражение на довольно сильной позиции. Наполеон же стремился к решительному успеху, который привел бы кампанию к концу. Поэтому он не препятствовал обходу своего правого фланга и оставил Праценские высоты незанятыми; обходящие колонны задерживались на переправах через Гольдбах не-

---

[1]) Вейротер выполнял во время второй половины итальянского похода Суворова 1799 г. должность начальника штаба Суворова и получил от него превосходную аттестацию.

большими частями Маргарона (5 батальонов, 12 эск.), в резерве за которыми был расположен корпус Даву. Остальные корпуса группировались так, чтобы в нужный момент захватить Праценские высоты, воспользовавшись разрывом между колоннами, действующими на фронте и обходящими; после того, как неприятельская армия будет разрезана на две части, удар должен был развиваться через Працен в тыл обходивших колонн.

Сражение под Аустерлицем 5 декабря 1805 г.

Чертеж № 31.

Чем более обходившие колонны втягивались бы в долину Гольдбаха, тем полнее грозило им уничтожение.

Некоторое сопротивление плану Наполеона оказала только колонна Коловрата, задержанная Кутузовым, вопреки диспозиции, на Праценских высотах. Корпус Сульта (дивизии Сент-Илера и Вандама), поддержанный корпусом Бернадота, после жаркого боя, отбросил Коловрата с высот; в то же время корпус Ланна, поддержанный конницей Мюрата, потеснил 3 колонны, оставленные, как заслон, против французского фронта.

Утвердившись на Праценских высотах, французы начали громить артиллерией с тыла обходящие колонны и, постепенно распространяясь к Ауезду, перехватывали пути отступления. Столпившиеся в низине Гольдбаха и поставленные между двух огней — Даву и главных сил — русско-австрийские войска оказались сразу же в отчаянном положении. Упорное сопротивление колонны Пржибышевского, уничтоженной полностью, дало возможность остаткам других колонн пробиться, неся огромные потери, под артилле-

рийским огнем по гати между Моницким и Сачанским прудами.

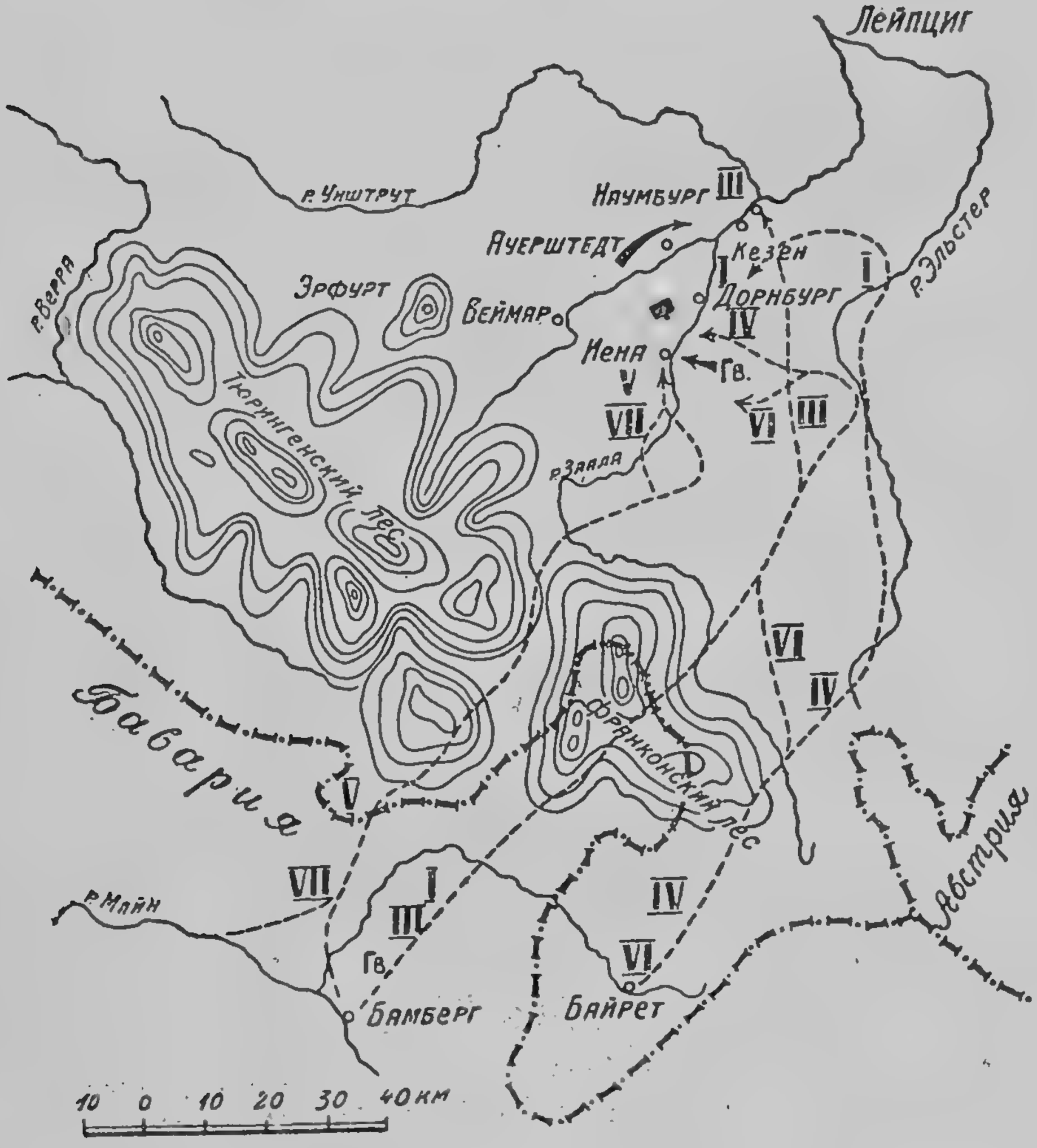
Разгром русско-австрийской армии обошелся французам не более 3 тыс. убитыми и ранеными. Удар был так силен, что Австрия пришла к мысли о безнадежности дальнейшего сопротивления; на третий день после сражения австрийский император лично явился к Наполеону просить перемирия, а русская армия отошла в пределы России.

Иенская операция. Прусско-саксонская армия (100 тыс.) развернулась в конце сентября 1806 г. за горным кряжем Тюрингенского леса, на левом берегу Заалы, близ Эрфурта и Веймара. Далеко позади, за р. Эльбой, находился „стратегический резерв"—из новых частей, заканчивавших свое формирование, и в перспективе была русская помощь. Наполеон располагал охватывающей базой по рекам Майну и Рейну, так как Бавария и Голландия находились в его власти. Однако, сосредоточенное маневрирование Наполеона было уже настолько известно, что концентрического вторжения с запада и юга пруссаки не ждали. Мнения сходились довольно определенно на оправдавшемся в действительности предположении, что Наполеон сосредоточится на Майне и сделает попытку обхода левого крыла прусского расположения. При этом защитники идеи прусского развертывания видели особые выгоды в том, что Наполеону придется при таком маневре проходить в 80-километровой полосе, между пруссаками и границей нейтральной Австрии, и вести бой, имея в тылу Австрию. Пессимисты—генерал Граверт—утверждали, что Наполеон обойдет левое крыло пруссаков и, перехватив сообщения прусской армии с Эльбой, отрежет ее от всех тех источников пополнения, которые находятся за Одером (Силезия). Граверт предугадал мысль Наполеона очень точно, даже в деталях, за исключением цели: воспитанный в идеях XVIII века, Граверт предусматривал перерыв коммуникационной линии, как венец маневра, который вынудит пруссаков к отступлению, а Наполеон стремился выйти в тыл прусской армии не для того, чтобы перехватывать прусские обозы, а чтобы раздавить пруссаков ударом с тыла так, чтобы некуда было и бежать.

Что касается риска движения вдоль австрийской границы, то Наполеон, уверенный в тактической победе и озабоченный только стремлением дать ей возможно более решительный характер, нисколько им не смущался: с армией в 160 тыс. Наполеон выступил из Байрета и Бамберга, перевалил через Франконский лес и двинулся по правому берегу р. Заалы в обход пруссаков, находившихся на ее левом берегу. Цель марша требовала поворота всей армии налево, как только удастся миновать расположение пруссаков. Наполеон вел свою армию чрезвычайно сосредото-

ченно, в виде „стратегического каре“. По трем дорогам, на фронте, постепенно сужавшемся с 50 на 30 километр., шло семь корпусов Наполеона: три по центральной дороге, по два — по крайним. Разведка работала неудовлетворительно, но быстрое развертывание всех сил в любую сторону было обеспечено. Когда, по имевшимся у Наполеона данным, он миновал прусскую армию, войска были повернуты круто налево, на запад. 5 корпусов было направлено к Иене, где

Иенская операция 1806 года.



Чертеж № 32.

показались пруссаки и где Наполеон ожидал встретить их главные силы, а два корпуса были направлены на переправы ниже по р. Заале: Бернадот к Дорнбургу и Даву к Кезену. При такой группировке можно было рассчитывать отбросить пруссаков к Тюрингенскому лесу и там их уничтожить.

У пруссаков имелось три главных квартиры: главнокомандующего, герцога Брауншвейгского, ветерана походов Фридриха Великого, затем очень влиятельного князя Гоген-

лое, являвшегося душой партии активных действий, и, наконец, самого короля, присутствовавшего в армии без определенных командных функций; между ними происходили ожесточенные дебаты, которые приводили в отчаяние присутствовавшего на совещаниях молодого адъютанта Клаузевица; наконец, взяли верх соображения осторожности, и пруссаки решили отойти к устью р. Заалы. Движение главных сил прикрывалось у Иены корпусом князя Гогенлое, поддержкой коему мог служить армейский резерв Рюхеля.

Таким образом, осторожность пруссаков и недостаточная разведка французов повели к тому, что главные силы Наполеона обрушились на боковой арьергард пруссаков в направлении, имевшем второстепенное значение, а пруссаки главными силами атаковали правофланговый корпус Даву. Ошибка Наполеона в направлении операции была искуплена тактическими успехами. У Иены Наполеон предполагал, что ведет бой с главными силами неприятеля, и затягивал решение, выжидая подхода Бернадота и Даву, чтобы отбросить пруссаков к западу. Гогенлое, вместо арьергардного боя, втянулся в решительные действия против вчетверо сильнейшего противника и был разбит на голову, а затем подставил себя под удар Рюхель, не успевший помочь Гогенлое в его неравном бою. В тот же день, 14 октября, корпус Даву имел успех над главными силами пруссаков у Ауэрштедта.

Главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, был смертельно ранен в начале сражения, а король, до назначения нового главнокомандующего, не захотел рисковать всеми силами армии и пожелал вывести ее из боя: энергия Даву обратила отход пруссаков в поражение. В окончательном результате — французская армия оказалась на кратчайших путях к Одеру. Тактического преследования почти не было, но Наполеон организовал стремительное стратегическое преследование. Французы, по кратчайшим хордам, направлялись на перерез пруссакам, вынужденным отходить по дуге. Преследование продолжалось до берегов Балтийского моря, пока все части прусской армии не капитулировали.

Стратегический резерв — второй эшелон прусского развертывания, собиравшийся за р. Эльбой, не успел ничем помочь основной прусской армии и рассеялся сам, почти не приняв участия в боевых действиях. Отсюда теоретики сделали вывод о принципиальной негодности идеи стратегического резерва, о необходимости одновременности, а не эшелонности развертывания. Эти выводы, однако, были справедливы лишь в тех условиях сокрушения, в которых складывались Наполеоновские походы. Мировая война по вопросам о стратегическом резерве и эшелонном развертывании натолкнет нас на противоположные заключения.

Пятидневная операция под Регенсбургом. В 1809 году против Наполеона во главе австрийской армии действовал лучший генерал Европы — эрцгерцог Карл [1]). Значительная часть французских войск увязла в Испании, в борьбе с народным движением, которое поддерживалось англичанами. План эрцгерцога Карла заключался во внезапном вторжении в области Германии, подчиненные французскому влиянию, и в нанесении поражения по частям разбросанным французским гарнизонам. С целью сохранения стратегической внезапности, эрцгерцог Карл отказался от сосредоточения всех имевшихся в его распоряжении 170 тыс. в одну массу, что требовало времени; внимание французов было уже пробуждено, и французские войска начали уже со всей Германии сосредоточиваться к Баварии. Поэтому 10 апреля эрцгерцог Карл перешел с 120 тыс. пограничную реку Инн, а 50 тыс. — двум корпусам Бельгарда и Коло-

---

[1]) Эрцгерцог Карл наиболее успешно действовал в 1796 году, когда он отбросил из Германии армии Моро и Журдана, и в 1799 г., когда ему удалось вновь разбить Журдана. Будучи поклонником полководческого таланта Наполеона и поставленный, после разгрома 1805 г., во главе австрийской армии для ее реорганизации, эрцгерцог Карл начал пересаживать на австрийскую почву многие стратегические, тактические и административные приемы, выработанные французской революцией: ландвер, т.-е. применение воинской повинности для формирования полумилиционных частей, маневрирование не общим боевым порядком, а отдельными корпусами, бой за местные предметы, рассыпной строй, рассредоточенный ночлег по квартирам, новые приемы воспитания войск. Войну 1809 г. он мыслил, как обще-национальное немецкое движение против Наполеона.

Для подготовки австрийской армии к этой войне эрцгерцог Карл издал проникнутые новым духом уставы. Заботясь о том, чтобы новые идеи были выражены сильным языком, эрцгерцог Карл привлек к редактированию уставов знаменитого поэта Шиллера. Однако, для успешного развития новых форм военного искусства старорежимной австрийской монархии не хватало политических предпосылок, выдвинутых французской революцией. Да и сам эрцгерцог Карл, несмотря на свои новаторские идеи и преклонение перед Наполеоном, по характеру был человеком, постоянно оглядывающимся назад. Его стратегические труды возводят на степень важнейшей добродетели осторожность — заботы об обеспечении базы и операционной линии на первом плане; он уделял преувеличенное внимание географическому элементу. Его операции, задуманные часто с истинно полководческим размахом, в исполнении ограничивались постоянной оглядкой, недостатком дерзости, необходимой для проложения нового пути. Под впечатлением неудач в пятидневном бою, при отходе от Регенсбурга, эрцгерцог пожертвовал многими заимствованиями у французской революции; войска снова начали бивакировать в составе целой армии с подравненной передней линейкой, с производством общей зори и подъема и проч. Энтузиазм многих офицеров, выросших в старой школе, при этом возвращении главнокомандующего к идеям линейной тактики, был велик. Первая переправа Наполеона через Дунай была отбита в сражении под Асперном—Эслингеном—с потерей французами свыше 20 тыс. убитыми и ранеными — вернувшейся в лоно старого режима австрийской армией, покончившей со своим революционным маскарадом. Жизнеописанию Карла посвящена монография: Oskar Kriste. Erzherzog Carl. Wien. 1912 г. 3 тома 552+635+578 стр. Его труды — „Стратегия в трудах военн. классиков", т. II, стр. 65—98.

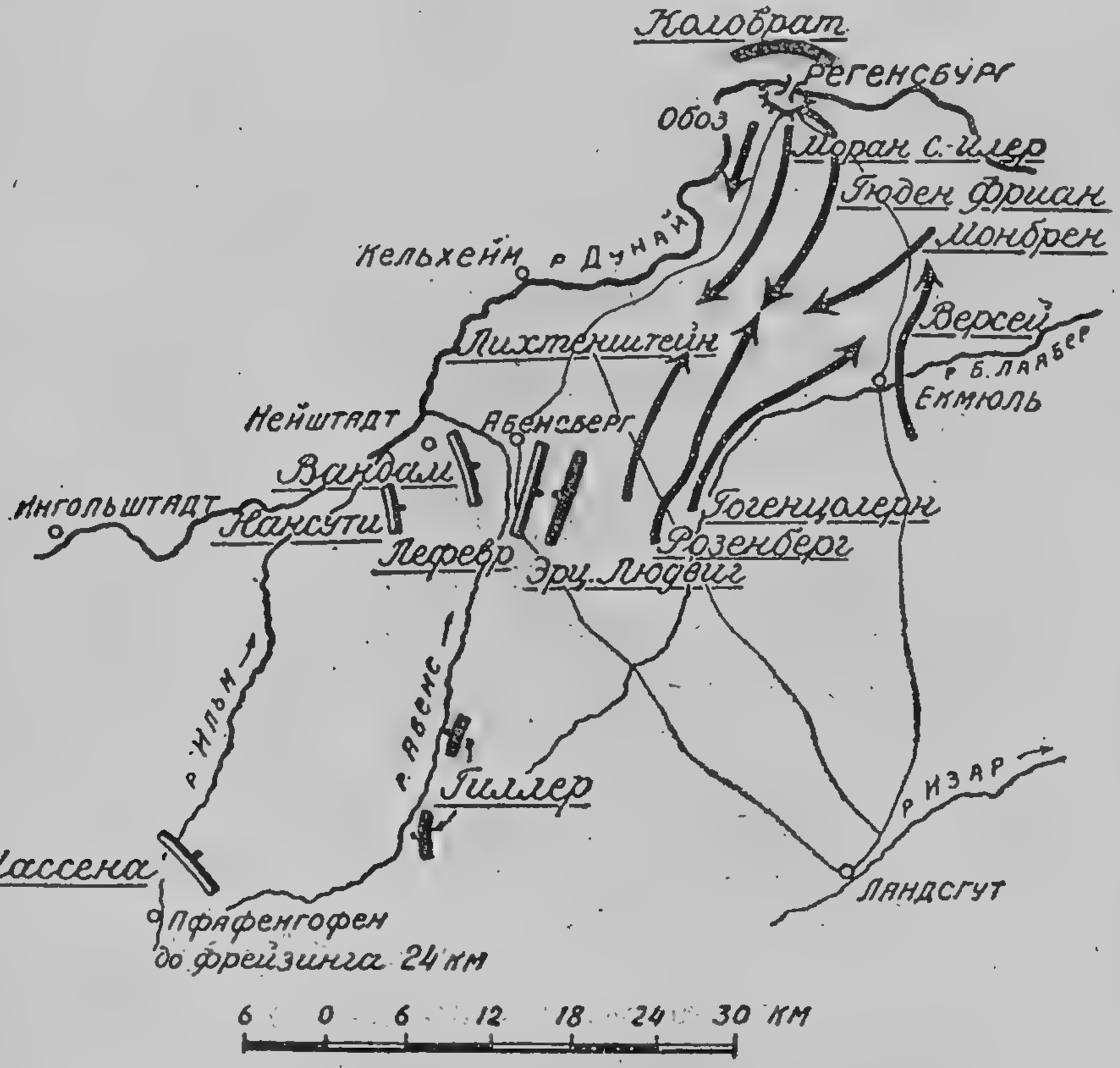
врата, собранным в Богемии,— приказал наступать отдельно по левому берегу Дуная и искать соединения с ним в районе Кельхейма. План требовал быстроты и энергии в исполнении, а между тем за первую неделю австрийская армия, тесня слабые баварские части, продвинулась немногим больше 50 верст и только 16 апреля овладела Ландсгутом.

Наполеон, вызванный по оптическому телеграфу на театр войны из Франции, 17 апреля застал французские войска, до 180 тыс., разбросанными на фронте свыше 130 верст, приблизительно в трех равносильных группах. Правофланговая, в окрестностях Аугсбурга, состояла из корпусов Массены и Удино; центральная группа образовывалась отступившим от Ландсгута баварским корпусом Лефевра, к которому вдоль по Дунаю подходили виртембергцы (корпус Вандама), немцы Рейнского союза (дивизия Руйе), кав. дивизии Нансути и Демона; левофланговая группа представляла сильный (57 тыс.) корпус Даву, квартировавший в северной Германии и успевший проскочить мимо Бельгарда к Регенсбургу. На центр французов наступал располагавший в полтора раза меньшими силами (без Бельгарда) эрцгерцог Карл.

В соответствии со стратегическими идеями, ставшими после кампаний Мольтке общим достоянием, следовало бы использовать эту группировку французских сил для окружения австрийской армии, что могло бы быть достигнуто простым фронтальным движением; та группа, против которой обратился бы эрцгерцог Карл, перешла бы к обороне, а две других обрушились бы на фланг и тыл австрийцев. Однако, метод оперирования отдельными группами, как половинками щипцов, требует хороших средств связи и рассредоточенности управления и был для Наполеона неприемлемым. Наполеон, до перехода к решительным действиям, прежде всего желал сосредоточить свои силы и потому приказал группе Массены спешить к Пфафенгофену, а Даву, оставив в Регенсбурге небольшой гарнизон, который на некоторое время помешал бы австрийцам пользоваться Регенсбургскими переправами для связи главных сил с Бельгардом, двинуться правым берегом Дуная к Абенсбергу; движение Даву левым берегом Дуная было бы много безопаснее, чем предписанный ему марш между рекой и неприятелем, но выводило бы силы Даву на двое суток из района операции, временно отделяя его от района предстоящего столкновения преградой Дуная; Наполеон пошел охотно на риск марша Даву по правому берегу, чтобы с каждым моментом сосредоточение его сил наростало. К вечеру 19 апреля Наполеон рассчитывал собрать всю армию на 50-верстном фронте от Пфафенгофена до устья реки Абенса.

Вечером 18 апреля эрцгерцог Карл почувствовал против себя врагов с трех сторон. Нужно было избрать одну из этих групп и нанести ей удар. Массена был слишком далек; кроме того, движение в южном направлении еще увеличило бы удаление от Бельгарда. Лефевр в центре до сих пор уклонялся от боя и мог продолжать отступление; нанося удар центральной группе французов, эрцгерцог Карл только глубже залезал бы в мешок. Эрцгерцог Карл решил повер-

Регенсбургская операция 19 апреля 1809 года.



Чертеж № 33.

нуть круто на север, чтобы разбить Даву, соединиться с Бельгардом и открыть себе сообщения по левому берегу Дуная в Богемию. Решение правильное, но выполнение его проводилось с оглядкой; в заслон против центральной и южной групп неприятеля эрцгерцог Карл выделил 50 тыс. (корпуса Гиллера и эрцгерцога Людовика, отряд Тьери); кроме того, для прикрытия вовсе неугрожаемого правого фланга было назначено 6 тыс. (отряд Вексея), и только половина армии — 63 тыс. — направилась для разрешения задачи — нанесения решительного поражения Даву.

19 апреля произошел встречный бой между главными силами эрцгерцога Карла и находившимся на фланговом марше корпусом Даву. Бой на фланговом марше предста-

вляет чрезвычайные трудности, так как задачи, которые выдвигает бой, и достижение цели флангового марша почти несовместимы. Однако, несмотря на невыгодные оперативные условия и небольшое численное превосходство врага, Даву благополучно выбрался из труднейшего тактического положения: фланговый марш был организован очень искусно [1]), французские войска двигались много быстрее австрийских, и французские начальники были гораздо опытнее и находчивее во встречном бою: они немедленно развертывали все силы, тогда как австрийцы вводили в бой только авангарды и ждали разъяснения обстановки. К вечеру, потрепав австрийские авангарды, дивизии Даву собрались на правом берегу Дуная, в соприкосновении с центральной группой французов. Между Регенсбургом и эрцгерцогом Карлом французских сил не осталось.

20 апреля эрцгерцог Карл решил держаться оборонительно, чтобы до решительных действий подтянуть 50 тыс. Бельгарда. Корпус Лихтенштейна был направлен к Регенсбургу, чтобы помочь Бельгарду овладеть этой переправой. Наполеон, получив вечером 19 донесение Даву, гласившее, что последний в тяжелом бою удержался на поле сражения, истолковал его, как полную победу Даву над небольшой частью австрийской армии, и приказал ему начать преследование. В центре Наполеон собрал уже 75 тыс.,—ударную группу (в нее вошли и две головных дивизии, выделенных из-под начальства Даву и объединенных в корпус Ланна); эту ударную группу Наполеон решил бросить по обеим дорогам, идущим из района Абенсберга к Ландсгуту, против корпуса эрцгерцога Людовика, которого Наполеон принимал за главные силы австрийцев; Массена (без Удино) направлялся на Фрейзинг, чтобы глубоко в тылу перервать австрийцам путь отступления.

Эрцгерцог Людовик, которому брат—главнокомандующий—приказал отойти за р. Б. Лаабер, будучи заражен наступательным опьянением, не пожелал подчиниться и держался так активно, что внушил Наполеону мысль о сосредоточении здесь наибольшей массы австрийцев; он был сразу же сметен ударом 75 тыс. французов. Вместе с корпусом Гиллера, преследуемый по пятам французами, эрцгерцог Людовик успел пробиться по дорогам, запруженным обозами всей армии и через особенно закупоренный повозками Ландсгут; после суток непрерывного марша австрийские заслоны выбрались на правый берег Изера. Массена,

---

[1]) По наиболее безопасному пути—шоссе вдоль Дуная—Даву двинул обозы; по каждой из двух следующих дорог—по две пехотных дивизии; и по крайней левой—конницу Монбрена, прикрывавшую марш с фланга, а затем и с тыла.

несмотря на страшную форсировку марша, подошел к Ландсгуту по правому берегу Изера через 2 часа после того, как австрийцы успели проскочить через переправу. К вечеру 21 большая часть французской армии собралась в районе Ландсгута.

20 и 21 Даву и главные силы эрцгерцога Карла провели в тесном соприкосновении. Даву, видя перед собой нерасстроенные многочисленные части австрийцев, не принял к исполнению приказа Наполеона о преследовании, добился поддержки частью корпуса Лефевра и выжидал прибытия Удино. Австрийцы овладели 20 апреля Регенсбургом, но здесь эрцгерцога Карла постигло большое разочарование: корпуса Бельгарда оказались не в Регенсбурге, а на марше к западу от него. Приказание Бельгарду двигаться на Регенсбург, где перейти Дунай, посланное 18 апреля кружным путем, до него не дошло, и Бельгард продолжал осуществлять первоначальный план. Корпус Коловрата удалось вернуть к Регенсбургу вечером 21 апреля, а корпус Бельгарда подошел только в течение 22 апреля. В этих условиях эрцгерцог Карл отложил переход в наступление против Даву на утро 22 апреля, чтобы усилиться хотя бы корпусом Коловрата. В ночь на 22 апреля эрцгерцог Карл узнал о поражении выдвинутых им заслонов и о занятии французами Ландсгута. Со стороны Ландсгута его прикрывала непроходимая вброд река Б. Лаабер, на которой переправы были разрушены и наблюдались слабым отрядом Вукасовича. Главный удар на Даву эрцгерцог Карл наметил нанести своим правым крылом, что позволяло повернуть весь фронт на юг и стать в нормальное положение к сообщениям с тылом, которые теперь направлялись исключительно на Регенсбург. Атака сильно запоздала, так как корпус Коловрата, которому отводилась главная роль, подошел незадолго до полудня.

21 апреля Наполеон прибыл в Ландсгут и к вечеру разобрался в обстановке: перед ним отступало только боковое прикрытие, а не главные силы австрийцев; в силу своей немногочисленности прикрытие и успело проскочить перед Массеной. Ядро же эрцгерцога Карла осталось позади него, против Даву, который мог ежечасно оказаться в критическом положении. Наполеон оставил для преследования эрцгерцога Людовика и Гиллера 18 тыс. Бессьера с баварской дивизией Вреде в резерве у Ландсгута, а сам с 60 тыс. (Вандам, Ланн, часть Массены), несмотря на страшное утомление войск, двинулся с рассветом 22 апреля от Ландсгута к Экмюлю. Переход в 40 верст был закончен уже в первые часы после полудня.

Сражение под Экмюлем, 22 апреля, представляет исключение из системы Наполеона: обстановка властно

диктовала ему отказ от предварительного сосредоточения группы Даву с группой, спешившей на помощь от Ландсгута; удар Ландсгутской группы, подходившей к полю сражения по новому операционному направлению, придает Экмюльскому сражению характер, близкий к новейшей стратегической мысли. Наступление австрийцев еще вяло развивалось, когда части Наполеона появились перед Экмюлем. Препятствие р. Б. Лаабер не остановило французов. Корпуса Вандама и Ланна развернулись по обе стороны Экмюля, импровизировали переправы для пехоты,

Регенсбургская операция 22 апреля 1809 г.

Чертеж № 34.

резервная кавалерия переправилась вплавь. Вукасович был смят, левофланговый австрийский корпус Розенберга обойден, почти окружен и спасся от полного уничтожения только бегством в северном направлении. Под прикрытием атак жертвовавшей собой австрийской кавалерии, войска эрцгерцога Карла отступили и сбились в кучу в ближайших окрестностях Регенсбурга. Благодаря самопожертвованию арьергарда и наводке дополнительного моста, 23 апреля австрийской армии удалось отойти на левый берег Дуная.

В этом пятидневном бою Наполеон располагал 180 тыс. против 170 тыс., к тому же разделенных Дунаем. Напо-

леону удалось нанести поражение почти всем неприятельским корпусам, причинить им 40 тыс. потерь, расколоть армию эрцгерцога Карла на две группы, которые отступили по разным берегам Дуная. Все же австрийская армия оказалась неуничтоженной и сохранила боеспособность. Потери французов—16 тыс.

Помимо основной идеи Наполеона—общего сосредоточения всех сил за р. Абенс—Регенсбургская операция поучительна в том отношении, что рисует нам стремительность действий французского полководца: он не выжидает полного разъяснения обстановки, чтобы принять решение; последнее привело бы к запозданию приказов. Наполеон вырывает инициативу у эрцгерцога Карла, распоряжаясь втемную, по своему предвзятому мнению. Удар его в направлении на Ландсгут оказывается почти ударом по воздуху; энергия войск и искусство Даву заглаживают сделанные промахи. Французские войска отличаются необычайной подвижностью; дивизии Ланна, первоначально входившие в корпус Даву, выходят из Регенсбурга, пробиваются к р. Абенс, проносятся, опрокидывая эрцгерцога Людовика, к Ландсгуту, поворачивают на Экмюль и в последний день вновь штурмуют Регенсбург. Массена делает переходы по 60 верст. В бою тактическое превосходство французских войск весьма значительно. Эрцгерцог Карл, распоряжавшийся с постоянной оглядкой, должен был быть побежден в борьбе против корсиканца, беззаветно шедшего на всякий риск и кипевшего энергией.

Сражение под Ваграмом. После Регенсбургской операции Наполеон двинулся правым берегом Дуная и 13 мая захватил Вену. Австрийская армия, не тревожимая непосредственным преследованием, отошла по левому берегу Дуная и изготовилась для обороны Дуная в районе Вены. Первая попытка Наполеона переправиться через Дунай в полупереходе ниже Вены, недостаточно подготовленная, привела 21—22 мая к поражению французов под Асперном—Эслингеном и к отходу французов с левого берега Дуная на остров Лобау. Наполеон тогда употребил шесть недель на солидную подготовку новой переправы через Дунай. Остров Лобау был надежно связан мостами с правым берегом.

2 июля 9 тяжелых батарей начали обстрел австрийской укрепленной позиции, тянувшейся близ Дуная от Асперна до Гр.-Энцерсдорф. Против 180-тысячной армии Наполеона эрцгерцог Карл сосредоточил 127 тыс. В виду превосходства французской тяжелой артиллерии на острове Лобау, эрцгерцог Карл не захотел принять бой в непосредственной близости от Дуная и, оставив на позиции только авангарды, отвел свою армию на фронт Штре-

берсдорф—Маркграфнейзидель, протяжением 18 километров. Три корпуса заняли 7-километровый сильный участок за речкой Руссбах, от Дейч-Ваграма до Маркграфнейзидель, а три корпуса правого крыла готовы были к активным действиям между Дунаем и Руссбахом. К левому флангу (сел. Леопольсдорф) должен был прибыть 15-ти тысячный корпус эрцгерцога Иоанна, находившийся в 45 километрах ниже по Дунаю, у Пресбурга. Приказ ему был послан 4 июля днем.

Сражение под Ваграмом 5—6 июля 1809 г.

Чертеж № 35.

В ночь на 5 июля, в сильную грозу, четыре моста были наведены от острова Лобау через последний рукав Дуная южнее сел. Гр.-Энцерсдорф; впоследствии к ним присоединилось еще три моста. Утром 5 июля завязался бой с австрийским авангардом, который отступил от Гр.-Энцерсдорфа, выяснив, что через Дунай переправились главные силы Наполеона. Французы не преследовали австрийцев, ожидая сбора всех сил на левом берегу Дуная, каковой закончился около полудня. Разведывательная работа французской конницы была неудовлетворительна; Наполеону пришлось действовать на равнине с очень стесненным кругозором, на ощупь. Вместо того, чтобы направить армию на Маркграфнейзидель, против левого фланга австрийцев, Наполеон завел тесно сомкнутую армию правым плечом

вперед и продвинул ее к с. Рашдорф. К вечеру французы установили контакт с австрийцами на позиции за р. Руссбах. Солнце уже закатывалось, когда Наполеон, повидимому с целью производства разведки боем, двинул корпуса Удино и Бернадота на штурм австрийской позиции. Эта атака французов была отбита с большими потерями. Эрцгерцог Карл, лично руководивший контр-атакой у Дейч-Ваграма, был ранен.

На ночь с 5 на 6 июля армия Наполеона тесно скучилась около с. Рашдорф. Только корпус Даву стоял против Маркграфнейзидель, и одна дивизия корпуса Массены выдвинулась на северо-запад от Асперна. Такое тесное расположение и тогда вызывало большие опасения у маршалов, боявшихся окружения; за резкую критику Наполеон на другой день отрешил от командования маршала Бернадота.

План Наполеона на 6 июля был следующий: главный удар наносится на участке реки Руссбах, с охватом левого фланга австрийцев, чтобы помешать отходу их в Венгрию и отрезать от эрцгерцога Иоанна. Корпус Массены должен был обеспечивать атаку, развернувшись на второстепенном, по мысли Наполеона, участке между с. Адерклаа и Дунаем. Главный удар намечался так: бой на фронте ведут корпуса Бернадота и Удино, на Нейзидель нацеливается охват корпуса Даву. Ударный кулак—пять дивизий Макдональда—нацеливается на Ваграм. У Рашдорфа сохраняется особый резерв Наполеона—гвардия, корпус Мармона и три дивизии конницы.

В ставке эрцгерцога Карла колебались между 2 планами: сосредоточить все силы для пассивной обороны позиции за р. Руссбах или перейти в наступление „со всех сторон“ на скучившуюся армию Наполеона. Генерал Вимпфен, нач. штаба эрцгерцога Карла, опираясь на успехи, достигнутые вечером 5 июля, настоял на последнем. Ночью, со значительным запозданием, командиры австрийских корпусов получили приказы, требовавшие выступления в различные часы, от 2 до 4 утра; указывалось использовать ночь, чтобы сблизиться с неприятелем. Раньше других должны были выступить III и VI корпуса—правое крыло,—так как им для нанесения удара вдоль Дуная предстояло пройти наибольшее расстояние. Эти корпуса, однако, выступили после других. Корпус эрцгерцога Иоанна вовсе не явился на поле сражения, несмотря на 3 повторных приказания, так как 19 часов было затрачено в штабе корпуса на дискуссию—исполнять или нет полученный приказ, а марш на поле сражения прерывался затем частыми остановками [1]).

[1]) Точка зрения главного советника эрцгерцога Иоанна, генерала барона Фримона: „Подождите еще немного, ваше высочество, так как никогда нельзя знать, что случится“.

Все же инициатива была захвачена австрийцами. Наполеон предполагал начать наступление в 6 час. утра; однако, его пришлось отложить до 10 час., так как с рассвета обрушились атаки австрийцев.

В 3 часа утра IV австрийский корпус Розенберга энергично атаковал Даву. У французов начался общий переполох. Сам Наполеон с тремя кавалерийскими дивизиями поскакал на помощь Даву. Эрцгерцог Карл, наблюдая огромные массы французских резервов у Рашдорфа и не видя подхода на поле сражения своего правого крыла, приказал Розенбергу перейти к обороне. Атака австрийцев здесь вылилась в сильную демонстрацию.

Между тем завязался бой у с. Адерклаа. Здесь французы были атакованы с северо-востока I австрийским корпусом, а с запада—резервным корпусом. Несмотря на введение здесь в бой французских корпусов Бернадота, Мармона, Массены, французы потеряли сел. Адерклаа, и превосходство оставалось за австрийцами, находившимися на охватывающей дуге.

Около 9 час. утра начало развиваться давление правого австрийского крыла. Несмотря на нерешительность командиров III и VI австрийских корпусов, они постепенно оттеснили две оставшиеся здесь дивизии Массены на 4—3 километра, в окрестности Эслингена. Связь французов с мостами подверглась серьезной угрозе.

Наполеон распорядился, чтобы Даву передвинулся из положения к югу от Маркграфнейзиделя в положение к востоку от него, и атаковал всеми силами в охват австрийского расположения; к 9 час. утра Наполеон переехал на левый фланг. Если бы Наполеон располагал той же блестящей пехотой, как под Аустерлицем, он мог бы попытаться пропустить III и VI австрийские корпуса еще дальше между собой и Дунаем, чтобы опрокинуть их затем в реку. Однако, кадры его пехоты были уже растрачены в беспрерывных войнах, в особенности в Испании; огонь цепей французской пехоты уже не имел преимущества над неприятелем, и Наполеон был вынужден воскресить старый прием повышения огневых средств пехоты—распределил по 2 орудия на батальон (полковая артиллерия); неприятель дрался хорошо; во французской армии, после неудачи под Асперном—Эслингеном, настроение было неважное. Поэтому Наполеон принял более осторожное решение: он вывел две дивизии Массены из боя за Адерклаа и двинул их влево, чтобы преградить дорогу австрийскому охвату. Вследствие этого, левее Адерклаа, во французском фронте образовался разрыв. Чтобы заполнить его, Наполеон изменил под прямым углом направление удара резерва Макдональда, первоначально намеченное на северо-

восток, на Дейч-Ваграм; теперь Макдональд должен был рвать австрийский фронт на северо-запад, на Зюссенбрун. К 11 час. он получил донесение Даву, что последний в 10 час. занял исходное положение для охватывающей атаки. К этому моменту 100 французских пушек, выставленных против Зюссенбруна, уже подготовили прорыв растянутого австрийского фронта. Когда Наполеон увидел переезд батарей Даву на высоты у Маркграфнейзидель, знаменовавший успех атаки Даву, он бросил Макдональда в атаку. Пять дивизий (56 батальонов, в общем до 90 шеренг в глубину, всего до 30 тысяч штыков), сопровождаемых 6 тысячами всадников, прошли в интервалы маскировавшей их своим дымом стапушечной батареи и бросились вперед. Первый натиск гигантской массы был отбит огнем не слишком многочисленных частей австрийцев; вторым броском Макдональд, расширив сферу атаки вправо и влево, прорвал австрийский фронт; при дальнейшем продвижении он продолжал, однако, встречать сопротивление. Но решающее значение получил успех Даву. К 13 часам Даву сломил сопротивление австрийцев Розенберга и энергично продвигался вперед. Эрцгерцог Карл получил донесение, что эрцгерцог Иоанн сможет появиться на поле сражения только к вечеру. Это вынудило австрийского полководца дать приказ об общем отступлении, которое и прошло для австрийцев достаточно гладко, так как французы были уже обессилены произведенными усилиями. Австрийцы потеряли 32 тыс. солдат, французы — 27 тыс.

Победа под Ваграмом далеко не имела того решительного результата, к которому стремился Наполеон. Причина полууспеха—захват австрийцами инициативы, которая заставила Наполеона разрознить намеченный им комбинированный удар колонны Макдональда и охвата Даву. Прорыв центра, на участке вне воздействия охвата, обошелся так дорого, что не хватило сил и энергии для настойчивого преследования, а охват Даву, без поддержки удара на фронте, оказался почти бесплодным [1]).

Действия эрцгерцога Карла весьма примечательны, как пример истинно активной обороны речной линии, где войска расходовались не на пассивный кордон вдоль реки, а для того, чтобы попытаться нанести противнику решительное поражение; в октябре 1914 года Конрад фон-Гетцендорф таким же образом оборонял реку Вислу в районе

---

[1]) Точно также комбинированные Наполеоном в сражении под Прейсиш-Эйлау удар с фронта корпуса Ожеро и охват Даву разрознились и не привели к успеху, на этот раз не вследствие захвата русскими инициативы, а в результате снежной метели, во время которой корпус Ожеро сбился с дороги и вышел против русского центра, а не левого крыла, куда его направлял Наполеон.

Ивангорода [1]). Оборонительное сражение велось австрийцами крайне активно: оборонительный участок и в косом к нему направлении наступательный уступ, образованный развертыванием резерва. Однако, насколько заслуживает внимания оперативная идея австрийцев, настолько же ошибочным является исполнение: постоянные колебания, нерешительность и сомнения.

Общее расположение Наполеона у Рашдорфа напоминает группировку Мак-Магона перед Седанским сражением. Успех прорыва Макдональда являлся весьма сомнительным и в эпоху гладкоствольного оружия. Любопытно искусство маневрирования Даву и Массены, принимающих вправо и влево вдоль фронта, на удалении всего 1 километра от противника.

Поход 1812 г. Всего русскую границу перешло 612 тысяч войск, подчиненных Наполеону. В этой массе для оккупации захваченной территории имелось всего 8 тыс. второлинейных войск. Из 12 пехотн. и 4 кав. корпусов только один корпус (IX корпус Виктора) подошел к осени 1812 г., вся же масса Великой армии, начавшая сосредоточение в зиму 1811—1812 г.г., приняла участие в войне с самого ее начала. Подготовка к войне началась за 18 месяцев. Набор был весьма непопулярен во Франции. 10% французских полков образовывались штрафными частями, укомплектованными дезертирами и уклонившимися от призыва; они обучались перед войной в Голландии, на островах, образованных рукавами Рейна и каналами, где дезертирство было крайне затруднено. В первые две недели после перехода русской границы, Великая армия потеряла 135 тыс. дезертирами и отсталыми. Французскими являлись только три первых корпуса, правда наиболее сильные (Даву—6 дивизий—авангардный, лучший корпус, прикрывавший сосредоточение, Удино и Нея; в последний входила одна виртембергская дивизия); затем был один итальянский, один польский, пять преимущественно немецких корпусов. Сформированные для снабжения транспорты имели большей частью тяжелые четверочные повозки, рассчитанные на полезный груз в 90 пудов и вовсе негодные для русских дорог. В кавалерии, в артиллерии и обозе имелось много

---

[1]) Тогда как германские войска в районе Ивангород—Н.-Александрия непосредственно обороняли берег Вислы, сменившие их части австрийской армии оставили по Висле только наблюдение, сосредоточив позади значительные резервы, чтобы дать русским возможность начать переправу и завязать решительный бой, когда переправа еще не будет закончена. Такой активный метод обороны реки был принят австрийцами вполне сознательно, вопреки советам германцев, рекомендовавших продолжать их пассивную оборону. Русские авангардные корпуса сумели удержать натиск австрийцев до подхода главных сил, и операция на Висле оказалась проигранной австро-германцами.

молодых, 4—5-летних лошадей, силы которых были надорваны еще в период сосредоточения; массовый падеж начался сейчас же после перехода Немана.

Эта армия, привыкшая пользоваться богатыми местными средствами западной Европы, где, однако, оперировали втрое меньшие массы, вынуждена была действовать в бедной Литве и Белоруссии и, чтобы отрезать отступление втрое меньшим русским армиям, должна была состязаться с ними в подвижности. Естественно, эта задача не удалась французам ни в Виленской операции, где Наполеон стремился отрезать Багратиона, ни в Смоленской, где он хотел выйти на путь отхода наших главных сил. Наполеон стремился к немедленному сокрушению русских; но он лучше достиг бы своей цели, начав операции с 250-тыс. армией и подготовив достаточные силы для пополнения армии и для оккупации территории.

Русская армия, со времен Екатерины II, насчитывала в своем мирном составе до полумиллиона войск. Но при обширности территории и границ, при затруднительности снабжения крупных масс в русских условиях бедности местных средств и плохих путей, действующие армии, в сложности, не могли достигать свыше 200 тыс. бойцов. В 1812 г. мы только что заканчивали войну с Турцией, и войска постепенно передвигались от Дуная к северу. В момент начала кампании к северу от Полесья находились 1-я армия Барклая-де-Толли, базировавшаяся на Двину (110 тыс.), и 2-я армия Багратиона (50 тыс.), базировавшаяся на Березину. Военный советчик императора Александра, жестокий теоретик Пфуль, исходя из стратегических идей Бюлова, предполагал действовать одной из этих армий на сообщения Наполеона, когда он погонится за другой. В плане Пфуля крупное значение имел укрепленный лагерь у Дриссы—тет-де-пон на Западной Двине, куда должна была отходить 1-я армия, чтобы дать возможность 2-й армии ударить на сообщения Наполеона. План имел в виду принести в жертву нашествия Наполеона только Литву и Белоруссию и сохранить коренные русские области. Однако, сообщения Наполеона на Двине растягивались только на 300 километров. При имевшемся соотношении сил, надо было дать развиться Наполеоновскому сокрушению на 800 клм., от Немана к Москве, чтобы сообщения его оказались действительно в беспомощном положении. Сверх того надо было выгадать известное время, чтобы дать развиться процессу разложения в Великой армии, переживавшей крупное замешательство уже в период подхода к русским границам. Ошибка Пфуля была лишь в масштабе; в основе же идеи Бюлова являлись не глупыми „теоре-

тическими бреднями", а заключали в себе здоровое ядро. Разделение наших сил по плану Пфуля принесло ту пользу, что явилось формальным основанием для отказа вступить в начале войны в решительный бой с Наполеоном; после соединения обеих армий под Смоленском крупное сражение было уже политической необходимостью; оно состоялось под Бородиным, когда маневренная способность Великой армии уже сильно уменьшилась и в численности Наполеон уже лишь немногим превосходил войска Кутузова, объединившего командование 1-й и 2-й армиями.

Кроме русских сил, выставленных севернее Полесья, мы располагали на Волыни 3-й армией Тормасова (40 тыс.), и такой же численности, приблизительно, достигала армия Чичагова, которая, однако, могла освободиться из Молдавии и подойти на Волынь лишь в сентябре, т.-е. через три месяца после переправы французов через Неман (23 июня) [1]).

Мы остановимся на двух вопросах кампании 1812 года: на русской работе по разложению Великой армии и на Березинской операции.

Борьба за массы [2]). Наполеон имел возможность в 1812 г. достигнуть значительного эффекта, бросив революционные призывы в массы русского крепостного крестьянства; возможности для взрыва новой Пугачевщины имелись. Война 1812 года так резко выделяется в русском сознании и получила наименование Отечественной именно вследствие страха господствующих классов перед позицией, которую могло занять крестьянство по отношению к Наполеону. Однако, последний с годами обнаруживал все более реакционные тенденции. Он имел в виду присоединить Литву и Белоруссию к Польше; крестьянское восстание значительно осложнило бы эту задачу и нашло бы, вероятно, серьезный отклик и в панском герцогстве Варшавском. Полагаясь на тройное превосходство в численности своей армии, на превосходство своего стратегического и тактического искусства над русским управлением, Наполеон отказался от использования политических лозунгов, без которых большие завоевания, однако, не делаются. Может быть, длительный опыт работы Наполеона с фран-

---

[1]) Нов. стиль.

[2]) Мы останавливаемся на этом вопросе потому, что в революционной и Наполеоновской эпопеях сознание масс получило огромное значение, и все народные массы Европы в начале XIX века находились в чрезвычайно активном состоянии. Реакция, начавшаяся в 1814 г., поспешила набросить покрывало забвения на движения среди французов, испанцев, тирольцев, германцев, русских и т. д., но приведенные факты свидетельствуют, что в свое время они учитывались и являлись важным слагаемым среди других факторов войны.

цузскими войсками, которые повсеместно в короткое время восстанавливали против себя население своими реквизициями, мародерством, недисциплинированностью, насилиями, и возможность использовать для агитации в русском населении лишь поляков, столь непопулярных в русском западных областях, знакомых только с польскими помещиками, и явились соображениями, удержавшими Наполеона хотя бы от попытки обещать свободу русским крестьянам.

Русские, со своей стороны, широко использовали политическое оружие как для борьбы в тылу Наполеона, так и в рядах его армии. Работа направлялась по трем линиям— немецкой, польской и южно-славянской. Мы остановимся только на агитации среди немцев.

Установленная Наполеоном континентальная система была очень выгодна для промышленной части Германии (левый и правый берег Рейна, Саксония), но разоряла торговые порты и земледельческие районы севера и востока Германии, где хлебные цены упали на 60—80% [1]). Здесь создались чрезвычайно выгодные условия для националистической агитации, направленной против гегемонии Наполеона. Созданный Наполеоном Рейнский союз из немецких областей, зарабатывавших на континентальной системе, действительно, смог держаться даже в 1813 г., вплоть до Лейпцигской катастрофы, но в прочей Германии разразилась направленная против французов национальная буря.

Подготовка войны 1812 года началась уже в 1810 г. Прусский министр полиции Грунер был завербован русскими для организации антифранцузской агитации в Германии. Даву, командовавший французскими войсками в Германии, начал доносить о подпольном распространении таких сочинений, как труд близкого к русской полиции Коцебу о Наполеоне, под заглавием: „Замечания об освободителе от изобилия“, или „История кампаний в Португалии в 1810 и 1811 г.г.“; последний труд имел целью подорвать веру в непобедимость французов. Подлинный призыв к восстанию немцев заключался во II томе „Духа времени“ поэта Арндта, где Наполеон описывался, как сатана, антихрист, и где страстно пророчествовалась его гибель от руки восставших народов. На германских каналах, по которым к Висле сосредоточивались запасы для французской армии, был организован саботаж, под предлогом неисправности шлюзов, и поджог складов с французским военным имуществом. Как только какие-либо части Рейнского союза вступали на прусскую территорию, в них начиналось массовое дезертирство, так как части окружались агитаторами,

---

[1]) W. Langenbeck. Geschichte des deutschen Handels seit dem Ausgange des Mittelalters, 1918 г., стр. 73 и 74.

пособниками и укрывателями. Доклад Раппа от 11 ноября 1811 г. дает очень обширный материал по этой агитации; Рапп приходил к заключению, что так как семена этой агитации падают на благоприятную им почву, то, в случае неудачи, в 1812 г. все население от Рейна до Сибири вооружится и восстанет против французов.

Стареющий Наполеон сказался в непонимании этих донесений. Он полагал, что „такие рассуждения представляют уже действительное зло. Нет ничего общего между Испанией и немецкими провинциями... Чего можно опасаться от такого рассудительного, разумного, хладнокровного, терпимого народа, столь далекого от всяких эксцессов, что не было примера, чтобы в Германии во время войны зарезали человека. А если и будет какое-либо народное движение в Германии, то в результате оно сложится в нашу пользу и окажется направленным против мелких немецких князьков“ [1]).

Целый ряд видных немецких ученых и писателей, начиная с Шлейермахера, согласился работать в 1812 г. в тылу французской армии в русских интересах. Так как предпосылок для успеха вооруженного восстания не было, то цель для агитации временно была поставлена — распространение смуты и недовольства. Для соответственной информации на русские деньги издавалась подпольная газета, которая должна была разоблачать фальшь победных бюллетеней Наполеона.

Была организована направлявшаяся через Австрию связь с Россией. С Метернихом был заключен тайный уговор, по которому русские и австрийские войска обязывались возможно щадить друг друга.

Главные усилия были направлены на немецких солдат, находившихся на фронте. Несколько выдающихся прусских офицеров взялись быть русскими агентами в прусском корпусе Иорка. Майор фон-дер-Гольц, которому были даны большие полномочия, ручался, что удержит пруссаков от серьезных действий против русских; он соответственно обрабатывал прусское командование и организовывал дезертирство. Таурогенская измена пруссаков Наполеону подготовлялась заблаговременно.

В России был организован „Немецкий Комитет“ под фактическим руководством Штейна, политического вождя национального движения в Германии, согласившегося взять на себя руководство русской агитацией.

Имея кадр прекрасных немецких офицеров-патриотов, покинувших прусскую службу, когда Пруссия была принуждена к союзу с Наполеоном, Штейн решил создать

---

[1]) Correspondance de Napoléon I, т. 23. № 18300 от 2 декабря 1811 г.

германский легион, укомплектовав его дезертирами и пленными немецких контингентов Великой армии; легион должен был явиться революционным вызовом порабощенной французами Германии, а впоследствии — ядром вооруженного восстания в Германии.

Образчиком агитационной литературы, отпечатанной в Петербурге, в сенатской типографии, в октябре 1812 г., на средства неограниченного монарха, является написанный Арндтом по особому заказу „краткий катехизис для немецких солдат". Немецкие солдаты когда-то имели своего германского императора. Теперь они связались с самим сатаной и адом во образе Наполеона. Свободные люди стали рабами и с оружием следуют в отдаленные страны, чтобы сделать такими же рабами счастливые и свободные народы. Немецкий государь посылает немецкого солдата на войну: должен ли немецкий солдат воевать? Нет, отвечает Арндт; монархическая идея подчиняется идее национальной, отечественной; если государь натравливает своих солдат на неповинных, на имеющих право на своей стороне, если государь посягает на счастье и свободу своих подданных, если он хочет помогать врагам своего отечества, если он позволяет грабить, бесчестить, насиловать свое население, то слушаться такого государя значило бы нарушать божеский закон. Честь немецкого солдата требует, чтобы он сломал тот клинок, который ему немецкие деспоты приказывают обнажить за врагов родины — французов. Солдат должен помнить, что родина, отечество бессмертны и вечны, а монархи и всякое начальство уйдет в прошлое со своим мелким честолюбием, со всем постыдным, что они наделали. Договор верности, связывающий войска с государем, может быть нарушен не только вассалом, но и сеньером. Если государь становится союзником Наполеона, то тем самым он делается изменником. Солдат, принесший присягу государю, не имеет права слепо выполнять все, что он ему прикажет. Если приказ направлен против отечества, то честь солдата требует нарушения присяги. „Ты человек, и человеческая кожа остается на тебе и после того, как на тебя напялили мундир" [1]).

В значительной степени на успехе агитации среди немецких контингентов, прикрывавших операционную линию Наполеона в 1812 году, базировался план Березинской опе-

---

[1]) Основным трудом для изучения борьбы за немецкие массы в 1812—1813 г.г. является один из лучших исторических трудов: Max. Lehmann. Freiherr von Stein. Leipzig. II издание 1921 г., стр. 623. Штейн являлся в 1813 и 1814 г.г. организатором оккупации, по мере продвижения русских войск через Германию и Францию, и указанный труд содержит много ценнейших данных и относительно оккупационной политики, находящейся в теснейшей связи с работой пропаганды.

рации — окружения латинского ядра Великой армии, углубившегося в Москву [1]).

Березинская операция. Кутузов 7 сентября (нов. стиль), в вечер Бородинского сражения, послал императору Александру в Петербург донесение об отбитых атаках Наполеона, дышавшее оптимизмом. Оно было получено через 4 суток и понято Александром, как известие о победе. В Петербурге, повидимому флигель-адъютантом Чернышевым, был составлен на основании этих данных план захвата сообщений Наполеона; срок операции намечался в 40 дней; в это время русские войска, оставленные на Двине и в Полесье, уверенные в бездействии стоявших перед ними немецких заслонов, должны были преодолеть сопротивление немногих французских дивизий и занять, фронтом на восток, в тылу у Наполеона, сильные оборонительные линии Уллы и Березины и отрезать Наполеону пути как на Вильну, так и на Минск. Намечались гигантские Канны. В действительности операция растянулась на вдвое больший срок.

Этот план, с рескриптом Александра, Чернышев привез Кутузову уже после оставления Москвы, в момент нахождения русской армии на старой Калужской дороге. Кутузов его одобрил. В первой половине октября приказы уже дошли до исполнителей. Ухудшение состояния французской армии и в особенности начало французского отступления из Москвы дало моральный импульс для выполнения этого замысла.

Положение на театре военных действий было таково: Наполеон (100 тыс.) находился в Москве, имея корпус Жюно (вестфальский, разложившийся первым) в Можайске. Его сообщения прикрывались: корпус Макдональда — преимущественно пруссаки — на подступах к Риге, куда прибыл из Финляндии русский корпус Штейнгеля. На средней Двине, от Полоцка до Витебска, корпуса Удино и С. Сира (баварцы) стояли против сильного корпуса Витгенштейна, обеспечивавшего Петербургское направление. На юге, в Полесье, Шварценберг объединял действия над своим австрийским корпусом и саксонским корпусом Ренье. Всего в Полесье имелось 50 тыс. немцев против 60 тыс. Чичагова,

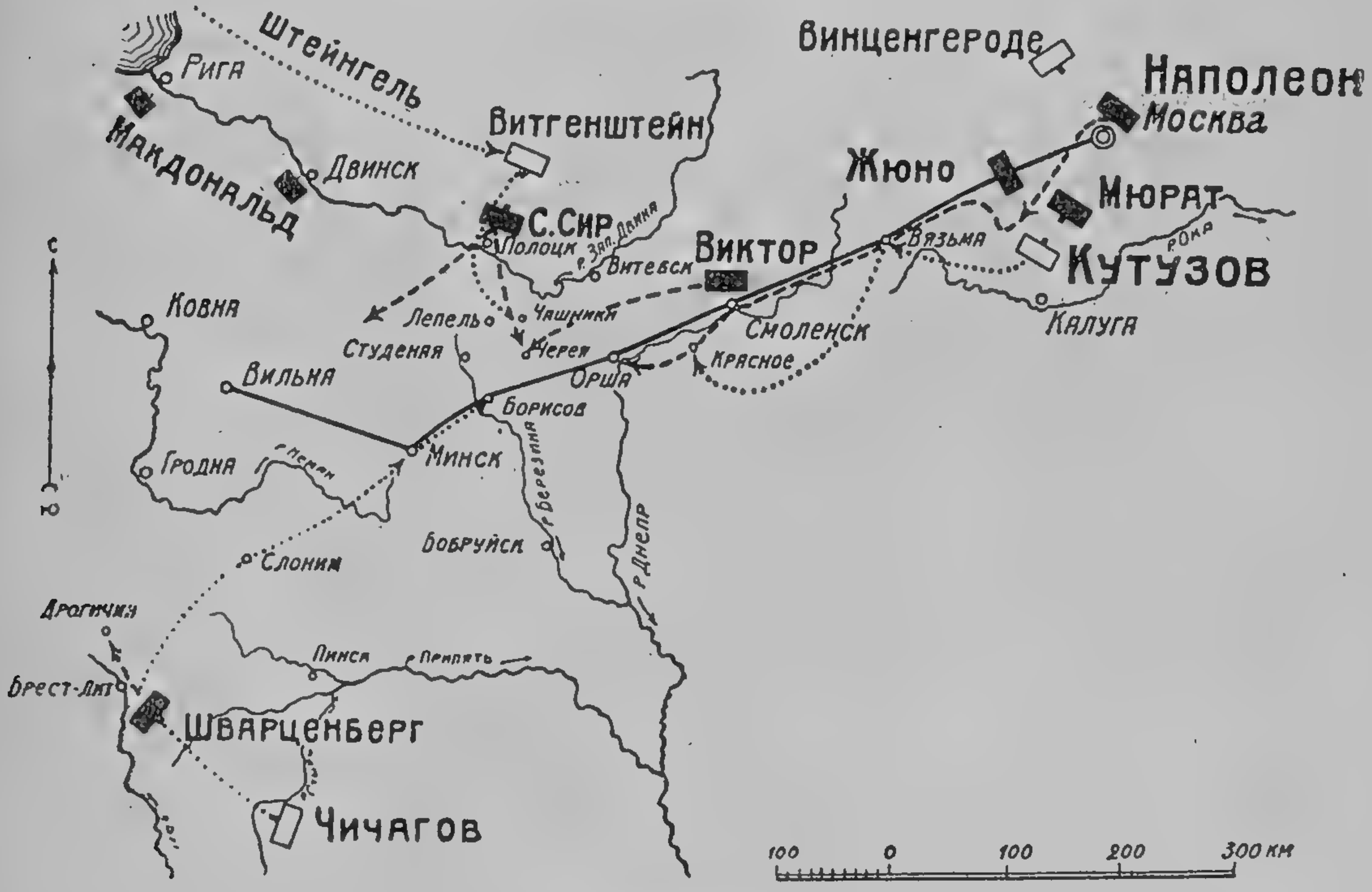
---

[1]) В 1813 году рамки агитационной работы в Германии расширились еще во много раз. Вся деятельность Наполеона была окутана изменой. Наполеон, во главе французских корпусов, еще добивался ряда успехов, но его маршалы, командовавшие группами, наполовину составленными из немецких контингентов, сразу оказались неспособными людьми; неудачи их, однако, объясняются или неустойчивостью, или прямой изменой немецких частей. Истинную действительность событий 1813 года трудно представить себе, не учитывая результатов борьбы за сознание солдатских масс, того „красного призрака“ восставших народов, которым так искусно воспользовалась русская политика.

подошедшего из Валахии и 21 сентября соединившегося с Тормасовым. В центре, у Смоленска стоял свежий корпус Виктора, а на Березине наблюдала Бобруйск польская дивизия Домбровского.

В соответствии с планом, одобренным Александром, Штейнгель, не оставив в Риге почти вовсе полевых войск, должен был подойти к Витгенштейну. Витгенштейну указывалось отбросить на запад французские корпуса и, выставив

Березинская операция 1812 г.



Чертеж № 36.

против них заслон, занять р. Уллу. Чичагов, отбросив также на запад Шварценберга, должен был занять верхнюю Березину. Руководил операцией Александр из Петербурга в таких условиях: 7 ноября Александр отдает Чичагову приказ, имея данные о расположении его армии к 22 октября, и 18 ноября этот приказ достигает Чичагова. Связь между Чичаговым и Витгенштейном достигалась такими героическими мерами, как пробег флигель-адъютанта Чернышева, с конвоем из одного казачьего полка, из Слонима через Новогрудок и Радошковичи в Чашники, через все расположение Наполеоновского тыла. Несмотря на такие трудности руководства в ту эпоху операцией по внешним линиям, когда проходило до 28 дней от момента события до получения реагирующего на него приказа, Березинская операция, намеченная сразу в магистральных чертах и основанная на верных предпосылках — разложении францу-

зов, тайной измене немцев, растянутости сообщений Наполеона,—получила плавное течение.

18 октября Витгенштейн атаковал Полоцк; немцы (баварский корпус) ушли в Виленском направлении, но французский корпус Удино неудалось отбросить от сообщений Наполеона. Удино отошел к р. Улле, и затем, усилившись корпусом Виктора из Смоленска, сосредоточился у м. Черея. К началу ноября Витгенштейн занимал р. Уллу от Лепеля до устья, а 7 ноября небольшим отрядом захватил и Витебск.

Чичагов, только маневрируя против австрийцев хитрившего Шварценберга и сталкиваясь иногда с саксонцами Ренье, занял 9 октября Брест-Литовск. Немцы Шварценберга открыли сообщения Великой армии, предпочтя защите их задачу прикрытия Польши, которой, впрочем, никто не угрожал. Потеряв много времени под Брестом, 27 октября Чичагов решился: он оставил против Шварценберга [1]) заслон Сакена и с 30 тысячами выступил к Березине на Пружаны, Слоним, Минск, Борисов, усиливаясь по пути отрядами из Пинска и Мозыря. 16 ноября был занят Минск, а 21 ноября, внезапным нападением, авангард выбил поляков Домбровского из Борисова и захватил мост через Березину. 22 ноября армия Чичагова заняла линию Березины, от Зембина до Уши.

Отступление Наполеона от Москвы началось 18 октября. Армия его разлагалась, что сказывалось в том, что массы солдат покидали строй, бросали оружие и, в образе не знающей ни порядка, ни дисциплины толпы, тянулись между корпусами армии. Русские вели параллельное преследование. Кутузов и под Вязьмой, и под Красным имел возможность перерезать дорогу Наполеону, причем он располагал громадным превосходством в силах — особенно в артиллерии и кавалерии; однако, обаяние Наполеона было столь значительно, что русские перед ним расступались, очищали дорогу, расстреливали проходящие французские колонны артиллерийским огнем, набрасывались на обозы и толпы безоружных и забирали их. Французы были вынуждены отступать по одной дороге, в стране, объятой крестьянским движением, облепленные нашей легкой конницей. В момент отступления из Москвы, Великая армия, не считая корпусов, оставленных в тылу, насчитывала еще 100 тыс. Через месяц, при подходе к Орше, она имела в строю около 25 тыс. с 40 орудиями и около 30 тыс. безоружных. Несколько дней отдыха могли бы позволить Наполеону установить в отступавших толпах,

---

[1]) Когда до Шварценберга дошла весть о начале Наполеоновского отступления, он перешел к чисто пассивным действиям.

перемешавшихся с обозами, какой-либо порядок; однако, положение на сообщениях было таково, что ни в Смоленске, ни в Орше задержаться было невозможно. Начало зимы было относительно теплое.

Кутузов за месяц, от сражения при Тарутине до сражения под Красным (18 октября—17 ноября), потерял, преимущественно больными и отсталыми, почти 50% главных сил и при подходе к Днепру начал отставать от Наполеона.

Последний, усилившись корпусами Удино и Виктора, имел при подходе к Березине до 35 тыс. С фронта ему загра-ждали путь 40 тыс. Чичагова, с севера над ним висел Витгенштейн с 35 тыс., в ближайшем тылу его находилось не менее 60 тыс. Кутузова.

23 ноября стремительным ударом корпуса Удино перешедшие Березину части армии Чичагова были отброшены за реку. Наполеон решил форсировать Березину на направлении севернее Борисова, чтобы затем отступать не на Минск, а на Зембин — Вильно. Березина, на которой был ледоход, вздулась, и броды начали закрываться. Чичагов группировал свои главные силы у Борисова и севернее; демонстрация Наполеона отвлекла их к югу от Борисова. Демонстрация эта выглядела тем более внушительно, что Наполеону удалось распространить в своей армии ложный слух о том, что переправа будет южнее Борисова, и свернуть от Борисова на юг массу следовавших с армией безоружных.

Пункт переправы через Березину был избран у д. Студенки, где 26 ноября удалось навести два моста. Над переправой нависла угроза с тыла: против Витгенштейна оставался слабый корпус Виктора, который, предполагая, что переправа будет южнее Борисова, отошел на Лошницу и Борисов. Витгенштейн занял Черею, затем село Бараны, но потом двинулся тоже к Борисову, разойдясь в лесных дефиле с французами, тянувшимися из Борисова на север, в Студенку. В Борисове была отрезана только дивизия Партуно, последняя из арьергардного корпуса Виктора.

26 и 27 ноября французы переходили через Березину без большой помехи. 28 ноября Чичагов и Витгенштейн атаковали французов с юга, по обоим берегам Березины. 16 тыс. Удино, Нея и гвардии преградили на западном берегу выход из лесов к месту переправы Чичагову, располагавшему двойными силами, но не имевшему возможности их развернуть. 7 тыс. Виктора удерживали на восточном берегу Витгенштейна, располагавшего в пять раз большими силами, но развернувшего только 16 тыс. Русские генералы боялись броситься в решительную атаку там, где находился сам Наполеон.

29 ноября сохранившие порядок силы Наполеона продолжали отступление через Зембин на Сморгонь. В жертву нам достались обозы и десятки тысяч безоружных. Однако, жестокие морозы, наступившие с началом декабря, и недостаток продовольствия разрушили остатки Наполеоновских войск. Из перешедших Березину частей, 7 декабря к Вильне подошло с оружием в руках только несколько сот человек. Свежие дивизии Луазóна и Вреде прикрывали их отход.

Несмотря на вялые действия всех трех русских групп, жестоко страдавших от зимнего похода, на крайние трудности согласования их действий и руководства свыше, несмотря на то, что железной энергии Наполеона удалось пробиться из русского кольца и спасти — если не армию, то командные кадры, Березинская операция представляет величайшее дерзание русской стратегической мысли. Полууспех явился в результате тактических ошибок, но не стратегических недостатков смелого замысла [1]). Удивительна быстрота, с которой разлагалась Великая армия. На Березине дрались с нами одни лишь кадры, офицеры и немногие ветераны. Силы, которые собрал Наполеон для сокрушения России, по своей недисциплинированности, недостаточной спаянности с Наполеоновским империализмом и недостаточной организованности, не соответствовали поставленной цели. Пройдя Смоленск, Наполеон уже прошел за кульминационную точку своих успехов и шел к закату. Березинская операция, задуманная в самый момент вступления французов в Москву, являлась прекрасным опровержением Наполеоновских замыслов, оторвавшихся от реальных возможностей.

Литература.

Выдержки из трудов **Жомини** и оценка Жомини в труде „Стратегия в трудах военных классиков“, т. II, стр. 98—157, а также в т. I, стр. 85—102, критический обзор Медема. Жомини дает лучшие оценки действий Наполеона, чем последний в своих трудах. Приводим список последних:

Commentaires de Napoléon. 6 томов, 1867 г. Это—роскошное, снабженное планами, прекрасно редактированное полное собрание сочинений Наполеона, изданное Второй Империей. V том содержит выдержки из мемуаров Ла-Каз и Монтолона, относящихся к заточению Наполеона на острове св. Елены, поскольку в них передается мысль императора. С точки зрения военного искусства любопытны оценки Наполеоном войн периода 1794—1805 г.г., и особенно том VI—походы Юлия Цезаря, Тюренна, Фридриха Великого и 17 примечаний к труду Ронья о военном искусстве. Как историк, Наполеон должен быть несомненно отнесен к XVIII столетию; мы наблюдаем

---

[1]) Удар на сообщения Наполеона являлся с самого начала кампании затаенной мыслью русской стратегии. Как римляне не смели еще атаковать Ганнибала в Италии, но при первой возможности перешли в наступление в Испании и затем Африке, так и русские, опасаясь еще столкновения с главными силами Наполеона, начинают уже рыть ему глубокую яму в тылу.

полное отсутствие исторической перспективы и понимания эволюции, критику прошлого с точки зрения методов сегодняшнего дня; особенно выступает тенденция Наполеона к доктринерству, заметная порой и в его переписке с маршалами.

Correspondance de Napoléon I. 32 тома. 1858—1870 г. Здесь в хронологическом порядке, за период 1793—1815 г.г., приведены все военные и политические документы, исходившие непосредственно от императора. Источник, совершенно необходимый каждому историку эпохи Наполеона, но требующий осторожного обращения, так как многие факты Наполеоном капитально извращаются. Наполеон заботился о памяти, которую он оставит, и потому заблаговременно, при жизни фальсифицировал некоторые документы. Так, например, корреспонденция содержит инструкцию Мюрату щадить религиозные и национальные чувства испанцев, чтобы не вызвать их на восстание—инструкцию, которую Наполеон никогда не отдавал и которая была написана задним числом, для потомства, чтобы свалить на Мюрата сделанные в Испании политические ошибки.

Для военного читателя, не занимающегося историческим трудом по какой-либо Наполеоновской кампании, это громоздкое издание может быть заменено 10-ти томным военным извлечением из него: Correspondance militaire de Napoléon (изд. 1876—1897 г.г. военного министерства). Необходимо также иметь в виду многочисленные находки последнего времени: один Шюке издал 4 больших тома новых документов: **Arthur Chuquet.** Ordres et Apostilles de Napoléon. 1911 г. 3 тома и того же автора Inédites Napoléoniennes. 1913 г., а также труд воен.-историч. отдел. **Picard et Louis Tuetey.** Correspondance inédite de Napoléon. 4 тома, 1913 г. Новые и очень существенные материалы продолжают появляться.

Наилучшая библиография (57 больших страниц мелкой печати) трудов по Наполеоновской эпохе содержится в 3-х томном труде **August Fournier.** Napoléon I. Wien und Leipzig. 1904—1906. Диалектический подход к оценке военного искусства Наполеона наиболее удался в труде графа **Jork v. Wartenburg.** Napoleon als Feldherr. т. I, 1885 г., стр. 348, т. II, 1886 г., стр. 424. Чрезвычайно ценным является труд **Freytag-Loringhoven.** Die Heerführung Napoleons in ihrer Bedeutung für unsere Zeit. Берлин. 1910 г., стр. 470. Здесь, после более тщательной критики источников, устанавливаются многие факты в новом, более точном освещении. Наполеон рассматривается автором, как основатель современного метода ведения войны.

Образец литературного творчества Наполеона—в т. I „Стратегии в трудах военных классиков", стр. 53—62.

Весьма ценна также работа **Giehrl.** Der Feldherr Napoleon als Organisator. Berlin. 1911 г., 181 стр. Интересны оценки различных кампаний Наполеона у Шлиффена („Канны"), у Боналя, Иенской, Регенсбургской—Виленской операций, у Камона, Фоша. Много любопытного и посейчас представляют для изучения Наполеоновской эпохи труды Жомини и Клаузевица. Почти беспредельна мемуарная литература.

Синтетическая таблица устройства армий в древние, средние и новые века.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ.
9	10 снизу—примеч.	достаточнй	достаточной
25	10 сверху	силы, духа	силы духа
27	15 „	слишком	с лишком
28	6 „	удар и	удар, и
33	6 снизу	на Западе,	на западе,
61	21 „	патрициев	патрициев,
62	10 „	если	если бы
98	23 сверху	у себя	себя
102	1 снизу—примеч.	наведение	наведения
110	14 сверху	отойтик	отойти к
120	2 „	несколько	несколько
122	2 снизу—примеч.	France Vie	France: Vie
132	1 сверху	Щвиц	Швиц
132	18 снизу	берегуозера	берегу озера
133	чертеж № 11	Эйнзидел	Эйнзидель
145	8 снизу	крепкие	крепостные
161	11 сверху	недостатком	недостаток
168	13 снизу	Дела Ну	Де ла Ну
172	17 „	скучились	соскучились
186	9 „	армии 2/3,	армии 1/3,
189	19 сверху	10-тише-	10-ти ше-
194	17 снизу	Англии.	Англии
196	19 сверху	—Сити,—	—Сити—
197	25 снизу	равнозначущ	равнозначащим
209	12 „	войнвождь	войн вождь
211	9 „	посевы	посевы;
217	2 сверху	техника;	техника—
221	7 снизу	достигал;	достигал
226	2 снизу	ландскнехты и	ландскнехты; и
228	8 сверху	с Ришелье	Ришелье
233	1 „	предпринима-	принима-
237	чертеж № 17	Оз. Гордо	Оз. Гарда
238	16 снизу	явилось	являлось
240	6 „	nucolli	cucolli
243	6 „	по нем;	по нему;
249	2 „	10-тиме-	10-ти ме-
250	14 „	капитаиами,	капитанами,
268	8 „	том	том—
269	7 сверху	Грецию, Солона,	Грецию Солона
271	16 снизу	их в других	ее в других
271	8 „	малой Азии,	Малой Азии,
274	1 сверху	нестройнымин епри-	нестройными непри-
277	4 снизу—примеч.	безпомесные	беспоместные
282	18 сверху	принадлежа лк	принадлежал к
283	12 снизу	К 1708 году	В 1708 году
287	4 сверху	5 километров,	5—километровое

294	20	сверху	апреля,	апреля
294	20	„	на р. Адде	на р. Адде,
295		чертеж № 22	Мелос	Мелас
295		чертеж № 22	Дивизия Виптора	Дивизия Виктора
297	15	снизу	19 Макдональд	19-го Макдональд
298	9	сверху	был ипотеряны	были потеряны
313	8	снизу	пригодных	пригодные,
313	9	„	призывалось	призывались
319	17	снизу—примеч.	Бонапарт	Бонапарт,
319	18	снизу—примеч.	в 1796 году,	в 1796 году
321	23	снизу	отдавалось,	отдавалось
327	12	„	du Nor et.	du Nord et
328	3	сверху	Revolution.	Révolution.
328	7	„	Revolution.	Révolution.
328	13	„	et 1 es bri-	et les fabri-
328	9	снизу	Бюлов а	Бюлова
346	8	сверху	брросіть	бросить
350	1	снизу	маю то	мают о
383	17	„	Napoléon I.	Napoléon I.
383	4	„	у Боналя,	у Боналя—
383	3	„	бургскоїї—	бургской и